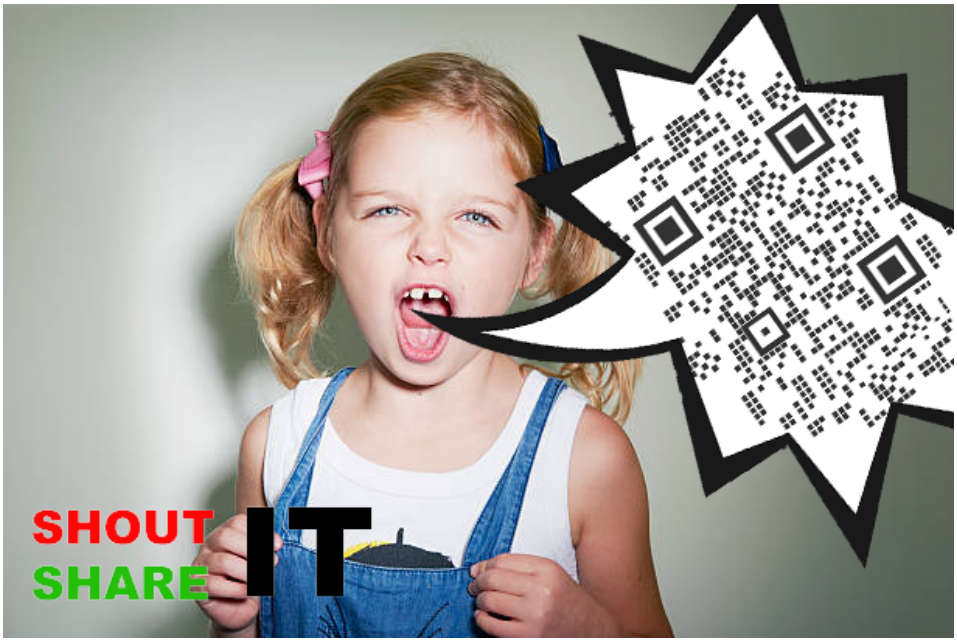
МОНРЕАЛЬ МОСКВА ЛОС-АНДЖЕЛЕС БАРСЕЛОНА
ЛИЛЛЕХАММЕР АТЛАНТА НАГАНО СИДНЕЙ СОЛТ-ЛЕЙК-СИТИ
АФИНЫ ТУРИН ПЕКИН ВАНКУВЕР ЛОНДОН СОЧИ
РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО ПХЕНЧХАН

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Очень личное

ДЛЯ ВСЕХ, КТО ХОЧЕТ УЗНАТЬ,
ЧТО ТАКОЕ НАСТОЯЩИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

ЕЛЕНА ВАЙЦЕХОВСКАЯ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга не о результатах. Она о людях. О том, как тренировались, побеждали и проигрывали великие спортсмены. Павел Буре, Евгений Плющенко, Юлия Липницкая и Аделина Сотникова, Евгения Медведева и Алина Загитова, Светлана Хоркина и Елена Исинбаева, Александр Попов и Александр Карелин – лишь малая часть героев книги. Уникальный опыт Елены Вайцеховской – олимпийской чемпионки и спортивного журналиста – позволил показать Олимпийские игры изнутри, передать эмоции и рассказать настоящие человеческие истории. Для всех, кто хочет узнать, что такое настоящие Олимпийские игры.

- Елена Вайцеховская
  -
  - Предисловие
  - 1976 год. Монреаль
    - Глава 1. В команде!
    - Глава 2. Общежитие олимпийского типа
    - Глава 3. Золото
    - Глава 4. Беглец
  - 1980 год. Москва
    - Глава 1. Прости, если сможешь…
    - Глава 2. Тартан и колбаса
    - Глава 3. Команда его молодости
  - 1984 год. Лос-Анджелес
    - Глава 1. Холодная война
    - Глава 2. Бойкот
    - Глава 3. Не политический вопрос
  - 1992 год. Барселона
    - Глава 1. Вспомнить все
    - Глава 2. Голодные и злые
    - Глава 3. Белый флаг
    - Глава 4. Дети «Круглого озера»
    - Глава 5. Осколки великой державы
  - 1994 год. Лиллехаммер
    - Глава 1. Вот моя деревня…
    - Глава 2. Люба, братцы! Люба!
    - Глава 3. Прости меня, Игорь…
    - Глава 4. Золото для Украины
    - Глава 5. Цена медали
  - 1996 год. Атланта

- Глава 1. Бардак вселенского масштаба
- Глава 2. Человек-загадка
- Глава 3. 2:0!!!
- Глава 4. Репортаж из полицейского участка
- Глава 5. Перекур с легендой
- Глава 6. Мгновения последней надежды

○ 1998 год. Нагано
- Глава 1. Олимпийский чемпионат НХЛ
- Глава 2. Да здравствует королева!
- Глава 3. Великое возвращение
- Глава 4. Тарасова

○ 2000 год. Сидней
- Глава 1. Таможня дает добро
- Глава 2. От триумфа до трагедии
- Глава 3. Великие проигравшие
- Глава 4. Вверх ногами
- Глава 5. Последние из могикан

○ 2002 год. Солт-Лейк-Сити
- Глава 1. «Пьяный» рейс и непьющий штат
- Глава 2. Дуэль
- Глава 3. Скандальное признание
- Глава 4. Снег, кровь и слезы

○ 2004 год. Афины
- Глава 1. Генеральная репетиция
- Глава 2. Театр одного актера
- Глава 3. Конец эпохи
- Глава 4. Хоркина forever!
- Глава 5. Взрыв

○ 2006 год. Турин
- Глава 1. Разведка без тормозов
- Глава 2. Туринская палавела
- Глава 3. Ах, Оля…
- Глава 4. Рос-си-я!!!

○ 2008 год. Пекин
- Глава 1. Коммунизм за олимпийской стеной
- Глава 2. Планета «Фелпс»
- Глава 3. Дочь своего отца
- Глава 4. Вспышка
- Глава 5. Игры и звезды

○ 2010 год. Ванкувер
- Глава 1. Смерть на шестнадцатом вираже
- Глава 2. Американская оплеуха
- Глава 3. Безумство храбрых
- Глава 4. Кто спал, тому повезло

- Глава 5. Страна перевернутого флага
- 2012 год. Лондон
  - Глава 1. Спецназ Эцио Гамбы
  - Глава 2. Другая вода
  - Глава 3. Люблю, целую, занят…
  - Глава 4. Погоня длиной в год
  - Глава 5. История одного поражения
- 2014 год. Сочи
  - Глава 1. Тринадцать – число российское
  - Глава 2. Game over
  - Глава 3. Девочка в красном пальто
  - Глава 4. Колечко с топазом
  - Глава 5. Тренер, которого мы потеряли
- 2016 год. Рио-де-Жанейро
  - Глава 1. Проигранная война
  - Глава 2. Иди сюда, нарядный!
  - Глава 3. Вино из одуванчиков
  - Глава 4. Кто такая Маргарита Мамун?
  - Глава 5. Расколотый мир
- 2018 год. Пхенчхан
  - Глава 1. Птенцы на дороге
  - Глава 2. Страна собачьего холода
  - Глава 3. Усталость металла
  - Глава 4. Бегущая по лезвию бритвы
  - Глава 5. Глава семьи
  - Глава 6. Самая короткая
- Эпилог
- Таблицы медальных зачетов
- Иллюстрации

Елена Вайцеховская
Олимпийские игры. Очень личное

© Елена Вайцеховская, текст, 2018
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Предисловие

За все время своего существования человечество не придумало ничего более интересного, нежели Олимпийские игры…

Эти слова я впервые услышала от своего отца, еще когда училась в школе. После не раз думала: «А почему, собственно?» В конце концов, в кругу моих знакомых, да и отцовских тоже, было немало людей, которые вообще не интересовались спортом. Более того, не скрывали, что считают это занятие достаточно бессмысленным. Но почему тогда и они тоже прикипали к телевизорам, когда там раз в четыре года, а потом – в два начинали транслировать олимпийские баталии?

В одном из своих ранних репортажей я как-то написала:

«Придумать фразу „Главное – не победа, а участие“ мог лишь тот, кому никогда в жизни не светило стать олимпийским чемпионом. Эти слова принято приписывать основателю олимпийского движения французу Пьеру де Кубертену, хотя на самом деле ее впервые произнес архиепископ Кентерберийский во время торжественной мессы, посвященной Олимпийским играм 1908 года в Лондоне. Знали бы покойные барон и архиепископ, насколько далек от истины станет этот девиз уже к концу XX века, – ей-богу, оба перевернулись бы в своих гробах».

Главный редактор тогда долго хохотал, а потом совершенно серьезно спросил: «Ты на самом деле так считаешь?» И, получив утвердительный ответ, предложил: «Может быть, напишешь об этом подробнее?»

Об этом я пишу уже более трех десятков лет. Олимпиады – далеко не весь большой спорт. Скорее, верхний его срез. С совершенно непередаваемым напряжением, невероятного накала поединками, человеческими драмами. Иногда бывает очень тяжело смотреть на это со стороны. И тем более – об этом писать. Но до сих пор, оказываясь на Играх, я вспоминаю именно ту отцовскую фразу. И каждый раз заново прихожу к выводу, что человечество за все время своего существования действительно не придумало ничего более интересного.

Кто-то, возможно, не согласится. Взгляд журналиста вообще не может быть истиной в последней инстанции. Потому что он – всего лишь отдельно взятый человеческий взгляд на те или иные события. Иногда излишне пристрастный, возможно, не всегда объективный. Словом, какой есть.

Собственно, я и не претендовала на объективность, начиная писать эту книгу. Не ставила перед собой цель максимально

полно изложить хронологию тех или иных Олимпиад. Эти воспоминания дороги тем, что за каждой отдельно взятой историей стоят очень близкие мне люди. Которым я безумно признательна за пережитые вместе мгновения успехов, неудач… За то, что их Олимпийские игры стали и моими тоже…

Елена Вайцеховская

1976 год. Монреаль

Глава 1. В команде!

Все началось с салата… Хотя нет. Наверное, все началось именно тогда, когда я окончательно поняла, что в олимпийскую сборную меня не возьмут ни при каком раскладе.

Это стало очевидным сразу после отборочного чемпионата страны, на котором я заняла пятое место. Вакансий в олимпийской команде было всего три, две из которых были закрыты сразу же – по итогам отбора. Официально нам объявили, что окончательное решение будет принято за месяц до Игр – после того, как пять или шесть кандидатов на оставшееся место выступят на контрольных соревнованиях. И я незамедлительно решила, что меня в этой команде тренеры не видят вообще.

Единственным моим плюсом на тот момент была самая сложная в мире произвольная программа, исполнять которую без ошибок получалось далеко не всегда.

Та программа и сложилась-то случайно. В начале 1974-го мой тренер Валентина Николаевна Дедова «натаскивала» меня на сложный, но отнюдь не уникальный прыжок – три с половиной оборота вперед. Накануне дня, когда мне предстояло впервые в жизни сделать его с десятиметровой вышки, мы с такими же, как я, охламонами из сборной ЦСКА всю ночь резались в карты на тренировочном сборе. Играли в «кинга», и за каждые десять потерянных очков проигравший выпивал стакан воды.

Игра затянулась до утра. Дежурный тренер по какой-то личной причине уехал в тот день ночевать домой, и контролировать «детей» оказалось просто некому. Вот так, после бессонной ночи, с двумя литрами булькающей в животе воды я потащилась в бассейн. И, пойдя на новый прыжок, раскрылась в воздухе «в потолок» – аккурат после трех оборотов.

Как потом рассказывали те, кто был в бассейне, на воду меня положило с таким звуком, словно кто-то резким движением сломал сухую толстую доску. Сама я, естественно, этого не помню. Запомнилось как бы проступающее из мутного тумана перепуганное лицо тренера («Ты как?»), собственные слова («Не волнуйтесь, все нормально, я сейчас обязательно еще раз прыгну, вот только чуть-чуть в воде посижу…»), какой-то странный соленый привкус во рту и наплывающая со всех сторон чернота, которую пробивает чей-то истошный вопль: «Врача-а-а-а…»

В «цирковых» видах спорта есть неписаный закон: если трюк не получился, его нужно обязательно повторить еще раз. Немедленно. Иначе страх перед элементом остается навсегда. Я же вернулась в бассейн только два месяца спустя. И в глубине

души точно знала, что на эти «три с полтиной» не пойду больше никогда.

Именно тогда Дедова предложила мне альтернативу в виде гораздо более сложного прыжка, который на тот момент исполнял один-единственный человек в мире. Вот только он был мужчиной…

Когда элемент удалось освоить и включить в программу, было даже любопытно наблюдать за реакцией окружающих. Коэффициент трудности в прыжках в воду – величина определяющая: на нее умножается средняя оценка, полученная за прыжок от судей. По тем временам максимальный коэффициент трудности отдельно взятых женских прыжков редко переваливал за 2,6. Поэтому цифры в моем стартовом протоколе (2,7–2,7–2,9–2,9) вызывали у окружающих шок. На первом взрослом чемпионате Европы к моей Валентине Николаевне даже подошла ее коллега – тренер из Чехословакии Мария Чермакова: «Валя, у твоей девочки ошибка в протоколе». Когда же Дедова объяснила, что никакой ошибки нет, Чермакова вытаращилась в недоумении: «Ты хочешь сказать, что она все это прыгает???»

За глаза чужие тренеры даже заключали пари, как скоро «эта сумасшедшая» убьется или загремит в психушку. У меня же просто не было иного выхода: другие спортсменки отличались более красивыми линиями в воздухе, большей растянутостью в суставах, изяществом телосложения, добиваться которого мне удавалось лишь жесточайшими голодовками, так что противопоставить всему этому можно было только сложность.

Но уповать на нее в 1976-м было бессмысленно. Никого не волновало, что перед отбором я пропустила три недели тренировок из-за воспаления легких (последствия того самого удара о воду) и не успела подготовиться. Поэтому я и начала заранее вбивать себе в голову, что ехать на Игры не хочу сама.

Закончилось это тем, что в один из дней Дедова позвонила моей маме – тренеру по плаванию в том же ЦСКА: «Маша, Ленка не хочет тренироваться. Я не знаю, что с ней делать…»

И, как ни крути, получается, что все началось с салата…

* * *

В тот день мы ждали гостей. На пятиметровой кухоньке нашей «хрущобы» все рабочие поверхности были заставлены какими-то мисками, в которых лежали нарезанные для «оливье» вареные овощи, что-то одновременно жарилось, запекалось в духовке, и я решила, что лучшего момента, чтобы поговорить с

мамой о своих планах, мне просто не представится.

Как бы невзначай, укладывая в раковину грязную посуду, я начала прощупывать почву:

– Знаешь, я не хочу продолжать тренироваться. Устала как собака. Может, лучше на море съездить? Бог с ним, с этим Монреалем…

Какое-то время мама молча продолжала раскладывать по тарелкам еду и наконец подозрительно тихо и спокойно сказала:

– Понимаю прекрасно. На море сейчас хорошо… Действительно, пусть в Монреаль другие едут. И тренеры пусть едут другие. Те, кто не возился с тобой столько лет, не тратил столько нервов. Ну, а что делать, если ты не хочешь на Олимпийские игры?

С этими словами она взяла в руки самую большую, свою любимую, доверху заполненную салатом фарфоровую миску и резким движением что есть силы швырнула ее об пол.

– Конечно же, ты устала, – не меняя ровного тона, продолжала мама, как бы между делом отгребая ногой в сторону осколки стекла и ошметки овощей. – Конечно же, тебе в голову не приходит, сколько на тебя потрачено государственных денег. Сколько раз тебя возили за границу – хотя бы для того, чтобы показать остальным, какая в команде есть замечательная девочка. Выдавали экипировку. Шли навстречу в школе, где у тебя было свободное посещение, освобождали от экзаменов. Ерунда, подумаешь… Ну, приедут в Монреаль без тебя, объяснят, что девочка… не захотела поехать на Олимпийские игры!

Вторая миска с салатом, на этот раз – хрустальная, разлетелась на куски прямо у моих ног. Я вжалась в стену, понимая, что следующая посудина неминуемо полетит мне в голову, и судорожно пробормотала: «Мама, не надо. Я все поняла…»

– Тогда неси тряпку и ставь варить картошку и яйца для салата. У нас еще сорок минут до прихода гостей, – буднично заключила мама.

Лишь год спустя я узнала, что на следующий день после той кухонной разборки маме снова позвонила Дедова: «Маша, что ты с ней сделала? Она землю роет…»

Контрольные соревнования я выиграла с отрывом от второго места в пятьдесят баллов…

* * *

В Монреаль Дедова не приехала. Как выяснилось позже, тем,

кто был включен в команду «третьими номерами», личных тренеров не полагалось в принципе. Потом вопрос вроде бы решился, поскольку у Дедовой должен был выступать на Играх еще один спортсмен – Слава Страхов, но когда Валентина Николаевна пошла относить документы в выездной отдел, то выяснилось, что все его сотрудники уже сами уехали в Канаду. И она осталась в Москве.

Когда я узнала об этом, со мной сделалась истерика. Плачущая, жалкая и бесконечно одинокая в своем горе, я поздним вечером поднялась на этаж к пловцам в Олимпийской деревне и продолжала скулить под отцовской дверью, не решаясь постучаться. Слишком привыкла, что все его время распланировано так, чтобы тратить его не на меня, а на пловцов, сборную которых он возглавлял.

Спустя какое-то время дверь распахнулась.

Выслушав мои причитания, отец, ничем не проявляя сочувствия, спокойно сказал:

– Вытри сопли. Теперь слушай. В Америке есть хорошая практика. Всех директоров крупных предприятий время от времени отправляют в длительные командировки или отпуск. И смотрят, насколько четко предприятие работает, оставшись без руководителя. Если начинаются проблемы, директора немедленно увольняют. Потому что грош цена тому начальнику, который не способен наладить работу так, чтобы она бесперебойно шла в его отсутствие. Поэтому твоя главная задача – доказать всем, что у тебя самый лучший тренер в мире. Ты все поняла?

Я поняла все. Все последующие дни в голове стучала лишь одна мысль: «Я должна доказать всем, что мой тренер – самый лучший в мире».

Парадоксально, но отец всего лишь раз в жизни видел, как я прыгаю в воду. В начале семидесятых он случайно заглянул на тренировку, которая закончилась крайне неудачно: на его глазах я довольно сильно ударилась о воду в одном из прыжков. Вид собственного ребенка, на котором, что называется, не было живого места, поскольку от удара вся передняя поверхность тела мгновенно превратилась в сплошной синяк, привел отца к разумному в общем-то желанию: никогда больше не видеть подобных кошмаров своими глазами.

В Монреале в день, а точнее, вечер моего финала он просто ушел в столовую. Набрал полный поднос еды, чтобы как-то отвлечься от мыслей, но не успел приступить к трапезе: дверь в общий зал распахнулась, и в проеме нарисовались два тренера из его команды.

– Михалыч, ты что, старый дурак, тут расселся? Твоя Ленка – олимпийская чемпионка!!!

По свидетельству очевидцев, отец вскочил на ноги, поднял поднос с едой над головой и что есть силы шарахнул его об пол с диким криком: «А-а-а…»

Внезапно он умолк, обвел тренеров сумасшедшим взглядом и в полной тишине замершего от неожиданного спектакля зала отчеканил:

– Если наврали, убью! Обоих! – и со всех ног помчался в бассейн.

Впрочем, я забегаю вперед…

Глава 2. Общежитие олимпийского типа

…Спустя много лет я напишу об Олимпийских играх: «Первые дни всегда сопровождаются всеобщим сумасшедшим возбуждением. Журналисты, обслуживающий персонал, прохожие на улицах, совершенно чужие друг другу люди знакомятся, обмениваются сувенирами, мнениями, визитными карточками. Эмоции хлещут через край: спокойный тон – редкость. Все гипертрофированно громко: разговор переходит в крик, смех – в гомерический, до истерики, хохот, шаг – в бег. Словно внутри у каждого до предела закручена тугая тонкая струна.

Опытные тренеры больше всего боятся именно этого: водоворот человеческих эмоций, где вслед за кульминацией всегда наступает апатия, не может не затронуть самих спортсменов. И крайне важно уметь ему противостоять. Потому что самая большая, за исключением травмы, беда, которая только может случиться на Играх с человеком, готовым на победу, на спортивном языке называется коротко: «Перегорел». Это может произойти за секунду до старта: вдруг чувствуешь, что вместо неудержимого желания выступать остается лишь одна гаденькая мысль: «Скорее бы все кончилось…»

В Монреале я, естественно, ничего этого не понимала. Повезло в том, что ни один человек в команде не относился ко мне всерьез. Единоличным лидером команды совершенно справедливо считалась Ира Калинина, которая к тому моменту была уже двукратной чемпионкой мира и ехала в Монреаль не просто участвовать, а выигрывать две золотые медали. На вышке и на трамплине.

В Олимпийской деревне мы все – и пловчихи и прыгуньи – жили в одной трехкомнатной квартире студенческого (в послеолимпийском проекте) общежития, где было лишь две двери: входная и та, что вела в умывальный блок. Написать, что жили дружно, было бы натяжкой. Не ссорились, но и почти не разговаривали между собой – у каждой хватало своих проблем, главная из которых сводилась к тому, чтобы банально выспаться. Пловцы начинали тренироваться в шесть утра, поэтому в восемь вечера уже расползались по кроватям. У нас же, поскольку соревноваться предстояло в очень позднее время, вторая тренировка заканчивалась в двенадцать ночи. Соответственно, и спали мы утром до полудня. И было чрезвычайно непросто, умываясь и принимая душ за фанерной стенкой в грохочущих под напором воды рукомойниках и поддонах из тонкой нержавейки, не будить тех, кто спит.

Еще одним тяжелым испытанием была столовая. Она работала круглосуточно и для спортсменов и тренеров, приехавших из неизбалованных изысками стран, являла собой апофеоз гастрономической мысли. Мясо, рыба, курица, приготовленные дюжиной различных способов, свежие и запеченные овощи, ягоды, орехи, обилие тортов, пирожных, муссов, салатов, копченостей, сыров…

Правда, от излишнего аппетита (и, как следствие, – веса) меня быстро вылечил отец. Случайно увидев, как я с вожделением накладываю на громадную тарелку третий слой снеди поверх двух, уже утрамбованных, он просто вывернул все блюдо целиком мне за шиворот. А когда я расплакалась от унижения, бросил традиционное: «Утри сопли. Ты за этим сюда приехала?»

Наверное, по-другому было просто нельзя. И мама, и отец посвятили спорту всю свою жизнь. Пробиться в сборную страны им не довелось, хотя ради Олимпийских игр оба, не задумываясь, пожертвовали бы чем угодно. И сам факт, что дочь имеет возможность выступить на Играх, но при этом не способна отказаться от каких-либо соблазнов, был для них абсурден.

Но понять это в восемнадцать лет я была не в состоянии. Поэтому, в очередной раз утерев слезы и вытряхнув из-под майки остатки торта, желе и мороженого, я просто решила, что сделаю все возможное, чтобы не попадаться родителю на глаза до самого конца Игр.

Это было несложно. Папа был полностью поглощен своей командой. Я же, предоставленная вне тренировок самой себе, немедленно вляпалась в новую авантюру.

* * *

Произошло это в загородном отеле, специально снятом руководством сборной для советской команды, чтобы каждый из спортсменов мог накануне старта отдохнуть и выспаться в человеческих условиях – комфортабельном одноместном номере. Помимо сауны, массажа и массы прочих восстановительных процедур, там было предусмотрено все для активного отдыха.

После ужина мне приспичило покататься на велосипеде. Владельцы отеля – молодая симпатичная пара канадских французов – долго пытались что-то объяснить на пальцах, затем подозвали четырехлетнюю дочь.

– Мама с папой говорят, что уже закрыли гараж. Но ты можешь поехать с нами на машине вокруг озера. Оно очень красивое. А потом мы привезем тебя обратно…

В отличие от своих родителей, девчушка бойко щебетала по-английски и всю дорогу развлекала меня, как могла.

– Тебя как зовут? А меня – Кэрол. Тебе нравится? А сейчас за поворотом будет мое любимое кафе. Там такое вкусное мороженое… Зелененькое, с орешками и изюмом. Ты обязательно должна его попробовать. А потом мы поедем к нам домой, и я подарю тебе свою любимую пластинку. Ма-ам, – Кэрол переключилась на французский язык, то и дело тыкая пальцем в мою сторону. Затем снова повернулась ко мне: – Мама сказала, что это хорошая идея…

Естественно, мы заехали и в кафе, и в гости, правда, там я уже всерьез задергалась по причине позднего времени, и супруги, отменив запланированное было совместное чаепитие, повезли меня обратно в отель.

На крыльце стояли врач, массажист и один из тренеров сборной по плаванию. Они внимательно наблюдали, как я вылезаю из машины, прощаюсь с французами. Затем расступились, пропуская меня внутрь здания, и кто-то мрачно произнес мне в спину: «Спокойной ночи…»

День спустя начались соревнования у мужчин-прыгунов. Я увлеченно комментировала происходящее вслух перед телевизором, который был установлен в штабе делегации специально для спортсменов и тренеров, и в процессе этого занятия ко мне подсел симпатичный незнакомый человек.

– Вы так интересно рассказываете о прыжках в воду, Лена! У меня вопрос, кстати, в связи с этим. Давайте выйдем на балкон, чтобы не отвлекать остальных.

За дверью собеседник преобразился. От радушия не осталось никакого следа.

– Вчера вы покинули расположение команды и отсутствовали полтора часа. Меня интересуют имена, адрес, по которому вы находились все это время, содержание разговора…

Мои попытки объяснить, что никакого разговора не было и в помине, а переводчиком ничего не значащих фраз был четырехлетний ребенок, разозлили собеседника уже по-настоящему.

– Вы, кажется, не понимаете серьезности ситуации. Или намеренно не желаете ее понимать. Ну ничего, мы еще с вами встретимся и продолжим этот разговор. После соревнований…

Потом отец мне рассказал, что поздней ночью, пока я находилась за городом, его разбудил телефонным звонком тот самый тренер, который стал свидетелем моего «загула».

– Михалыч, если бы я видел это один, то не сказал бы никому. Но есть свидетели. Все равно доложат «наверх». Да и я в

этой ситуации доложить обязан. Домой твою Ленку, естественно, никто отправлять не будет. Но после Игр она скорее всего станет «невыездной»…

Спустя три дня я стала чемпионкой. По поводу самовольной отлучки из команды больше не было задано ни одного вопроса.

Глава 3. Золото

Иногда я вспоминаю те Игры и думаю, что никогда не смогла бы их выиграть, если бы рядом был тренер. С Дедовой я могла позволить себе покапризничать, уговорить ее отложить наиболее сложные прыжки на другой раз. Здесь же у меня был детально расписанный по дням тренировочный план, нарушить который хотя бы в мелочах даже не приходило в голову. Плюс – совершенно осязаемая ответственность перед Валентиной Николаевной.

Каким образом я попала в финальную восьмерку, так и осталось непостижимой тайной. Вплоть до последнего прыжка шла на двенадцатом месте, но все-таки в итоге «ускреблась» на восьмое. А в финале все начиналось с нуля. И я ухитрилась завалить там самую первую попытку.

Это и спасло. Неудача напрочь выбила из головы всякие дурацкие мысли по поводу возможной медали. И все встало на места. Настолько, что после шести прыжков я оказалась на первом месте.

Остальные воспоминания остались очень рваными. Седьмая – предпоследняя – попытка тоже получилась удачной. Я продолжала опережать олимпийскую чемпионку Мюнхена Ульрику Кнапе на несколько баллов. В этот момент для тренеров, да и для меня тоже стала очевидной вся несуразность происходящего.

В прыжках в воду Кнапе была таким же символом, как великий итальянец Клаус Дибиаси. Она одинаково уверенно побеждала на трамплине и вышке, и опередить ее на соревнованиях считалось высшей доблестью для любой спортсменки мира. В Монреаль шведка ехала с одной-единственной целью: завершить свою спортивную карьеру золотой олимпийской медалью. Об этом знал весь прыжковый мир.

В том, что эта награда достанется ей, не сомневался никто. На Ульрику «работали» судьи, и это считалось нормальным: слишком много титулов было к тому времени у нее на счету. Никто, как тогда казалось, не должен был этой победе помешать, тем более что Ира Калинина – единственная, кто реально соперничал с Кнапе все предыдущие годы и выиграл у нее предыдущий чемпионат мира, – просто не выдержала ежедневных напоминаний о близком золоте. Перегорела…

На протяжении двух предыдущих лет по какой-то необъяснимой случайности складывалось так, что на всех

крупных соревнованиях мне по жеребьевке выпадало выходить на вышку сразу после Кнапе. В сравнении с ней я постоянно чувствовала себя гадким утенком, тем более что шведку уже тогда судили лояльнее, чем остальных. Но Дедова однажды сказала:

– Когда-нибудь такая жеребьевка может оказаться тебе на руку. Когда ты прыгаешь сразу после Ульрики, ваши прыжки легко сравнивать. И если ты станешь прыгать не хуже, судьям будет тяжелее тебя «утопить».

В Монреале мне снова выпало прыгать следом за шведкой…

Ошибиться в заключительном прыжке я просто не могла. Он был самым уверенным и самым надежным. Потому и стоял в конце программы. Но, вытянувшись на краю вышки спиной к воде, я вдруг почувствовала, как у меня задрожали ноги. Мелькнула мысль: «Нужно скорее оттолкнуться. Иначе – упаду».

И, войдя во вращение по четко отработанной траектории, еще не коснувшись воды, поняла: первая!

Вынырнув из воды, я вдруг с ужасом осознала, что не вижу ничего вокруг: и бассейн, и трибуны, казалось, окутывал туман, в котором вспыхивали яркие точки, все поплыло куда-то в сторону. Захотелось лечь прямо на бортик и закрыть глаза…

Потом была пресс-конференция в небольшом зале, где какой-то странного вида запыхавшийся мужик неотрывно смотрел на меня, периодически снимая и протирая запотевающие очки. А когда вопросы журналистов иссякли, вдруг срывающимся голосом произнес: «Леночка, дочка…»

* * *

Двадцать девять лет спустя в Монреале на чемпионате мира-2005 по водным видам спорта я сделала интервью с Кнапе. Закончив выступать, она стала работать тренером, а в 1996-м впервые привезла на Олимпийские игры в Атланту свою четырнадцатилетнюю дочь Анну.

При встрече мы каждый раз мило улыбались друг другу, но разговаривали исключительно о детях. Словно никогда и не сражались друг с другом насмерть. Мне казалось, что рана, которую я нанесла Ульрике в 1976-м, не заживет никогда. Лишь мужу Кнапе, в прошлом прыгуну в воду той же самой шведской сборной Матсу Линдбергу, я как-то призналась, что писать о его дочери мне было гораздо приятнее, чем соревноваться с его женой.

Матс тогда грустно улыбнулся: «Знаешь, Ульрика ведь до сих

пор очень часто вспоминает тебя».

В один из дней чемпионата я увидела Кнапе в бассейне. Она беседовала с молодой женщиной в форме шведской сборной и, заметив меня, тут же приветственно помахала рукой:

– Знакомься, Елена, – это Лотта, врач нашей команды. А это, – Ульрика сделала паузу, словно размышляя, как получше представить меня собеседнице, – та самая особа, которой я проиграла в 1976-м. Не бойся, я не собираюсь перегрызть ей горло. В конце концов, – при этих словах Кнапе искренне рассмеялась, – двадцать девять лет назад мы обе сильно испортили обедню всей Канаде. Здесь, похоже, помнят об этом до сих пор…

В этом Кнапе была права. По пути в бассейн я долго отбивалась от въедливого канадского репортера, который неподдельно радовался тому, что нашел-таки «ту самую русскую», и не скрывал желания отыскать с моей помощью в бассейне «ту самую шведку».

Устроившись на трибуне, журналист с восторгом принялся щелкать затвором наведенной на нас с Кнапе камеры, мне же оставалось лишь продолжить начатый Ульрикой разговор. Тем более что все эти годы мне очень хотелось когда-нибудь поговорить с ней о тех, монреальских, Играх.

– Знаешь, я до сих пор помню, насколько виноватой чувствовала себя тогда в Монреале…

– Почему? – искренне удивилась Кнапе.

– Потому что тобой нельзя было не восхищаться. Тем, как ты прыгала, как по-королевски выглядела на снаряде. Не поверишь, до какой степени я жаждала у тебя выиграть. А когда это случилось, вдруг поняла, что мне отчаянно жалко, что именно я стала причиной твоих слез.

– Господи, и ты до сих пор вспоминаешь об этом?

– Ну да. Помню, как ты пришла на пресс-конференцию и сказала, что не говоришь по-английски – чтобы не общаться с репортерами.

– Надо же… А я этого совсем не помню. Как и сам финал. За день до него травмировала шею – неудачно вошла в воду на тренировке. Наши врачи были в панике, предложили сняться с соревнований, но я знала, что не имею права согласиться. Мне казалось, что никогда не прощу себе этого. Ведь еще до Олимпийских игр решила, что эти соревнования станут в моей карьере последними. Чемпионат мира в 1975 году я, если помнишь, проиграла и весь следующий сезон жила мыслью о том, что ничего важнее выступления в Монреале в моей жизни просто быть не может. И тут эта травма… Не спала всю ночь – никак не

получалось пристроить голову на подушке. Прыгать было настолько больно, что, когда все закончилось, у меня вообще не осталось никаких чувств. Только облегчение от сознания, что все позади. И что никогда больше мне не придется лезть на вышку и снова прыгать вниз.

К тому же мы с Матсом встречались уже несколько лет, собирались создать семью, мечтали о детях. Если бы не это, я, возможно, переживала бы свой уход из спорта сильнее. А так все случилось само собой. Просто началась совершенно другая жизнь. Родился сын, потом – Анна.

По нынешним меркам я ведь занималась прыжками в воду не так долго – всего двенадцать лет. Да и начала поздно. До тринадцатилетнего возраста плавала. Даже выиграла однажды серебряную медаль на чемпионате Швеции – на дистанции 200 метров баттерфляем. Может быть, так и осталась бы в плавании, но, видимо, с самого начала выбрала неправильный стиль. Плавать баттерфляем безумно тяжело. По сравнению с этим прыгать в воду было сущим развлечением.

– Понимаю. Сама сбежала из плавания в прыжки – и тоже довольно поздно. Первый раз залезла на 10 метров в двенадцать лет, а в шестнадцать уже выступала на чемпионате Европы.

– Это я помню хорошо… Я тогда еще подумала, что ты, наверное, совсем сумасшедшая, если вытворяешь такое на вышке. Мне тогда тренер так и сказала: если от кого и придется ждать неприятностей в ближайшем будущем, так это от тебя. Видишь, она оказалась права…

* * *

На следующий день после моей победы мы вдвоем с отцом поехали в центр города – покупать подарок Валентине Николаевне. У меня в кармане лежали пятьсот долларов – совершенно непомерные по тем временам деньги. Премия, полученная утром от руководства олимпийской команды за золотую медаль.

Отца сопровождал кто-то из журналистов. Меня представители прессы оставили в покое, посчитав, видимо, за абсолютную дурочку: на все их вопросы я хихикала и без остановки пожирала мороженое, вынуждая папу покупать его на каждом углу.

Да и о чем было рассказывать? О том, как перед финалом меня разыскала возле Олимпийской деревни мама, которая приехала в Монреаль в туристической группе? Как тренер она

прекрасно понимала, что мне ни в коем случае нельзя позволить заснуть днем, чтобы не снизился тонус разбуженных первой тренировкой мышц, равно как нельзя и чересчур много думать о предстоящих соревнованиях. Мама тогда притащила к воротам деревни целую сумку каких-то купленных по дешевке на последние деньги маечек, цепочек, браслетиков, сережек, кукол… И я, обвешавшись этими цацками с ног до головы, с куклами в руках несколько часов прыгала в комнате перед зеркалом…

Или о том, как самозабвенно я хотела обыграть в финале Кнапе?

Наверное, можно было бы рассказать и о том, как уже в час ночи, стоя на узеньком, но высоком пьедестале, я отчаянно боялась оттуда сверзиться: награждение проводил какой-то крошечный, но очень напыщенный японец с эмблемой Международного олимпийского комитета на пиджаке, и чтобы он дотянулся с медалью до моей шеи, пришлось утыкаться головой в собственные коленки…

А потом заиграл гимн. И я поняла, что слезы от этих звуков текут по лицу сами. Просто текут – и все.

Строить из себя несмышленыша перед журналистом было гораздо проще. Но именно во время той прогулки, сидя задом наперед на спинке скамейки городского парка и болтая ногами в воздухе, я вдруг услышала слова отца:

– Она упрямая, своевольная… Но необыкновенно хороша, когда очень трудно и когда все вокруг складывается против нее. Это я говорю вам как тренер…

Большего комплимента мне не приходилось слышать от него за всю свою жизнь.

Когда журналист наконец оставил нас в покое и мы отыскали для Дедовой в ближайшей ювелирной лавке золотой медальон в виде канадского кленового листа с массивной цепочкой, я протянула оставшиеся деньги отцу:

– Купи себе кожаную куртку. Ты же давно об этом мечтаешь.

Он резко отвернулся и заплакал…

Глава 4. Беглец

За несколько дней до окончания Игр меня разыскал на олимпийской дискотеке капитан нашей команды Давид Амбарцумян. Бесцеремонно выдернул из толпы танцующих и потащил за собой. Я сопротивлялась:

– Давид, ну еще же рано… Ну мы же и так скоро уедем… Куда ты меня тащишь? Что случилось?

Он молчал.

– Да что происходит-то, черт возьми?

Никакой реакции не последовало. Спустя пять минут Амбарцумян втолкнул меня в комнату мужского блока Олимпийской деревни, которую занимали мальчишки из нашей команды. Лица у всех были такие, что в голову автоматически пришла лишь одна мысль: «Кто-то умер…»

Володя Алейник, отводя глаза в сторону, протянул мне большой картонный футляр из-под пластинки. На нем виднелись какие-то каракули.

– Почитай…

Я стала вчитываться в корявые слова. Там было что-то про дешевые джинсы и дефицитные пластинки, про то, что Канада – замечательная страна, и крупно, внизу текста: «Простите меня… Простите… Простите…»

Все еще ничего не понимая, я обвела взглядом парней.

– Серега сбежал. Совсем, – буднично произнес Амбарцумян. – Попросил политического убежища…

Через пару часов о событии наперебой трезвонили уже все канадские и американские радиостанции.

Историю подавали как красивую сказку. Мол, советский прыгун в воду Сергей Немцанов до такой степени воспылал любовью к дочери американского миллионера, что решил не возвращаться на родину и тайно исчез из расположения советской сборной.

На самом деле все было гораздо сложнее.

* * *

Сергей вырос в Алма-Ате без родителей. Воспитала его бабушка, и, кроме нее, у Немцанова не было ни одного близкого человека во всем мире. Сам он был невероятно добрым, честным и чрезвычайно ответственным парнем. Соответственно, и любили его все без исключения.

Так, как он тренировался, не умел работать ни один человек в нашей сборной. Да и в любой другой сборной тоже. Внешних данных у него было немного: маленький, белесый, совершенно не фигуристый мальчишка брал исключительно сложностью и стабильностью. Когда остальные спортсмены выполняли по сто прыжков за тренировочный день, Немцанов делал триста – четыреста. Приходил в бассейн даже в выходные: тянулся, качал мышцы, отрабатывал входы в воду…

В результате этой безумной пахоты Сергей начал выигрывать в рамках страны один турнир за другим, и почти всегда соревнования превращались в игру в одни ворота. С отрывом Немцанова от соперников в тридцать баллов, в сорок, в пятьдесят… Причем сам он не ошибался даже в мелочах. Вот и получилось, что в 1976-м его везли в Монреаль не просто фаворитом, но человеком, который обязан во что бы то ни стало взять олимпийское золото на десятиметровой вышке.

А он не попал в финал… Просто сгорел в ожидании своих первых в жизни крупных соревнований.

Сразу после утреннего выступления, когда Немцанов, скорчившись в пустой раздевалке как бездомная бродяжка, сотрясался в рыданиях, туда же ворвался один из руководителей олимпийской команды. Минут пятнадцать он безобразно орал, брызгал слюной и топал ногами. Потом процедил: «Ну, подожди, дай только в Москву вернуться… Мало тебе не покажется, сволочь!»

В тот же день руководство олимпийской команды приняло решение отправить Немцанова в Москву первым же бортом – при том, что вся команда прыгунов должна была прямо из Монреаля лететь на товарищескую матчевую встречу с американцами в США. Но к вечеру Сережки в деревне уже не было…

Девушка-миллионерша, которую наперебой поминали информационные агентства, тоже имела место. С ней Немцанов познакомился за год до Игр – во время традиционной серии турниров Can-Am-Mex в американском Форт-Лодердейле. Для него та заграничная поездка стала первой. Несмотря на то, что по-английски Сергей знал лишь несколько фраз, к концу недельного пребывания в США в него были по-матерински влюблены все женщины бассейна – от обслуживающего персонала до жен высокопоставленных чиновников Международной федерации и бесчисленных мамаш и бабушек американских спортсменов.

Как выяснилось позже, о существовании американки знали не только мы. В Монреале Немцанова «пасли». Об этом двадцать лет спустя мне рассказал бывший член Политбюро Александр

Яковлев, который с 1973-го по 1985-й был советским послом в Канаде. По словам Яковлева, к Немцанову был приставлен персональный наблюдатель из олимпийской команды. Который его и прозевал.

Для КГБ это было грандиозным ЧП: ведь только в самом Монреале находились аж два генерала, не говоря уже о более мелких чинах. В каждой команде имелся специально прикрепленный к ней человек. Хватало и осведомителей.

Как рассказывал Яковлев, на каждого советского спортсмена в КГБ существовало досье с обширной информацией: пьет он или нет, как пьет, женат ли, как живет с женой, есть ли любовница. Поскольку присутствие такого количества сотрудников на Играх нужно было как-то оправдывать, да и вообще поездки, позволяющие прикупить барахлишка и лишний раз без присмотра выпить, ценились в КГБ на вес золота, каждый день возникала какая-то очередная «тема», вокруг которой сразу нагнетались страсти.

Иногда доходило до смешного: в один из дней пловцы по дороге в бассейн угодили в гущу какого-то митинга, где их одарили довольно симпатичными шариковыми ручками с эмблемой какой-то националистической организации. Приставленный к пловцам кагэбэшник тогда долго донимал тренеров: «Ребята, ну отдайте хотя бы одну… Мне же к отчету хоть что-то приложить надо…»

Ажиотаж вокруг моей самовольной предсоревновательной поездки на озеро тоже не был случайным: когда перед самым началом Игр выяснилось, что в Монреале по недосмотру «органов» находится вся наша семья за исключением моего двенадцатилетнего брата, сразу несколько высокопоставленных сотрудников «конторы» получили выговоры. Об этом (и тоже много лет спустя) мне рассказал отставной полковник КГБ, имевший самое прямое отношение к тем Играм. По его словам, в Москве ни на секунду не сомневались, что выезд на Олимпиаду спланирован нашим семейством исключительно с целью остаться в Канаде навсегда. И были крайне удивлены тем, что этого не произошло.

Американские спецслужбы тоже были заинтересованы в разного рода политических инцидентах – по характеру своей деятельности они немногим отличались от наших. Не думаю, правда, что побег Немцанова был спланирован ими заранее. Скорее, просто удалось использовать крайне удачный момент: Сергей был морально раздавлен поражением и жутко напуган перспективой грядущей кары. К тому же ему было всего семнадцать лет…

* * *

Его использовали как разменную карту. Какое-то время канадцы заявляли, что не намерены выдавать беглеца: мол, Немцанов, конечно, несовершеннолетний, но, поскольку родителей у него нет, он вправе самостоятельно принимать решения относительно собственной жизни. Однако чуть позже советская сторона выставила ультиматум: либо канадцы выдают Немцанова, либо сборная СССР по хоккею не приезжает осенью на Кубок Канады.

Формулировка тут же изменилась: мол, Канада, конечно, страна демократическая, никому в политическом убежище не отказывала, но, поскольку Немцанов – несовершеннолетний, оставить его в стране не представляется ровным счетом никакой возможности…

Канадцам Сергей действительно был уже не нужен: скандал успели раскрутить на весь мир, но Игры закончились, и продолжать высасывать из этой истории новые подробности стало неинтересно. И две или три недели спустя Немцанова вернули домой. Советская сторона официально пообещала: никаких санкций к беглецу применено не будет. Мол, случилось – и случилось. Проехали…

А потом начался ад. Сергей по-прежнему много тренировался, ему по-прежнему не было равных на вышке, но даже там, где за прыжок можно было без колебаний ставить 10 баллов, он получал 6,5.

Официально Немцанову не возбранялось выезжать за границу на международные турниры, но всем было понятно, что при таком судействе «домашних» соревнований он никогда больше не попадет в сборную команду.

К тому же с ним не разговаривал ни один человек. Сторонились…

Несколько лет спустя все постепенно сгладилось. Но сам Сергей стал уже другим. Его нервы просто перестали держать напряжение крупных соревнований. И чем больше он рвался победить, тем хуже оказывался результат.

Последний раз мы виделись с ним в середине восьмидесятых. Я приехала в Алма-Ату комментировать соревнования по прыжкам в воду и, естественно, поинтересовалась у местных тренеров Сережкиной судьбой. Отвечали расплывчато: вроде, работает на какой-то бензоколонке разнорабочим. Пьет…

В заключительный день Немцанов появился в бассейне, но даже не стал подниматься на трибуну – почти сразу уехал.

Еще несколькими годами позже я узнала, что его жизнь все-

таки наладилась. Сергей женился, развелся, потом женился снова, и как будто удачно. Причем его вторая супруга не имела ни малейшего представления о том, что он когда-то был незаурядным спортсменом и выступал на Олимпийских играх…

1980 год. Москва

Глава 1. Прости, если сможешь…

Прыжок, на котором, по большому счету, закончилась моя спортивная карьера, я, наверное, буду помнить всю оставшуюся жизнь. Это было в Днепропетровске в 1978 году на контрольных соревнованиях по прыжкам с десятиметровой вышки за три недели до чемпионата мира в Западном Берлине. Соревнования ничего не решали (все документы и заявки на команду уже были посланы в Западный Берлин), прыжок был последний, и на абсолютно удачном входе в воду, мысленно отметив, что в очередной раз выиграла, я не успела нормально соединить руки. Их разорвало водой, и в тот же миг я почувствовала резкую боль в левом плече.

Три следующие недели я не могла прыгнуть вниз головой даже с бортика, рука не поднималась ни вперед, ни в сторону. С наступлением ночи плечо начинало дергать, как больной зуб, и я бродила по коридорам гостиницы, чтобы не будить соседок по номеру. Утром же, в бассейне, чувствовала на себе раздраженные взгляды начальства: заменить меня в команде было просто некем. За два дня до соревнований, уже в Западном Берлине, в мой гостиничный номер зашел начальник управления плавания Алексей Мурысев. «Тебя никто не может заставить выступать, – сказал он. – Но ты же сама понимаешь ситуацию…»

«Ситуация» заключалась в том, что главным в те годы было не столько стать первыми, сколько выиграть у сборной ГДР. За проигрыш всего лишь матчевой встречи главный тренер вполне мог лишиться работы. Да и слова из песни «Раньше думай о Родине, а потом – о себе» были не просто словами. Надо отдать должное спортивным руководителям тех времен: идеологически настроить на борьбу они умели превосходно. Стоит ли удивляться, что я согласилась выступать? И, наверное, поступила бы так и сейчас.

Выходя из комнаты, Мурысев сказал: «Не волнуйся, тебе сделают новокаиновую блокаду. Больно не будет».

Утром следующего дня я узнала от врача, что новокаин стоит в списке запрещенных препаратов.

Как я прыгала, не помню. Даже не помню боли. В открытом бассейне было страшно холодно – градусов тринадцать тепла. Несколько раз дождь сменялся градом, и соревнования останавливали. Перед заключительным, восьмым, прыжком я была второй. В этом прыжке я не ошибалась никогда, поэтому, собственно, он и был в моей программе последним. Но когда я уже встала в стойку спиной к воде, поднялась на носки и подняла

руки вверх, начался жуткий ветер.

В таких случаях прыгуны обычно отходят в сторону, пережидая порыв. Мне кричали снизу, чтобы я отошла, но я не могла. Потому что настроила себя на восемь прыжков и понимала, что просто не смогу заставить себя поднять руки в девятый раз.

В итоговом протоколе мой результат остался шестым. На следующий день мой первый и единственный тренер – Валентина Николаевна Дедова, увидев у меня в руках новый купальник, безразлично спросила, зачем он мне. Не собираюсь же я продолжать прыгать? И так же буднично добавила, что если собираюсь, то делать мне это придется без ее помощи.

Спустя много лет я поняла, что Дедову терзали куда больше меня. Моя медаль была плановой, успеха требовали в первую очередь от тренера, и у Дедовой просто не выдержали нервы: неудача в Западном Берлине оказалась своего рода последней каплей. Наверное, надо было просто переждать, дать ей отдохнуть, прийти в себя. Но тогда, в бассейне, услышав тренерское: «Больше в тебя не верю», я поняла, что мой мир рухнул.

В Центральный институт травматологии и ортопедии – знаменитое столичное ЦИТО – я попала только месяца через три, твердо для себя решив, что буду продолжать прыгать. Потом не раз задавала себе вопрос: «Зачем?» Золотая олимпийская медаль у меня уже была, масса других тоже. Но тогда, честно говоря, я даже не представляла, что когда-то придется уйти из спорта. Потому что, кроме как прыгать в воду с десяти метров, я не умела ровным счетом ничего.

Диагноз был неприятным – деформирующий артроз. Как объяснили врачи, от того днепропетровского удара суставная сумка плеча разорвалась, жидкость вытекла, и кости стали тереться друг о друга. За три недели вынужденного отдыха в суставе отложились соли, и уже на чемпионате мира при каждом движении руки кости принимались стачивать друг друга, как два напильника. «Если бы ты попала к нам сразу после травмы, сейчас была бы в полном порядке, – сказала мне заведующая отделением Зоя Сергеевна Миронова. – А теперь… Травма-то уже застарелая. Подлечить мы тебя, естественно, подлечим, но, боюсь, прыгать будет все равно больно».

В ЦИТО я провела с небольшими перерывами больше трех месяцев. Самым жутким было ощущение своей собственной ненужности. Кто-то из тренеров сообщил: в Спорткомитете настаивают на том, чтобы передать мою спортивную стипендию другой спортсменке. Партийное руководство ЦСКА, за который я

выступала, обнаружило, что в течение проведенного в клинике времени я не платила комсомольские взносы, и потребовало исключить меня из комсомола. Дело кончилось строгим выговором, но тем не менее я на год лишилась возможности выступать в соревнованиях – стала невыездной. А в 1980-м на отборочном – к Олимпийским играм – чемпионате страны оказалась только пятой: с первого прыжка трясло так, как никогда в жизни. Я попросту разучилась соревноваться…

* * *

Шанс попасть в олимпийскую сборную у меня все-таки оставался – по крайней мере, в это верила я сама. За месяц до Игр в Москве должны были пройти контрольные соревнования – такие же, как в 1976-м, победив в которых я, собственно, тогда и попала в сборную. Но в первый же день московского сбора меня вызвал на разговор главный тренер сборной Герд Александрович Буров. Мы всегда очень его любили и знали, что точно так же он любил всех нас, всегда находил слова поддержки и никогда не оставлял наедине со своими проблемами. Здесь же вдруг отвел глаза:

– У меня есть для тебя место в гостинице, но я могу дать его тебе при одном условии. Ты не будешь приходить в бассейн и не будешь тренироваться.

Я оцепенела.

– Но почему?

Буров присел рядом со мной на диванчик и по-отечески приобнял за плечи:

– Ты же умная девочка? Пойми меня правильно: в Москве не будет американцев. Кого бы я ни поставил в команду, это фактически гарантированное первое место. Ты наверняка уйдешь после Игр – тебе двадцать два. А девочки будут продолжать прыгать. И важно использовать эту возможность, чтобы у них появились титулы, появилось «имя». Если ты будешь продолжать тренироваться, они станут нервничать и не смогут нормально подготовиться. Ну так что, договорились?..

Чемпионкой на десятиметровой вышке стала немка – Мартина Яшке. Представлявшие СССР Сильвия Эмирзян и Лиана Цотадзе проиграли ей более двадцати баллов.

Меня все это уже не особенно интересовало. С тем, что я оказалась не слишком хороша, чтобы быть в команде, я давно смирилась и запретила себе об этом думать, на соревнования приходила с такой же, как у всех, аккредитацией участника Игр, поскольку была задействована в церемонии открытия –

принимала олимпийский флаг у монреальской стороны и передавала его московской. Гонять на машине по пустым улицам Москвы было сплошным удовольствием: город был пуст, а гаишникам и постовым милиционерам, несмотря на то что они стояли вдоль дорог чуть ли не круглосуточно, было настоятельно не рекомендовано останавливать кого-либо без слишком серьезной на то причины.

В последний день турнира в пустом подтрибунном коридоре «Олимпийского» я неожиданно столкнулась с Буровым. Он был выпивши – алкогольных напитков на прыжковом турнире имелось в избытке как в секретариате, так и в судейских комнатах. Поздоровавшись, я хотела пройти мимо, но тренер остановил, прижал к себе: «Прости меня за этот год. Если сможешь…»

Через три года его не стало. И я иногда до сих пор жалею о том, что так и не успела ему сказать: «Простила, Герд Саныч. Давно…»

Глава 2. Тартан и колбаса

Те Игры запомнились еще и тем, что вместе в ними в жизнь страны вошли доселе невиданные вещи. Сначала появилась колбаса. Хотя, наверное, все-таки нет, колбаса и всяческая мясная сырокопченая нарезка появились в магазинах позже, вместе с импортными сигаретами по полтора рубля за пачку. Это было дорого: пачка отечественной «Явы» стоила то ли тридцать, то ли сорок копеек, и это было лучшее из того, что имелось в отечественном табачном ассортименте. А тут – все что угодно. Вплоть до экзотических темно-коричневых узких и длинных More – сигарет, которые за необычную внешность тут же получили в народе название «негритянские». Но все это – и колбаса, и сигареты, и множество иных не виданных прежде продуктов – появилось после того, как Москву максимально освободили от людей и машин.

Каким образом «нежелательную» публику в виде проституток, алкоголиков и тунеядцев отправляли из города на сто первый километр, я не знаю. А вот ситуацию с машинами мне объяснил инспектор ГАИ, которому в декабре 1979-го я сдавала экзамен по автовождению. Катались мы с ним по Москве достаточно долго, но мне это было в удовольствие: водить машину меня учил отцовский тренер по пятиборью Петр Васильевич Поляков и муштровал так, что никакой московский гаишник априори не годился ему в подметки.

– Не думала, что в ГАИ до такой степени гоняют на экзаменах, – в какой-то момент вслух произнесла я, адресуя фразу своему экзаменатору, и услышала:

– Так время-то на дворе какое? Олимпиада через полгода. Вот нам и велено «сыпать» всех подряд. Повторный экзамен – уже только после Игр. И права у всех подряд отбираем за любое нарушение, даже совсем мелкое.

Права я тогда получила и, гоняя в июле месяце по опустевшей Москве, понимала, что город «зачищен» капитально: в нем не было ни пробок, ни очередей.

В Олимпийской деревне и вовсе царил коммунизм. Шведский стол поражал обилием совершенно экзотических для советского человека продуктов. Для меня это была живая иллюстрация толстенной книги «Кулинария», выпущенной в 1956 году и подаренной моим родителям на свадьбу кем-то из состоятельных родственников со стороны отца: в качестве холодных и горячих блюд олимпийцам предлагались копченые угри и миноги, осетрина, крабы, запеченные поросята, икра… Первыми в

деревню заселились представители какой-то из африканских стран и за пару дней до такой степени замордовали персонал ночными гулянками, шумом и кучами всевозможного мусора в номерах, что российскую команду, когда та наконец заехала, женщины-волонтеры встречали как родных, приберегая для них в столовой все самое свежее и самое деликатесное.

В деревне, куда меня периодически заносило проведать отца и заодно перекусить, чтобы не возиться дома с готовкой, я старалась не задерживаться: в окружении людей, думающих только о предстоящем старте, очень остро ощущался барьер между теми, кому предстояло стартовать, и «лишними».

Когда сам борешься за медаль, весь олимпийский праздник проходит мимо. В этом плане московская Олимпиада стала для меня первой возможностью увидеть спорт со стороны.

* * *

Хорошо помню, как проиграл Василий Алексеев. В небольшом, даже по тогдашним олимпийским меркам, комплексе «Измайлово» мое место было на балконе прямо напротив помоста. В том году Алексеев изолировал себя ото всех: готовился вне команды, не приезжал на сборы, нигде не выступал, пообещав руководству Спорткомитета, что подойдет к Играм во всеоружии. Двукратному олимпийскому чемпиону верили – титул самого сильного человека планеты завораживал всех, кто так или иначе имел возможность пересекаться с легендарным штангистом.

Много лет спустя Алексеев расскажет, что на той Олимпиаде его просто отравили свои же тренеры, поэтому, мол, он и проиграл. Но тогда он вышел на помост после двух неудачных попыток, взялся за гриф, на мгновение поднял глаза, и камеры тут же взяли лицо крупным планом. В глазах штангиста была только усталость. Усталость и безразличие. Великий атлет проиграл свой шанс еще до того, как на табло зажглась третья «баранка» – и сам понимал это.

Вспоминая ту Олимпиаду, многие мои старшие коллеги, уже тогда работавшие в журналистике, бесконечно рассказывали в кулуарах истории о самых разнообразных приемах, помогавших советским спортсменам побеждать. Например, о том, как в Лужниках специально подготовленные волонтеры в нужный момент распахивали настежь противоположные ворота стадиона, чтобы сквозной поток воздуха подхватывал копье «своего» копьеметателя и уносил его за рекордную отметку.

Было ли это правдой? Не знаю. Знаю лишь то, что ради

золотых медалей домашней Олимпиады все сборные пахали предыдущие четыре года, как проклятые.

Один из крупных спортивных руководителей тех времен Валерий Сысоев, который помимо отечественных должностей более десяти лет возглавлял Международную федерацию велоспорта, рассказывал, когда мы как-то затронули с ним тему московских Игр:

– Не думаю, что стоит относиться всерьез к байкам о каких-то особенных ухищрениях, которые на той Олимпиаде помогали нашим спортсменам выигрывать. Дело было, скорее, в другом. Поскольку важность успешного выступления понимали на всех уровнях, мы делали все возможное, чтобы обеспечить своим спортсменам наилучшие условия для тренировок, размещения, старались абсолютно во всем предоставить им соответствующий сервис. Закупали максимально лучшее на тот момент оборудование – те же велосипеды, раз уж у нас в стране не производилось машин требуемого качества. Подтягивали сопутствующие службы – ту же медицину, чтобы обеспечить людям максимально эффективную реабилитацию. Мне говорили потом: «А вот помните, на треке стояла кислородная палатка, в которую спортсмены заходили перед стартом и дышали кислородом?» Может быть, и стояла. Сам я эту палатку не видел, но совершенно не исключаю этого. Тем более что никаким существовавшим на тот момент правилам такие вещи не противоречили.

Наши гребцы – байдарочники и каноисты – готовились к той Олимпиаде под Рязанью. Один из тренеров объяснил, что их «наука» – а тогда к каждой сборной были прикреплены целые бригады всевозможных специалистов – обнаружила, изучая базу, что в этом месте совершенно другая плотность воды и другое течение. У нас ведь в те времена еще не было специальных гидроканалов для гребли, поэтому приходилось искать определенные природные условия, позволяющие выполнить ту или иную работу. Гребцы приезжали туда на сбор, потом выходили на свободную воду и… Есть такой термин – «гребется» или «не гребется». Так вот после тех тренировок под Рязанью нашим спортсменам «греблось» очень здорово.

Легкоатлеты уже тогда пользовались для реабилитации барокамерами, которые потом стали использоваться во многих видах спорта. Занимался этой темой один из известнейших на тот момент физиологов Анатолий Коробков, возглавлявший в 1960-х годах научно-исследовательский институт физкультуры. Не знаю, был ли он сам легкоатлетом, но много работал с этим видом спорта, потом стал профессором, написал множество работ по

физиологии спорта. В определенной степени такие вещи тоже определяли уровень московской Олимпиады: в спортивной науке повсеместно работали люди, имеющие большой вес в ученом мире страны и признанные этим миром.

Наверное, этот факт тоже можно считать преимуществом, которое наша олимпийская команда имела перед всеми прочими…

* * *

Организаторам любых Олимпиад всегда было свойственно стремление сделать какие-то вещи «под себя» – под своих спортсменов. Примерно таким образом и проектировалась трасса групповой велосипедной гонки в Крылатском. Одним из самых активных участников того проекта был выдающийся в прошлом гонщик Виктор Капитонов, который в свое время дважды становился олимпийским чемпионом, а тогда возглавлял сборную СССР.

По своей структуре трасса была тяжелейшей. В одном ее месте был изгиб, который мог запросто сломать любую машину сопровождения. Понятное дело, что Капитонов планировал рельеф, исходя из потенциальных возможностей своих гонщиков и прежде всего – Сергея Сухорученкова, на которого в групповой гонке тренер собирался сделать главную ставку. Сухорученков был одним из сильнейших гонщиков в мире, поэтому важно было подобрать команду так, чтобы она, работая на лидера, могла на этой трассе выстроить свою тактику ведения борьбы. Командная гонка, к тому же, была главным событием первого дня. То есть, завоевывая медали, велосипедисты создавали настрой на соревнования всей советской команде.

Подготовку к Играм сопровождало множество анекдотичных историй. Для того чтобы положить в тренировочном легкоатлетическом комплексе столичного института физкультуры суперсовременное на тот момент тартановое покрытие, в Москву была выписана бригада шведских специалистов. Оттуда же был привезен сам тартан. В первый день работы у шведов украли все инструменты. Пока бригада неделю ждала доставки новых, по кускам был разворован весь тартан. Воровство приобретало феерические масштабы. Одного из бывших руководителей Центрального спортивного клуба армии спасли после тех Игр от суда лишь состояние здоровья и возраст. В списке украденного им за время подготовки к Играм фигурировали, помимо всего прочего, тринадцать с половиной километров финской ковровой

дорожки.

Много лет спустя я делала интервью с тогдашним легендарным председателем Спорткомитета Сергеем Павловым, и он сказал:

– Одних только подарков Оргкомитет Игр-1980 получил тогда на сумму, исчисляемую миллионами долларов. Там были уникальные видеосистемы, фото-, киноаппаратура, машины… После Игр Оргкомитет прекратил свое существование, а вместе с ним перестали существовать и подарки. Куда они ушли? Я не знаю. Несмотря на то что был первым заместителем председателя Оргкомитета. Это тайна за семью печатями…

* * *

Одну из самых скандальных побед тех Игр я видела своими глазами – пошла за компанию с друзьями в бассейн смотреть мужской финал на трехметровом трамплине. Все шло к тому, что чемпионом станет Александр Портнов, но в седьмом прыжке он раскрылся в «горизонт» и почти плашмя лег на воду.

Не сказать, что для прыгунов в воду такое было большой редкостью: прыжки второго и третьего класса по тем временам мало у кого получались, были стопроцентно стабильными, и Портнов, как правило, валил на соревнованиях один из этих прыжков. Как раз это я объясняла своим знакомым, сидя вместе с ними на трибуне: мол, то, что первые шесть прыжков наш спортсмен исполнил безукоризненно, не говорит ровным счетом ни о чем. Потому что нужно пройти еще и седьмой раунд, а статистика удачных попаданий говорит вовсе не в пользу лидера.

Когда Портнов вынырнул, он зло ударил рукой по воде, всем своим видом демонстрируя, что Игры для него закончены. Встал под душ, поднял с кафеля мокрое полотенце, собираясь уйти в раздевалку…

И вдруг я увидела, как к судейскому столу кинулся один из наших тренеров и начал что-то горячо втолковывать рефери. Минутой позже тренер обернулся в сторону бассейна и замахал руками Портнову. Пока трибуны силились понять, что происходит, судья-информатор объявил: в связи с внешними помехами, помешавшими спортсмену сосредоточиться, ему предоставляется вторая попытка…

Подобная ситуация впоследствии произойдет в истории прыжков в воду лишь однажды – на Олимпиаде-2012 в Лондоне, где повторить неудавшийся прыжок разрешат англичанину Томасу Дейли, благодаря чему тот завоюет бронзовую медаль. Но

в Москве это выглядело чудовищным попранием как правил, так и самой сути прыжков в воду, где всегда особенно ценилось умение прыгуна абстрагироваться от всего. Достаточно нелепым выглядело и последующее объяснение: мол, немецкая часть сидевшей на трибуне публики увидела сквозь стеклянную стену, разделявшую прыжковый и плавательный бассейны, как их спортсменка финиширует первой, слишком шумно отреагировала и тем самым помешала Портнову сконцентрироваться.

Сразу после финала протест на судейство подали сразу три страны: Мексика, лишившаяся золота, Италия, лишившаяся серебра, и ГДР, лишившаяся возможности подняться на пьедестал. Но это уже не возымело никаких последствий.

Мужской финал на трамплине плюс победа немки на десятиметровой вышке и стали, собственно, причиной того, что прыжки в воду на тех Играх мне не хотелось вспоминать в принципе. Сейчас же, когда я изредка возвращаюсь мыслями к домашней московской Олимпиаде, то всегда думаю о том, что, несмотря на блестящую организацию, несмотря на рекордные и более чем символичные восемьдесят золотых медалей, завоеванные советской командой, и драму собственного неучастия в олимпийском турнире, эти Игры навсегда останутся для меня Играми моего отца Сергея Вайцеховского. В Москве его пловцы завоевали восемь золотых наград – подобного успеха отечественное плавание не знало ни до, ни после.

Глава 3. Команда его молодости

Самое яркое – из детства, граничащего с юностью, – крошечная пятиметровая кухня на прежней и тоже крошечной родительской квартире. Там всегда был народ, и всегда спорили – о плавании. Квартира располагалась на самом краю города, в пятнадцати минутах езды от аэропорта Шереметьево, поэтому на полу постоянно кто-то ночевал. Тренеры, спортсмены. Именно на этой кухне начиналось создание легендарной команды. Команды Вайцеховского.

Тогда еще продолжали плавать Галина Прозуменщикова, олимпийская чемпионка Токио, серебряный и бронзовый призер Мехико и бронзовый Мюнхена, и вице-чемпион мюнхенских Игр Владимир Буре. Однако результат Олимпиады-72 был признан крайне неудовлетворительным, а главный тренер сборной Кирилл Инясевский снят с должности. Возглавить команду предложили моему отцу.

Я уже никогда не узнаю, почему он согласился. Кандидат наук с готовой к защите докторской диссертацией, только-только получивший кафедру в престижном центральном институте физкультуры, сам – бывший пятиборец, никогда в жизни не стоявший на бортике бассейна с секундомером. Уход с кафедры сорокадвухлетнего зава через пару месяцев после назначения коллеги-преподаватели сочли просто неприличным. А над первыми шагами отца в команде смеялись в открытую.

Вместо того чтобы созвать имевшихся в наличии спортсменов и тренеров на очередной сбор где-нибудь в Цахкадзоре или Адлере, отец набрал никому не известных молодых тренеров и вместе с ними уехал на месяц в Австралию. Учиться. Потом была поездка – тоже на месяц – в США. Потом отец принял крайне непопулярное решение, фактически отстранив от сборной всех ветеранов. И с фантастическим треском – с разрывом почти в сто очков – проиграл вместе с новой командой главный старт года, матчевую встречу СССР – ГДР.

С тех пор сохранилась фотография: команда у подножия памятника воину-освободителю в берлинском Трептов-парке, а на обороте – две строчки: «Мы проиграли, но мы победим!»

* * *

Много лет спустя, когда отца убрали из сборной и он почти собрался уехать работать тренером в Австрию, я спросила, откуда

тогда, в 1973-м, у него была столь несокрушимая уверенность в победе.

– Понимаешь, – ответил он, – в последний день той матчевой встречи, когда мы проиграли все, что было можно, я уходил из бассейна и вдруг услышал плач на трибуне. Плакала Люба Русанова, которой врач из-за высокой температуры запретил выходить на старт. Я стал ее успокаивать, говоря, что в этой ситуации она ничем не может помочь команде. И услышал: «Я все понимаю. Но стыдно-то как!» У меня внутри все перевернулось. Я кричал, топал ногами, и там же, на трибуне, дал себе слово: пока не выиграю у сборной ГДР, не успокоюсь.

…Говорят, вернувшись из Берлина, отец, вызванный для объяснений в кабинет тогдашнего председателя спорткомитета Сергея Павлова, мрачно сказал: «Через пять лет я буду катать немцев ногами по полу и смеяться при этом идиотским смехом».

Почему Павлов ему поверил? На этот вопрос ответа не будет уже никогда. Но он поверил. Карт-бланш, полученный отцом от высшего спортивного руководства, дал возможность обеспечить тренерам все условия для работы. В Цахкадзоре, ставшем на несколько лет для пловцов вторым домом, и на подмосковном «Озере Круглом», помимо всех необходимых для тренировок условий, были преподаватели английского языка и инструкторы автовождения, кружки вязания, фотодела и игры на гитаре, свои массажисты и врачи, включая психолога, стоматолога и гинеколога. Частенько приезжали артисты. Савелий Крамаров, Владимир Высоцкий, Татьяна и Сергей Никитины. «Ребята должны ехать на сбор с удовольствием. Значит, я должен создать для этого все условия», – говорил отец.

Один из визитов в Цахкадзор немецкой телевизионной группы чуть было не обернулся международным скандалом. Войдя в тренажерный зал, оператор остолбенел и… застрекотал камерой: через весь пол тянулась надпись масляной краской: «Твой главный враг – немец. Победи его!»

Через час информация была в немецком посольстве в Москве, через два – в Берлине, после чего последовал звонок в ЦК и уже оттуда – в Спорткомитет СССР. На следующее утро в Цахкадзор прилетел разбираться Павлов. Молча походил по залу, посмотрел на лужи пота под работающими на тренажерах девчонками, попытался даже лечь на освободившийся снаряд и потянуть на себя установленный вес, но не смог оторвать блок от пола. И, дождавшись, когда спортсмены уйдут в бассейн, подозвал отца: «Я абсолютно точно знал, как буду разговаривать с вами, пока летел в самолете. А сейчас не знаю, что сказать… Может быть, так и надо?»

В том же Цахкадзоре в одном из ставших традиционными КВН капитана сборной Андрея Крылова спросили: «Можете ли вы проиграть?» – «Можем, – последовал моментальный ответ. – Потому что мы можем все!»

* * *

Незадолго до московских Игр Сергей Фесенко, которому только предстояло стать олимпийским чемпионом, сказал мне об отце: «Он фантастически здорово умеет увлечь идеей и заставить поверить в ее реальность».

К 1976-му в сборной сформировалась постоянная группа специалистов. Игорь Кошкин, Генрих Яроцкий, Борис Зенов, Лидия Креер. Потом добавились Олег Цветов, Вера Смелова, Марина Амирова. Мне они казались слегка чокнутыми, как, впрочем, и отец. Если телефон начинал трезвонить в два часа ночи, это, скорее всего, был Зенов, желавший сообщить, что его бригада брассисток вместо высокогорного сбора во Франции (вылет – послезавтра, визы получены, билеты на руках) предпочла бы болгарский Бельмекен и желательно в те же сроки. Кошкин обычно звонил под утро, часиков в пять, изложить неизменно срочную идею («Михалыч, я тут подумал…»).

Великой идеей победы были одержимы все без исключения.

– Самым большим своим достижением я до сих пор считаю то, что сумел собрать в команде и объединить одной идеей не удобных людей, как делали многие мои предшественники, а по-настоящему сильных и интересных личностей, – сказал как-то отец. – Мне самому был, например, очень неудобен Яроцкий, но я шел на компромисс. Потому что не верил, что олимпийского чемпиона может подготовить любой тренер. Таким тренером надо родиться.

Великая Татьяна Тарасова, которую я как-то спросила о ее отце Анатолии Тарасове, сказала мне: мол, никогда толком не общалась с выдающимся родителем на тему тренерского искусства – так уж вышло, что все его время было предназначено не для семьи – для команды. Последние месяцы подготовки к Олимпийским играм-1976 в Монреале у моего собственного отца были расписаны едва ли не по минутам. Но первые два дня Игр оказались для пловцов крайне неудачными.

Павлов в связи с этим ходил чернее тучи. Вызвав отца на очередную разборку, язвительно поинтересовался: «Ну и где ваши медали?» И услышал предельно спокойное: «Пока все, кто стартовал, проплыли с личными рекордами. Это значит, что мы

угадали с пиком формы. А завтра… Завтра я лично приглашаю вас в бассейн!»

Назавтра, 21 июля, в финальном заплыве на 200 метров брассом Марина Кошевая, Марина Юрченя и Любовь Русанова заняли весь пьедестал. Почти следом была мужская эстафета 4×200 метров вольным стилем, где советская четверка в составе Владимира Раскатова, Андрея Богданова, Сергея Коплякова и Андрея Крылова заняла второе место, проиграв лишь рекордсменам мира – американцам. Потом этот день официально войдет в историю отечественного плавания как День команды. А там, в Монреале, уже совсем в ночи, после всех награждений, объятий и слез, Павлов вприпрыжку бежал от бассейна к Олимпийской деревне, ежеминутно останавливаясь, оборачиваясь в сторону запыхавшейся свиты и потрясая в воздухе кулаками: «А ведь вы не верили! Один я верил, что этот ненормальный сделает свое дело!»

Из тех же олимпийских времен – еще одна история: у пловцов выдался день отдыха, и команду решено было вывезти в пригород Монреаля на гребную базу, чтобы хоть как-то ослабить нервное напряжение. Команда уже собралась в автобусе, когда отец увидел гуляющих по аллее Олимпийской деревни Александру Пахмутову и Николая Добронравова. Под каким-то предлогом уговорил их зайти внутрь, и как только звездная чета перешагнула порог, дал отмашку шоферу: «Закрывай! Погна-а-али!»

О той вылазке с пловцами Пахмутова с Добронравовым вспоминали потом еще много лет. Как пели по дороге все песни подряд, как устроили импровизированные соревнования на гребной базе, во время которых, к восторгу всей команды, отец перевернулся на байдарке, потерял очки и чуть не утонул на самом деле: слишком основательно зашнуровал перед стартом прикрепленные к днищу кроссовки.

Дружба с Алечкой и дядей Колей (так называли Пахмутову и Добронравова спортсмены) продолжалась и после. В 1980-м Александра Николаевна будет сидеть в «олимпийской» штаб-квартире сборной за кухонным столом, за неимением рояля отбивая пальцами ритм прямо на его крышке, и петь сложившуюся незадолго до тех Игр песню: «Тебе судьбу мою вершить, Тебе одной меня судить, Команда молодости нашей, Команда, без которой мне не жить…»

* * *

В 1978-м перед матчевой встречей СССР – ГДР в Ленинграде отец в очередной раз пришел к Павлову: «У меня к вам просьба. Мы хотим иметь собственное знамя – знамя сборной команды СССР по плаванию. Ребята должны чувствовать, что за ними – Родина. И что отступать некуда. А еще я хочу, чтобы это знамя вручили именно вы. Перед стартом».

– А если проиграете? – ошарашенно произнес министр.

– Тогда я стреляюсь! – последовал невозмутимый ответ.

Надо ли говорить, что согласие было получено?

За день до начала встречи в Питере отца вызвал в кабинет предельно расстроенный директор бассейна.

– Сергей Михайлович, звонили из немецкого консульства. Просят восемьсот билетов…

– Вы обалдели? – взорвался отец – В бассейне всего тысяча мест!

– Я все понимаю. Но из посольства уже позвонили и в обком. Мне же оттуда спустили приказ – обеспечить.

Словно в подтверждение, зазвонил телефон. Кто-то из секретарей обкома партии требовал Вайцеховского. Пару минут отец молча слушал невидимого собеседника. Потом неожиданно перебил: «Простите, вы сами – ленинградец? И родители тоже? Всю блокаду в городе пережили? Так вот я вас очень прошу и не сомневаюсь, что вы гораздо лучше меня сможете объяснить немецким товарищам, что, если они хотят диктовать нам свои условия, надо было город брать, а не блокаду устраивать!»

И, повесив трубку, подмигнул оцепеневшему директору: «Похоже, мы сошлись во мнениях».

Спустя пару дней сборная СССР впервые одержала победу над главным соперником. А чуть позже, на чемпионате мира в Западном Берлине, нанесла куда более ощутимый удар, завоевав четыре золотые награды против двух немецких.

Перед тем мировым первенством отец пошел на беспрецедентный шаг, устроив недельный разгрузочный сбор в Литве, где команде разрешили делать все, что взбредет в голову. Фесенко о том сборе рассказывал:

– Это ведь тоже был гениальный тренерский ход: после реально нечеловеческих нагрузок нам дали возможность полностью расслабиться и отвлечься от всего на свете. Представь себе: в лесу стоит огромный рубленый дом на двенадцать или тринадцать комнат, мальчики в одном крыле, девочки в другом – ага, как же…

Из тренеров – только главный. И врач. Лошадки пасутся, озеро под боком – делайте, что хотите. И мы просто оторвались – пошли вразнос. Но отдохнули так, как никогда. До сих пор,

бывает, вспоминаем, глядя на фотографии: «А помнишь, ты ту кобылу в три часа ночи оседлал, а потом в лесу с нее свалился, и мы тебя всей командой искали?..»

Второй такой сбор был у нас перед московскими Играми – на Днестре. Домики, рыбалка, вкусная еда – и ни капли спиртного. Мы с ребятами решили переплыть речку и в ближайшей деревне купить самогона. Купили двадцатилитровый бидон. Но его ж еще перетащить обратно надо? Плыли полночи – как Чапаев через Урал: мы с Сашкой Федоровским одной рукой бидон за ручки держим, другой гребем, Серега Копляков сзади нас толкает. Еле выплыли с этим бидоном из течения…

– Это правда, что перед той Олимпиадой мой отец не разрешал тебе жениться? – спросила я тогда пловца.

Он засмеялся:

– Так он никому не разрешал. Была договоренность: до Олимпийских игр – никаких свадеб. А я тогда за месяц до Игр улетел из Киева на один день домой в Кривой Рог, потому что как раз в это время решалось, дадут мне однокомнатную квартиру или двухкомнатную. Для второго варианта нужен был штамп в паспорте. Вот я и улетел втихаря от всех – только мой личный тренер Вера Смелова об этом знала. Расписали нас с моей Ирой в четверг. Это был так называемый «день разводов» – браки по четвергам не регистрировали. Но мы как-то уговорили.

Со свадебного стола я тогда успел схватить только тарелку с салатом оливье. И прямо с ней уехал в аэропорт. А на Олимпиаде, когда уже выиграл золотую медаль, пошел к Вайцеховскому – каяться. Он грозно спрашивает: «Как ты посмел, солдат, жениться без ведома генерала?» А позади меня уже мой батя с ящиком шампанского стоит. В общем, я был прощен…

* * *

Началом краха тщательно отрегулированной системы стал, как мне кажется, не олимпийский и доселе невиданный триумф в Москве, а тот самый чемпионат мира в Западном Берлине. Внешне все было замечательно: созданный отцом механизм продолжал приносить стабильный медальный улов. Но пробиться в команду стало для молодых специалистов задачей практически невыполнимой. Сборная превратилась в автономный организм, почти полностью оторванный от реальных условий. Уверовав в собственную незаменимость, тренеры-звезды стали невольно расслабляться. У них по-прежнему было все – сборы в любой точке земного шара, новейшие немецкие и американские

методики (отец прекрасно говорил по-английски и по-немецки), таланты на выбор.

В разбросанных по стране спортшколах росло недовольство. В Харькове, Днепропетровске, Ленинграде, Москве продолжали работать центры подготовки, вот только новичков там прежде всего стремились подогнать под уже имеющиеся и наработанные годами программы Сальникова, Крылова, Кошевой и Юрчени. Однако именно это привело к тому, что детские тренеры, до этого с удовольствием передававшие талантливых учеников мэтрам сборной, все чаще стали задумываться о том, что могли бы справиться с такой работой и сами. И результат исчез. Игры в Москве лишь усилили эйфорию, хотя медали завоевывали одни и те же люди, которых можно было пересчитать по пальцам. За четыре года – с 1978-го по 1982-й – в бригадах знаменитых тренеров не появилось ни одного заметного таланта. Просто тогда об этом никто не думал: выступление на Играх в Москве стало триумфальным.

Отставка произошла в 1982-м – сразу после чемпионата мира в Гуаякиле. Сам отец много лет спустя сказал: «Понимаешь, я пожертвовал всем для того, чтобы советское плавание стало лучшим в мире. И мне почти удалось добиться этого. Но уже в восьмидесятом увидел, что это никого не интересует. Моим руководителям было достаточно и того, что мы три года подряд выигрываем у сборной ГДР. Когда я брал команду в катастрофическом состоянии (а именно так оно было оценено на коллегии Спорткомитета в 1973-м), то мог спокойно работать. Разрабатывал идеи, принимал решения, и мне никто не мешал. Когда же начали выигрывать, появилась масса людей, которые лучше меня знали, как именно нужно тренировать сборную. В мою работу постоянно вмешивались со стороны, давали советы, обвиняли в самоуверенности и нескромности. В моем же понимании высшая нескромность – это когда дилетанты начинают учить профессионала»…

С чужих слов до меня тогда дошла история: когда на одном из заседаний Спорткомитета отца в очередной раз упрекнули в нескромности, язвительно поинтересовавшись, так ли уж он незаменим на своем месте, он совершенно спокойно встал и сказал: «Вот с завтрашнего дня и проверьте».

И в гробовой тишине вышел из зала, хлопнув дверью.

По словам Фесенко, у команды тогда был шок.

– Отчасти мы понимали, что не выполнили задачу – не завоевали в Гуаякиле столько же медалей, сколько на Олимпийских играх в Москве, – говорил он. – Хотя на том чемпионате мира прорезалось немало новых людей. И Славка

Семенов уже вовсю наступал Сальникову на пятки, и Марковский Лешка проплыл неплохо, и эстафета наша хорошо выступила, и мы с Сидором свое взяли… Помимо четырех золотых медалей, в Гуаякиле было выиграно семь серебряных и три бронзовые, но, видимо, то выступление было всего лишь поводом снять главного тренера.

Вайцеховский нас тогда собрал, это было в Питере перед матчевой встречей СССР – ГДР, в каком-то школьном классе… Мы рыдали. За партами сидела вся команда, и вся команда плакала навзрыд. А он… Он нас просто поблагодарил. За то, что все эти годы мы были рядом с ним, за то, что ему верили, выполняли все, что он предлагал…

Ты не представляешь, до какой степени все мы до сих пор благодарны Вайцеховскому, – говорил мне Сергей. – Ведь именно он нам открыл глаза на мир, занимался нашим воспитанием. Мы постоянно были чем-то заняты. Я ведь в сборной сначала закончил школу, потом институт, получил водительские права, диплом переводчика, научился фотографировать… Возможно, помнишь, как я приезжал к вам домой, когда уже закончил плавать? Совершенно не знал тогда, чем мне заняться, вот и приехал – за советом. Сергей Михайлович разложил мне все шаги, которые, с его точки зрения, следует сделать, чтобы защитить диссертацию. Порекомендовал лучшего в Киеве научного руководителя – профессора Платонова.

В 2011-м на ветеранском первенстве Европы в Ялте я собрал всех ребят из той нашей команды. Не сумела приехать только Лина Качюшите, да еще отказался Сальников. Не знаю, почему он не захотел: я сам звонил, брал на себя все финансовые обязательства, но Вовка все равно ответил отказом. Мы устроили вечер памяти на двадцать четвертом этаже гостиницы «Ялта» в громадном кинозале. Смотрели старые пленки – Сашка Сидоренко нашел видеозаписи всех наших олимпийских заплывов. Танцевали всю ночь так, что молодые пришли снимать нас на видеокамеру. То, что мы до сих пор вместе, тоже ведь говорит о многом. И все это заложил в нас твой отец. Помимо того, что вывел нас в чемпионы. Не подумай, я говорю сейчас все это совсем не для того, чтобы польстить. Из той нашей команды любой человек скажет тебе все то же самое…

* * *

По прошествии лет первым делом всегда вспоминается хорошее. Но мне всегда было интересно: как воспринимали отца

те люди, по которым его эпоха если и не проехалась паровым катком, то пнула достаточно ощутимо? Эту тему я как-то подняла в разговоре с двукратным чемпионом Европы и чемпионом московских Игр в эстафете Сергеем Русиным – его отец фактически вышвырнул из сборной, сказав: «Таких, как ты, у меня два финала».

– Ты не представляешь, как я его тогда ненавидел, – признался мне Русин. – А с возрастом понял, что Вайцеховский был прав. Та система подготовки, которую ввел Сергей Михайлович, была достаточно жесткая, тяжелая и с большими потерями на поле брани. Но она работала. И была, я бы сказал, очень «командной». Не только потому, что мы очень много времени проводили вместе на сборах, – просто твой отец умел создать вокруг себя настоящую команду единомышленников. Говорю это как человек, который сам успел поработать и тренером, и руководителем.

– А павшие на поле брани? Оно того стоило? – спросила я.

Сергей ответил:

– С моей точки зрения – да. Хотя я и сам в каком-то смысле стал жертвой. Не случайно до сих пор помню ту фразу – про два финала. Я заканчивал институт, уговаривал, чтобы меня оставили в команде хотя бы до лета. Не уговорил.

Я тогда много думал о личности главного тренера. Много позже понял, что опереться можно только на тех людей, кто не прогибается, а сопротивляется. Вот Вайцеховский таких и набрал, возглавив команду. А те, в свою очередь, набрали соответственных учеников. Не помню уже, какой был год, по-моему, 1981-й, когда у Игоря Михайловича Кошкина в группе плавало двенадцать человек, восемь из которых были медалистами Олимпийских игр, чемпионатов мира и Европы. Там были и Володя Шеметов, и Миша Горелик, и я, и Володя Сальников, и Витя Кузнецов, и Лариса Горчакова… Сам Кошкин был достаточно специфическим человеком. Он всегда был искренне убежден, что его решения – единственно правильные. Никогда ни с кем не конфликтовал, да и не умел, поскольку ему и в голову не приходило интересоваться чьей-то точкой зрения. А как можно конфликтовать с человеком, который стороннее мнение просто не воспринимает? Личностью Кошкин, безусловно, был сильной. Но не думаю, что в мире вообще существовал тренер, способный справиться с той нашей компанией. Поэтому, собственно, группа вскоре и развалилась.

Это же, думаю, начало происходить и со сборной командой. В ней после Игр в Москве и восьми золотых медалей оказались исключительно тренеры-звезды или те, кто считал себя такими. И

совладать с ними было сложно даже такому человеку, как Вайцеховский.

* * *

По-серьезному в клинч со своей командой отец вступил лишь однажды – на тех самых Играх в Москве. Тогда к нему заявилась целая делегация – просить, чтобы в финале королевской эстафеты 4 × 200 метров на одном из этапов плыл не Сальников, а Русин.

Что значила для отца та эстафета, не так просто передать словами. Подозреваю, что именно он внедрил в обиход в нашей стране иное название этой дисциплины – «Гордость нации». Так долгое время называли эстафету 4 × 200 в США, о чем, собственно, и рассказал отцу его американский коллега в ходе первой плавательной поездки в США в 1973-м. Считалось, что именно умение подготовить четверку пловцов-средневиков, способную выиграть у любой другой четверки в мире, в полной мере отражает мастерство тренеров.

Кроме красивого названия, отец привез из той поездки смешную громадную наклейку, рекламирующую плавательный лагерь известного американского тренера Джека Нельсона во Флориде. Наклеил ее на пузатый старенький холодильник, в связи с чем агрегат надолго получил прозвище «Джек».

Ради эстафеты 4 × 200 м Русина за год до Игр практически насильственно перевели в бригаду Генриха Яроцкого: его собственный тренер, Кошкин, был целиком и полностью сосредоточен на работе с Сальниковым, Яроцкий же отвечал за эстафету.

Пловцы во главе с капитаном, Андреем Крыловым, пришли просить за Сергея, потому что прекрасно понимали: он способен проплыть свой этап быстрее Сальникова. И гораздо в большей степени заслуживает права плыть не в утреннем, а в вечернем заплыве. Но дело было в том, что отец слишком хотел создать прецедент трех золотых медалей советского пловца на Олимпийских играх. Сальников к тому времени был чемпионом мира на дистанциях 400 и 1500 метров, то есть было ясно, что две свои личные дистанции он выиграет при любом раскладе. Особенно – если уже будет иметь золотую эстафетную медаль. А кроме того, отец просто очень любил этого пловца.

Поэтому, естественно, решение не обсуждалось.

* * *

Много лет спустя я – уже как журналист – разговаривала с Фесенко о московской Олимпиаде. Спросила, не становится ли ему обидно, когда медали, завоеванные в отсутствие американцев, называют неполноценными?

– Я слишком часто это слышу, чтобы обижаться, – ответил пловец. – Мы не поехали в 1984 году на Олимпиаду в Лос-Анджелес, и что? Кого-нибудь интересует, какие мы тогда делали объемы работы, чтобы выйти на те же результаты, что были у американцев? Что мы полностью выиграли у США предолимпийскую неделю в 1983-м – в очном соперничестве взяли те же восемь золотых медалей, что в Москве в 1980-м? В том же самом бассейне, где через год должна была проводиться Олимпиада и куда каждый день грузовиками завозили и прямо в воду выгружали лед, потому что было очень жарко, мы порвали всех. И Линка Качюшите, и я, и Роберт Жулпа… Правда, это было уже без Вайцеховского…

– Знаешь, – сказал Фесенко, когда мы уже заканчивали беседу, – я до сих пор корю себя за то, что не реализовал свою давнюю идею: собрать всех ребят из той нашей команды и совместными усилиями сделать памятник, где мы все стоим вместе. А Вайцеховский нас обнимает…

1984 год. Лос-Анджелес

Глава 1. Холодная война

8 мая 1984 года я ехала в московский бассейн «Чайка». Там – уже на открытой воде – готовились к Олимпийским играм прыгуны в воду сборной СССР, и мне предстояло сказать им, что в Лос-Анджелес они не поедут…

Я тогда внештатно работала на телевидении в спортивной редакции. Помогала разбирать новостные ленты информационных агентств, и как раз в тот день пришло сообщение, что Политбюро ЦК КПСС приняло решение не посылать сборную страны в США.

На самом деле решение было принято раньше. Но для всего мира СССР отказался от участия в лос-анджелесской Олимпиаде именно 8 мая. Именно тогда на заседании Национального олимпийского комитета СССР было оглашено соответствующее заявление. Западные средства массовой информации расценили это решение однозначно: как месть Советов за бойкот американцами московских Игр.

Зачем я понеслась в бассейн, не знаю. Наверное, потому что в той сборной было слишком много хорошо знакомых и дорогих мне людей. Со многими я выступала на соревнованиях и, наверное, лучше других понимала, каким ударом станет для них эта весть.

Так и получилось. Совсем юные девчонки Анжела Стасюлевич и Алла Лобанкина и совсем взрослые мужики Владимир Алейник и Давид Амбарцумян плакали на залитой солнцем трибуне, даже не пытаясь скрыть свое состояние.

Спустя пятнадцать лет мне в руки попали документы, по которым совершенно отчетливо прослеживались все события того лета.

* * *

В самом начале 1980-го, вскоре после того, как президент США Джимми Картер заявил, что Соединенные Штаты не пошлют делегацию в Москву в знак протеста против введения советских войск в Афганистан, в лозаннской штаб-квартире МОК состоялось экстренное совещание, в котором участвовали президенты Международных федераций и руководители оргкомитетов зимних и летних Игр. Вопрос стоял один: что делать? Мнения разделились: одни предлагали ввиду возникшей ситуации московскую Олимпиаду отменить, другие были за то, чтобы

перенести Игры на более поздние сроки, третьи, хоть и выступали против советской агрессии, категорически не одобряли действия американцев. Одним из членов делегации Москвы был Марат Грамов, тогда – заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. Очевидцы, присутствовавшие на заключительном фуршете, вспоминают, как Грамов, расположившись с тарелкой прямо на крышке стоявшего в углу зала черного рояля, мрачно сказал: «Ну, подождите. Пройдет московская Олимпиада, мы вам всем еще покажем!»…

За давностью лет историю эту вполне можно подвергнуть сомнению. Тем более что после московских Игр, престиж которых был значительно подорван отсутствием звездно-полосатой супердержавы, а вместе с ней и многих других стран, в подготовку советских сборных команд к Лос-Анджелесу вкладывались сумасшедшие средства. Эта подготовка находилась под постоянным контролем ЦК. На спорт высших достижений работали специальные лаборатории в восемнадцати государственных научно-исследовательских институтах, в числе которых были институт питания, медико-биологических проблем и даже институт радиоиммунных методов. Задача была поставлена предельно четко: разорвать американцев в клочья на их собственной территории. И все шло именно к тому.

Ежегодное сопоставление сил в олимпийских видах спорта говорило о том, что СССР намного опережает своих постоянных соперников – сборные США и ГДР. Последняя сводка, подготовленная для кремлевских инстанций весной 1984 года, не была исключением: советские спортсмены реально претендовали на 64 золотые медали Лос-Анджелеса, в то время как американцы только на 35. Но идея отказа от Игр тем не менее носилась в воздухе. После того как в сентябре 1983 года советские ПВО сбили южнокорейский пассажирский самолет, советско-американские отношения накалились до предела.

Сразу после инцидента президент США Рональд Рейган, объявив о санкциях против СССР, заявил, что ни один самолет Аэрофлота отныне не сядет на американскую землю. По стечению обстоятельств именно в то время, когда решение президента было обнародовано, в воздухе на подлете к Америке находился лайнер Аэрофлота со сборной СССР по плаванию – она летела на тренировочный сбор в Санта-Клару. В аэропорту Кеннеди на спортсменов и тренеров обрушился шквал вопросов специально приехавших представителей прессы: «Как вы себя чувствуете в качестве пассажиров последнего советского самолета на американской земле?»

В Санта-Кларе, где пловцов разместили в семьях, все три

недели сбора их едва не носили на руках. При этом хозяева от души поливали как собственного президента, так и всю его администрацию.

* * *

В декабре 1983 года в США по приглашению оргкомитета Игр в Лос-Анджелесе (ЛАООК) отправилась официальная делегация, в числе членов которой были руководители Спорткомитета, КГБ, Аэрофлота и Морфлота. Нужно было договориться о посадке в США советских олимпийских чартеров, а также о стоянке у берегов Лос-Анджелеса теплохода «Грузия», который должен был привезти на Игры туристов. Главной же темой для обсуждения была безопасность советской делегации на Играх.

Из неопубликованного интервью с бывшим председателем Спорткомитета, бывшим членом Международного олимпийского комитета Маратом Грамовым:

«Делегация у нас была небольшой. Приземлились мы, по-моему, на военном аэродроме. Каком – я уже не помню. Прямо на аэродроме нас взяли под охрану. В гостинице разместили, от всех, что называется, отгородили, чтобы к нам никто не ходил. Везде стояли автоматчики, и везде были установлены телевизионные камеры, которые следили за каждым нашим шагом. Ну да это Бог с ними. Может быть, они хотели действительно предотвратить какие-то непредвиденные случаи, эксцессы, чувствовали ответственность за нашу безопасность. Возможно, так. Но в любом случае ситуация была для нас в Лос-Анджелесе неприятная…»

На деле все было иначе. В Лос-Анджелес делегация прилетела из Мексики, куда была приглашена президентом Ассоциации олимпийских комитетов (АНОК) Марио Васкесом Ранья – одним из богатейших людей Западного полушария. Уже накануне отъезда в США после значительного количества выпитого Васкес Ранья доверительно (и, естественно, не для печати) сказал гостям:

– Как минимум половина населения Лос-Анджелеса – латиноамериканцы. И я лично вам гарантирую, что во время Игр наряду с американской службой безопасности советскую команду будут охранять и мои ребята, которые полностью контролируют ситуацию…

Особо почетным членам делегации – Грамову, его заместителю, олимпийскому чемпиону Токио по греко-римской борьбе Анатолию Колесову и генеральному секретарю НОК СССР

Виктору Хоточкину – Васкес Ранья предоставил собственный самолет (остальные добирались обычным рейсом). В Лос-Анджелесе гостей прямо из аэропорта привезли в самый элитный частный клуб Западного побережья США – Marina City, где вместе с ключами от номеров вручили специальные карточки. Переводчик из русских эмигрантов, официально прикрепленный к делегации оргкомитетом Игр-84, объяснил их назначение очень просто: «Ребята, пока у вас в руках эта карточка, вы живете при коммунизме. Есть, пить, яхту к причалу или девочек в номера – все за счет клуба. В любом количестве и в любое время суток».

Из интервью с членом той делегации, бывшим начальником главного научно-методического управления Спорткомитета Тимуром Абсалямовым:

«Представители оргкомитета Игр, включая его президента Питера Юберрота, не скрывали, что очень заинтересованы в участии в Играх сборной СССР. В одной из приватных бесед нам назвали суммы, которые готовы заплатить оргкомитету американские спонсоры в случае участия и в случае неучастия СССР в Играх. Разница была колоссальной: все понимали, что без главной интриги – соперничества двух супердержав – соревнования теряют значимость. Точно так же, не для прессы, рассказывали, как именно будут работать службы охраны спортсменов: организация была очень серьезной.

С другой стороны, на каждом шагу возникали проблемы, связанные с тем, что я назвал бы американским менталитетом: эта нация, как никакая другая, склонна считать, что по любому вопросу могут быть только две точки зрения. Одна – американская, другая – неправильная.

В Лос-Анджелесе, как только дело доходило до решения конкретных вопросов, сразу выяснялось, что наши требования противоречат или американской Конституции, или законам штата Калифорния, или законам графств, составляющих олимпийскую столицу. Тем, кто у нас мечтал отомстить за московскую Олимпиаду, они каждый день подбрасывали козыри. Соглашались, например, с тем, что советская олимпийская команда будет прибывать в США чартерными рейсами, но не давали такого разрешения тем, кто намеревался приехать в качестве туристов. Дали разрешение на стоянку нашего теплохода, однако настаивали на том, чтобы американские службы безопасности опечатали на нем все средства связи. Американцы запросили довольно крупные суммы за аренду так называемых «техничек», которые сопровождают шоссейные гонки, но на просьбу разрешить нам привезти свои машины тоже последовал отказ: мол, наши транспортные средства нанесут

серьезный ущерб экологии города.

Нас абсолютно серьезно предупредили: привезти в Лос-Анджелес в составе сборных врачей мы сможем лишь в том случае, если каждый из них даст расписку, что не будет заниматься врачебной практикой на территории США. Грубо говоря, если бы на трибуне во время соревнований кому-то из зрителей стало плохо и советский врач оказал бы первую помощь, то его могли привлечь к судебной ответственности. Решение этих и многих других вопросов шло медленно и трудно. Но в итоге мы вернулись в Москву с твердой уверенностью, что в Лос-Анджелес команда поедет…»

* * *

Анатолий Колесов, который много лет был близким другом моего отца и работал вместе с ним в Спорткомитете, как-то сказал мне:

– Я всегда считал, что при любых обстоятельствах мы были обязаны участвовать в тех Играх. Хотя бы потому, что такой возможности расправиться с американцами у них же дома никогда не было и, боюсь, уже не будет. Даже при самом неудачном варианте выступления в Лос-Анджелесе мы опережали бы Америку на десять – двенадцать золотых медалей. При этом сложная политическая обстановка, как ни парадоксально, могла бы сыграть положительную роль: давно замечено, что наиболее сильно мы выступали именно там, где по разным причинам спортсменам приходилось наиболее тяжело. Думаю, что Грамов и сам это понимал. Многие до сих пор склонны обвинять его в непрофессионализме, но он умел читать и умел сопоставлять цифры. А они были красноречивы. После поездки в Лос-Анджелес мы все, и Грамов в том числе, были уверены, что СССР будет участвовать в Играх. Другое дело, от Грамова тогда, скорее всего, не зависело ровным счетом ничего, решение о неучастии принималось на самом высоком уровне. Почему? Думаю, на этот вопрос не ответит уже никто…

В том же неопубликованном интервью Грамов подтверждал: «Особо острых вопросов в Лос-Анджелесе не возникало. Мы познакомились с размещением в Олимпийской деревне, побывали там, где предстояло жить советским спортсменам. Директор Олимпийской деревни Анита де Франц встретила нас очень приветливо. Все склонялось к тому, что мы поедем на Олимпиаду. Уверенность вселяло и то, что наша команда была очень хорошо подготовлена…»

Глава 2. Бойкот

Спустя три месяца все круто изменилось. 15 марта 1984 года в ЦК КПСС поступило секретное письмо «Об обстановке, сложившейся накануне XXIII Олимпийских игр в Лос-Анджелесе (США)», которое было подписано лично Грамовым. Вот выдержки из этого документа:

«Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР информирует, что в последнее время резко возросла активность официального Вашингтона и различных подрывных организаций США с целью не допустить участия СССР в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе. Администрация Р. Рейгана взяла под свой непосредственный контроль те стороны подготовки к Играм, которые регламентируются Олимпийской хартией, по существу отстранив ЛАООК от выполнения его прямых обязанностей.

Не без ведома официального Вашингтона в США создана коалиция „Запретить Советы" (КЗС), в которую входят более 140 национальных, региональных и локальных организаций. Одним из руководителей КЗС назначен Триггви Макдональд – сын конгрессмена США, погибшего во время инцидента с южнокорейским самолетом.

Анализ средств массовой информации показывает, что страницы печати США захлестнула волна шпиономании. Все сводится к тому, что участие СССР в Олимпийских играх угрожает безопасности Америки.

В различных городах США проводятся пресс-конференции, на которых, помимо высокопоставленных официальных лиц, выступают разного рода перебежчики с „разоблачением истинных целей русских". На одном из таких сборищ в Лос-Анджелесе утверждалось, что по крайней мере 75 процентов советских журналистов являются сотрудникам КГБ, в задание которых во время Олимпиады будет входить шпионаж, подрывная деятельность и вербовка агентов в целях покупки, кражи и поиска секретов США, связанных с новейшей технологией.

Все более явно просматривается преднамеренное использование Игр в политических целях в предвыборной кампании. Причем происходит это в обстановке шовинизма, антисоветской истерии. В этих условиях особую озабоченность вызывает обеспечение безопасности советских спортсменов и официальных лиц во время пребывания их в Лос-Анджелесе.

Соответствующими службами США разработана система специальных мер по работе среди спортсменов социалистических

стран с целью склонения их к невозвращению на Родину. Существующая на сегодняшний день обстановка значительно осложняет принятие позитивного решения об участии советской делегации в Играх XXIII Олимпиады…»

* * *

Что же должно было случиться за эти три месяца, чтобы позиция у спортивного министра сделала поворот на сто восемьдесят градусов? Я могу лишь предполагать. Событий по-настоящему государственного масштаба за это время случилось два: зимние Олимпийские игры в Сараево и смерть генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова.

Первая Олимпиада Грамова-министра – в начале 1984-го в Сараево – закончилась поражением от сборной ГДР. Формально советские руководители тогда сочли себя победителями: счет по очкам и общему количеству завоеванных медалей был в пользу СССР, как и прогнозировалось до Игр. Но олимпийского золота у команды ГДР оказалось больше. Девять первых мест против шести советских. Мог ли Грамов испугаться возможного поражения и в Лос-Анджелесе? Вполне.

Могло быть и другое. В 1998 году президент Международного олимпийского комитета Хуан Антонио Самаранч вспоминал в одном из своих интервью:

«Пока был жив Брежнев, серьезные люди из его окружения не раз заявляли, что СССР никогда не будет использовать бойкот Олимпиад в качестве политического оружия. Потом, когда к власти пришел Андропов, нам вообще – пусть и косвенным путем – гарантировали, что Советский Союз примет приглашение и пошлет делегацию на Игры в США. Но во время зимних Игр в Сараево Андропов умер. Генсеком стал Черненко. Он был уже очень болен и находился под большим влиянием Андрея Громыко, который почему-то был настроен по отношению к Америке резко отрицательно»…

Со смертью Андропова настроения в Политбюро действительно кардинально изменились. К весне 1984 года для Грамова, который был вхож в ближайшее окружение второго лица в государстве Михаила Горбачева, стало очевидно, что дело движется к бойкоту. И 29 апреля в ЦК КПСС им было направлено еще одно секретное письмо:

«…Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР докладывает, что в соответствии с постановлением ЦК КПСС (Ст-10/8с от 12 мая 1981 г.) проводится

активная работа по подготовке сборной команды СССР к летним Олимпийских играм в Лос-Анджелесе. По итогам 1983 года на чемпионатах и Кубках мира советские атлеты по видам спорта, входящим в олимпийскую программу, завоевали 62 золотые медали, ГДР – 44, США – 29.

Наша принципиальная позиция, направленная на защиту олимпийского движения и разоблачение враждебных происков США, широко освещается в зарубежных публикациях и показывает, что даже буржуазные органы печати таких стран, как Англия, ФРГ, Италия, Швейцария, Канада, Япония, не отличающиеся симпатиями к СССР, признали правомерность наших требований.

В средствах массовой информации США появляются сообщения о том, что, если НОК СССР и ряда социалистических стран примут решение не участвовать в Олимпиаде, Игры „потеряют" свое значение и содержательность».

Президент ЛАООК П. Юберрот на заседании президиума МОК сделал заявление о том, что письменная гарантия Рейгана о безопасности советских спортсменов будет представлена им лично. Неучастие СССР, социалистических и ряда развивающихся стран приведет к экономическому краху впервые проводимых и широко разрекламированных т. н. „коммерческих Игр". По данным американской печати, ЛАООК потеряет свыше 100 млн. долларов. Игры в этом случае могут быть проведены только при условии правительственных субсидий. МОК и ЛАООК откровенно признают, что в случае неучастия СССР и социалистических стран Игры в Лос-Анджелесе не будут идти ни в какое сравнение с московскими…»

Опытнейший партаппаратчик Грамов не мог не понимать, что, подписывая этот документ, он тем самым выносил приговор всем советским спортсменам. Вот только к спорту это уже не имело ни малейшего отношения. Возможность нанести Америке экономический и политический контрудар была для советской политической верхушки слишком заманчивой, чтобы отказаться от нее ради спортсменов.

Письмо Грамова ушло в архив с резолюцией: «По данному вопросу принято постановление ЦК КПСС от 5 мая 1984 года. Зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС П. Лучинский».

* * *

Постановление, подписанное генеральным секретарем ЦК КПСС Черненко, гласило:

«О вопросах Олимпийских игр в Лос-Анджелесе (США)

1. Считать нецелесообразным участие советских спортсменов в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе ввиду грубого нарушения американской стороной Олимпийской хартии, отсутствия должных мер обеспечения безопасности для делегации СССР и развернутой в США антисоветской кампании.

2. Отделам пропаганды, внешнеполитической пропаганды, Международному отделу, Отделу ЦК КПСС совместно со Спорткомитетом СССР, МИД СССР и КГБ СССР подготовить соответствующие документы Национального олимпийского комитета СССР, имея в виду опубликовать их в конце мая 1984 года. Разработать пропагандистские меры, которые позволили бы создать благоприятное для нас общественное мнение в мире и убедительно показать ответственность США за неучастие советских спортсменов в Олимпийских играх.

3. В доверительном порядке проинформировать ЦК братских партий социалистических стран о нашей позиции и высказать просьбу о ее поддержке. Провести в мае 1984 года в Москве рабочую встречу представителей ЦК братских партий социалистических стран.

4. Положительно отнестись к предложению Спорткомитета СССР о проведении в 1984 году в социалистических странах спортивных соревнований по олимпийской программе. Внести указанный вопрос на обсуждение рабочей встречи представителей ЦК братских партий»…

Дальнейшие события развивались с фантастической скоростью. Вот выписки из плана мероприятий, утвержденного на заседании Секретариата ЦК КПСС спустя всего три дня, 8 мая 1984 года:

«…Подготовить заявление НОК СССР в связи с неучастием советских спортсменов в Олимпийских играх в г. Лос-Анджелесе. Провести по этому вопросу 8 мая 1984 года заседание НОК СССР. Текст заявления опубликовать 9 мая в газетах „Правда”, „Известия”, „Труд”, „Комсомольская правда”, „Советский спорт”, передать по Центральному телевидению и радио. ТАСС и АПН распространить текст заявления НОК СССР на зарубежные страны.

Провести 11 мая 1984 года пресс-конференцию для советских и иностранных журналистов. Направить заявление НОК СССР в Международный олимпийский комитет, спортивные организации соцстран, международные спортивные объединения и НОК государств, с которыми НОК СССР поддерживает спортивные контакты.

Спорткомитету СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Гостелерадио

СССР, ТАСС, АПН, редакциям газет… продолжить работу по разоблачению развернутой властями и реакционными кругами США антисоветской, антисоциалистической кампании. В публикациях убедительно показывать ответственность США за неучастие советских спортсменов в Олимпийских играх в г. Лос-Анджелесе, формировать благоприятное для СССР общественное мнение в мире. Подготовить и опубликовать в печати интервью спортсменов – членов Олимпийской команды СССР, письма советских людей.

Опубликовать

– в газете „Известия” 10 мая 1984 г. статью политического обозревателя „Выборы президента США и Олимпиада” (об использовании Олимпийских игр в предвыборной кампании Рейгана);

– в газете „Правда” 13 мая 1984 г. статью председателя Спорткомитета СССР и НОК СССР т. Грамова М. В. „Олимпийскую хартию надо соблюдать”;

– в газете „Советский спорт” 13 мая 1984 г. статью видного ученого-юриста – „Гарантии и реальность” (о нарушениях американской стороной Олимпийской хартии, правил и традиций международных общепринятых норм);

– в газете „Труд” 15 мая 1984 г. статью председателя Всесоюзного совета ДСО профсоюзов т. Ряшенцева Н. Н. „Как попираются олимпийские идеалы” (о коммерциализации Олимпийских игр в США);

– в газете „Комсомольская правда” 11 мая 1984 г. статью заведующего отделом ЦК ВЛКСМ, олимпийского чемпиона Васина В. А. „Олимпиада без олимпийского лагеря молодежи”»…

* * *

Мой коллега Владимир Гескин, работавший в те годы корреспондентом международного отдела газеты «Советский спорт», был очевидцем того, как воплощался в жизнь тот безжалостный план.

– Утром 8 мая редактора международного отдела Семена Близнюка и меня срочно вызвали в спорткомитет к одному из заместителей Грамова. Он сказал: «Принято решение о неучастии в Олимпийских играх. Вопросов не задавать. Через несколько часов – заседание НОК, поэтому прошу вас как можно быстрее подготовить тексты выступлений в поддержку решения о неучастии, которые зачитают спортсмены, и которые можно будет опубликовать от их имени».

За месяцы, предшествовавшие этим событиям, мы в международном отделе «Советского спорта» вылили море грязи на Америку и Лос-Анджелес. Это не было указанием свыше. Все мы искренне верили, что так надо, что это лишь политическая игра, цель которой – добиться от американцев наиболее благоприятных для нас условий. Но при этом никто не допускал даже мысли, что дело кончится бойкотом. В кабинете зампреда мне вдруг вспомнилась поездка в Лос-Анджелес в феврале 1984-го. Мы прилетели в Америку вместе с командой легкоатлетов, среди которых были совсем юный тогда Сергей Бубка и чемпионка мира Тамара Быкова. Нас постоянно сопровождали лос-анджелесские корреспонденты, и когда во время тренировки в секторе для прыжков олимпийского «Колизеума» Тамара нашла золотую цепочку, то на другой день сразу несколько газет вышли с шапками: «Первое русское золото в Лос-Анджелесе». Теперь получалось, что это золото – и последнее.

Когда мы вернулись в редакцию, где уже ждали остальные сотрудники отдела, Близнюк молча достал из своего стола бутылку водки, молча разлил ее в пять стаканов, составленных в форме олимпийских колец, и так же молча, не чокаясь, мы выпили…

Глава 3. Не политический вопрос

8 мая президент МОК Хуан Антонио Самаранч был в Нью-Йорке – туда как раз прибыла эстафета олимпийского огня. Было раннее утро, когда ему позвонили из Лозанны и сообщили: в Москве началось экстренное заседание НОК СССР, его повестка дня неизвестна, но, скорее всего, речь идет о том, посылать ли делегацию на Игры. Как вспоминал Самаранч пятнадцать лет спустя, в тот момент он подумал: «Не может быть… Это – конец».

Через пару часов Самаранч прилетел в Вашингтон. Его вновь соединили с Лозанной, и он узнал, что наихудшие предположения оправдались…

Во второй половине дня с ним встретился Рейган. Президент США был откровенно расстроен новостями и вдруг предложил:

– Давайте я лично приглашу Черненко вместе со мной возглавить церемонию открытия Игр в Лос-Анджелесе?

Самаранч воспринял идею с восторгом. Сказал, что если Рейган напишет соответствующее послание, он готов сразу же вылететь в Москву и передать приглашение советскому руководству. Увы, на этом все и закончилось. Кто-то из присутствовавших при разговоре помощников Рейгана заметил, что, прежде чем писать такое письмо, хорошо бы посоветоваться с госсекретарем. Потом разговор переключился на другие темы. А когда стали прощаться и Самаранч напомнил Рейгану о предложении, тот ограничился лишь какими-то ничего не значившими словами.

В Москву президент МОК после всех проволочек с утверждением его визита в верхах попал лишь в последних числах мая. Отнеслись к нему издевательски. По решению ЦК, встретиться с президентом МОК было поручено заместителю председателя Совета Министров Талызину, курировавшему вопросы… связи.

* * *

11 мая в кабинете председателя Исполкома Моссовета Владимира Промыслова раздался звонок из США от Арманда Хаммера, крупного американского промышленника, встречавшегося еще с Лениным. Следом в Моссовет поступило подписанное им же телеграфное сообщение:

«В подтверждение нашего с Вами телефонного разговора сегодня утром я вновь прошу Вашей поддержки в разрешении

моему другу мэру города Лос-Анджелеса Тому Брэдли и шефу полиции Лос-Анджелеса Метрополису приехать в Москву.

Г-н Брэдли заверяет меня, что будет сделано все, чтобы сдержать антисоветские элементы во время Олимпийских игр. Для этой цели семнадцать тысяч полицейских будут охранять одиннадцать тысяч спортсменов. Более того, Брэдли обещает сделать все возможное, чтобы объяснить американской прессе, что разжигание антисоветской истерии не только повредит успеху Олимпийских игр, но явится плохим фактором для будущих советско-американских отношений, от чего сейчас зависит судьба человечества. Не принять мэра Брэдли будет, по моему мнению, совершенно неверно, и отказ выдать визу ему и его коллегам еще более ухудшит и без того опасные тенденции в советско-американских отношениях. Я глубоко благодарен Вам за предоставленную возможность поговорить и надеюсь увидеться с Вами в самом скором времени. С наилучшими личными пожеланиями, Арманд Хаммер».

Резолюция ЦК была короткой: «По мнению отделов ЦК КПСС, принимать в Москве указанных лиц нецелесообразно».

18 мая в Лозанне состоялось чрезвычайное заседание Исполкома МОК. Делегация США через вице-президента МОК румына Александра Шиперко передала советской стороне следующие предложения о гарантиях, представленные лично Рейганом:

– въезд всей советской делегации в США без виз;

– все спортсмены и официальные лица делегации будут рассматриваться американскими властями как гости Соединенных Штатов Америки;

– правительство США дает гарантии безопасности каждому советскому спортсмену в отдельности и всей делегации в целом;

– действия антисоветских группировок будут запрещены.

Шиперко добавил, что американские власти готовы пойти и на другие уступки, если СССР проявит интерес к вышеперечисленным предложениям. В отчетной записке в ЦК КПСС Грамов написал: «Полагаем целесообразным оставить предложение американской стороны без внимания…»

* * *

Из интервью с Вячеславом Колосковым, в то время вице-президентом ФИФА:

«19 мая в Цюрихе на Исполкоме ФИФА должны были выбирать место проведения чемпионата мира по футболу 1990

года. Кандидатур было две – СССР и Италия. Причем наши шансы были явно предпочтительнее. Но только до тех пор, пока не было принято решение о неучастии СССР в Играх. Президент ФИФА Авеланж лично звонил Грамову дважды: умолял прислать в Лос-Анджелес хотя бы футбольную сборную. Это, прежде всего, давало ему моральное право самому поддерживать кандидатуру СССР, а во-вторых, он искренне переживал за меня, ведь я тогда был председателем оргкомитета по проведению в Лос-Анджелесе олимпийского футбольного турнира.

В Цюрихе разговоры вокруг неучастия СССР в Играх велись постоянно. Большинство высказывалось с сожалением: еще была свежа в памяти московская Олимпиада, рекорд которой по посещаемости футбольных матчей (1,7 миллиона зрителей) не побит до сих пор. Тем не менее наше преимущество в выборной кампании таяло с каждым днем. За двое суток до голосования СССР, по моим сведениям, имел на два голоса больше, чем Италия, но окончательный счет оказался 13:6 не в нашу пользу. Так мы лишились чемпионата мира – на долгие десятилетия, если не навсегда…»

В конце мая в Праге состоялось экстренное совещание руководителей спортивных министерств соцстран, на котором были определены окончательные сроки и места проведения альтернативных Играм соревнований «Дружба-84». Альтернативными их, естественно, нигде не называли, хотя они, несомненно, являлись именно таковыми. Каждая из поддержавших СССР стран старалась заполучить наиболее «медальные» для себя виды. Так, например, турнир по штанге был отдан Болгарии, по боксу – Кубе, по легкой атлетике – ГДР. Почувствовав, что СССР в благодарность за поддержку своего неучастия в Лос-Анджелесе готов на любые уступки, кубинский зампред (с возгласом «Если вы откажете, Фидель меня убьет!») пытался даже добиться, чтобы от страны-организатора в соревнованиях выступали по два боксера в каждой категории, однако был вынужден умерить амбиции после предложения польского спортивного замминистра Рыбы: «Давайте пойдем навстречу кубинским товарищам. Но при условии, что оба кубинских боксера встретятся между собой в первом же поединке!»

Из представителей соцлагеря в Лос-Анджелес приехала только Румыния. Когда ее спортсмены вышли на стадион на церемонии открытия Игр, трибуны встали и устроили овацию.

Точно такую же овацию изо дня в день во время турнира тяжелоатлетов устраивали вице-президенту Международной федерации тяжелой атлетики Николаю Пархоменко. Во время Игр

он был обязан находиться в зале в составе жюри. Перед началом соревнований генеральный секретарь федерации венгр Тамаш Аян тихо поинтересовался у Пархоменко, нужно ли вообще его представлять официально, – боялся эксцессов. Пархоменко ответил утвердительно. Когда Аян произнес в микрофон: «Николай Пархоменко, Советский Союз», зал взорвался аплодисментами.

* * *

«Что мы потеряли?» Этот вопрос сразу же после заседания НОК, где все присутствовавшие единогласно проголосовали за неучастие (а какой еще у них был выход?), председатель украинского спорткомитета Михаил Бока задал главному тренеру сборной по легкой атлетике Игорю Тер-Ованесяну. «Как минимум три года», – последовал мгновенный ответ.

Президент Международной федерации гимнастики Юрий Титов несколько лет спустя по этому поводу заметил:

– Потеряли мы от того решения действительно, много. Гимнастика – вид спорта, скажем так, малообъективный, но до Игр в Лос-Анджелесе диктовали там правила игры все-таки мы. А после того как решение о неучастии СССР в Играх-84 было принято, я почувствовал, как отношение судей стало меняться. На всех соревнованиях нас стали прижимать, каждая спорная ситуация немедленно трактовалась не в нашу пользу. С другой стороны, по-сумасшедшему прогрессировала Америка. Первый гимнастический бум в этой стране был после мюнхенской Олимпиады. Точнее, после показательных выступлений в США, в которых участвовала Ольга Корбут. Второй, гораздо более сильный, – после Лос-Анджелеса, где в многоборье победила Мэри-Лу Реттон. Именно тогда ее тренер Бела Кароли получил в Америке «зеленую улицу» и солидную спонсорскую помощь, а гимнастика (особенно женская) стала быстро развиваться. Мы же отбросили самих себя на несколько лет назад…

Оценить в годах ущерб, который бойкот-84 нанес нам в экономике и политике, оказалось еще сложнее. Ни одна уважающая себя страна не хотела иметь дело с правительством, собственными руками лишившим свой народ Олимпийских игр. Не случайно бойкот американцами Игр в Москве в 80-м стоил Джимми Картеру президентского кресла.

В 1999-м мне ужасно хотелось пообщаться с кем-либо из тех, кто принимал решение 5 мая 1984 года. Это оказалось сложно. После распада СССР Гейдар Алиев стал президентом

Азербайджана, Эдуард Шеварднадзе – Грузии, Петр Лучинский – Молдавии. С Горбачевым я почти что договорилась встретиться: бывший президент СССР собирался в Париж – на презентацию своей очередной книги, и его пресс-секретарь по телефону пообещал, что сделает все возможное, чтобы встреча состоялась хотя бы в аэропорту.

Поздно вечером раздался звонок: «Я доложил о вашей просьбе Михаилу Сергеевичу. Он сказал, что мало что помнит и не считает нужным разговаривать на эту тему. Вот если бы у вас был политический вопрос…»

1992 год. Барселона

Глава 1. Вспомнить все

Впечатление о городе нередко складывается по какой-нибудь одной картинке. Увидишь мельком – и врезалось в память на всю жизнь. Такой барселонской картинкой для меня стал вид, который открывался из громадного окна гостиницы «Плаза», где я остановилась в 2003-м, когда приехала в Барселону на чемпионат мира по водным видам спорта.

У этого окна я иногда стояла часами. С него начиналось утро, им заканчивался вечер. Вроде бы ничего особенного: площадь, которую изгибами обтекают два полукруглых пыльных здания. Неработающий фонтан. Редкие прохожие…

Иногда я закрывала глаза, и картинка оживала. Зажигались разноцветными огнями фонтаны, как бы стекающие водопадом с самого верха горы Монтжуик к ее подножию, по сторонам от них бурлили и бушевали такие же разноцветные реки людей с крохотными светляками фонариков в руках, а на фасадах зданий, в одном из которых располагался главный пресс-центр Олимпийских игр-1992, проступали двадцатипятиметровой высоты портреты двух выдающихся атлетов современности – Сергея Бубки и Майкла Джордана…

Каждый вечер, уткнувшись лбом в стекло, я думала об одном и том же: неужели одиннадцать лет прошло? Неужели это целых одиннадцать лет назад я сидела на этой самой площади на ступеньках пресс-центра и ждала, пока решится вопрос с моей аккредитацией. А потом терпеливо наблюдала, как улыбчивая девушка-волонтер с извинениями переправляет на карточке буквы URS на непривычное пока еще RUS…

* * *

Мое благородство в 1992-м чуть было не вышло мне боком. Я прекрасно понимала, что окажусь в олимпийской бригаде «Спорт-Экспресса», несмотря на то что вакансий было крайне мало. И на одном из редакционных собраний сдуру ляпнула: «Мужики, пусть вместо меня в Барселону поедет Сергей Родиченко. У него – легкая атлетика, а я всяко на Игры пробьюсь…»

В этом, как мне казалось, не было никакого авантюризма. Накануне мне позвонили из Олимпийского комитета – поинтересоваться, не хочу ли я поехать на Игры в составе делегации спортсменов-ветеранов. Я согласилась немедленно, с восторгом предвкушая, как обрадуются в газете возможности

отправить в Барселону на одного журналиста больше.

Та поездка вообще стала возможной для «СЭ» лишь потому, что на редакцию тогда свалилось нежданное счастье в виде спонсора. Его – какого-то футбольного итальянского агента – прямо со стадиона привел в редакцию один из журналистов. Ошалев от наших прожектерских проектов и внешнего вида редакции, где в электрочайнике кипела неочищенная картошка, а рядом на газетке высился штабель купленной у метро вареной кукурузы, гость, помявшись, достал из бумажника четыре стодолларовых купюры: «Я могу подписаться на вашу газету на три года вперед?»

– Так ведь подписки еще нет, – ошеломленно пробормотал главный редактор.

– Но ведь когда-нибудь появится? – ободряюще улыбнулся итальянец.

Предполагалось, что на эти деньги бригада «СЭ» будет три недели жить в Барселоне. Я же полетела в Испанию отдельно – «пьяным» чартером. Такова была болельщицкая традиция: начинать наливать прямо в аэропорту и далее – по пути следования.

Первой неприятной неожиданностью стало то, что под проживание делегации был снят задрипанный отель в ста тридцати километрах от города. Пока толпа вновь прибывших разбиралась с ключами, комнатами и багажом, внизу неожиданно нарисовалась трехкратная олимпийская чемпионка Тамара Пресс. Вид знаменитой толкательницы ядра и метательницы диска был грозен: массивная, с широченными плечами фигура, обтянутая черным шелковым кимоно с устрашающим белым иероглифом во всю спину, мокрые волосы, стянутые в пучок. Глаза, устремленные на портье, метали молнии:

– В моем номере нет телевизора, парень, – прогрохотала она по-русски.

Портье – щуплый мальчонка, уловивший в наборе звуков знакомое слово «телевизор», стал объяснять, что телевизоров нет в принципе. Есть неподалеку – в деревенском баре, расположенном в ста метрах от отеля.

Я перевела.

– Ты не понял, парень… Я приехала сюда смотреть Олимпийские игры, – вновь раздался рокочущий рык Пресс. – В моем номере нет телевизора!!!

Спустя пятнадцать минут взмыленный и насмерть перепуганный мальчуган уже волок откуда-то телевизор, из которого, как кишки, свисали и волочились по полу провода. Я же с горя, успев понять, что Олимпиада становится для меня все

более и более недостижимой целью, отправилась на пляж в компании супруги одного из высокопоставленных чиновников официальной делегации.

– У Сережи сегодня день рождения, – навзрыд плакала она. – Мы так ждали этот праздник, а я в этом испанском Мухосранске…

С горя же мы купили по дороге бумажный пакет местного вина и, по очереди отхлебывая и шмыгая носами каждый о своем, улеглись загорать. Топлесс. Назло всем!

Наутро я поплелась на электричку. Так и доехала до центральной площади – без билета, на который не хватило денег, с тяжеленной сумкой, сбитыми ногами и полным разбродом в мыслях.

Выручили меня телевизионщики. У них оказалась одна неиспользованная аккредитация технического персонала, которая позволяла проходить в пресс-центр и присутствовать на соревнованиях. Правда, тут же было сказано: «Придется поработать. Отдай сумку своим и быстро дуй на стадион. Будешь помогать комментировать церемонию открытия. Машина уже ждет внизу…»

Большего творческого позора я не переживала никогда в жизни. Накануне на стадионе прошла репетиция, так что у всех комментаторов была возможность прочитать сценарий и сверить его с тем, что происходит на поле. Я же на той репетиции не была и не понимала ровным счетом ничего. К тому же забыла взять очки. Партнер по комментаторской работе, как назло, большей частью молчал, предоставив микрофон в полное мое распоряжение, а я несла в эфир фантастическую ахинею, путая фамилии, виды спорта и беззастенчиво трактуя на свой лад все, что происходит на арене, где состязались какие-то воины, плясали женщины, летали стрелы и развевались флаги стран-участниц.

Но когда на стадионе появился белый флаг с пятью переплетенными кольцами, под которым вышла советская (называть ее по-другому как-то не получалось) команда, поток слов застрял прямо в горле…

* * *

В 1992-м мало кто задумывался о сверхисторичности тех Игр. Барселона, помимо спорта, была крайне озабочена вопросами собственной независимости. Казалось, город прямо-таки пропитан неукротимым желанием каталонцев отделиться от

Испании. Поэтому для хозяев оставалось за кадром то, что в ходе грандиознейшего спортивного события современности рушилась великая супердержава – СССР. Великая команда под белым флагом на церемонии открытия – что может быть более нелепым? Агония распада началась чуть позднее, после первых побед, когда каждое отдельное золото начинали, не отходя от пьедестала, рвать на куски руководители разных мастей. Герои тех или иных финалов давно спали, а в гостиничных ресторанах продолжались постерваловки: чье оно – золото? Украинское? Белорусское? Узбекское?

В Объединенной команде – неком анахронизме, где каждый из местечковых чиновников на протяжении Игр скрупулезно подсчитывал «свои» медали, – шанс стать чемпионами имели почти все: столь суров был олимпийский отбор спортсменов. Но несмотря на непрерывную дележку на «своих» и «чужих», более единой наша команда не была, пожалуй, никогда.

Более того, чем интернациональнее был состав той или иной сборной, тем большее раздражение спортсменов вызывали попытки журналистов допытаться, чьих же медалей в ней больше. Для самих себя – именно для себя – они по-прежнему, пусть в последний раз, были одной командой. Да, пожалуй, еще для тех, кто сам прошел через большой спорт.

То был странный праздник. С огромным количеством ярчайших побед и непрерывным чувством унижения. Сохранять чувство собственного достоинства в атмосфере недоброго и пристального внимания можно было, только побеждая. Или сделав все для этой победы. Иногда – вопреки всему. Видимо, поэтому все, что происходило в Барселоне, не поддавалось никаким логическим выкладкам.

Какие страсти, вспомните, бушевали вокруг решения латышских баскетболистов Гундарса Ветры и Игорса Миглиниекса выступать в Барселоне в составе Объединенной команды! Дома, в Латвии, их объявили чуть ли не персонами нон-грата. В Барселоне же, по мнению многих (и моему в том числе), не могло быть для нас более непримиримого соперника, нежели сборная Литвы. Но именно после встречи Объединенной команды и Литвы информационные агентства распространили уникальнейший и не поддающийся объяснению снимок – игроки двух команд стояли, обнявшись.

Эти Игры получились уникальными и для болельщиков. Порой было совершенно не важно, какой флаг поднимался над пьедесталом в честь чемпиона: за любым, будь то бело-сине-красный, жовто-блакитный или любой другой, виднелась наполовину рухнувшая, но воистину великая спортивная держава.

Именно это и сплачивало ребят намертво.

Впрочем, все это мне только предстояло понять…

Глава 2. Голодные и злые

Я летела вниз по лестнице, не разбирая дороги. Выплеснувшаяся из чьего-то стакана кока-кола окатила меня с головы до ног. Зато на глазах у десятка коллег, сгрудившихся перед последним и самым неприступным кордоном – входом в раздевалки, я протаранила этот кордон и влетела – как была, в купальнике – в коридор, по которому шел Женя Садовый. И тут поняла, что не могу произнести ни слова.

А ведь пятью минутами ранее я захлебывалась от потока слов, комментируя для ТВ этот самый долгожданный финал первого плавательного дня, а за моей спиной и с обеих сторон то же самое делали десятки телерепортеров.

И как было иначе? Во всех предыдущих заплывах вопреки всякой логике фавориты один за другим покидали свои лидерские дорожки, ошеломленные в секунду рухнувшими надеждами.

Да и мы все, признаться, дрогнули после фальстарта, виновником которого впервые в жизни стал сам Садовый. Когда, преодолев первую половину дистанции 200 м вольным стилем, он проигрывал почти корпус Андерсу Хольмерцу из Швеции, хотелось просто зажмуриться и закричать от отчаяния. Но именно в этот момент я услыхала сорванный голос главного тренера сборной Глеба Петрова: «Пошел. Ей-богу, пошел!»…

Три золотые медали семнадцатилетнего смешного, лысого мальчишки, завоеванные им в течение трех дней, сделали пловца героем Игр. Как и всю Объединенную плавательную сборную.

Меньше чем за год до барселонских Игр Садовому сделали сложнейшую операцию – вырезали из почки камень величиной с куриное яйцо. Волосы Евгений сбрил весной 1992-го. Тогда, после выигранного на чемпионате страны заплыва, давшего ему право называться олимпийцем, он разоткровенничался, сидя рядом со мной на полупустой трибуне «Олимпийского»:

– Понимаете, дело не в том, что обостряется ощущение скорости. Когда пловец бреет голову, то как бы отрешается от всего ради единственной цели.

Когда в Барселоне он подошел ко мне после первой выигранной дистанции, награждения и традиционного круга почета по голубому, как вода, ковру перед трибунами, мне бросились в глаза побелевшие костяшки пальцев, в которых была зажата медаль, и накрепко закрученная вокруг запястья лента. От пережитых эмоций Садовый слегка заикался. У него дрожали губы:

– Я же утром – в предварительном заплыве – старт завалил. Правда, все равно чувствовал, что приплыву первым, но, когда уже в финале встал на тумбочку, меня затрясло. Мелькнуло ощущение, что судья на старте намеренно затягивает сигнал, и я не удержался, упал в воду. А перед вторым стартом присел отдышаться и вдруг, не поверите, увидел, именно увидел, как у меня колотится сердце. И ноги враз стали ватными. Правда, в воде прошло. А перед последним поворотом понял, что все в порядке. Хотя до сих пор не могу поверить… Можно, я подарю вам цветы?

* * *

Эти громадные букеты сухостойных бледно-лиловых, невероятно воздушных мелких цветов я уносила из бассейна каждый день, пока продолжался плавательный турнир. Коллеги, выделившие мне спальное место в общей квартире деревни прессы, ежевечерне встречали мое появление нарочито-недовольным ворчанием: «Опять Вайцеховская с новым веником. Везет же некоторым на медали…»

Российские пловцы-мальчишки продолжали творить чудеса. Эстафета 4×200 метров вольным стилем, которую с мировым рекордом выиграли Дима Лепиков, Володя Пышненко, Веня Таянович и Садовый, всегда считалась вотчиной американцев. Именно с их подачи у этой эстафеты появилось свое, устоявшееся десятилетиями название: «Гордость нации».

Впервые я услышала эти слова от отца, а он в свою очередь – от выдающегося американского тренера Джеймса Каунсилмена.

– 200 метров вольным стилем – та дистанция, которую невозможно выиграть, обладая лишь талантом, – объяснял американский тренер. – Здесь проявляется не только мастерство тренера и умение подготовить отдельно взятого ученика. Если в стране есть сильные пловцы-средневики, это оценка плавательной школы. Если же из таких пловцов можно составить команду, способную победить в эстафете на Олимпийских играх, – это самый яркий показатель уровня плавания в стране. Гордость нации.

С 1960 года американцы ни разу не уступили олимпийского первенства. Я не беру в расчет Игры-1980, когда в Москву не приехали не только представители сильнейшей плавательной державы, но и их извечные соперники – пловцы ФРГ, которые много лет отчаянно пытались сражаться с американцами за золото в этом виде соревнований. Золото, завоеванное

эстафетами США в Лос-Анджелесе-84 и Сеуле-88, отбрасывало все эти годы изрядную тень на высшие московские награды наших ребят.

В Барселоне же победа России получилась фантастически убедительной.

У меня довольно быстро сложилась на Играх своя традиция. В первый же день соревнований, мысленно обматерив болельщика, облившего меня кока-колой, я вдруг поняла, что нечаянный инцидент подарил мне поистине гениальное решение главной проблемы любого крупного турнира – беспрепятственного доступа к спортсменам. Едва завершался очередной заплыв, приносящий золотую медаль, я немедленно выливала себе на голову бутылку минеральной воды и прямо в купальнике и шортах (такая форма одежды воспринималась на трибунах открытого бассейна совершенно органично) мчалась самым коротким путем, через раздевалки спортсменов, на бортик. За все время Игр ни одному охраннику даже не пришло в голову проверить у меня аккредитацию – они просто привычно уступали дорогу, как уступали ее спортсменам. А на бортике, под специальным тентом, куда после финиша выходили участники заплыва, меня ждал Карлос…

Этот коренастый, средних лет костариканец-волонтер, улыбчивый и добродушный, должен был следить как раз за тем, чтобы в закрытую для посторонних зону не просачивались представители прессы. После первой победы Садового он дал мне возможность поздравить пловца, сам взял у него автограф и, как бы невзначай, не поворачивая головы в мою сторону, произнес:

– Вы, конечно, знаете, что не должны тут находиться…

– Конечно, знаю, – честно призналась я, одновременно выгребая из кармана шорт и протягивая охраннику заготовленную для такого случая горсть российских значков.

– Тогда переверните карточку аккредитации обратной стороной, чтобы не было видно, что вы – журналист, – улыбнулся он. – Я никому не скажу. Кстати, меня зовут Карлос…

Именно в том коридоре под тентом я видела и запоминала множество скрытых от других деталей. Окровавленные руки Таяновича, которые он с такой силой бросал на бортик в эстафете, что ободрал все костяшки пальцев. Слезы Мэтта Бионди – великого спринтера, проигравшего Саше Попову самую короткую дистанцию вольным стилем. Пережитое им же жуткое унижение при попытке войти в зал пресс-конференций после стометровки, на которой американец остался за пределами тройки. «Эта комната предназначена только для призеров», – холодно произнес тогда охранник, красноречиво выставив перед

семикратным олимпийским чемпионом растопыренную ладонь.

Посещение пресс-конференций превратилось в отдельный аттракцион. Притчей во языцех там стали постоянные выпады одной английской журналистки в адрес русских. «Вам же нечего есть!» – бросила она в сердцах Садовому после тщетных попыток выяснить у пловца, что изменилось (естественно, в худшую сторону) в явлении, именовавшемся некогда советским спортом. «Мы голодные, – согласился Садовый. – И злые. А это, знаете ли, гремучая смесь».

– Чем вы можете объяснить, что в плавании успехи пловцов США стали скромнее? – спросила та же англичанка Попова после того, как он выиграл в Барселоне уже второе золото.

– Я бы посоветовал американцам приехать потренироваться в Россию. Может, им трудностей не хватает? – мило улыбнулся он.

– Как, по-вашему, сможет ли Бионди оправиться от нокдауна, в котором оказался по вашей вине?

– Думаю, что это был нокаут.

– Но это же вопреки всякой логике!

– А у нас многое происходит вопреки логике, – улыбнулся Попов. – Если ваши коллеги не возражают, я готов обсудить эту тему. Начиная, скажем, с 1917 года…

Глава 3. Белый флаг

На пресс-конференции Александр Карелин валял дурака.

Впрочем, если судить по протоколам соревнований, дурака он валял и на ковре. А что еще можно подумать, если в четырех схватках из пяти он победил досрочно: за полторы минуты отправил отдыхать канадца Эндрю Бородоу, за две с небольшим – кубинца Россела Меса. На румына Иона Григораша ушло пятнадцать секунд. В финале же чемпион мира, двадцатикратный чемпион Швеции Томас Юханссон продержался не дольше канадского борца. И только финна Юху Ахокаса наш борец победил по баллам.

После того как золотая медаль была наконец торжественно водружена на шею российского борца, Александр в ранге уже двукратного олимпийского чемпиона солировал перед диктофонами и камерами в окружении почти исключительно западных журналистов.

– Какой медали вы больше радовались – сеульской или барселонской?

– Конечно же, этой. Радоваться в Сеуле у меня совершенно не было сил. А здесь и не напрягался особенно, но Олимпийские игры есть Олимпийские игры. Выиграл – значит, герой.

– Расскажите о ваших ощущениях во время финальной схватки.

– А что рассказывать? Как боксеры говорят: я его – тюк, он меня – тюк. Я его – тюк, и попал.

– Вы не устали от побед?

– Я слишком хорошо помню все свои поражения, особенно последнее – в 1987 году на чемпионате СССР. Поэтому победы надоесть мне не могут.

– Когда вы в последний раз проигрывали иностранным борцам?

– Ни разу в жизни.

– Правда, что вы пишете стихи?

– Я бы не стал называть то, что я пишу, стихами.

– Говорят, вас приглашали сниматься в Голливуд?

– Говорят.

– И уже назначены пробы?

– Пока нет.

– Но у вас есть агент?

– Думаю, что это не имеет никакого отношения к Олимпийским играм.

– Можно узнать, какую роль вам предложили?

– Играть бородавку на лице динозавра…

* * *

В борцовский зал я попала в тот день случайно. Кто-то из коллег принес мне прямо в бассейн записку от руководителя бригады «Спорт-Экспресс» в Барселоне Владимира Гескина: «Сразу после заплывов постарайся успеть на борьбу. Это барселонский институт физкультуры – соседнее с бассейном здание. Сегодня должен выиграть Карелин. Никто из наших туда физически не успевает, так что вся надежда на тебя…»

Это был приказ. Проклиная все на свете: позднее время, Гескина, американцев, выигравших у Объединенной команды комбинированную эстафету в плавании и порядком подпортивших настроение всем российским болельщикам, – я сломя голову помчалась в соседний зал, судорожно вспоминая на бегу, что мне известно о греко-римской борьбе.

В голову навязчиво лез единственный эпизод. В конце восьмидесятых я погнала на сервис свою «Ниву». Эти модели тогда обслуживала лишь одна станция в Москве, поэтому приезжать следовало как можно раньше.

Очередь я заняла одной из первых, но въехать на территорию мне никто не позволил. Мимо по отмашке того или иного автослесаря в ворота периодически заезжали другие машины. После пяти или шести часов ожидания я не выдержала – заплакала, усевшись прямо на тротуарный бордюр и уткнувшись лицом в колени.

В этот момент на плечо легла тяжелая рука:

– Почему плачешь?

Я подняла голову и увидела молодого, коротко стриженного лысоватого парня в такой же, как в тот день была на мне, тренировочной куртке с буквами «СССР». Уши у него были сломаны, глаза метали смешливых чертиков. Он бросил взгляд на мою машину и сразу все понял.

– Перестань, нашла из-за чего расстраиваться! Сейчас разберемся.

Вместе мы поднялись на второй этаж. Незнакомец постучал в дверь с надписью «директор», пропихнул меня внутрь мимо секретаря, усадил в массивное кожаное кресло и повернулся к хозяину кабинета:

– Запомни эту девочку. У нее не должно быть никаких проблем… Ни-ка-ких.

Директор понимающе кивнул, нажал на кнопку селектора,

одновременно протягивая руку в мою сторону: «Ключи, пожалуйста. Может быть, выпьете чаю? Или кофе?»

Все происходящее казалось чем-то совершенно нереальным. Я успела лишь услышать, как за спиной распахнулась дверь, прицельным броском мои ключи были переправлены в чьи-то руки, и дверь захлопнулась снова. Было ужасно стыдно от ощущения, что щеки измазаны потекшей от слез тушью, поэтому, отказавшись от чая и пробормотав какие-то слова благодарности, я поспешила ретироваться. И первое, что увидела, спустившись в общий зал, – как с моей машины, уже висящей на подъемнике, снимают колеса.

Через два часа ремонт был закончен. Я было достала деньги, но мастер покачал головой: «Не нужно. Все уже заплачено».

Лишь тогда до меня наконец дошло, что я даже не спросила у парня, как его зовут. А несколько недель спустя увидела его фотографию в газете «Советский спорт». Это был Михаил Мамиашвили, олимпийский чемпион Сеула по греко-римской борьбе…

* * *

На финальную схватку тяжеловесов я таки опоздала. Мое появление на трибуне совпало с заключительным карелинским броском и грохотом, с которым рухнуло на помост массивное тело соперника. Впору было растеряться: по расписанию финальная схватка должна была только начинаться, но по всему выходило, что она уже закончена. Оставалось идти на пресс-конференцию. Уже там выяснилось, что ни одного российского журналиста в зале нет. Вот герой и дурил голову иностранцам…

Дождавшись появления поблизости волонтера, я взяла у него микрофон:

– Александр, можно еще один вопрос?

Карелин резко повернул голову на звук русской речи, вглядываясь в затемненный полукруглый амфитеатр, где располагались журналисты.

– Вы дважды были знаменосцем сборной на Олимпийских играх…

Он изменился в лице. И неожиданно тихо, севшим голосом, скривив губы в недоброй ухмылке, чуть ли не по слогам произнес:

– Вот, значит, как… В больное место…

Правда, тут же взял себя в руки.

– Это слишком длинная тема. Вряд ли она подходит для обсуждения на пресс-конференции. Еще вопросы, господа?

Я все-таки подошла к нему после. Представилась. Извинилась за неприятный вопрос. И тем не менее переспросила:

– И все-таки, о чем вы думали, когда несли этот проклятый белый флаг?

– Понимаете, в Сеуле я нес знамя великой страны. А сейчас… Да и судят нас здесь, сами видите, как бродяг. Без роду и племени…

– Уехать тренироваться за рубеж и выступать за какую-нибудь другую страну вам не предлагали?

– Много раз. Только я не хочу. Мне нравится дома. Не нравится та система ценностей, к которой нас приучали всю жизнь. А страна нравится. Возможно, я излишне сентиментален, но уехать из России я, видимо, не смогу никогда…

Говорили мы тогда долго. Карелин отправился было в комнату допинг-контроля, но, каким-то образом договорившись с врачами о часовой отсрочке, вновь вышел в коридор, где лежали тренировочные борцовские ковры. Сел рядом со мной на пол. И едва заметно повел взглядом в сторону дверей, за которыми скрылся совсем маленький парнишка с горестно поникшими плечами в форме Объединенной сборной.

– Видели? Алик Тер-Мкртчан. Плачет. У него серебро, а он – плачет… Великая советская школа. А вы меня спрашиваете – что я чувствовал…

На улицу я вышла во втором часу ночи. Метрах в ста от стадиона на абсолютно пустой, необъятного размера площади, за столиком давно закрытого кафе сидели тренеры олимпийской сборной. На столе виднелись пластиковые стаканчики, бутылка водки, черный хлеб, нарезанное крупными ломтями сало.

Все еще переполняемая эмоциями, я двинулась в их сторону, заорав во весь голос:

– Ребята!!! Поздравляю с победой!!!

И остолбенела, подойдя:

… Короткая стрижка… Сломанные уши… Смеющиеся глаза…

– Ну, что стоишь, присаживайся, – хрипловато прозвучал знакомый голос. – Машинка-то как? Бегает?..

Глава 4. Дети «Круглого озера»

«Если бы я была президентом Международной федерации гимнастики, то, ей-богу, дисквалифицировала бы нашу команду целиком и полностью. Или на худой конец устроила бы для нее отдельные Олимпийские игры. Потому что, на мой опять-таки взгляд, выигрывать у соперников более пяти баллов, как это было сделано в Барселоне, так же неприлично, как есть руками на королевском приеме…»

Мой барселонский репортаж для газеты о мужском командном гимнастическом первенстве начинался в 1992-м именно этими словами. После у нас никогда больше не складывалось такой команды, как та. В моей памяти были свежи выступления наших ребят на заключительном предолимпийском первенстве Содружества, проведенном вдали от чужих глаз на знаменитой подмосковной базе «Озеро Круглое». Там не было оваций и аплодисментов. Просто некому было аплодировать – зрителей на тот отбор не приглашали. Зато общий уровень «камерного» чемпионата был куда как выше олимпийского. Поэтому командная победа представлялась не просто реальной. Она заведомо воспринималась как неизбежность. Именно там, на «Круглом», главный тренер сборной Леонид Аркаев сказал мне с горечью, что чувствует себя виноватым перед теми, кого просто физически не может включить в команду, – мест-то всего шесть…

Вместе с тем в гимнастический зал я ежевечерне ходила с тяжелым сердцем. Потому что в самый первый день турнира стала очевидцем совершенно безобразной сцены. Два очень известных, титулованных и по отдельности очень симпатичных мне человека орали под трибунами друг на друга, перемежая взаимные упреки матом: делили еще не завоеванные гимнастами награды на российские и украинские…

На жовто-блакитный счет можно было, действительно, смело отнести половину будущего успеха. Украину в гимнастической сборной представляли Татьяна Гуцу, Татьяна Лысенко, Григорий Мисютин, Рустам Шарипов, Игорь Коробчинский. Но слушать все это было больно. То, что говорилось, было гадким и несправедливым. Потому что все они – девчонки и мальчишки Объединенной гимнастической сборной – выросли на «Круглом». Они все были «наши», а свежеиспеченные местечковые чиновники за глаза рвали их на части с мясом и кровью, предвкушая грядущие правительственные награды на собственные пиджаки за чужой успех.

* * *

Междоусобные войны начались на самом деле гораздо раньше. Руководство Объединенной сборной изо всех сил старалось соблюсти некий «национальный» баланс – такова была негласная договоренность между республиканскими спорткомитетами. Например, незадолго до Игр вышло так, что «крайней» в художественной гимнастике стала иркутянка Оксана Костина. Потому что представляла Россию. В сборную были включены Оксана Скалдина и Александра Тимошенко. Обе выступали за Украину: должок перед этой тогда еще республикой образовался в силу того, что то ли в борьбе, то ли в штанге российское представительство оказалось выше допустимого.

Хотя в сугубо гимнастических кругах все прекрасно понимали: Костина – ничуть не слабее соперниц. Возможно, даже сильнее. Просто государственные интересы сложились не в ее пользу.

В Барселоне, на соревнованиях по спортивной гимнастике, я случайно увидела Оксану из трибуне. Ее привезли на Олимпиаду запасной. Она сидела на ступеньках, с потемневшим, осунувшимся лицом. Накануне еще верила, что случится чудо и ей скажут: ты – в команде. Ведь право на это Оксана завоевывала (и по справедливости – завоевала) весь олимпийский год. Ей продолжали говорить, отводя в сторону глаза: «Пока ничего не решено. Завтра…» Мы же, журналисты, уже знали другое: в заявочных списках участников, которые должны были быть поданы в секретариат соревнований до определенного срока, фамилии Костиной не было.

А осенью 92-го Оксаны не стало. Она разбилась на машине, которую вел ее друг, серебряный и бронзовый призер барселонских Игр в современном пятиборье Эдик Зеновка. Гимнастка ушла из жизни, сверкнув напоследок так, как мало кому удавалось: за считаные дни до своей трагической гибели выиграла пять золотых медалей на чемпионате мира в Брюсселе.

* * *

Накануне мужского командного финала мы смеялись от души: за несколько минут до начала соревнований компьютер вдруг выплюнул протокол, где по ошибке на трех языках был проставлен итоговый результат битвы, которой только предстояло начаться: Объединенная команда – золото, Китай – серебро, Япония – бронза.

Так оно все и вышло…

Триумфальное выступление наших мальчишек оставило тем не менее немножко грустный осадок. Словно инопланетяне, они творили нечто, не вполне доступное разумению. Я наблюдала за реакцией судей и не могла понять: то ли они все находятся в шоке от столь невероятных сложности и качества и просто неспособны их осознать, то ли от жары им просто не до гимнастики. Во всяком случае, оценки казались весьма сдержанными.

Всего лишь день спустя судьи почти в открытую начали делать все возможное, чтобы отыграться на русских за первую победу.

Но отыграться не получилось…

О том, какой ценой дались девчонкам и эти несколько дней до старта, и сама победа, можно было догадываться по запавшим глазам и безумной хрупкости их гимнастических фигурок. И без того ограниченные в еде и питье, что при олимпийском изобилии превращалось в изощренную пытку, в день первого финального старта от напряжения девочки не могли заставить себя проглотить даже то немногое, что не грозило обернуться лишним весом.

Гимнастки России, США и Румынии – всех трех команд, претендовавших на золото, – выступали, к тому же, в последней, ночной, смене. Она начиналась в одиннадцатом часу вечера, и, казалось, беспредельно уставшая публика невольно распространяет эту свою усталость на всех вокруг.

Наблюдать за всем этим со стороны порой было невыносимо.

– Скорее бы все закончилось, – произнес рядом со мной телекомментатор. – И ведь не поможешь ничем, не подойдешь. Мы, мужики здоровые, этого олимпийского напряжения не выдерживаем, а требуем чего-то от девчонок. Да и за ошибки ругаем на всю страну…

Наши гимнастки, казалось, отрешились в тот вечер от всего мира. Когда какая-то из них выходила на помост, остальные, стайкой сбившись рядышком, закусывали губы и сжимали кулачки. Детеныши, брошенные в олимпийское пекло и обязанные выстоять. Против них были не только судьи: забитые звездно-полосатыми полотнищами трибуны зала откровенно болели за американок.

Света Богинская, единственная, кто уже проходил подобное испытание за четыре года до Барселоны – в олимпийском Сеуле, напрочь забыла о себе и, как наседка, успокаивала, обнимала то одну, то другую подругу, и мне с недоумением вспомнились ее слова, сказанные во время одного из тренировочных сборов: «Мы

же так далеки друг от друга по возрасту. Да и интересы у нас совсем разные. Поэтому я всегда предпочитаю быть одна». А когда наконец они выиграли, и Таня Гуцу в голос зарыдала, выронив из рук нехитрые спортивные пожитки, то именно Богинская прижала ее к себе, гладила, успокаивала, закрывая спиной и руками от вмиг набежавших репортеров.

И радоваться командной победе, когда девочки все-таки добились ее, уже не было сил…

* * *

Богинской в Барселоне не повезло больше, чем кому бы то ни было. Ее золотая медаль в командном первенстве так и осталась единственной. На отдельных снарядах судьи придирались к нашим девчонкам, как только могли, словно стараясь отомстить за тысячные доли балла, которые сложились в пользу Татьяны Гуцу в многоборье, отделив ее золото от серебра американки Шэннон Миллер. Именно поэтому единственное индивидуальное золото, которое Таня Лысенко выцарапала у соперниц на бревне, можно было без всякой натяжки расценивать как спортивный подвиг. Всего за год до Игр Тане страшно не повезло на чемпионате мира в Индианаполисе: выступая на брусьях, она воткнулась руками в жердь и сломала пальцы. Перед Играми у Лысенко появилась новая проблема: от больших нагрузок стал сдавать организм – сводило мышцы. Правда, об этом знали только ее тренер и она сама.

Обычно улыбчивая и предельно вежливая Таня, сойдя с пьедестала, попыталась было поддержать начатый мной разговор («Расстроилась, честно говоря, из-за прыжка, да и в многоборье могла выступить получше…») и вдруг, уже не сдерживая брызнувших слез, опустилась прямо на маты: «Ой, что-то я ничего больше не могу».

Потом, отплакавшись, она вдруг подняла на меня грустные глаза и совершенно неожиданно сказала:

– А ведь команды такой у нас уже никогда-никогда не будет. Разбежимся кто куда…

А еще в Барселоне был полностью наш мужской пьедестал в многоборье, четыре золота Виталия Щербо на отдельных снарядах, приобретенное им звание шестикратного (в общей сложности) олимпийского чемпиона. В заключительный день соревнований трибуны устраивали Щербо раз за разом такую бешеную овацию, что арбитр, рискующий попридержать оценку нашему гимнасту, имел почти стопроцентные шансы быть

растерзанным инчадой – испанскими болельщиками – прямо у судейского пульта.

* * *

В самолете, который вез из Барселоны в Москву первую группу олимпийцев, мы со Щербо сидели рядом. Все: и журналисты, и спортсмены, и их совсем еще не старые тренеры – были уже, как водится, на «ты», чувствуя себя единой командой с единственным желанием: «Скорее домой!»

Виталий то и дело вскакивал, пытаясь воевать со стюардессой, которая упорно пыталась отправить его необъятных размеров сумку вниз, в багажное отделение: «Девушка, милая, вы с ума сошли! Там же медали!!!»

И только когда «девушка», отчаявшись, махнула в его сторону рукой, уселся на место и как-то очень тяжело замолчал.

– Я не сказал тебе в зале… Не потому, что скрывал что-то, просто тогда сам еще решения не принял. А сейчас все решено. – Виталий на секунду прикрыл глаза, то ли вновь вспоминая Олимпиаду, то ли пытаясь представить, как оно все будет дальше, в новой жизни… – Уезжаю я… В Германию.

– А как же Белоруссия? У вас ведь теперь своя страна, своя сборная…

– Так я и буду продолжать выступать за Белоруссию. Хотя по большому счету, если разбираться, кто мне больше в этой жизни дал, то ответ однозначный – молодежная сборная СССР. Я же никогда дома в Минске даже не тренировался – все время на «Круглом», все время под Москвой, все время вместе с командой. И уезжаю в Германию не потому, что там лучше или сытнее, а потому, что мне абсолютно все равно теперь, где тренироваться. Нет команды – и, значит, все равно…

Глава 5. Осколки великой державы

Память – причудливая субстанция. В 2003-м, стоя под трибунами возможно красивейшего в мире бассейна «Монтжуик», где в 92-м проходил олимпийский турнир по прыжкам в воду, мне вдруг вспомнилось, как именно на этом месте, откуда открывался потрясающий вид на потрясающий город, ко мне, черный от горя, подошел главный тренер сборной Валерий Крутов. Молча достал из сумки, целый день простоявшей на сорокаградусной жаре, до омерзения теплую бутылку водки, и так же молча, не чувствуя вкуса, мы с подошедшими следом тренерами стали пить ее из мятых бумажных стаканчиков. Ирина Лашко, имевшая невероятный шанс обыграть непобедимую китаянку Гао Мин, проиграла ей в последнем прыжке. Нелепо, из-за собственной и совершенно дурацкой ошибки. Упустила возможность, которую жизнь больше не представит ей никогда.

Такого ажиотажа, что царил в бассейне накануне финальных соревнований на трехметровом трамплине у женщин, пожалуй, еще не бывало. Гао Мин, великая Гао Мин, не проигравшая за восемь с лишним лет ни одного старта на этом снаряде, включая лос-анджелесские и сеульские Игры, пребывала в состоянии, которое спортсмены именуют «развалом». У нее не ладились разбег и вращение, отталкивание и вход в воду. Явно дрожали губы, и паническое напряжение не исчезало из глаз.

А тренеры, спортсмены и даже судьи (!) считали своим долгом подойти к нашей Ирине Лашко или, на худой конец, к ее тренеру Николаю Мамину, похлопать по плечу и сказать нечто вроде: «Ну, завтра – ваш день».

Мне всегда казалось, что для самой Лашко ее постоянные проигрыши великой китаянке давно стали делом привычным и не вызывающим особых расстройств и переживаний. Слишком давно уверился прыжковый мир в том, что обыграть худенькую Гао простому смертному ну никак не под силу. А значит, позора и повода для печали в этом случае не может быть никакого.

«Можешь ты наконец у нее выиграть?» – спросила я в сердцах Ирину накануне Игр. «Я все могу», – ответила она, вальяжно развалившись в кресле в крохотном номере спортивной гостиницы. И вдруг, совсем по-детски, жалобно добавила: «Ну не получается у меня пока. Вот закончит она выступать после Олимпиады, тогда и разберемся со всеми остальными».

«Остальных» в Барселоне, как выяснилось, для них двоих просто не существовало. Даже чемпионки Европы и Америки – Хайдемари Бартова из Чехословакии, немка Брита Балдус, Джули

Овенхауз из США – прыгали как бы сами по себе, борясь за иные, нечемпионские места.

«Десятка», полученная Ириной уже за второй прыжок, свидетельствовала о том, что впервые за восемь лет у судей появился новый фаворит. Перед седьмой серией – уже в произвольной программе – преимущество Лашко составляло пять баллов: не то чтобы солидно, но, учитывая, как легко дались ей все эти шесть попыток, можно было начинать успокаиваться. И вдруг…

Все рухнуло в один момент. Жалкие 37,8 балла, полученные Ириной в сумме за сложнейший прыжок, отбросили ее – она оказалась на 24 балла позади китаянки. Синтия Поттер, бронзовый призер монреальской Олимпиады в прыжках с трамплина, а в Барселоне – комментатор NBC, которая так же, как и я, отчаянно болела за нашу спортсменку, внезапно севшим голосом прошептала: «Вот и все. Это – Олимпийские игры, ты знаешь…»

Я знала, что она имела в виду. Ту самую, монреальскую Олимпиаду, где, несмотря на расклад симпатий и антипатий, по всем существующим законам победить – и на вышке, и на трамплине – должна была наша Ирина Калинина. Ее тогдашнее преимущество над соперницами на обоих снарядах было под стать преимуществу, которое всегда было у легендарного Грегори Луганиса, и которое долгие годы имела на трамплине Гао Мин. Каждый встречный-поперечный считал своим долгом сообщить об этом Калининой. Лично. Точно так же, как сообщали Лашко накануне заранее спрогнозированного на нее финала.

И так же, как Лашко, Калинина не справилась с таким грузом. Может быть, именно поэтому золотая медаль на вышке там, в Монреале, досталась мне – темной лошадке, которой никто ни разу накануне финала не сказал, что золотая медаль, мол, – вот она: протяни руку – и получишь.

Сидя в отчаянии на раскаленной комментаторской трибуне бассейна «Монтжуик», я вновь вспомнила ощущение того, что не могли здесь, в Барселоне, объяснить словами уже чемпионы – Садовый и Попов, Гуцу и Лысенко, Карелин…

«Это – совсем другое», – говорили они, отвечая на вопрос, что же отличает Игры от, скажем, чемпионатов мира, где состав участников бывает и посильнее.

Это «другое» было безумнейшим, не видным глазу внутренним напряжением, когда можно блестяще выступить всего за несколько часов до финала, а выйдя на главный старт, внезапно почувствовать, что не осталось ни сил, ни мыслей, кроме одной. Мерзкой и гаденькой: «Скорее бы все кончилось».

Вот еще одна картинка олимпийских времен: все тот же пресс-центр. Глубокая ночь, включенные на полную катушку кондиционеры гоняют по помещениям ледяной ветер, выстуживая все вокруг до такой степени, что приходится выходить на улицу – греться. И горстка российских журналистов у телеэкранов. А на них безостановочно повторяется в записи один и тот же сюжет: полуфинальный баскетбольный матч Объединенная команда – Хорватия, его последние секунды. Пас Александру Волкову – и тот не попадает в корзину…

Как ни парадоксально выглядит это со стороны, олимпийскими чемпионами частенько становятся отнюдь не фавориты, а те, кто смог (какой ценой – это уже другой вопрос) не сгореть в безумной топке человеческих страстей, спрессованных в считаные дни и часы.

Только в 1992-м, в бассейне «Монтжуик», от этого понимания всем нам было, увы, не легче. Китаянка, почувствовав себя в безопасности, вмиг превратилась в прежнюю беспощадно безошибочную Гао, и надеяться, что она дрогнет, было наивно.

… У выхода на улицу меня неожиданно окликнул знакомый еще с первых дней Игр парнишка-американец, приехавший в Барселону поглазеть, пообмениваться значками и эмблемами: «Поздравляю!..» А я, машинально протянув ему значок, вдруг, сама того не ожидая, расплакалась.

Он покрутил в руках металлическое изображение советского флага и вдруг сказал:

– У вас нет страны. Но вы – великая нация. Если способны так расстраиваться из-за серебряной олимпийской медали…

* * *

Еще один парадокс: за тех, кто в 1992-м входил в Объединенную команду, а после, волею судьбы, оказался в самых разных странах, все последующие годы, что они продолжали выступать, я болела, как за своих. Не получалось, например, глядя на всевозможных борцовских чемпионатах на Алика Тер-Мкртчана, который выходил побеждать уже в костюме немецкой сборной, забыть, как горько он плакал в том пустом коридоре олимпийского зала, став вторым…

Совместно пережитые, пропущенные через себя трагедии – тот же цемент в человеческих отношениях. Счастливые и горестные моменты – у каждого свои – сроднили с Барселоной всех, кто был на тех Играх. Просто у нас воспоминания остались ярче. Все-таки именно наша команда тогда оказалась

сильнейшей.

… А ведь для кого-то Барселона – это просто один из городов мира…

1994 год. Лиллехаммер

Глава 1. Вот моя деревня…

Олимпийские игры 1994 года в Лиллехаммере стали для меня первым журналистским опытом работы на подобных соревнованиях в одиночку. Опытом уникальным и поистине неоценимым.

То, что в Лиллехаммере оказалась именно я, стало следствием определенного стечения обстоятельств. Найти денег на поездку журналиста за границу в начале девяностых по-прежнему оставалось проблемой для любого издания. И уж тем более для столь юного, каким был «Спорт-Экспресс».

На выручку пришли руководители российского олимпийского комитета: решили за свой счет, точно так же, как это было в 1992-м, повезти в Лиллехаммер группу олимпийских чемпионов прошлых лет, расселив их в самых обычных норвежских семьях и снабдив весьма ограниченным числом билетов на спортивные мероприятия.

Перед коллегами по большому спорту у меня было громадное преимущество – официальная аккредитация, дающая право посещать все соревнования. Она была у «Спорт-Экспресса» единственной, мне ее в итоге и вручили. Отсутствие сколько-нибудь солидного журналистского опыта в расчет не бралось. Отсутствие собственных денег – тоже.

Собственно, я и сама не очень комплексовала по этому поводу: одна только возможность увидеть, как на лед Лиллехаммера выйдут уже вроде бы ушедшие из большого спорта легендарные фигуристы прошлых лет, которым Международный союз конькобежцев на время возвратил любительский статус, стоила в моем представлении любых жертв. И я начала собирать чемодан для поездки в Норвегию.

* * *

Самый первый редакционный компьютер-ноутбук появился в «СЭ» именно тогда. Его привезли в редакцию вместе с человеком по имени Антон, который должен был за пятнадцать минут (именно столько оставалось до отъезда в аэропорт) научить меня отправлять репортажи из Лиллехаммера на редакционный факс. Накануне я простудилась. И, сидя перед компьютером с температурой 39,5 (мысль о том, чтобы отказаться от поездки, не приходила в голову в принципе), глядя на плывущие в глазах клавиши черной машинки и подключенные к ней телефонные

провода, тщетно пыталась вникнуть в смысл объяснений компьютерщика. В голове тяжело стучало: «Ан-тон… Тон… Тоновый набор… В Норвегии – тоновый набор…»

В Лиллехаммере в соседках по жилью у меня оказалась замечательная компания: легендарные четырехкратные олимпийские чемпионки по лыжным гонкам Галина Кулакова и Раиса Сметанина, а также еще более легендарная конькобежка, шестикратная олимпийская чемпионка Лидия Скобликова. Лыжницы – вообще народ запасливый. Но впервые я имела возможность убедиться в этом именно в Норвегии, когда Кулакова, едва поставив чемоданы на пол, стала деловито извлекать из рюкзака и водружать на массивный хозяйский стол солидные шматки завернутого в марлю сала, пакеты с гречкой, тушенку в промасленных железных банках, копченую колбасу, лук… Нашлась даже банка с малиновым вареньем, которая тут же была пущена в ход. Громадной кружкой чая, в который для надежности лечения плеснули водки, соседки незамедлительно принялись выбивать из меня остатки простуды.

Хозяева дома – пожилая норвежская чета, которые на время Игр освободили для гостей большую часть дома, а сами перебрались в подвальный этаж, взирали на все это с уважением: на севере Норвегии умеют ценить обстоятельность быта.

Одна из главных проблем заключалась для меня в том, что добираться до основного пресс-центра Игр от расположенной на вершине горы деревушки, где поселились русские туристы, приходилось более часа. Причем половину этого времени занимал пеший спуск к ближайшему шоссе, где возле олимпийского хоккейного катка несколько раз в день останавливался бесплатный автобус для аккредитованной прессы.

Наутро после пробуждения я помчалась туда вприпрыжку. До обеда промаялась с разного рода организационными делами: получила аккредитацию, встретила старых друзей-журналистов, обзавелась кучей новых знакомств, набрала множество каких-то журналов, пресс-релизов и прочей полезной информации в виде транспортных и тренировочных расписаний. С учетом того, что соревнования по фигурному катанию проводились в Хамаре, ехать, как выяснилось, нужно было с пересадкой, а общее время в пути составляло порядка трех часов, опаздывать на транспортные узлы не следовало ни в коем случае.

Ближе к вечеру я заторопилась обратно в свою деревню. На последнем автобусе добралась до уже знакомой хоккейной коробки и, обогнув ее, начала подниматься в гору по натоптанной широкой тропе.

Спустя полчаса в сумерках начали зажигаться окна

заснеженных домиков. Еще через несколько минут я обнаружила, что огнями уже усеян весь склон. Именно в этот момент, кляня себя за идиотизм, я отчетливо поняла, что продолжаю карабкаться вверх, не имея на самом деле ни малейшего понятия, как называется моя деревня и в каком направлении двигаться дальше.

Прошел еще час, а может, и больше. Рюкзак, в котором помимо компьютера лежали несколько килограммов набранных в пресс-центре бумаг, давил на спину, как каменная плита. Попытка замедлить шаг обернулась тем, что я тут же дико замерзла, поскольку пуховая куртка изнутри уже успела как следует промокнуть от пота. От ветра по щекам непроизвольно текли слезы, которые тут же приходилось вытирать обледеневшей варежкой, чтобы щеки не покрывались коркой льда.

Еще через какое-то время я все-таки остановилась. Сползла в ближайший сугроб (постучаться в какой-то из нереально красивых и оттого необитаемых с виду домиков мне даже не пришло в голову) и беззвучно заплакала, понимая, что мне уже все равно…

Именно в этот момент двери дома, который располагался метрах в ста от моего сугроба, распахнулись, и оттуда с характерным гиканьем на слегка освещенное крыльцо вывалились три здоровенных мужика в спортивных костюмах. Зачерпывая снег горстями, они принялись кидаться им друг в друга, сопровождая свои действия до боли знакомыми русскими словечками. Я из последних сил заставила себя подняться и выбраться на дорогу.

– Ребята!

– О, гляньте, мужики, баба!!! Точно – баба!

– Ребятки, миленькие, какое счастье, что вы на улицу-то вышли!

Ответом мне была повисшая над склоном на несколько секунд мертвая тишина и обескураженно-сдавленный голос кого-то из живописной троицы:

– Оп-ля… она, кажется, русская…

Спасителями оказались хоккеисты из нашей же многочисленной ветеранской делегации. В отличие от меня, они за минувший день успели ознакомиться с местностью достаточно надежно, чтобы в пять минут доставить меня по нужному адресу.

* * *

Слава Богу, до первой передачи материалов в редакцию был

трехдневный запас времени. Два дня я честно глотала слезы в пресс-центре, безуспешно пытаясь оживить черный ящик. Потом вдруг получилось. Все, кроме передачи. Промаявшись полтора часа у телефона, я совсем уж было собиралась зареветь по новой, непроизвольно отметив при этом, что рыдания по любому поводу от собственной беспомощности уже начинают превращаться в привычку, как вдруг услышала иностранную речь: «Эй! А почему ты не вставишь телефонную карточку в аппарат? Тебе одолжить?»

Столько, сколько в Лиллехаммере, я больше не писала никогда в жизни. Молотила по клавишам при любой возможности – в автобусе, столовой, на трибуне. И отправляла, отправляла, отправляла. По утрам, когда в пресс-центре раздавался дежурный звонок из «СЭ» и голос главного редактора произносил вместо приветствия: «Ну ты даешь!..» – я понимала: в благодарность за предоставленную мне возможность увидеть Игры своими глазами я готова свернуть горы.

Глава 2. Люба, братцы! Люба!

В день старта гонщиц на самой короткой лыжной дистанции – классических пяти километрах меня чуть свет разбудила Рая Сметанина:

– Вставай, соня. Если хочешь понять, что такое лыжи в Норвегии, пойдем с нами.

Сметанина и Кулакова располагали в отличие от аккредитованных репортеров только билетами на лыжный стадион. А значит, добираться к месту гонки им каждый день приходилось пешком. Благо, наш дом располагался на соседней с лыжной трассой горе. Всего в часе с небольшим ходьбы, а точнее – козлиного карабканья по скользким буграм.

К месту старта мы добрались за полтора часа до начала гонки. Сметанина оказалась права: этого времени хватило с лихвой, чтобы досконально понять, почему жители Лиллехаммера готовы вставать до восхода солнца, чтобы хоть краешком глаза увидеть сильнейших гонщиков мира. Лыжи в Норвегии – не хобби и даже не спорт, а образ жизни. Люди шли на стадион семействами: с термосами, бутербродами и специальными подстилками (чтобы не стоять на промерзлом, леденящем снегу), подталкивая детей постарше, а малышей просто посадив на плечи и в рюкзаки, торопились, чтобы занять места поближе к старту и финишу.

Я, честно говоря, посчитала случайностью, когда на очередном повороте идущий впереди норвежец посторонился, чтобы освободить нам дорогу, и вдруг застыл как вкопанный: «Сметанина?! Кулакова?!» А стоило нам появиться на трибуне, как по ней моментально понеслось то же самое: «Кулакова!!! Сметанина!!!» Еще через минуту болельщики начали становиться в очередь – за автографами…

Самые большие мои опасения – превратиться за полтора часа в снежного человека соответствующей температуры – тоже развеялись сразу. Прямо на стадионе два десятка добровольцев по очереди, разбившись на пятерки, устраивали танцевально-гимнастическое действо, а трибуны в заданном музыкой ритме колыхались в непрерывном скачущем экстазе. Любое событие на лыжне: виражи специальной машины, чуть свет нарезавшей пятикилометровую лыжню, старты патрульных групп, раскатывающих готовую трассу, – встречалось воплями восторга. И к тому моменту, когда в стартовом загоне появились первые участницы, толпа была наэлектризована до предела.

Как мы болели за Егорову! Наученные горьким опытом

ожидания победы на самой первой, пятнадцатикилометровой дистанции, где Люба проиграла знаменитой итальянке Мануэле Ди Чента, мы говорили о чем угодно, только не о том, что Егорова может выиграть. После поражения Люба выглядела настолько расстроенной, что, казалось, она может просто не успеть забыть о первой гонке и целиком настроиться на новый бой.

Но она выиграла.

Потом Егорова обессиленно сидела на снегу в нескольких метрах от финиша, а рядом, уткнув лоб ей в плечо, словно обиженный, несчастный ребенок, точно так же сидела и всхлипывала Ди Чента…

* * *

– Люба, у меня просто нет слов!

– Думаете, у меня есть? Я даже не чувствую сейчас ничего. Знаю, что бежать одеваться надо, иначе замерзну, но на самом деле даже на это сил нет.

– Тогда до встречи через час?

– Договорились…

После поражения в первой гонке она отказалась со мной разговаривать. Я была в отчаянии, и Егорова, которую я расстроенно пошла провожать до автобуса, словно поняв это, вдруг очень мягко сказала:

– Простите, но мне и правда не хочется сейчас ничего говорить. Вы ведь поймете, правда? Не обижайтесь…

Двух значков с российской символикой оказалось достаточно, чтобы служащий пресс-центра пропустил нас после второй гонки в пустую комнату и встал снаружи, предварительно пообещав, что внутрь без нашего на то желания не попадет никто. И, к полному моему удивлению, на вопрос, каким временем я могу располагать, Егорова вдруг сказала: «Любым, я не тороплюсь. Автобус придет только через час. Да и там, – она кивнула на дверь, – разойдутся».

– Вы настолько не любите журналистов? Или побаиваетесь?

– Да нет. Просто в том состоянии, в котором я обычно бываю во время соревнований или перед ними, сложно отвлечься от внутренних мыслей и контролировать все, о чем приходится говорить. А пишут об этом по-разному. Далеко не всегда приятно. Да вы и сами слышали, какие вопросы задают. Не собираюсь ли я, по примеру Юхана-Улафа Косса, пожертвовать свои премиальные деньги на помощь детям, больным СПИДом. Что отвечать? При

том, что никаких денег я еще и в глаза не видела. Но прекрасно знаю, что любое мое слово тотчас будет напечатано в сотнях изданий.

– А что хотелось бы ответить?

– Такие жесты могут позволить себе только очень богатые люди. Но это – не ответ, это мое личное мнение. Может быть, я ошибаюсь, но мне часто кажется, что в наш адрес – я имею в виду весь бывший СССР – журналисты гораздо чаще позволяют себе не очень корректные вопросы. И сами это прекрасно знают. Иначе чем объяснить, что задают их не в официальном порядке, а стараются дождаться окончания пресс-конференции и ущипнуть побольнее, вынудить признать, что мы – нищие. Вот и стараюсь пореже с вашим братом встречаться.

– Я, честно говоря, была склонна списывать вашу неразговорчивость на пресс-конференциях на незнание языка.

– Я говорю по-немецки. Учила в школе, а сейчас постоянно есть разговорная практика. И уже не первый год думаю о том, что пора приниматься за английский. Но пока не получается – просто не хватает времени. И тяжело – без элементарной основы. К тому же во время таких соревнований гонка отнимает все. Нет желания даже выходить из комнаты: поела, почитала – и спать, спать, спать.

Расставались мы друзьями. И я отчетливо понимала, что спортсменов, в которых я влюблена отчаянно и бесповоротно, стало на одного больше…

* * *

В Лиллехаммере, впрочем, я любила весь мир, и он отвечал мне взаимностью. Накануне женской эстафетной гонки ко мне вдруг подошел норвежец, отвечавший за организацию работы лыжного пресс-центра.

– Слушай, ты завтра очень занята?

– А в чем проблема?

– Понимаешь, я вот тут подумал: мы ведем стадионный репортаж для зрителей на четырех языках. А на русском – нет. Но ведь именно ваша женская команда – самая-самая. Если ты не против, мы могли бы это исправить…

Получив согласие, норвежец деловито объяснил, что в день эстафеты мне следует быть на стадионе за два часа до начала гонки. Дополнительную служебную аккредитацию он гарантирует, но будет жесткий контроль: ждут короля Норвегии Харальда Пятого.

Утренние инструкции тоже были жесткими. Внимательно слушать, что именно говорит информатор на английском, немецком, французском и норвежском языках, затем в микрофон дословно переводить все сказанное на русский.

Провожаемая этими напутствиями, я направилась в главную комментаторскую будку стадиона.

Но как только на стартовой позиции появились четыре российские гонщицы, у меня, что называется, «сорвало крышу».

Первую половину дистанции, пока на лыжне были Елена Вяльбе и Лариса Лазутина, я еще как-то держалась, позволяя себе, как бы невзначай, нейтральным тоном добавлять к официальному тексту превосходные эпитеты по отношению к каждой из российских спортсменок и всей российской команде в целом. Но когда на стадионе показалась Нина Гаврылюк, которая мчалась к финишу третьего этапа вплотную за норвежкой Элин Нильссен, тормоза отказали напрочь.

– Рви ее, Нина, – истошно орала я в микрофон. – Вперед, Россия! Лю-ю-ю-ба, давай, миленькая! Девчонки, вы – лучшие!!!

Возможно, это была самая красивая победа Игр. Правда, тут же, прямо в финишном створе, куда я влетела из комментаторского скворечника, как на крыльях, на меня набросилась Лена Вяльбе:

– Что ж вы такое делаете-то, а? Стою, к старту готовлюсь, а тут вдруг на весь стадион: «Девочки, за вами – Россия!» Я эти слова как услышала, аж слезы на глаза навернулись. Самые противоречивые чувства раздирать начали. Перчатками лицо вытираю, а сама думаю: только б старт не пропустить. А уж там я вам устрою…

На выходе со стадиона я столкнулась с живописной группой: со стороны ВИП-трибуны рядом с королем Харальдом, его супругой и королевской свитой шел вице-президент МОК Виталий Смирнов. Увидев меня, он сделал страшные глаза и почти не разжимая губ процедил: «Ну ты, мать, дала… Сумасшедшая! Ей-богу, сумасшедшая…»

Для Егоровой та золотая эстафетная медаль стала в Лиллехаммере третьей…

Глава 3. Прости меня, Игорь…

Жена выдающегося американского конькобежца Дэна Дженсена, Робин, плакала на трибуне для почетных гостей, и слезы размывали нарисованные на ее щеках американские флаги. А внизу, на скользком льду Олимпийского овала точно так же плакал ее муж, ставший чемпионом Игр с мировым рекордом на дистанции 1000 метров.

За два дня до того Робин тоже не могла сдержать слез: когда Дженсен споткнулся на первой дистанции Игр – 500 метров, это можно было объяснить выражением, существующим в любом языке – «первый блин комом».

После той, сумасшедшей в своем драматизме, гонки тренер Дженсена, Питер Мюллер, сказал:

– Конечно же, он приехал в Норвегию выигрывать. Для этого ему совершенно не нужно было выкладываться полностью. Хотя бы на девяносто процентов. Но готов он был на сто десять и прекрасно знал об этом.

– Что вы говорили Дэну перед стартом?

– Чтобы он забыл обо всех предыдущих победах и поражениях. Что должен бежать так, как тысячу раз бегал на тренировках – спокойно и, может быть, чуточку осторожнее, чем привык. Но мне показалось, что я говорю впустую. У Дженсена был такой отсутствующий взгляд, что я буквально прочитал все его мысли. Он ждал неудачи…

* * *

Олимпиада никогда не отдает долгов. Их приходится вырывать у нее с мясом и кровью. Будь иначе, конькобежное золото Лиллехаммера наверняка поделили бы между собой двое – Дженсен и Игорь Железовский. Но вышло так, что оба подошли к тем Играм с репутацией самых больших олимпийских неудачников.

– …О чем думали вы перед стартом, Дэн?

– Мне почему-то вспомнилось, как еще в школе я три года подряд на День святого Валентина посылал открытку с подарком девочке, которая мне безумно нравилась, а открытка от нее все эти три года приходила парню из соседнего класса…

Похоже, лед олимпийских катков играл с Дженсеном в ту же самую игру. На протяжении трех Олимпиад спортсмен отдавал конькам всего себя, но трижды не добился взаимности в главном.

Я не беру в расчет Игры в Сараево, где Дженсен, которому не исполнилось и девятнадцати, занял шестнадцатое место на километровой дистанции и, ко всеобщему удовольствию американской команды, стал четвертым на «пятисотке».

Настоящие неудачи начались потом.

В 1988-м, в Калгари, в день старта на 500 метров, Дженсену позвонили из дома, чтобы сообщить, что состояние его старшей сестры, которая была больна лейкемией, резко ухудшилось. Говорить Джейн уже не могла, но успела услышать слова брата, что он побежит для нее. Дженсен упал на дистанции, еще не зная, что сестра так и не увидела его на старте. Через два дня он точно так же упал на «тысяче».

Четыре года спустя, в Альбервилле, он, как и в Сараево, снова стал четвертым на первой дистанции конькобежной программы, споткнувшись на последнем вираже. Но еще более нелепым оказался второй забег – на 1000 метров, когда из-за теплой погоды и все время наползавшей на каток туманной хмари лед раскис настолько, что Дженсен с его девяноста килограммами живого (без коньков) веса «утонул» на первых же метрах, и его время на финише было лишь двадцать шестым.

– Я суеверен, как, наверное, и все спортсмены, – говорил Дженсен в Лиллехаммере после забегов на 500 метров, когда трое призеров (из них двое – российские, Александр Голубев и Сергей Клевченя), ошеломленные внезапным подарком судьбы в виде полупадения чемпиона мира, отправились на первую в своей жизни олимпийскую пресс-конференцию. – В Хамаре я пытался заставить себя думать о том, что здешний лед для меня счастливый – ведь именно здесь я выиграл все, что только мог, два месяца назад на этапе Кубка мира. Здесь установил рекорд мира на «пятисотке». А с другой стороны – не мог прогнать гаденькие мысли, что что-то обязательно должно случиться, как случалось на всех Играх. Впрочем, кого это сейчас волнует…

Золото Голубева и серебро Клевчени было воспринято всеми российскими болельщиками как сенсация, совершенно невероятное и оттого особенно драгоценное достижение. Но все-таки в значительной степени эти медали были подарком от Дженсена. Голубев и сам сказал после: «Я не видел, как бежал Дэн. Но когда узнал его время, то вдруг почувствовал, что у меня затряслись ноги. Единственная мысль, которая мелькнула на старте, что в любом случае медаль Сергея у нас уже есть. А значит, и мне терять нечего…»

* * *

Железовский должен был победить еще в 88-м, в Калгари. На тот момент ему принадлежали все мировые рекорды в спринте. Но спортивная судьба распорядилась иначе. Лед олимпийского катка оказался слишком быстрым. Настолько, что на всех трех спринтерских дистанциях мощного, тяжелого Игоря выносило на каждом вираже на лишние десятки метров. Будь до старта побольше времени, тренеры, возможно, успели бы что-то придумать: по-другому поставить лезвия, изменить заточку коньков. Вот только времени на это не оказалось.

Через год на чемпионате мира в норвежском Херенвене Железовский словно брал реванш, остервенело устанавливая еще более невероятные рекорды. Потом он скажет, что ни одну из своих побед не променял бы на олимпийскую. Но то заведомо было неправдой. Скорее, Железовский старался таким способом защитить свою собственную психику от вопроса, на который почти никогда не удается найти ответ: «Почему, будучи таким сильным, я не сумел выиграть главный старт жизни?»

На Играх в Альбервилле минчанину вновь не повезло. Конькобежцев поселили на высокогорье, вместо того чтобы разместить их в долине возле катка. Высота и сыграла фатальную роль. По воспоминаниям олимпийского чемпиона Калгари Николая Гуляева, спортсмены теряли сознание, стоило лишь нагнуться для того, чтобы зашнуровать конькобежные ботинки. На дистанции они и вовсе не отдавали себе отчет в том, что происходит. Сил хватало лишь на первые сто метров. Дальше накрывало тягучим ватным кошмаром.

В Лиллехаммер Железовский ехал, понимая, что у него остался последний шанс. Он был уже далеко не так хорош, как на своей первой Олимпиаде в Калгари и два года назад – в Альбервилле, по-прежнему любил повторять, что никакая олимпийская медаль не сравнится с лавровыми венками выигранных им мировых чемпионатов, и все-таки надеялся (не мог не надеяться, иначе не остался бы в спорте еще на два года) на высшую справедливость. Ту самую, которая на Олимпийских играх так часто берет необъяснимый, с точки зрения здравого смысла, тайм-аут.

На это же надеялся Дженсен.

* * *

– Как вы сами расцениваете свою медаль, как закономерность или как подарок судьбы, Дэн?

– Я до сих пор не верю своему счастью.

– А я не верю тому, что вы смогли бы уйти из спорта, так и не дождавшись олимпийской победы.

– Как раз это решение было принято окончательно еще до старта. Я понял, что не имею права и дальше испытывать нервы своих близких. Когда я увидел глаза Робин после всех моих поражений, мне стало страшно от мысли, что же должна переживать она, – со стороны ведь мои неудачи выглядят просто ужасно. Робин никогда не говорила мне, что устала ждать, я никогда не видел ее слез, хотя знаю, сколько раз ей приходилось плакать. Когда я выступаю, то не могу думать ни о чем, кроме соревнований: ни о жене, ни о дочери. Я в прямом смысле их просто не вижу, не слышу, что они мне говорят. И накануне последнего старта вдруг совершенно отчетливо понял, что когда-нибудь могу просто остаться один. Ради чего? Ради медали, которую, скорее всего, мне так и не придется подержать в руках?

– В конце концов, даже если бы вы и не выиграли, все равно остались бы в истории коньков как великий спринтер.

– Вот это как раз слабое утешение. Я бы соврал, если бы сказал, что никогда не думал об этом. На самом деле думал и понимал, что пытаюсь сам себя утешить. Точно так же меня утешали подобными аргументами и другие. Людям со стороны практически невозможно понять, насколько у нас, спортсменов, уязвимая психика. Мы же все – больные люди. Я – не исключение. И здесь для меня не существовали никакие былые победы и рекорды. Только одна мысль: что я десять лет пытаюсь достичь главной цели, а на самом деле, если разобраться, все, чего добился на Олимпийских играх, это два четвертых, шестнадцатое и двадцать шестое места, и… падения. И вы считаете, что об этом можно не думать?

– Знаю, что нельзя. Но на месте вашей жены, ей-богу, сказала бы: «Слушай, Дэн, плюнь на все. Даже если ты побежишь спиной вперед и совсем не в том направлении, все равно будешь лучше всех. Причем всю жизнь, а не какие-то несчастные несколько лет».

– Она приблизительно так и говорила. И вообще я пришел к выводу, что если с чем мне повезло в этой жизни, так это с семьей. Не будь у меня Робин, я бы, наверное, давно уже плюнул на все…

* * *

С женой Дженсену действительно повезло. Не подойти к ней на трибуне, где нас на «пятисотке» разделяли всего несколько сидений, я не могла. Впрочем, в ожидании забега ее

подбадривали все. Большей частью – с плохо скрываемым состраданием. А она, трясущимися руками сжимая хрупкий картонный стаканчик с кофе, сказала:

– Я ужасно боюсь, что, когда все закончится, Дэн так и не сможет забыть эти проклятые коньки. И всю жизнь будет мучиться от мысли, что он – неудачник. А мужчина не должен жить с таким чувством. И не должен позволять женщине себя жалеть. Даже самой близкой женщине.

– Он уже знает, чем собирается заняться, когда Игры закончатся?

– Смотря чем они закончатся…

… Слезы Дженсена, Робин, и снова Дженсена, крупным планом обошедшие телеэкраны мира, заставили плакать всю сентиментальную Америку. Даже известие о том, что прямо на стадион позвонил президент США Билл Клинтон, не произвели на очевидцев триумфа более сильного впечатления, нежели бег чемпиона.

– Я ничего не помню, – говорил Дэн после финиша. – На старте повторял: «Мне все равно». А после первого же виража словно провалился в какой-то транс. И очнулся только после финиша.

– И?

– И понял, что мне действительно все равно, даже если кто-нибудь еще пробежит быстрее. Я сделал все, на что был способен…

… Он выиграл, несмотря на то, что по ходу дистанции спотыкался, чуть не падая, дважды. Вторым стал Железовский. Усмехнулся, по обыкновению, в телекамеры: «Что ж, видно не судьба…»

Что на самом деле творилось в душе белорусского спортсмена, лучше других понимал в тот момент лишь его извечный соперник. Иначе, наверное, он никогда бы не написал письмо, которое Железовский получил через несколько месяцев после Олимпиады: «Прости меня, Игорь, за то, что я выиграл…»

Глава 4. Золото для Украины

Последняя золотая медаль Олимпиады-94 в фигурном катании одним судейским голосом была присуждена украинской фигуристке, чемпионке мира-1993 шестнадцатилетней Оксане Баюл.

Для того чтобы в Норвегии олимпийской чемпионкой стала американка Нэнси Керриган, было сделано все. С ней носились как с писаной торбой. Более десятка предсоревновательных пресс-конференций с Керриган в главной роли начинались обращением к журналистам: «Будьте корректны – ни слова о деле „Керриган – Хардинг!”»

Темная криминальная история с покушением, спланированным (как выяснилось) одной американкой для того, чтобы вывести из борьбы другую, к началу Игр всем порядком поднадоела. По инерции в один из первых дней Игр журналисты посетили пресс-конференцию Тони Хардинг, но складывалось впечатление, что вопросы ей задают тоже автоматически, давно на самом деле устав копаться в подробностях этого дела.

Как бы то ни было, зал Олимпийского Амфитеатра, где состязались фигуристы, уже во время технической программы женщин был заполнен до отказа.

Весьма занимательным был состав сидящей на трибунах публики. По заявкам олимпийских комитетов на каждую страну было выделено не более чем по десять – двенадцать входных билетов. На Америку – семьдесят. Судя по количеству национальных флагов на трибунах, соотношение остальных зрителей было примерно таким же. Болели, естественно, за Керриган.

Комментарии американки сводились к одному: «Несмотря на все последствия покушения, я – в прекрасной форме. Никогда еще не каталась лучше. Спасибо за веру и поддержку». А между строк читалось: «Я приехала побеждать. И ничто не сможет воспрепятствовать этой победе».

В технической программе судьи вывели американку на первое место. Было абсолютно ясно, что для окончательной победы Керриган нужно только не упасть в произвольной. Других героев общественное мнение просто не допускало. И уж тем более призрачными казались шансы украинки Баюл.

Это для официальных лиц она была украинкой. А для всего мира – русской. По негласным законам фигурного катания, Россия, уже выигравшая в Лиллехаммере три золотые и две серебряные медали, должна была просто-таки в обязательном

порядке отдать четвертую. Именно по этой причине восемь лет спустя в Солт-Лейк-Сити лишили золота Ирину Слуцкую. Золотых российских медалей на тех Играх было не три, а две, но все равно Ира попала «под раздачу».

Другое дело, что украинские тренеры были отнюдь не склонны считать свою спортсменку русской. До развала СССР Оксана вообще ни разу не попадала в поле зрения руководства сборной. В пятнадцать лет, уже представляя Украину и впервые приехав на свой взрослый чемпионат, она стала чемпионкой мира. Через год фаворитом приехала в Лиллехаммер.

Но на последней тренировке перед заключительным прокатом случилось ЧП. Оксану ударила коньком еще одна претендентка на медаль, немка Таня Шевченко.

Пострадали – и достаточно серьезно – обе. Получилось так, что и Баюл, и Шевченко с разных концов катка заходили на прыжок и спинами друг к другу, то есть вслепую, по какому-то ужасному стечению обстоятельств оказались на одной линии. И обе спохватились лишь в воздухе. На огромной скорости Шевченко рассадила лезвием конька ногу Баюл, а та, запоздало выставив вперед руки, попала сопернице точно в солнечное сплетение. Таню со льда унесли. Оксана доехала до бортика сама, но тут же была отправлена в госпиталь, где на поврежденную ногу наложили швы.

По жребию Керриган вышла на лед в финале второй в последней группе – впереди Баюл. Каталась она хорошо. Но, выполнив программу-минимум, то есть не сорвав ни одного элемента, тем не менее оставила впечатление абсолютно трезвого расчета. Потому что назвать вдохновением нескрываемый восторг спортсменки, заранее уверенной, что проиграть ей не позволят, было бы натяжкой.

Триумф американки вышел еще более эффектным, чем можно было бы предположить накануне. Почву для него подготовила, по иронии судьбы, та самая злоумышленница Хардинг. Начать с того, что на лед, когда на табло загорелось ее имя, она не вышла. Только по истечении второй минуты ожидания, уже под сменивший аплодисменты оглушительный свист встрепанная Тоня появилась из-за кулис, словно тряпи́чная кукла, вышвырнутая чьей-то сильной и безжалостной рукой. Можно было подумать, что кататься она не собиралась вообще. Несмотря на меняющиеся на секундомере цифры и лимит времени (по правилам ИСУ, если спортсмен опоздал на три минуты, он должен быть снят с соревнований), Хардинг, повернувшись спиной к судейской ложе, демонстративно стала завязывать шнурки. А через минуту после начала катания, сорвав подряд два

прыжка, в истерике подъехала к борту, указывая на развязавшийся ботинок.

Думаю, в любом другом случае дисквалификация была бы неминуемой. Но Хардинг являла собой столь жалкое зрелище, что рефери – Бритта Лундгрен и ее ассистент Герхардт Бубник – сочувствующе закивали головами, тем самым дав добро на повторный прокат программы, но вызвав бурю негодования у практичных американских телекомментаторов: из-за нарушения расписанного до секунд графика они рисковали не уложиться в прямой эфир.

Второй сбой в расписании произошел после того, как лед покинула Керриган: крохотные инкубаторские девчушки в униформе минут десять собирали цветы и никак не могли унести их со льда – огромные охапки то и дело выскальзывали из детских ручонок. Баюл же, заметно нервничая, нарезала круги, стараясь не наехать на сыплющиеся с трибун букеты…

* * *

Вряд ли ее тренер Галина Змиевская знала, как поддержать ученицу в этой ситуации. Я вспомнила свое давнее интервью с величайшим итальянским тренером Карло Фасси, который за тридцать лет работы с американскими фигуристками подготовил нескольких легендарных чемпионок мира – Пегги Флемминг, Дороти Хэмилл, Джил Тренари.

– Когда спортсменка выходит на лед, она должна быть уверена в том, что в этот момент во всем мире нет ее красивее, очаровательнее и сильнее, – говорил Фасси. – И вина тренера, если он не смог найти единственно правильных и нужных для этого слов.

Глядя на то, как по очереди тренеры сжимали у бортика руки своих учениц, словно отправляя на заклание, и на то, какая надежда и плохо скрытая мольба о помощи светились в глазах спортсменок, я понимала, что Фасси абсолютно прав. Но и здесь Керриган располагала колоссальной форой – в ее неотразимости и могуществе была громогласно убеждена вся Америка, а может быть, и весь мир.

– …Галина Яковлевна, что вы сказали Оксане перед стартом?

– Нам здесь страшно не везло. После того как неудачно выступил Витя Петренко, во многом – из-за рассыпавшихся перед ним коньков эстонского фигуриста, я просто была в шоке. И ничего хорошего от этих Игр, честно говоря, не ждала. Но понимала, что не имею права это показать. Сказала только:

«Держись, девочка». А сама подумала, что если нам не поможет Бог, то рассчитывать больше не на что.

* * *

Со стороны все выглядело бесшабашно просто: перекрестившись и традиционно поплевав через левое плечо, Оксана отправилась на ледяной эшафот, словно на вечеринку.

Одному Богу было известно, чего ей стоила эта показная веселость…

– Я не помню ничего, и ни о чем не могла думать, – рассказывала она мне после пресс-конференции. – Ужасно болела нога, ныла спина, – видимо, я повредила ее, когда упала. Правда, перед соревнованиями ко мне подошла Шевченко вместе с немецким врачом, и он сделал мне две новокаиновые блокады. А заодно дал горсть таблеток, после которых я стала хоть чуть-чуть ориентироваться в происходящем. И все равно боль была какой-то одуряюще тупой.

Ночью, после феерической победы Баюл и столь же невероятного поражения Керриган, журналисты, не успевшие в Хамар, наблюдали за повторной трансляцией состязаний и потрясенно спрашивали: «Как?» Не было ни одного, включая и нас, очевидцев, человека, кто мог бы объяснить доступными и привычными словами, как мог этот взахлеб рыдающий от испытанного ребенок справиться с тем, что преподнесла ему олимпийская судьба. Но справился же, и как!

– Оксана, что случилось на последних минутах катания? Ты изменила программу?

– Я должна была прыгать каскад, состоящий из тройного и двойного прыжков. Но вместо тройного тулупа необъяснимо для себя сделала двойной. И решила, что, пока музыка не кончилась, надо срочно исправляться. И прыгнула еще раз. А вообще, честно говоря, не помню. Что-то прыгала, прыгала и не могла дождаться, когда закончится музыка.

– А почему так плакала после проката?

– Увидела оценки на табло и никак не могла их сосчитать. Просто не понимала, много это или мало. И от боли. Так жалко себя было.

На следующий день в главном пресс-центре Лиллехаммера снова была пресс-конференция Керриган, на которой впервые за две недели зал поражал обилием пустых мест.

Впрочем, наверное, я преувеличиваю. Накануне вечером в Хамаре перед журналистами был разыгран еще один,

заключительный, спектакль. Серебряный призер Игр потребовала, чтобы вход на аудиенцию с ней был свободным только для американцев, а для остальных – сколько останется мест. И прибыла в сопровождении свиты из двадцати восьми человек на двадцать минут раньше чемпионки. Но вопросов почти что не было. Когда я поинтересовалась у коллеги из CBC, почему, на его взгляд, Керриган не выглядит расстроенной, он, не задумываясь, ответил:

– Для нее спорт – бизнес. И поражение – не что иное, как неудавшаяся сделка…

Глава 5. Цена медали

На обратном пути из Норвегии в Россию, в самолете Осло – Москва на моих глазах российский фристайлист Сергей Шуплецов за пять тысяч долларов расстался со своей первой и единственной серебряной олимпийской медалью. «Очень нужны деньги», – сдавленным голосом произнес он, и на скулах заходили желваки.

Год спустя Сергей погиб в автокатастрофе. Я же, порой вспоминая о нем, как наяву вижу именно эту грустную картинку…

Возможно, когда таких медалей несколько, расстаться с одной, тем более за солидную компенсацию, – не такая уж большая потеря. Но практика говорит об ином. Олимпийское золото для человека, который его выиграл, – бесценно. И ни одна награда в мире не идет с ним ни в какое сравнение.

Объяснить феномен Олимпийских игр мир пытается на протяжении многих десятилетий.

– Я до сих пор не могу понять, что это такое, – говорил выдающийся тренер по фигурному катанию Валентин Николаев, подготовивший вместе с Галиной Змиевской двух олимпийских чемпионов – героиню Лиллехаммера Баюл и Виктора Петренко, выигравшего в 1992-м в Альбервилле. – У меня высшее техническое образование. Знаю и могу объяснить, почему самолеты летают. Но когда смотрю на самолет, то по-человечески не понимаю, почему «это» не падает на землю. Так и с Олимпийскими играми. Все их отличие от любого крупного турнира заключается лишь в отсутствии рекламы на бортах. Судьи те же, участники те же, программы те же. А турнир совершенно другой. И напряжение на этом турнире несравнимо ни с чем.

Об Олимпийских играх трудно писать достоверно, наблюдая за ними со стороны. Сопричастность – в любом качестве, будь ты журналист, врач или велосипедный техник, – кружит голову, притягивает, отравляет душу единственным желанием: увидеть победу своего спортсмена. Возможно, поэтому на то время, что продолжаются олимпийские баталии тех или иных Игр, все остальные события на планете уходят на второй план.

Олимпийские интервью, взятые сразу после победы, в которых спортсмен обстоятельно рассказывает о том, как именно боролся и побеждал, – редкость. Как правило, все говорят одно и то же: «Счастлив. Ничего не помню».

И то и другое – неправда. В большинстве случаев у чемпиона

остается лишь одно желание: закрыть глаза и ни о чем не думать. И полное опустошение.

Еще тяжелее бывает тем, кто проиграл…

Олимпийское золото – страшная вещь. Оно неизменно ломает жизнь на «до» и «после». По одну сторону, на этапе восхождения – нечеловеческий труд и великая цель. По другую – уже совсем другая жизнь и недопустимость мысли, что ты можешь стать вторым.

Возможно, я никогда в жизни не поняла бы этого, если бы сама не прошла через олимпийскую мясорубку в 1976-м. Но, как бы то ни было, в Лиллехаммере не приходилось сомневаться, что все великие фигуристы-профессионалы, временно вернувшиеся в большой спорт как раз перед теми Играми, приехали туда именно за победой. Двукратная олимпийская чемпионка Катарина Витт. Победители Игр-1988 Брайан Бойтано, Екатерина Гордеева и Сергей Гриньков. Триумфаторы Альбервилля Наталья Мишкутенок и Артур Дмитриев, Виктор Петренко. Британцы Джейн Торвилл и Кристофер Дин, выигравшие олимпийское золото в 1984-м в Сараево…

Проиграли все, кроме Гордеевой и Гринькова.

* * *

Пожалуй, здесь необходимо отступление.

Моим любимым спортивным журналистом всегда был Станислав Токарев. Когда в середине восьмидесятых меня взяли внештатным стажером в газету «Советский спорт», он работал там же. И вот однажды, закончив работать, мы вместе двинулись в сторону метро. У Токарева сильно болела нога, он шел, опираясь на палку, и всю дорогу допытывался у меня, на кой черт мне вообще нужен этот хлеб. По его словам – горький и неблагодарный.

Несколько лет спустя, когда Токарева уже не стало, в одной из его книг я обнаружила слова: «Бывает, идет на старт тот, кто тебе дорог, ты сердцем чувствуешь приближение неудачи и не имеешь права отвести взгляд. И нет большего горя, чем видеть несчастье друга и писать о нем».

Спорт в этом отношении – жестокая штука. Победа Гордеевой и Гринькова в Лиллехаммере заставляла ликовать, а поражение Мишкутенок и Дмитриева рвало душу. Восторг, вызванный выступлением Оксаны Грищук и Евгения Платова, переплетался с отчаянием: именно к этой медали почти двадцать лет безуспешно шли Майя Усова и Александр Жулин…

В день танцевального финала в Хамаре я так и не смогла вернуться обратно в Лиллехаммер. Последний автобус давно ушел, я же сидела на полу под дверью раздевалки и ждала, когда оттуда выйдут Майя и Саша. На часах было полвторого ночи, журналисты и участники давно разъехались, завершив танцевальную пресс-конференцию, на которой серебряные призеры Игр так и не появились. И я совершенно искренне не понимала, как можно уйти, не поглядев в глаза и не сказав какие-то слова поддержки тем, кто проиграл.

Что говорить людям, жизнь которых только что на моих глазах разлетелась в мелкие куски, я не знала. Да и говорить ничего не пришлось: так и не дождавшись фигуристов, я уехала из Хамара самым ранним автобусом, чтобы вернуться туда снова ближе к вечеру на выступления фигуристок-одиночниц и заранее запланированное интервью с еще одним проигравшим – Кристофером Дином.

О беседе мы договаривались еще до финала, и у меня не было никаких сомнений в том, что Дин не придет. Он был слишком раздавлен проигрышем. Как и Джейн. За месяц до Игр, выиграв чемпионат Европы, фигуристы говорили, что готовы к любому развитию событий. В том числе – к поражению. Но когда Торвилл и Дин стояли в Лиллехаммере на третьей ступени пьедестала, было слишком очевидно, что они были готовы к поражению в любой день, кроме этого…

На интервью Дин пришел. Сел рядом со мной на трибуне и уже спокойно сказал:

– Мы все равно ни о чем не жалеем. Дело ведь не только в медалях. А прежде всего в вызове – самим себе. Знаете, когда мужчина в возрасте влюбляется в молоденькую девушку, он во всем старается прыгнуть выше головы, совершенно не думая в тот момент, насколько оправданно его поведение в глазах окружающих. И чем бы ни кончилась такая любовь, воспоминания о том времени, когда ты был способен ради чего бы то ни было становиться лучше, сильнее, самоотверженнее, остаются на всю оставшуюся жизнь. Так и мы. И не самое главное, что взаимности не получилось…

Похожий разговор состоялся у меня и с Бойтано. С ним, как и с английскими танцорами, я познакомилась за год до Лиллехаммера – на чемпионате мира в Праге. Бойтано рассказывал, что с большим интересом работает комментатором, иногда пишет газетные колонки в USA Today. Тогда же он произнес зацепившую меня фразу:

– Журналисты обычно предпочитают чемпионов и штампуют в общем-то похожие друг на друга интервью. На мой взгляд,

гораздо интереснее в этот момент взять в оборот проигравшего.

Эти слова я напомнила ему в Лиллехаммере. Бойтано грустно усмехнулся:

– Наверное, мне не стоило снова лезть в это пекло… Нам часто кажется, что мы никогда не будем похожи на людей старшего поколения. Не будем одеваться так, как они, не будем так рассуждать. Многие предупреждали меня, что я делаю ошибку, возвращаясь в любительский спорт. И в глубине души я был абсолютно уверен, что им просто не дано понять, чем я руководствуюсь. Я чувствовал себя сильным, намного сильнее, чем был шесть лет назад. У меня появился опыт, которого не могло быть и не было в Калгари…

Но только сейчас я по-настоящему понял причину своего поражения. Спортсмен должен жаждать борьбы, а я жаждал только победы. И когда понял, что уже не смогу за нее бороться, то, естественно, расстроился, но трагедией, какой по идее должно было стать поражение – и какой оно всегда было для меня, – это поражение не стало. Более того, я был абсолютно доволен многими вещами: тем, как прыгал, что все-таки неплохо справился со всей программой в целом. Но все мои маленькие успехи просто смешны на том фоне, на котором вели борьбу остальные фигуристы. И даже не только призеры…

* * *

Нечеловеческую боль в глазах проигравших в Лиллехаммере я помню до сих пор. Помню, как в день лыжного мужского марафона, точнее, ближе к вечеру, когда Владимир Смирнов – русско-шведский казах, как шутливо называли его друзья и журналисты, поскольку официально Смирнов выступал именно за Казахстан, а постоянно жил в Швеции, – выцарапал все-таки золото, а кумир всей Норвегии – трехкратный олимпийский чемпион Альбервилля Вегард Ульванг – остался девятым, на кухню, где мы с Кулаковой, Сметаниной и Скобликовой отмечали «свою» победу, заглянул хозяин дома. В руке он держал запыленную бутылку домашнего самогона.

Пили мы тогда за Смирнова и Ульванга. Хотя героем Игр стал совсем другой норвежец – Бьорн Дэли.

– Я никогда не буду болеть за Дэли, – упрямо стучал по столу кулаком хозяин. – Ульванг – он настоящий. Парень с севера. Все, чего добился, – заработал сам. Своим трудом и упорством. А Дэли – южанин. А это… – хозяин раздраженно поморщился, – как у вас – грузины. Я знаю, что говорю! В юности несколько лет учился в

инженерно-строительном институте в Санкт-Петербурге. Тогда он назывался Ленинградом, но это не важно… Южные люди не умеют заставлять себя тяжело работать. Да, Дэли талантлив. Много выиграл. Но для меня он никогда не встанет вровень с Ульвангом. Да и со Смирновым тоже.

Норвежец опрокинул очередную стопку, немного помолчал…

– Я рад, что Смирнов выиграл. Нет, правда. Уж если не Ульванг…

* * *

…В память о той Олимпиаде на моей московской кухне до сих пор висят занавески, которые я сшила, вернувшись из Лиллехаммера. Точно такого же цвета и фасона – с подхватами из толстых, заплетенных в косу матерчатых жгутов – как на кухне того маленького и гостеприимного норвежского деревенского дома. И каждый раз, когда на них падает взгляд, я вспоминаю последний вечер, пожилого хозяина, искренне болевшего за наших спортсменов, и его слова, сказанные нам на прощание, когда уже были подведены медальные итоги Игр:

– Все-таки Норвегия – очень маленькая страна. Это справедливо, что она проигрывает великой России…

1996 год. Атланта

Глава 1. Бардак вселенского масштаба

В день закрытия Игр в Атланте все журналисты пресс-центра с напряжением ждали выступления президента Международного олимпийского комитета Хуана Антонио Самаранча. По уже сложившейся на нескольких Олимпиадах традиции он неизменно вставлял в свою прощальную речь слова: «Эти Игры были лучшими в истории». В этом и заключалась интрига: скажет Самаранч нечто подобное в этот раз или нет?

Он сказал. Формально прилагательного «лучшие» в его речи не было. Но там тем не менее хватало иных хвалебных эпитетов. И пресс-центр, услышав это, хором взвыл в возмущенном негодовании.

Незадолго до моего отъезда в Атланту в редакцию «Спорт-Экспресса» приехал американский журналист – собственный корреспондент журнала Sports Illustrated Джефф Лилли. Он готовил большой блок интервью с российскими коллегами на тему грядущей Олимпиады. В качестве одного из собеседников ему и подсунули меня – как олимпийскую чемпионку.

На вопрос американца о том, что я думаю по поводу Игр в Атланте, я необдуманно ляпнула:

– Ничего хорошего. Насколько мне известно, основное население Атланты – это негры. Как показывает мой личный опыт, когда за организацию чего бы то ни было берутся черные, порядка не жди. У большинства из них слишком приблизительные представления как о дисциплине, так и о пунктуальности.

Джефф аж подпрыгнул: «Елена, я тебя умоляю, не произноси таких слов. Я не могу написать слово „негр” в своем материале!»

Я пожала плечами.

– Мне-то что за дело? Не можешь – найди другие слова. Ты же спросил меня, что я думаю? Вот именно это я и думаю. По крайней мере у меня нет никаких оснований считать иначе…

* * *

Выбор Атланты в качестве столицы Игр-1996 многим казался странным. До 1984 года Игры для стран-хозяев были, пожалуй, лишь делом престижа и отличной возможностью дать мощный толчок развитию спорта в целом. Олимпиада в Лос-Анджелесе стала переломной: доказала, что при грамотной постановке дела главные соревнования современности способны приносить

сумасшедшие прибыли всем, кто так или иначе участвует в их организации. Поэтому и драки за право проведения Олимпиад вышли на новый уровень.

Казалось бы, Игры-96, которым суждено было пройти в год столетия современных Олимпиад, просто-таки обязаны состояться в Афинах – там, где, собственно, и родилась древняя олимпийская традиция. Но на выборах Афины проиграли. Поговаривали, что виной всему деньги, ведь именно в Атланте расположены штаб-квартиры «Кока-Колы» и телегиганта TBS.

Ну а в Атланте начался бардак. Все призывы МОК к оргкомитету с просьбами хоть как-то ограничить в дни Игр количество частного транспорта на улицах наталкивались на железобетонный ответ: «Мы не можем посягать на права американского народа!» В итоге работа транспортной системы то и дело блокировалась, хотя и без того была организована чудовищно. Например, чтобы попасть из пресс-центра в бассейн (три минуты и восемь долларов на такси, из которых семь брали только за факт посадки в машину), нужно было в течение сорока минут добираться до главного транспортного узла, делать пересадку, причем ждать автобуса приходилось от двадцати минут до часа, и ехать еще сорок минут в обратном направлении.

Как-то последний по расписанию, почти полуночный автобус прессы, отходящий от олимпийского бассейна, подхватил, едва отъехав от остановки, пяток местных зрителей и отправился развозить их по станциям метро. Журналисты были в ярости. Возможность закончить работу хотя бы на полчаса раньше на Олимпиадах, где порой приходится работать круглосуточно, весьма принципиальна. Однако на это возмущение от толстенной черной американки-водителя последовал убийственный ответ: «Это – американские граждане. А мы – на американской земле. Права соотечественников для меня первостепенны!»

Когда скандал в салоне вспыхнул по полной программе и «приблудную» публику были готовы если не линчевать, то на полном ходу выбросить из автобуса, негритянка спокойно заглушила мотор на перекрестке, открыла переднюю дверь, достала из бардачка пару гамбургеров и со словами «Надоели вы мне все…» ушла в ночь.

Волонтеры информационных служб в Атланте регулярно занимали на стадионах чуть ли не всю трибуну прессы (другие места были полностью проданы зрителям) и не могли связно ответить ни на один вопрос.

«Зачем вам понадобилась эта работа?» – не выдержала я как-то в гимнастическом зале. «Почему нет? – искренне удивилась собеседница, необъятным желеобразным обликом как две капли

воды напоминавшая уже упомянутую мною даму за рулем. – Во-первых, дали форму. Во-вторых, я с утра до вечера бесплатно смотрю гимнастику. Знаете ли, нравится. Вы видели, кстати, сколько у меня автографов на бейсболке? Кормят, опять же, три раза в день бесплатно. Где взять протоколы? Ну, я, право, не совсем в курсе. Может быть, вам стоит спросить где-нибудь там, на улице? Там есть палаточка, из которой вроде бы носят бумажки…»

Иногда действия волонтеров и вовсе теряли всякую логику.

Как рассказывали мне обитатели Олимпийской деревни, в один из дней Игр охранники здания, где располагался Макдональдс, вдруг ни с того ни с сего запретили выносить на улицу мороженое. На этажи гостиничных корпусов, где жила российская делегация, по нескольку дней подряд не загружали прохладительные напитки. Нет, злым умыслом нигде не пахло: так, халатность и непоколебимая уверенность в том, что все, что делают американцы, они делают правильно.

Чем ближе было закрытие Игр, тем больше мелких деталей начинало откровенно резать глаз и вызывать раздражение. Неистовые американские болельщики были готовы под завязку заполнять трибуны даже во время предварительных соревнований, несмотря на проливной дождь или палящее солнце. Но как только выяснялось, что в финале не будет спортсменов США, трибуны пустели. Особенно заметно это было в состязаниях борцов, боксеров. Проплешины на зрительских местах бросались в глаза даже в телевизионных репортажах.

Да и сами репортажи оставляли желать лучшего. Американские операторы без конца показывали выступления лишь «своих» спортсменов. Одна из газет опубликовала письмо, присланное жительницей какого-то маленького городка руководству ТВ-компании, обслуживавшей Игры. «Я очень благодарна вам за возможность увидеть всех наших спортсменов, – писала американка. – Но иногда, знаете ли, хочется посмотреть и на тех, кто выигрывает медали…»

Апофеозом этого бреда для меня стал один из гимнастических финалов. В гимнастике соперники очень редко проявляют недоброжелательность по отношению друг к другу, сколь бы жесткая борьба ни разворачивалась между ними на помосте. Зрители, как правило, тоже поддерживают всех без исключения. Особенно тех, кто падает. Это легко объяснить: слишком жесток этот вид спорта. Слишком тяжелой ценой достаются медали и звания. Слишком рано там начинают понимать, что такое боль и какими страшными могут быть травмы. Когда же в Атланте с бревна в самом начале комбинации,

не попав ступней на снаряд, упала россиянка Оксана Ляпина, зал в едином порыве взревел от восторга.

Так что каждую из выигранных в Атланте российскими спортсменами золотых медалей можно было смело причислять к подвигу.

Глава 2. Человек-загадка

До начала Игр вряд ли бы во всем спортивном мире нашелся человек, который мог подумать, что золото на обеих дистанциях баттерфляем может достаться кому-либо, кроме Дениса Панкратова. К тому времени он уже был чемпионом и рекордсменом мира и потрясал публику не только своими результатами, но и совершенно необычной техникой прохождения дистанции: половину первого 50-метрового отрезка Денис проплывал под водой, работая одними ногами, и только на этом опережал ближайшего соперника на корпус.

Когда российская делегация еще только летела в Атланту из Москвы, в салон эконом-класса заглянул президент Олимпийского комитета Виталий Смирнов. Разговорился о чем-то с главным тренером по греко-римской борьбе Михаилом Мамиашвили и вдруг кивнул на сидящего рядом пловца: «Вот этот парень едет выигрывать две золотые медали…»

На Олимпийских играх в Барселоне от Дениса тоже ждали медали. Как минимум серебряной. Но там он остался шестым. Почему – я никогда особенно не интересовалась. Для газеты требовались интервью с теми, кто победил, а дружеского общения у нас не получалось. Денис оставался единственным из всей команды, кто упорно, несмотря на не бог весть какую разницу в возрасте, продолжал величать меня на вы. Все мои попытки объяснить ему, что при такой форме общения я чувствую себя крайне некомфортно, разбивались об одну и ту же фразу: «Я так привык…» И это сохраняло дистанцию в отношениях.

Разоткровенничался он лишь однажды – в 1995-м, на одном из летних турниров по плаванию, где я по обыкновению, помимо журналистской работы, выполняла в команде функции переводчика, менеджера, мамки, няньки и «прислуги за все». Панкратов тогда установил свой первый мировой рекорд, плюхнулся без сил на кем-то подставленный стул и, обращаясь ко мне, прошептал: «Расскажите им что-нибудь обо мне сами, пожалуйста. Я что-то совсем ничего не соображаю».

Журналисты там бегали за Панкратовым и за его тренером Виктором Авдиенко стаями. Громогласно восхищались нестандартной для дельфиниста техникой, и, сами того не желая, усадили Авдиенко на его любимого конька: о тонкостях стилей своих подопечных волгоградский тренер всегда мог рассуждать часами. В итоге он настолько заморочил журналистам голову, что в отчете французской L'Equipe появилось следующее: «Панкратов – это не что иное, как хорошо отлаженная и чудовищно мощная

машина, которая управляется головой и способна развивать любую скорость».

Мне Авдиенко тогда рассказывал совсем другое. Отбесновавшись после рекордного заплыва своего ученика на трибуне и чуть не поломав мне ребра объятиями («Ты что, ничего не понимаешь? Он мировой рекорд установил!!!»), он вдруг заговорил о том, что дети из благополучных семей в спорт не приходят. А идут туда большей частью те, кому нечего есть. Поэтому он и переживает за своих ребят по-сумасшедшему. Защищать-то их некому.

Рассказал и о том, как много лет назад двенадцатилетний Денис неудачно упал в летнем лагере, перерезав запястье осколком бутылки, которая валялась в траве. И он – Виктор – волок его на себе через лес, на шоссе, и ни одна машина не хотела останавливаться…

Сам же Панкратов, которого я все-таки, когда схлынули эмоции, заставила отвечать на свои вопросы, вдруг сказал, вспоминая о Барселоне:

– Я никогда и никому не говорил об этом, но у меня ведь там все деньги украли. Это обнаружилось буквально за десять минут до отъезда в бассейн. Понимаете, сейчас бы плюнул и забыл. А тогда… У меня мама всю жизнь, когда еще нормальные деньги были, сто шестьдесят рублей в месяц получала, меня тянула, и те мои деньги были первой в жизни премией, которую я заработал на соревнованиях. Полторы тысячи долларов… Я их в Барселону и привез-то, чтобы что-то домой и для мамы купить. А самым гнусным во всей этой истории было то, что деньги пропали в Олимпийской деревне, где, кроме своих, никого не было. Это меня очень здорово выбило тогда из колеи…

* * *

«Он странный, – говорил мне о Панкратове бывший ватерполист итальянской сборной, главный редактор журнала Nuoto Камилло Каметти. – Ведет себя не так, как остальные, не так плавает. Никогда нельзя сказать, в какой он форме, – все тренировки выглядят по-разному. А если плывет быстро, то опять же никто не знает, как быстро финиширует. И как быстро он вообще способен плыть. Человек-загадка».

Олимпийский сезон складывался для Панкратова катастрофически неудачно. Зимой спортсмен установил два мировых рекорда на этапе Кубка мира в Париже, но они не были засчитаны. По правилам Международной федерации плавания,

каждый такой рекорд должен в обязательном порядке сопровождаться допинг-контролем. Только после того как проба рекордсмена официально объявлена отрицательной, результат получает статус рекордного. Но у французских организаторов, как назло, в тот день закончились лабораторные пробирки. Европейские газеты запестрели заголовками «Панкратов не прошел допинг-контроль», и в сознании множества людей между фамилией российского пловца и словом «допинг» автоматически появился знак равенства.

Еще более неприятным было то, что Международная федерация, не утвердив рекорд, не удосужилась поставить в известность ни самого пловца, ни российскую сторону: Панкратов и Авдиенко узнали об этом из выпуска новостей.

Летом Денис простудился во время двухмесячного сбора во Франции, простуда перешла в бронхит, и, даже приехав в Атланту, он не мог отделаться от неприятной тяжести в легких. К тому же когда на разминке перед предварительными заплывами Панкратов оказался позади немца Цикарски, тот нечаянно ударил его ногой по кисти и выбил Денису палец…

Накануне первого финала – на дистанции 200 метров – Виктор Авдиенко выглядел невменяемым. Позже он объяснил:

– У Дениса вдруг, несмотря на все эти неприятности, появился сумасшедший ход на «сотне». Но дело в том, что двести метров так плыть нельзя – невозможно удержать скорость от старта до финиша. Слишком разные эти дистанции. Не случайно 100 и 200 метров баттерфляем одновременно на Олимпийских играх за последние двадцать четыре года – со времен великого Марка Спитца – не выигрывал ни один пловец. И я испугался. И сам Денис испугался – после разминки два дня назад вылез из воды с квадратными глазами: мол, вперед тащит так, что не знаю, что делать. Я умолял его не плыть на рекорд (в этом случае спортсмен иногда теряет контроль над собой), а спокойно контролировать ситуацию. Потому что не знал, насколько быстро готовы проплыть остальные. Можно протащить на себе соперника до самого финиша, а потом не суметь от него уйти…

Сам Панкратов вспоминал иначе:

– Я зверски устал в утреннем заплыве. Первую половину дистанции прошел быстрее мирового рекорда, а потом, видимо, сработало чувство самосохранения. Поэтому в финале решил не экспериментировать со скоростью и действительно не думать о рекорде, а плыть только на победу. Прекрасно понимал, что ее все ждут, и это страшно давило. После того как перед моим финалом первую золотую медаль выиграл Саша Попов, стало немножко легче. Ну, а по-настоящему я почувствовал, что

полностью владею ситуацией, лишь когда финишировал первым.

Спустя день Денис стал двукратным олимпийским чемпионом, выиграв стометровку. На этот раз – с мировым рекордом. И я даже не могла в тот момент представить себе, что несколько лет спустя, уже закончив плавать, он скажет мне в интервью:

– Игры в Атланте стали для меня огромным разочарованием. В тот день я явно повзрослел. Двадцать лет я шел к этой цели. Единственной цели своей жизни. Авдиенко приучил всех своих учеников, что никакие достижения, кроме победы на Олимпийских играх, не имеют никакого значения. Мы все искренне верили в это. Если бы мне перед тем заплывом в Атланте сказали: «Ради того, чтобы выиграть, ты должен умереть», я бы сознательно на это пошел. Был готов завершить свою жизнь ради олимпийской победы. Это такая цель, что жизни не жалко.

Я искренне верил, что если выиграю Олимпиаду, то как только коснусь бортика, непременно произойдет что-то грандиозное. А когда я его коснулся и ничего не произошло… Это были обычные аплодисменты, обычная – причем чужая – радость. Меня же переполняли самые противоречивые чувства… Я понимал тогда, что должен выиграть во что бы то ни стало. Всем должен. Руководству, тренеру, ребятам из команды, ребятам, которых я выбил из этой команды во время отбора на Игры. Наверное, поэтому первой мыслью было: «Я отдал все долги». А второй – что двадцати лет моей жизни этот момент не стоит. Мне было жаль этих двадцати лет…

Глава 3. 2:0!!!

25 июля 1996 года Америка жаждала получить кумира. Им в 19.56 по местному времени, на которое был назначен финал на 50 метров вольным стилем, должен был стать Гэри Холл.

Впрочем, точно с таким же нетерпением местная публика валила в бассейн двумя днями раньше, на королевскую для спринтеров-кролистов дистанцию – стометровку.

Этот вид программы испокон века считался в плавании столь же элитным, как стометровка в легкой атлетике, как поединки профессиональных боксеров-тяжеловесов. К тому же за всю историю плавания лишь одному человеку – легендарному Джонни Вайсмюллеру, Тарзану, – удавалось выиграть стометровку на двух Олимпийских играх подряд, в 1924 и 1928 годах. А ведь великих спринтеров после него в вольном стиле было немало: Дон Шолландер, Марк Спитц, Роуди Гейнс, Мэтт Бионди… За предшествующие Атланте пятьдесят лет лишь пятерым неамериканцам (считая победителя московских Игр, где не участвовали спортсмены США) удавалось стать на «сотне» обладателями вожделенного золота. Одним из них стал Александр Попов. В 1992-м в Барселоне.

Та победа (при живом Мэтте Бионди!) возмутила Америку до глубины души. Так что в Атланте страна жаждала реванша. Майки и транспаранты с надписью «Вперед, Гэри! Мы любим тебя!» на лотках и с рук шли на ура.

Однако стометровку Холл проиграл. Осталось уповать на 50 метров.

* * *

На самом деле американец был просто обязан выиграть эту дистанцию. Есть масса мелких признаков, по которым специалисты способны достаточно достоверно оценить соотношение сил на дорожке. Все они были не в пользу Попова. Первую половину стометровки Холл и в предварительном заплыве, и в финале начинал быстрее Попова. В эстафете 4×100 проплыл свой этап с феноменальным результатом – 47,45, показав на половинной отметке 21,87 – почти на секунду быстрее, чем на этом же отрезке Попов. Успел зарекомендовать себя как самый быстрый стартующий: на всех без исключения дистанциях время стартовой реакции у Холла было как минимум на десятую быстрее, чем у его главного соперника. И если на «сотне» это

было не так принципиально – Саша успевал нагнать американца и выиграть у него финиш, – то на «полтиннике» могло оказаться решающим.

Была еще одна причина всепоглощающей любви всей страны к своему спринтеру. Американцы, как никакая другая нация, обожают, когда за человеком стоит не просто результат, но story – душещипательная история падений и взлетов. Отец Гэри представлял Америку на трех Олимпийских играх подряд. В Монреале нес флаг США на торжественном открытии Игр. А несколькими днями позже весь мир обошел снимок: бронзовый призер Игр на дистанции 100 метров баттерфляем Холл делает круг почета вокруг бассейна, держа на руках двухлетнего Гэри. Гэри Холла-младшего.

Когда младший занялся плаванием, тренеры клуба отнеслись к этому достаточно скептически. Практически никогда, даже находясь в великолепной форме, Холл-младший не был способен показать высокий результат. Сгорал от дикого желания стать первым. И мучился подспудной мыслью о том, что его имя постоянно сопровождает приставка «сын знаменитого спортсмена».

Мне рассказывали, что именно тогда, во времена юниорских выступлений, у Гэри появилась привычка надевать на голову перед ответственными соревнованиями наушники плеера, максимально увеличивая громкость, – чтобы отвлечься.

Первым серьезным успехом американца стало серебро чемпионата мира-1994 в Риме на дистанции 100 метров вольным стилем. Тогда он проиграл Попову 0,3 секунды и был абсолютно счастлив. Сразу после возвращения Холл сменил тренера, перейдя к известному в США Майку Боттому, но особого прогресса не последовало. Даже на отборочном чемпионате США пловец проиграл Джону Ольсену, с трудом попав в олимпийскую команду. А в Атланте заявил во всеуслышание: «Я приехал выигрывать и сделаю это непременно!»

Ни один из дней, предшествовавших выступлению, не обходился без того, чтобы служба информации не опубликовала очередное интервью с Холлом.

«Когда рекордсмен мира Том Джеггер проиграл отбор и не попал в олимпийскую команду, он лично подошел поздравить меня и сказал: „Побей русского!" Я пообещал, что сделаю это…»

«… Попов боится меня. Он не смотрит мне в глаза, потому что знает, что на меня не действует его гипнотический взгляд!»

«… Я – самый быстрый пловец в мире. Попов – чемпион. Но его время прошло в Барселоне».

«… Мой отец звонил мне, чтобы подбодрить. На самом деле

он волнуется. Я же спокоен и уверен в себе. Атланта – мой шанс. И я не намерен его упустить!..»

Американские средства массовой информации сделали все, чтобы к началу Игр вовлечь в дуэль Холл – Попов всю страну. Президент США Билл Клинтон сказал, что непременно найдет возможность лично приехать на состязания спринтеров, чтобы поддержать своего спортсмена. Каждое появление Холла на бортике трибуны встречали нечеловеческими воплями и овацией. Радиоинженеры бассейна лично поинтересовались у пловца, какую музыку он хотел бы слышать, выходя на старт…

* * *

Когда до Игр в Атланте еще оставался год, Попов приехал на чемпионат Европы в Вену за неделю до соревнований и ждал тренера. Геннадий Турецкий, тренировавший тогда австралийцев, должен был прилететь туда из Америки, где австралийская команда выступала на Тихоокеанских играх. Он не прилетел. В самолете, которым тренер летел в США, чтобы присоединиться там к сборной Зеленого континента, Турецкому стало плохо, он, падая, вцепился в стюардессу, вместе с ней рухнул на одного из пассажиров, в салоне поднялась суматоха, и пилот принял решение совершить незапланированную посадку на Гавайях. Поскольку виновником этого признали именно Турецкого, тренера сняли с рейса, авиакомпания обратилась в суд, а тот вынес неожиданное решение: приговорить подсудимого к месячному заключению в местной тюрьме.

Сам Турецкий позже вспоминал свою «гавайскую отсидку» с иронией. За месяц вынужденной изоляции он начал писать книжку, разработал парочку необходимых для работы компьютерных программ. Да и скучать ему особенно не приходилось: выдающегося российского тренера регулярно навещал в тюрьме не менее выдающийся американский пловец, трехкратный олимпийский чемпион Роуди Гейнс.

Но Попов, которому предстояло стартовать в Вене, был в шоке. Внешне он сохранял бодрость духа, но мне сказал тогда:

– Наверное, я не должен волноваться. В конце концов, с тех пор как Турецкий стал работать в Австралии, мне в основном приходится ездить на соревнования в одиночку. Но мне его не хватает. Особенно тогда, когда начинаю чувствовать, что плыву не так быстро, как хотелось бы. И некому подсказать со стороны. Выиграть здесь, в Вене, мне не помешает ничто. Но в следующем году – Олимпийские игры. А это гораздо сложнее, чем все

остальные соревнования вместе взятые. Надо быть уверенным в себе и полностью доверять тренеру. Я же все чаще и чаще думаю о том, что тренер уже два года не видел меня на соревнованиях…

За две недели до Игр в Атланте Попову предстояло пережить еще один удар. Руководство австралийской олимпийской сборной выставило Турецкому ультиматум: во время Игр он не имел права не только работать с Поповым, но даже разговаривать с ним на территории бассейна. К тренеру был даже приставлен видеооператор, который снимал все действия и передвижения Турецкого на пленку. Поэтому все общение тренера с учеником сводилось большей частью к коротким беседам на пути от бассейна к Олимпийской деревне.

За несколько дней до первого старта я увидела звездную парочку у входа на стадион. Направилась было в их сторону, однако Геннадий, с которым мы к тому времени были знакомы, что называется, тысячу лет, как бы невзначай встал у меня на пути. Оттеснил в сторонку, попросил закурить. И по своему обыкновению – без предисловий, словно мы виделись в последний раз не два года назад, а вчера, начал рассказывать:

– Знаешь, многие тренеры делают ошибку, начиная настраивать пловца перед стартом, а потом удивляются, если случаются неудачи. А удивляться тут нечему. Игры начинаются как минимум за три недели до их открытия. Продумывать необходимо каждый поступок, каждое слово, сказанное спортсмену. Ведь слово coaching в английском языке имеет четырнадцать различных толкований. Бегать по бортику с секундомером – лишь одно из них, причем далеко не самое главное. Ни в коем случае нельзя позволять своему пловцу почувствовать твое волнение – это мгновенно передается. Даже общение с журналистами я стараюсь ограничить до минимума. Потому что каждая дополнительная мысль о предстоящем старте высасывает из спортсмена энергию…

Турецкий резко замолчал, посмотрел на меня в упор и неожиданно жестким тоном сказал:

– Не подходи к Сашке сейчас. Не нужно. Прошу тебя об этом только потому, что знаю: ты поймешь меня правильно.

Обижаться было глупо. Я не меньше, чем Турецкий, хотела, чтобы Попов совершил в Атланте невозможное. Его первая победа была все-таки в какой-то степени закономерной: начиная с 1991 года Саша не проиграл стометровку ни разу. Но 50 метров в плавании всегда считались лотереей. А тут еще этот Холл с его скоростями…

В день второго финала, когда стало известно, что визит Клинтона в бассейн все-таки состоится, тренеров снова

залихорадило. После долгих совещаний в штабе российской делегации на переговоры с Турецким отправился его близкий друг, приехавший в Атланту одним из руководителей команды:

– Гена, мне поручено тебя предупредить, чтобы вы с Сашкой были предельно осторожны. Одному Богу известно, на какие эксцессы способна американская публика в присутствии своего президента…

Турецкий лениво потянулся, щурясь на солнце. Зевнул:

– Вообще-то мы сегодня планировали вздрючить только Холла… Придется – и Холла, и Клинтона…

Первое, что я увидела, войдя вечером в бассейн, – абсолютно спокойного Турецкого на бортике разминочной ванны. Он улыбнулся, помахал рукой и, видимо почувствовав мое беспокойство, крикнул: «Все в порядке!»

– Я перестал беспокоиться после первой дистанции, – рассказывал Турецкий позже. – Увидел, что Сашка преодолел психологический барьер, который был перед началом соревнований. Что он полностью контролирует ситуацию и при этом спокоен сам.

…За считаные секунды до того, как должен был грянуть марш, под который участников финала выводили на старт, телеэкраны вдруг крупным планом показали лицо Попова. Он улыбался.

* * *

На стартовую позицию Гэри Холл вышел, сжимая в руках плеер. Уши были стиснуты громадными – в полголовы – наушниками. Отсутствующий взгляд. Слишком отсутствующий, чтобы поверить в его спокойствие. Холл суетился, раздеваясь. Отказался от традиционной серии боксерских ударов по воздуху, как делал перед всеми предыдущими стартами. Сложил костюм в специальный ящик, зачем-то вытащил снова, вновь бросил в ящик, встал на тумбочку… И точно под зуммер стартера ушел на дистанцию. На 0,1 секунду быстрее Попова.

Через 22,13 секунды для него все было кончено. На следующий день одна из американских газет вышла с заголовком: «У Попова слишком длинные руки», в котором подразумевалось касание, выигранное русским пловцом и опрокинувшее надежды Холла на победу. Каким образом Саше удалось опередить соперника в этом заключительном движении, не понял даже он сам.

Спуститься на бортик сразу после заплыва, чтобы поздравить

Попова и Турецкого, мне не удалось: единственный выход был наглухо перекрыт полицейскими. По коридору, с опозданием направляясь в почетную ложу, в окружении многочисленной свиты шел президент США. Он еще ни о чем не знал…

На пресс-конференции Гэри Холл по-прежнему держался с апломбом:

– Конкуренция на дистанции 50 метров всегда такова, что каждый из нас был способен сражаться за медаль.

– Серебряную медаль, – произнес кто-то вполголоса за моей спиной. Попов же, когда микрофон оказался в его руках, заметил:

– На меня так же, как и на других, действовало давление трибун. Как они были настроены, вы видели сами. Что же касается Гэри Холла, у него был шанс. Может быть, он даже не догадывается, насколько этот шанс был велик…

* * *

Позже мы с Поповым еще не раз вспоминали те победные выступления.

– Мы ведь и правда готовились ко всему, – говорил Саша. – Турецкий очень часто повторял, что слияние американского патриотизма и тех денег, которые перед Играми американцы начали вкладывать в спорт вообще и в плавание в частности, может обернуться совершенно непредсказуемыми последствиями. Предупреждал меня насчет возможных провокаций.

Я, кстати, более чем уверен, что история с его тюремным заключением на Гавайях в очень большой степени была спровоцирована. Посудите сами: Турецкий летел в США один, без команды. Но едва самолет успел совершить посадку, как американские журналисты уже располагали детальной информацией – включая и то, что на Олимпийских играх я вполне могу оказаться без тренера.

Когда я сам на американском самолете летел в Атланту, то был просто потрясен, насколько наплевательски относится весь экипаж к тем, у кого в речи чувствовался хоть малейший акцент. К «своим» штатники всегда относились по-особому. Но столько пренебрежения к иностранцам я увидел впервые. Проявлялось оно во всем, даже в мелочах. Когда же прилетел в Атланту, то ужаснулся, увидев огромное количество волонтеров, которые не только ничего не знают и ни за что не отвечают, но и всем своим видом дают понять, что хозяева здесь – они и порядки установлены тоже ими.

Впрочем, я уже ни на что не обращал внимания. Это трудно

объяснить, но меня не покидало ощущение, что все вокруг происходит не со мной, а где-то совсем в другом измерении. А я – один. Наедине со своими мыслями, ощущениями…

– Не было страшно проиграть?

– Я допускал возможность того, что выиграет Холл. Когда он утром в день финала на стометровке, не напрягаясь, проплыл дистанцию за 48,9, у меня волосы зашевелились. При этом я прекрасно понимал, что просто так победу не отдам. Если приходится плыть быстро, после финиша обычно накатывает страшная болевая волна. Когда я испытывал это, то каждый раз отдавал себе отчет в том, что однажды у меня просто могут не выдержать сердце, почки, печень, мозг. И подсознательно всегда чувствовал какую-то грань, которую лучше не переступать. Но в Атланте я совершенно трезво понимал, что, если понадобится, пойду на любое сверхнапряжение.

Я редко волнуюсь во время соревнований. Тут же меня всего колотило. Сказалось, видимо, и то, что до Игр я больше двух месяцев нигде не выступал, а от соревнований очень быстро отвыкаешь. Я всегда пытаюсь поспать перед финалом, заснул и в тот раз, но последним ощущением было выскакивающее из груди сердце. Проснулся же необычайно спокойным. Вот тогда я и почувствовал это ощущение внешнего кокона: я – внутри, а остальное меня не касается.

Наверное, это меня и спасло. Подсознательно я понимал, что главное – заставить себя ничего не слышать. Потому что стоило хотя бы на секунду обратить внимание на то, что происходит на трибунах, думать о чем-то другом становилось просто невозможным. Я видел, как у многих в этот момент наступал шок, избавиться от которого за секунды, остающиеся до старта, оказывалось невыполнимой задачей. А вот сам заплыв на стометровке – все-таки она была в Атланте моей главной дистанцией – вообще помню очень смутно. Разве что последние два гребка. Они были словно в замедленной съемке – в голове успела проскочить тысяча мыслей.

– О чем?

– Ну, что я не могу прибавить – руки уже не в состоянии разгребать воду, что Холл – я его видел боковым зрением под водой – тоже не может прибавить, что ни в коем случае нельзя снижать темп, что у меня вот-вот начнет темнеть в глазах… До Атланты всегда, когда доводилось плавать «сотню», у меня на последних гребках неизменно присутствовало чувство, что я выиграл. В Атланте такого чувства не было.

– А что было после финиша?

– Отчетливо помню лишь сумасшедший страх от мысли, что я

должен посмотреть на табло…

Глава 4. Репортаж из полицейского участка

По-моему, это была пятница. Впрочем, это совершенно точно была пятница, потому что все репортажи, запланированные на субботний номер, были переданы в Москву с утра, впереди маячил выходной – последний на Играх в Атланте – и по этому поводу в офисе «Спорт-Экспресса» планировалась грандиозная вечеринка с участием соседей по пресс-центру, журналистов французской L'Equipe. На сдвинутых в центре столах громоздилась нарезанная закуска, черная икра и в меру запотевший «Сабонис» – так на нашем журналистском сленге именовалась трехлитровая бутылка водки «Smirnoff».

Прыжки в воду – заключающий соревнования мужчин финал на десятиметровой вышке – я намеревалась посмотреть по телевизору. По уговору с шефом бригады Владимиром Гескиным мне в этот день было дозволено не ехать в бассейн. С одним, правда, «но»: в случае победы Дмитрия Саутина я была обязана любым способом – хоть лично, хоть по телефону – взять у него интервью.

Свой первый финал в Атланте – на трехметровом трамплине – Саутин проиграл. Не попал даже в призеры. И я почему-то решила, что парень просто не в форме. Соответственно, и ехать в бассейн не видела никакого смысла. Тем более что после предварительных соревнований на вышке Дима шел вторым.

Телевизор в пресс-центре мы тоже включили не сразу. Но когда включили, выяснилось, что после второго из шести произвольных прыжков Саутин опережает ближайшего соперника на десять с лишним баллов. После третьего разрыв увеличился до 30,24. После четвертого он уже составлял 49,05. Космический показатель…

– Сейчас кому-то придется ехать в бассейн… – сочувственно произнес мой коллега Сергей Родиченко. И, взглянув на часы, стрелки которых приближались к одиннадцати ночи, добавил, повернувшись в мою сторону: – Пойдем, несчастная… Я провожу тебя до такси.

Такси перед пресс-центром не оказалось. Первая машина появилась из-за угла спустя пятнадцать минут, когда на тротуаре, помимо меня, уже скопилась целая группа страждущих. Все вместе мы бросились наперерез автомобилю, и в этот момент на проезжей части вдруг нарисовался лилово-черный, бритоголовый, двухметрового роста регулировщик.

– Вернитесь на тротуар, – вопил он во весь голос. – Это – приказ!

Я уже успела первой распахнуть дверь машины, поэтому посчитала, что ко мне эти вопли не относятся. Полицейский вцепился в мою руку и стал оттаскивать меня в сторону. Недолго думая, я наотмашь ударила его по запястью.

В следующую секунду моя рука оказалась вывернутой за спину, и черные пальцы сменились металлическим кольцом. Сопротивляться почему-то больше не хотелось…

В полицейском отделении было почти пусто. Несмотря на все попытки Родиченко прорваться вместе со мной внутрь, его не пропустили – оставили ждать в коридоре. В комнате трое столь же здоровенных, как и мой сопровождающий, негра лениво пили кока-колу и смотрели телевизор. Почему блюстители законности выбрали для просмотра прыжки в воду, было полной загадкой: параллельно транслировали баскетбол.

Видимо, мне просто повезло. И я нахально прямо в наручниках уселась перед экраном досматривать финал, предварительно потребовав начальника. Его не было.

Впрочем, в тот момент и мне было не до него: Саутину оставалось выполнить заключительную попытку.

* * *

Десятиметровая вышка оставалась в Атланте последней Димкиной надеждой и, в какой-то степени, последней надеждой белых: синхронных прыжков в программе Олимпиад тогда еще не было, и все три предыдущие золотые медали в индивидуальных видах были выиграны китайцами.

В 1979 году, когда китайские прыгуны впервые появились на международных соревнованиях (это случилось на Универсиаде в Мехико), Саутин еще и не начинал прыгать в воду. В бассейн он пришел вместе с тренером Татьяной Стародубцевой два года спустя – из гимнастики. В 1991-м Дмитрий впервые выиграл юниорское первенство Европы. В 1992-м завоевал бронзовую медаль на Олимпийских играх в Барселоне. В 1993-м стал первым на взрослом чемпионате Европы на десятиметровой вышке, а еще через год выиграл чемпионат мира. Правда, уже тогда его «вышечное» будущее выглядело крайне неопределенным: у Димы начались серьезные проблемы с кистью руки.

Уберечься от подобных травм в прыжках с вышки еще не удавалось никому. Постоянная нагрузка на кисти рук при входе в воду неизменно приводит к растяжению связок – столь привычному, что на боль просто не обращаешь внимания. Бинтовать кисть целиком, чтобы зафиксировать ее в неподвижном

положении, нельзя: нарушается чистота входа в воду. Без бинтов каждый прыжок становится пыткой.

К олимпийскому сезону рука у Саутина превратилась в комок пульсирующей боли: в запястье защемились нервные окончания, началось воспаление сухожилий. Врачи рекомендовали лишь один метод, и тот – неприемлемый: перестать прыгать с вышки. Оставалось терпеть.

Самое удивительное, что, несмотря на травму, приблизиться к Саутину на каких бы то ни было соревнованиях олимпийского сезона не удавалось никому. Перед Играми газета USA Today опубликовала статью, озаглавленную «Русский робот», подразумевая несокрушимость чемпиона мира. Американским журналистам было проще думать именно так: в этом случае поражение своих прыгунов, у которых против китайцев не было ни единого шанса, выглядело не столь обидным. Однако, увидев заголовок, больше всех оскорбились именно американские прыгуны: в их кругах Саутин уже несколько лет имел уважительное прозвище The Man – Человечище! Что тут скажешь – действительно, последняя надежда белых…

Точка была поставлена Саутиным эффектно: он стал олимпийским чемпионом и единственным спортсменом, которому за последний прыжок была почти единогласно выставлена высшая судейская оценка – 10 баллов.

* * *

…Кажется, в этот момент я завизжала. Во всяком случае, офицер, который периодически в течение соревнований пытался выяснять, говорю я по-английски или нет (в чем я решительно не сознавалась), подошел снова. Уже вместе со своим шефом – сонным полутораметровым черным колобком, который был поперек себя шире, и обиженным мной громилой.

– Она меня побила, – плаксиво нудил регулировщик.

– Вы его ударили потому, что он – черный? – грозно спросил колобок.

– Говорите, пожалуйста, медленнее, – наивно хлопая глазами, попросила я, выгадывая время. – Я очень плохо понимаю по-английски.

Начальник чуть ли не по буквам повторил:

– Вы ударили нашего сотрудника потому, что он – черный?

В голове тревожно звякнул предупреждающий сигнал. Я улыбнулась, продолжая строить из себя идиотку.

– Вообще-то мне наплевать, черный он, зеленый или красно-

коричневый. В моей стране мужчины так не ведут себя по отношению к дамам. Мне рассказывали, что в Америке – тоже. Видимо, обманули… Зовите консула и переводчика, сэр! Я действительно не понимаю, чего вы от меня хотите…

Толстяк уже молча, с тяжелым вздохом открыл ключом наручники и положил передо мной предусмотрительно составленный его служащими протокол, предписывающий явиться 15 августа в городской суд Атланты. За избиение полицейского.

– Вы всерьез рассчитываете, что я это подпишу? – почуяв близкую свободу, язвительно поинтересовалась я. – Консула, босс, консула…

Он лишь устало махнул рукой: «Вы можете идти…»

История имела совершенно неожиданное продолжение. Ни в какой суд я, естественно, не явилась и всю обратную дорогу из Атланты в Москву выслушивала соболезнования коллег относительно того, что американскую визу мне, скорее всего, не дадут больше никогда в жизни. А спустя пару месяцев в США полетел мой младший брат. В России у него был солидный по тем временам оружейный бизнес, он мотался на все без исключения профильные выставки, одна из которых и проходила в 1996-м в Атланте.

К тому же по образованию Михаил был военным переводчиком. Прекрасно владел английским в самых разнообразных его диалектах, был чертовски обаятелен и без труда находил общий язык со всеми заграничными партнерами. Один из этих партнеров и пригласил его на прием, который по случаю выставки был организован главным полицейским управлением города.

В процессе совместного выпивания и последующего братания с блюстителями порядка Мишка вслух вспомнил инцидент, «приключившийся в Атланте с его любимой сестрой». Шеф полиции изменился в лице:

– Господи, это был такой позор… Не представляете, сколько времени нам пришлось потом отдуваться за те Игры. Мои охламоны ухитрились точно так же приволочь в участок в наручниках жену канадского посла, посчитав, что она как-то не так переходила улицу… А вашей сестре передайте, умоляю, что если когда-нибудь она захочет еще раз приехать в Атланту, она будет персональным гостем всего нашего управления…

Вернувшись в Москву и изложив мне в красках всю эту историю, Михаил потянулся за сумкой и извлек из нее полицейскую фуражку с кокардой и нагрудный, величиной с ладонь, эмалевый номерной знак.

– А вот это меня просили передать тебе лично в руки. Считай, что это – скальп…

Глава 5. Перекур с легендой

Под раскидистым деревом у служебного входа в олимпийский бассейн стоял четырехкратный олимпийский чемпион Грег Луганис и курил. Захотелось зажмуриться и потрясти головой. Что с того, что двадцать лет назад мы выступали с ним на одних Играх в Монреале? Там Луганис был всего-навсего дебютантом – шестнадцатилетним дарованием американской команды, которому, несмотря на феноменальное выступление, так и не удалось победить. Но потом он дважды стал олимпийским чемпионом в Лос-Анджелесе, дважды – в Сеуле, несколько лет снимался в различных голливудских студиях, играл в бродвейском мюзикле, наконец признался в том, что со времен Сеула ВИЧ-инфицирован и написал книгу о своей жизни, которая разошлась по стране миллионным тиражом. То есть превратился в легенду. А легенды, согласитесь, не могут просто так стоять под деревом и курить.

И все-таки это был он.

Я подошла сзади и безразлично произнесла: «Мне говорили, что в Америке не курят».

Боже, сколько радости было в его глазах!

– К черту Америку! Ты давно здесь? Мы же не виделись тысячу лет.

– Ты комментируешь соревнования?

– Нет, только смотрю. Не так часто, кстати. Но каждый раз думаю о том, что это – очень большая часть моей жизни. Лучшая часть. – И задумавшись, вдруг добавил: – А Сюн Ни прыгает до сих пор…

У китайца Сюна Ни Луганис выиграл в Сеуле на десятиметровой вышке 1,14 балла. Многие посчитали тогда его победу несправедливой, но она была фактом. И сразу после тех Игр Луганис объявил, что заканчивает карьеру.

Думаю, в истории прыжков в воду не было более драматичной судьбы. Для начала эта судьба отняла у Луганиса совершенно реальную возможность стать шестикратным олимпийским чемпионом: Олимпийские игры 1980 года, на которые пришелся самый расцвет карьеры Луганиса, американские спортсмены были вынуждены пропустить из-за бойкота. В спорте не очень приветствуется сослагательное наклонение, но в том, что Луганис без труда выиграл бы в Москве оба вида прыжковой программы, не сомневался никто.

Самая первая серебряная медаль Монреаля так и осталась в коллекции американца единственной наградой не высшей пробы.

Я же всегда помнила мальчишку, горько плачущего в закутке под вышками на бортике бассейна.

* * *

– Ты помнишь это, Грег?

– Еще бы. Это был один из самых тяжелых моментов в моей жизни. Дело в том, что вся моя подготовка к тем Играм была подчинена одной-единственной цели – выиграть у двукратного олимпийского чемпиона Клауса Дибиаси. Мой тренер Сэмми Ли сам дважды побеждал на Олимпиадах, он прекрасно знал, что это такое, и готовил меня к борьбе на самом высоком уровне. Более того, приехав в Монреаль, мы оба понимали, что у меня практически нет слабых мест. Когда в финале я завалил предпоследний прыжок – три с половиной оборота вперед, Сэмми так ругался, так кричал на меня… Пожалуй, я впервые видел своего тренера в таком состоянии. Да и сам был совершенно раздавлен случившимся. Чувствовал, что подвел всех сразу – тренера, страну, свою семью, друзей, людей, которые в меня верили… Казался сам себе абсолютно бессмысленным, бесполезным, не заслуживающим внимания и снисхождения существом. Ощущать все это в шестнадцать лет было настолько невыносимо, что я непрерывно думал о самоубийстве и одно время был очень близок к тому, чтобы эту идею реализовать.

– Именно по этой причине ты через год расстался с Сэмми?

– Официально причина была другой. Сэмми не мог посвящать тренерской работе все свое время, и я параллельно начал работать с Роном О’Брайаном. Какое-то время они занимались со мной совместно, а незадолго до чемпионата мира-1978 мы с Сэмми решили, что О’Брайан – как раз тот тренер, который мне нужен. И я сделал окончательный выбор в его пользу.

В то же самое время и я, и тренер чувствовали, что монреальская история не прошла бесследно. Что-то надломилось. И в нем, и во мне. Наверное, поэтому Сэмми и не препятствовал расставанию…

Немногие знали, что в конце 1979-го, узнав о том, что США намерены бойкотировать Игры в Москве, Луганис был готов даже на то, чтобы сменить гражданство. Приемный отец прыгуна был греком по национальности, и в семье всерьез обсуждали вариант выступления в Москве за сборную Греции. Беда была в том, что у Лугониса-старшего не оказалось греческого паспорта, а процедура восстановления документа заняла бы слишком много времени, чтобы успеть решить вопрос с гражданством сына.

На чемпионат мира-1982 в Гуаякиль Грег ехал фантастически мотивированным. Ведь туда должен был приехать Александр Портнов, который стал олимпийским чемпионом в Москве на трехметровом трамплине, и показать миру, «кто в доме хозяин», было для Лугониса делом чести. Портнова он опередил на том чемпионате на 121 балл. То есть вообще мог бы не выходить на заключительный прыжок: все равно остался бы первым.

После Олимпийских игр в Сеуле я много раз думала о том, что в спорте, несмотря на всю его непредсказуемость, все-таки существует некая высшая справедливость. Луганис ведь проиграл в Монреале не только из-за собственной ошибки, но и потому, что все без исключения судьи откровенно были на стороне Дибиаси: хотели, чтобы итальянец закончил карьеру с третьей золотой медалью. Так что четвертое олимпийское золото Грега в Сеуле вполне можно было считать компенсацией за ту, отчасти украденную, победу.

Когда я озвучила эту мысль, спортсмен улыбнулся:

– Возможно, ты права. Просто сам я об этом никогда не думал. За шесть месяцев до Игр у меня обнаружили ВИЧ, а по тем временам это однозначно считали приговором. В какой-то степени меня спасли прыжки в воду. Мой доктор, который одновременно был моим близким родственником, убедил меня продолжать тренировки. Сказал, что готов взять на себя всю медицинскую сторону моей подготовки, оставив мне и Рону О'Брайану лишь тренировочные заботы.

Это оказалось очень правильным решением. Каждые четыре часа, в том числе и среди ночи, мне требовалось принимать сильнодействующие лекарства. Разговаривать о своей болезни я ни с кем не мог, не думать о ней – тоже, поэтому с головой ушел в тренировки. Работал до полного изнеможения. Так, что размышлять о посторонних вещах просто не оставалось сил. Думаю, что моя физическая форма стала тем самым фактором, который помог благополучно справиться с лечением. Это было очень тяжелым испытанием в прямом смысле слова. Большинство людей с ВИЧ-инфекцией умирали в те годы как раз оттого, что организм не выдерживал столь агрессивного медикаментозного вмешательства.

Дополнительной мотивацией была мысль о том, что Игры в Сеуле станут для меня последней возможностью выразить признательность болельщикам, тренерам, своей семье. Я ведь был искренне уверен в том, что не доживу до тридцати.

– Знаешь, я часто думала о том, что твоя ужасная травма в Сеуле, когда в предварительных соревнованиях ты разбил голову, ударившись о трамплин, на самом деле сослужила неплохую

службу. Вышибла, прости за каламбур, все лишние мысли из головы, и тебе стало некогда нервничать.

– Вот в этом ты совершенно права. В предварительной серии мне повезло в том, что в запасе оставалась одна попытка, и что врач успел наложить швы до того, как нужно было выходить на заключительный прыжок. Ну когда я все-таки пробился в финал, то прекрасно понимал, что каждая попытка может стать для меня последней. Вот и фокусировался на каждом отдельно взятом прыжке как никогда в жизни.

* * *

Рассуждая о собственных достижениях, Луганис тогда сказал:

– Не раз задумывался, почему это получилось именно у меня? Я ведь вполне отдаю себе отчет в том, что добился в прыжках в воду очень высоких результатов. Мне кажется, главный секрет заключается в том, что я очень рано начал профессиональные выступления. В полтора года родители уже занимались со мной акробатикой и танцами, в три я начал выступать перед публикой, а когда подрос и занялся прыжками в воду, то параллельно с тренировками в бассейне ходил в гимнастическую секцию.

В танцевальных классах меня научили не только держать весь рисунок танца в голове, рассчитывая каждый шаг, но и как бы видеть себя со стороны. Такую визуализацию танца я впоследствии перенес в свои тренировки в бассейне. Подозреваю, что именно это дало мне возможность гораздо лучше, чем другие спортсмены владеть телом в воздухе. Я всегда совершенно точно знал, зачем делаю то или иное движение. И, соответственно, не делал лишних…

Разговаривая с легендарным спортсменом, я рискнула напомнить ему и о том, как сильно сокрушался его первый тренер Сэмми Ли, узнав, что Грег, завершив карьеру, принял участие во Всемирных гей-играх, тем самым открыто заявив о своей нетрадиционной ориентации. По мнению Сэмми, это было серьезным ударом по прыжкам в воду: в те времена считалось, что люди не очень охотно отдают детей в тот вид спорта, который может ассоциироваться в их сознании с гомосексуализмом. И мне казалось, что осуждение столь близкого человека для Грега должно было стать еще одним ударом. Но Луганис отреагировал на вопрос спокойно:

– Видишь ли… К тому времени я уже давно не был маленьким мальчиком. Мне было прекрасно известно, насколько высок процент самоубийств среди тинейджеров-геев. Эти дети

сходили с ума от одной только мысли, что они – не как все, и не знали, как вообще с этим жить. Очень важно, как мне кажется, знать, что ты такой не один и что в этом на самом деле нет ничего такого, чтобы сознательно превращать свою жизнь в кошмар. И уж тем более отказываться от нее. Для меня к тому же всегда было важно говорить людям правду о себе. Не прятать в чулане скелеты, которые кто-то когда-нибудь вытащит наружу и начнет меня шантажировать. Я всегда жил честно и открыто. Поэтому и решился на этот шаг.

– И что было потом?

– Потом пошли письма. Сначала – десятками, потом сотнями, тысячами. Люди писали, что я в прямом смысле слова спас им жизнь. Или их детям. Это, собственно, и было для меня главным подтверждением того, что я поступил правильно. Во всяком случае, курю я не от того, что у меня тяжелая жизнь. Иногда, кстати, бросаю. Как-то не курил восемь лет, но потом умер мой отец, и я снова начал покупать сигареты. Потом бросил опять, но вскоре из жизни ушла мама… Все, что мне от них осталось, – эти три кольца с драгоценными камнями. Отцовское, материнское и то, что отец подарил маме, когда они усыновили меня. Эти кольца сделаны таким образом, что соединяются в одно целое. Я никогда их не снимаю.

Что касается моей послеспортивной жизни, даже ломки особенной не было. Я стал играть в театре, участвовал во всевозможных бродвейских постановках, то есть занялся именно тем, чему меня в свое время учили в театральной школе. Своего рода отложенная профессия, можно сказать. Живу я в том же доме, что купил в Калифорнии еще до Игр в Сеуле. Для меня Малибу – это возможность жить уединенно и быть очень близко к дикой природе. Многие места представляют собой совершенно нетронутые уголки дикой жизни. С оленями, койотами, очень красивой растительностью. Мало кто понимает, насколько тяжело постоянно находиться на виду у множества людей, каждый из которых ждет от тебя соответствия каким-то собственным представлениям. У меня дома четыре собаки, и я очень ценю их общество, поскольку понимаю, что это – единственное общество, которому нет дела до того, кто я такой, насколько знаменит или богат. Они просто меня любят. А я – их.

Глава 6. Мгновения последней надежды

Вадим Богиев медленно и, как мне показалось, предельно устало снял с шеи золотую медаль, сошел с пьедестала и опустился на колени в центре ковра. Снял заранее расшнурованные туфли-борцовки, из-за пазухи бережно вытащил мокрое от пота трико и положил рядом. Поцеловал ковер. И, уже не оборачиваясь на сиротливо лежащие вещи, вновь направился к пьедесталу. Над трибунами повисло недоуменное молчание.

– Так прощаются навсегда, – произнес за моей спиной на трибуне кто-то из борцов. – Он что, с ума сошел?

Через несколько минут Богиев подтвердил в телевизионную камеру:

– Я ухожу. Это решение – окончательное.

А еще чуть позже, когда, все еще не веря услышанному, я разыскала его в тренировочном зале, Вадим вдруг очень по-взрослому сказал:

– Знаете, я где-то прочитал: «Жизнь – это то, что происходит вокруг, пока мы строим иные планы». Вот мои планы. – Богиев вытащил из-за пазухи медаль. – Золотая – я на зуб пробовал. Только все равно не хочу, чтобы жизнь проходила мимо…

* * *

Я очень любила работать на соревнованиях по борьбе. Отчасти – из-за Мамиашвили, к которому всегда испытывала глубокую симпатию и благодарность за тот давний «автомобильный» случай нашего знакомства. Отчасти – из-за Карелина, с которым мы по-настоящему подружились после Барселоны и за всеми выступлениями которого я, соответственно, следила. Отчасти потому, что на борцовских соревнованиях я всегда встречала множество знакомых еще со времен монреальской Олимпиады людей, с которыми выступала в одной команде. Ваню Ярыгина, Сослана Андиева, Левана Тедиашвили…

Но главная причина заключалась, пожалуй, в том, что борьба дарила массу непередаваемых эмоций. Этим, наверное, и отличаются единоборства от любой другой спортивной категории. Два человека, которые бьются за одну медаль, – что может быть более напряженным, бескомпромиссным, а порой – откровенно жестоким и кровавым?

За четыре месяца до Игр в Атланте в полуфинале девятого для себя чемпионата Европы, который проходил в Будапеште,

Карелин был травмирован. В поединке с белорусским борцом Василием Дибелко у него оторвалась большая грудная мышца. Травму нельзя было даже обезболить – мышца оторвалась прямо под плечевым суставом, и слишком велик был риск затронуть нервные окончания. Сняться с турнира Карелин отказался категорически. Кроме обычных капитанских аргументов («Вышел на ковер – борись»), был и еще один: с трибуны за Карелиным наблюдала его жена Ольга. Каким-то непостижимым образом он выиграл тот финал и, посадив Ольгу на самолет, поехал в госпиталь.

Из гематомы тогда откачали полтора литра крови. После операции, которая шла почти три часа, ведущий хирург Венгрии Иштван Беркеш сказал, что полноценно тренироваться Карелин сможет через два месяца. Хотя сам борец не сильно обольщался: лица врачей на консилиуме были достаточно красноречивы.

Единственное, о чем он тогда попросил хирурга, – чтобы подробные данные об операции не публиковались хотя бы пару месяцев. Понимал прекрасно, что соперникам совершенно ни к чему знать об этом.

Беркеш обещание сдержал. А спустя четыре месяца Карелин третий раз стал олимпийским чемпионом.

В зале для пресс-конференций на него было страшно смотреть. Александр опустился на стул и закрыл глаза. Я тихонько подошла к столу и, не решаясь побеспокоить, положила перед чемпионом фотографию. Этот снимок, сделанный на одном из тренировочных сборов нашим фотокорреспондентом, явно понравился Карелину. И он как-то обмолвился, что очень хотел бы его иметь.

Когда Александр увидел фотографию, у него не нашлось сил даже поблагодарить: он лишь кивнул и снова закрыл глаза, поудобнее пристроив рядом с собой на столе больную руку.

Когда-то он пришел в борьбу, отчаянно мечтая стать чемпионом мира. А в Атланте сказал: «Все чемпионаты мира, вместе взятые, не стоят Олимпийских игр…»

* * *

Самое страшное для спортсмена – проиграть Олимпиаду на последней секунде выступления. Так в Атланте проиграл пятиборец Эдик Зеновка: споткнулся за метр до финиша и упал, не дотянувшись до черты. На последней секунде в олимпийском бассейне проиграл Андрей Корнеев.

На огромном экране в пресс-центре тогда долго повторяли

этот заплыв в замедленной съемке: Корнеев – плавно делает завершающий гребок на двухсотметровой дистанции брассом и столь же плавно касается финишной стенки. Третьим. Он лидировал 199 метров. А на последнее финишное усилие не хватило сил…

За шестнадцать лет до Игр в Атланте телевидение так же безостановочно гоняло точно такой же заплыв брассом у женщин на Играх в Москве. Последний гребок лидера – Светланы Варгановой, две руки, тянущиеся к финишному бортику, и следом табло, высветившее результат: 2.29,54. И имя чемпионки – Лина Качюшите.

Победа Вадика Богиева – невысокого парнишки, который в обычной жизни, когда знакомился с девушками, для солидности называл себя Вольдемаром, была из той же серии: на последних секундах основного времени он провел прием, который после не смогли мне объяснить ни трехкратный олимпийский чемпион Александр Медведь, ни двукратные – Ярыгин и Андиев.

Еще более необъяснимой стала победа в более тяжелой категории Хаджимурада Магомедова.

В финале Хаджимураду предстояло бороться с корейцем по имени Ян Хьюн Мо. Слабых борцов в сборной этой страны в Атланте не было. Это признавали все. Называли и причину: с тех пор как президентом национальной федерации стал некто Ли – ни много ни мало владелец компании Samsung Electronics, – в стране начался борцовский бум. Благодаря покровительству Ли финансовые дотации борцовским клубам стали зашкаливать за любые разумные пределы. Соответственно, появились и результаты.

На всех финалах с участием своих спортсменов в Атланте Ли сидел в шаге от помоста в ложе для почетных гостей рядом с восьмидесятидвухлетним президентом Международной федерации борьбы Миланом Эрцеганом, королем бумажной промышленности Японии господином Шиото и прочими не менее влиятельными персонами. Мне успели рассказать, что практически никто никогда не слышал, как Ли отдает приказания свите: обычно бывает достаточно лишь взгляда.

Основное пятиминутное время поединка завершилось при равном счете, и пошел отсчет дополнительных трех минут. В этот момент человек, сидящий рядом с Ли, чуть наклонился в сторону ковра, где находились корейские тренеры, а вся почетная ложа возбужденно охнула: «господин «Самсунг»» официально объявил цену корейской победы. Три миллиона долларов.

До конца схватки оставалось две минуты… одна… тридцать секунд…

Никто не сомневался, что все происходящее на ковре однозначно будет истолковано в пользу корейца. «Что он тянет? – чуть ли не простонал на трибуне Андиев в адрес Магомедова. – Второго-то шанса не будет!»

В этот момент Ян Хьюн Мо схватил Магомедова поперек корпуса и начал поднимать в воздух на самой кромке ковра. Десять секунд до конца… семь… пять…

На борцовском языке все происходившее называлось так: кореец провел захват нырком, попытался перевести россиянина в партер. Вывернуться из подобного положения практически невозможно.

Следующие три секунды схватки можно было снимать на пленку и продавать как учебное пособие. Причем за большие деньги. Магомедов сам потом так не смог объяснить, каким образом ему удалось остановить почти законченный бросок соперника. «Я все время думал о том, что второго шанса у меня может не быть, – повторил он слова Андиева. И добавил: – Если честно, я ничего не понял сам».

Судья поднял вверх руку, запястье которой было схвачено синей, в тон трико российского борца, лентой. На электронном табло стояло время: 7.59.

* * *

Еще одно знакомство, которому было суждено растянуться на многие годы, началось в Атланте за два дня до окончания Игр. Это был заключительный день турнира борцов-вольников, и мне было приказано (именно приказано) явиться в зал. Во время Игр все становятся предельно суеверными, поэтому, прощаясь со мной в зале после победы Магомедова, Андиев безапелляционно сказал: «Чтобы была! Когда ты в зале, нам везет. Я сам прослежу, чтобы твое место на трибуне никто не занимал…»

Я, как всегда, немного опоздала. Влетела в зал в тот момент, когда из-за кулис к помосту шел совершенно неизвестный мне парень. Я даже толком не поняла, что именно привлекло мое внимание. Скорее всего, глаза – огромные, пронзительно черные и полностью отрешенные от окружающей суматохи. И спокойная уверенность.

Автоматически обернувшись ему вслед, я увидела на спине борца буквы «Россия» и лишь после этого потянулась за протоколом, в котором было проставлено: «76 кг. Финал. Бувайсар Сайтиев»…

С противоположной стороны на помост тяжело поднимался

чемпион барселонской Олимпиады кореец Парк Ян Сун.

В тот момент я еще не знала о российском борце ничего, за исключением того, что в 1995-м он стал победителем первенства мира среди юниоров и почти сразу же – взрослым чемпионом мира. Но успела заметить сомнение, мелькнувшее в глазах олимпийского чемпиона Монреаля-76 дзюдоиста Сергея Новикова: по сравнению с солидным Парком восемнадцатилетний тонкокостный Бувайсар смотрелся мальчишкой.

Однако на пятой минуте поединка, когда зал окончательно уверовал, что борцам будет дано дополнительное время, Сайтиев нырнул в ноги Парку, и тела соперников сплелись в какой-то невообразимый клубок. За десять секунд счет из нулевого стал 4:0 в пользу российского спортсмена.

Еще через сорок пять секунд прозвучал сигнал аута – и телекамеры дали крупно лицо чемпиона. Кожа на щеке у него была содрана до крови. Кровь виднелась и в уголках рта…

С помоста Сайтиева торжествующие болельщики унесли на руках. Это золото стало первым в истории борьбы высшим спортивным достижением, автор которого – чеченец. Когда чемпиона наконец отпустили и я подошла его поздравить, виновник торжества протянул руку и слегка смущенно представился: «Бусик».

«Его умение терпеть – феноменально, – рассказывал мне Сергей Хачикян, один из тренеров Сайтиева в красноярской школе легендарного тренера Дмитрия Миндиашвили. – Терпеть и работать».

В Красноярск Бусик приехал из Хасавюрта, где остались мама, сестры, братья – шестеро человек в семье. Чуть позже, после трагедии в семье родного брата матери, Сайтиевы забрали к себе четверых осиротевших племянников. Но как в любой нормальной чеченской семье, никому не приходило в голову делить детей на родных и приемных.

– Мне было лет двенадцать, – рассказывал Бусик, – когда отец впервые сказал: «Запомни, ты – сын Хамида. И должен всегда помнить об этом».

Хамида Сайтиева в Хасавюрте знали и уважали все. К нему шли, чтобы разрешить тот или иной спор, его слово становилось непререкаемой истиной («Хамид сказал…»). Но когда Бусику только-только исполнилось тринадцать, отец погиб.

После переезда к Миндиашвили Сайтиев очень быстро начал выигрывать юношеские турниры, затем – молодежные. А в 1995-м у него возникли проблемы со здоровьем: он очень сильно вытянулся за год, и из-за этого началось разбалансирование всех

внутренних органов. Поэтому красноярские тренеры решили не торопить события. Но тем же летом Бусика внезапно вызвали на тренировочный сбор перед чемпионатом мира-95, который проходил в Атланте. И он неожиданно для многих стал там первым.

Первый взрослый чемпионат дался Сайтиеву немалой кровью. В стартовом поединке у него оторвалась часть мениска в коленном суставе. Перед вторым он едва мог держаться на ногах, но как-то довел схватку до конца. Потом мениск каким-то образом встал на место, но перед финалом боль в ноге снова стала невыносимой. Врач сборной предложил Сайтиеву обезболить сустав, но игла попала в кость. От болевого шока Бувайсар потерял сознание. И лишь за пять минут до начала финального поединка пришел в себя. И стал чемпионом.

Незадолго до Игр в Атланте Сайтиева спросили, кто, на его взгляд, будет наиболее опасен на Олимпийских играх. Он задумался: «Иранец Эйса Момени, немец Лайпольд, американец Кенни Манди и кореец Парк». И добавил: «Интересно, кто из них попадет в мою подгруппу?»

Попали все четверо. Момени проиграл Сайтиеву со счетом 0:8, Лайпольд – 1: 3, Манди – 1: 6, Парк – 0:4…

Потом мы вместе шли в сторону пресс-центра, и я украдкой рассматривала борца, пытаясь понять, почему на его лице нет ни малейшей радости.

Перехватив мой взгляд, Бусик вдруг сказал:

– Знаете, я изо всех сил старался заснуть сегодня днем, но так и не смог. Лежал, смотрел в потолок и пытался представить себе, что буду чувствовать, став олимпийским чемпионом. Думал – и отгонял от себя эти мысли. Думал – и отгонял. А сейчас грустно как-то. Была цель, мечта. Я знал, ради чего работаю. Добился этого. И совершенно не могу теперь разобраться в своих переживаниях. Как будто у меня отняли мечту…

1998 год. Нагано

Глава 1. Олимпийский чемпионат НХЛ

В последних числах сентября 1997 года, когда Олимпийские игры представлялись еще чем-то далеким, из «Спорт-Экспресса» одновременно ушли два хоккейных корреспондента. И, заявившись на работу на следующий день после этого события, я наткнулась в курилке на шефа отдела хоккея и своего давнего приятеля Сергея Родиченко.

Он был мрачен.

– Ты в курсе?

– Да. А к чему такой трагизм?

– Контракт. У газеты подписан громадный контракт на освещение НХЛ. Репортажи, спецвыпуски… Очередная командировка планировалась через три дня. Ума не приложу, как из всей этой истории теперь выпутываться. В отделе – полтора человека. И ни у кого нет ни американской, ни канадской визы.

– У меня есть вообще-то…

В глазах Родиченко с дикой скоростью попеременно мелькнули раздражение, задумчивость, скептицизм, надежда, снова скептицизм…

– Ты хочешь сказать, что могла бы поехать туда через три дня? – произнес он с недоверием.

– А почему нет? Сам же говоришь, что выхода нет. Я тебе его предлагаю…

Так началась одна из самых неожиданных авантюр моей журналистской жизни. Хоккейная.

* * *

Спустя три дня после разговора в редакции мы вместе с фотокорреспондентом газеты Сашей Вильфом летели в Ванкувер. Разместились в гостинице, дотопали до катка, получили аккредитации на домашние матчи «Кэнакс», первый из которых был запланирован уже на следующий день, вернулись обратно в отель, и только там до меня наконец дошла вся степень собственного безрассудства: об энхаэловском хоккее и хоккеистах я не знала ровным счетом ничего.

– Я не пойду ни на какой каток! – срывалась я на ни в чем не повинного коллегу. – Я ни черта не понимаю в хоккее! И этот чертов репортаж не напишу никогда в жизни! И вообще ничего не напишу! Ты видел, сколько мне здесь всего сделать надо? Одних интервью – пять штук. А я в лицо тут никого, кроме Паши Буре,

не знаю даже. Узнать только на льду могу. И то – со спины: чтобы фамилия на фуфайке была написана…

– Ну так и скажи им об этом. Кто там в списке первый? Березин? Позвони Березину и попроси, чтобы он в фуфайке на интервью пришел, – невозмутимо отреагировал Вильф. – Будешь кофе?

* * *

Гипертрофированный интерес страны (и как следствие – «Спорт-Экспресса») к хоккею объяснялся простой причиной. Играм в Нагано предстояло стать по-хоккейному уникальными. В них впервые за всю предыдущую историю Олимпиад должны были принять участие игроки Национальной хоккейной лиги – НХЛ. Другими словами – все сильнейшие хоккеисты мира. И как минимум шесть держав во главе с Канадой и США намеревались бороться в Японии за олимпийское золото.

В той поездке у меня завязались первые энхаэловские знакомства. Пресс-атташе «Ванкувер Кэнакс» Дэвин Смит, воодушевленный, как и все канадцы, близостью Олимпиады, посчитал своим долгом персонально контролировать, чтобы все мои пожелания незамедлительно выполнялись… Так что уже через сутки после приезда от моей первоначальной паники не осталось и следа.

Правда, Дэвин сразу предупредил меня на одной из первых тренировок команды, что не может гарантировать интервью с тем, кто интересовал меня наиболее сильно. С Марком Мессье.

Тридцатишестилетний Мессье, шестикратный обладатель Кубка Стэнли, на тот момент считался чуть ли не главной легендой НХЛ. Еще в 1984-м, когда хоккеист вместе со своей командой «Эдмонтон Ойлерз» получил свой первый Кубок и приз наиболее ценного игрока плей-офф, тренер команды Глен Саттер сказал: «У этого парня есть совершенно неоценимое качество. Он делает максимум возможного именно в тот момент, когда это необходимо больше всего».

Где бы ни играл Мессье, он моментально становился негласным лидером команды. Отец хоккеиста Дуг, ставший впоследствии его агентом, вспоминал, как в 1979 году он зашел в раздевалку «Индианаполиса», игравшего в Американской лиге (Марк тогда только-только появился в составе), и услышал, как сын убеждал в чем-то игроков, большинство которых были старше и опытнее. Пока Марк не закончил свою речь, ни один из хоккеистов не вышел из раздевалки. Даже в то время, когда

капитаном «Ойлерз» был великий Уэйн Гретцки, все признавали, что по-настоящему главным в команде всегда был Мессье. И что в зону его влияния так или иначе попадали все, кто имел к команде даже косвенное отношение.

Об авторитете хоккеиста тоже ходили легенды. Одна из них гласила, что в 1987 году накануне самого важного этапа розыгрыша Кубка Стэнли – плей-офф – руководство «Эдмонтон Ойлерз» было крайне недовольно игрой одного из своих нападающих, шведа Кента Нильссона. Привести Нильссона в порядок сумел Мессье. Он подошел к шведу в раздевалке и спокойно сказал: «Или ты играешь, или я отправлю тебя в Швецию… В ящике».

В плей-офф Нильссон стал одним из лучших.

Говорили, что Мессье без труда расправляется с неугодными ему тренерами. Один из таких конфликтов у него произошел в начале девяностых, когда великий канадец играл за клуб «Нью-Йорк Рейнджерс». С Роджером Нельссоном Мессье не сработался сразу. По словам очевидцев тех событий, заключительная стычка, после которой наставник команды все-таки подал в отставку, сопровождалась комментарием Мессье: «Или ты уйдешь по-хорошему, или с набитой мордой. Но уйдешь. Это я тебе обещаю».

Суть Мессье-капитана лучше всего могло бы иллюстрировать высказывание великого гольфиста современности Джека Никлауса: «Я никогда не стараюсь обидеть человека, сделать ему больно. Но только до тех пор, пока это не мешает мне играть».

Мне Мессье, естественно, казался монстром, к которому я, наверное, никогда не рискнула бы подойти, пусть имя великого игрока и стояло в моем рабочем списке первой строкой. Но получилось так, что на одну из тренировок Марк приехал с четырехлетним племянником Люком. Пока у команды шла тренировка, мы с Люком тоже играли в хоккей. Малыш с восторгом нарезал виражи на роликах, гоняя шайбу по пластиковому полу, я же обороняла пространство между мусоркой и какими-то металлическими конструкциями клюшкой, подаренной мне Джино Оджиком.

В разгар этой бескомпромиссной битвы в коридоре появился Мессье. Оставалось только знакомиться.

– Елена. К несчастью, я – журналист.

Мессье удивленно приподнял бровь:

– Почему – к несчастью?

– Потому что когда-то я была спортсменкой. И прекрасно понимаю, что в большинстве случаев слово «журналист» не вызывает у спортсмена положительных эмоций. Я не права?

Мой собеседник искренне расхохотался:

– Ну, вы же не собираетесь задавать мне вопросы?

– Почему нет? Мне, например, безумно интересно, надевали вы когда-нибудь все ваши шесть перстней обладателя Кубка Стэнли одновременно?

– А если я скажу «да»?

– Если вы скажете «нет», я все равно не поверю…

Самым ярким воспоминанием той поездки почему-то стала именно та встреча. Наверное, поэтому месяц спустя я с большим расстройством восприняла известие, что места в олимпийской сборной для Мессье не нашлось…

* * *

В конце ноября я снова была в НХЛ. На этот раз – в Монреале. Решение о повторной командировке было принято сразу после того, как в России были названы имена первых девятнадцати олимпийцев. Ехать было уже не страшно: за минувший месяц я узнала о хоккее больше, чем за всю предыдущую жизнь. К тому же в день моего отъезда главный тренер российской сборной Владимир Юрзинов добавил к олимпийскому списку еще несколько фамилий, и так получилось, что игроки «Монреаля» Валерий Буре и Алексей Морозов узнали о том, что их включили в команду, именно от меня.

Их ликованию не было предела. Если бы я не видела это своими глазами, никогда не поверила бы в то, что в серьезном энхаэловском хоккее вообще возможны столь чистые детские эмоции. Собственно, и Валерка и Алексей тогда и были детьми, на которых в Америке свалились совершенно немереные деньги, а мечталось прежде всего о титулах…

Единственным диссонансом тех монреальских ощущений был вопрос, который американские коллеги задавали мне на катке так часто, что я всерьез начала подумывать, не повернуть ли аккредитационную карточку с надписью «Россия» изнанкой к канадской хоккейной общественности. Потому что у меня не было на него ответа. Но он звучал снова и снова: «Почему ваши игроки не хотят играть за сборную?»

Сказать на это мне было нечего. Ехать в Нагано отказались очень многие по-настоящему легендарные хоккеисты. Вячеслав Фетисов, Игорь Ларионов, Вячеслав Козлов, Сергей Зубов, Александр Могильный, Владимир Малахов, Николай Хабибуллин…

Накануне отъезда в НХЛ я тогда позвонила в Финляндию Владимиру Юрзинову. Он много лет работал в этой стране,

искренне гордился тем, что ему предложили возглавить сборную, и столь же искренне переживал, что со стороны наиболее титулованных игроков вдруг посыпались отказы. Но мне тренер тогда сказал:

– Я не могу осуждать тех, кто отказывается. Кого я должен осуждать? Фетисова и Ларионова? Они – великие игроки, поколение победителей. Дважды – в Сараево и Калгари – одерживали олимпийские победы, чего я никогда не добивался как тренер. И если отказываются от участия в Играх – значит, на то у них есть веские причины. Немногие догадываются к тому же, как сложно бывает русским добиться в НХЛ уважения и авторитета. И Фетисов, и Ларионов стали в НХЛ обладателями Кубка Стэнли, выиграли в хоккее все, что можно. Разве справедливо осуждать игрока за то, что он не готов поставить на карту все, что у него есть?

Юрзинов был прав. В свое время, когда наши игроки (Фетисов и Ларионов в том числе) только-только начинали уезжать в НХЛ, Россия, увы, сделала все, чтобы за океаном ее представителей воспринимали как никому не нужных отщепенцев. После чего у канадско-американских хоккейных боссов вставал естественный вопрос: «Почему вы думаете, что здесь вас должны ценить больше, чем дома?»

Соответственно, первые контракты российских игроков, невзирая на былые заслуги, были по сути копеечными. Дело не в деньгах. Но так повелось в НХЛ, что именно сумма контракта всегда определяла ценность человека в глазах окружающих. В немногочисленных интервью уехавшие отчаянно старались скрыть то и дело прорывавшиеся между строк боль и обиду. А что им оставалось делать? Им, поколению победителей?

К тому же за несколько лет российской хоккейной истории и массовой эмиграции всех лучших в НХЛ каждый из уехавших уже слишком привык быть сам по себе. Их отношения с Российской федерацией хоккея были, по сути, отношениями, в которые протест был заложен изначально. Причем – демонстративный: «Мы – профессионалы, и сами знаем, как нам готовиться!»

Игроки позволяли себе публично обсуждать тренерский состав сборной, планы подготовки, публично подвергать их сомнению, и все это сильно контрастировало с тем, что сама я увидела живьем на примере разных команд в энхаэловской Канаде, где тренер внешне действительно не заботится о дисциплине. Но только внешне. Если на тренировке или, не дай бог, во время игры ты не выполнил установку, то выходить на лед после этого станешь значительно реже. Или чаще, но в фарм-клубе.

Раздрай в национальной команде сильно ударил по имиджу России в сильнейшей Лиге мира. Во всех рекламных бюллетенях, где о России писалось особо (все-таки восемь олимпийских побед на одиннадцати Олимпиадах требовали уважения и пиетета), авторы в то же время слегка пренебрежительно подчеркивали: «Российская сборная вряд ли может считаться национальной командой. Ведь все ее игроки – хоккеисты НХЛ».

* * *

Вопрос: «Почему они отказываются?» долго не давал мне покоя. Я напрямую спросила об этом Малахова, когда в Монреале большая и довольно разношерстная компания хоккеистов отправилась в выходной день в боулинг, захватив с собой меня и фотокорреспондента. Малахов играть не стал. Сам предложил мне отойти в сторону, в небольшое кафе прямо у игровой зоны. Сам начал разговор:

– Я очень хотел поехать в Нагано… Но слишком хорошо помнил, как после поражения на Кубке мира нас, игроков, сделали крайними. Мне двадцать восемь лет. В НХЛ осталось играть не так долго. И я больше не хочу переживать подобное унижение, тем более что это сразу ударит по моей репутации в Лиге…

Это было, по крайней мере, честно. В самолете на пути в Москву я тогда думала о том, что Юрзинов был абсолютно прав, когда говорил, что не имеет морального права осуждать кого-либо из ветеранов за отказ. Тем же канадцам и американцам Олимпиада представлялась прежде всего грандиозным праздником. Для русских она должна была стать очередной битвой за выживание под энхаэловским солнцем. Потому что в олимпийской сборной им предстояло бы провести от силы две недели. А в НХЛ – доживать хоккейную жизнь. Так что ветераны просто не могли позволить себе не думать о том, что победа в Нагано при столь жестком соперничестве весьма проблематична, а поражение вполне может сказаться на репутации не самым лучшим образом. Потому что будет не энхаэловским. А российским.

И все-таки я уже тогда отчаянно переживала за будущую команду. И так же отчаянно верила, что у них все получится. Может быть, это отношение сложилось еще и потому, что, помимо просто хорошо знакомых мне игроков и невероятно симпатичного тренера, за нее предстояло выступить человеку, к которому я уже много лет относилась совершенно по-особому. Павлу Буре…

* * *

Он был звездой с первого дня своей хоккейной карьеры. В шестнадцать лет в своей игре ничем не уступал профессионалам. В восемнадцать на молодежном чемпионате мира в Анкоридже был признан лучшим нападающим турнира. Через год стал чемпионом мира, выступая за взрослую сборную. В 1991-м, в первый год своего пребывания в НХЛ, Павел получил титул «Новичок года», несмотря на то что появился в составе «Ванкувер Кэнакс», когда пятнадцать первых матчей сезона были уже сыграны. В двух следующих сезонах он забил 120 голов. В третьем сезоне был вынужден пропустить восемь игр из-за травмы, но тем не менее блестяще завершил сезон, забив 46 шайб в 46 заключительных матчах. Журнал Hockey Illustrated писал о нем тогда: «Нельзя не признать, что феноменальный успех Буре заключается не столько в блестящих физических данных, сколько в богатейших семейных традициях, которые он впитывал с самого детства…»

За шесть лет, что Буре провел в Ванкувере, он стал для всего города любимым ребенком. Именно ребенком. Даже персональная опека хоккеиста специально приставленным к нему защитником-полицейским Джино Оджиком началась не столько потому, что так принято в НХЛ по отношению к наиболее ценным игрокам, а по причине той, образца 1991 года, внешности Павла. Допустить, что этого хрупкого, с по-детски незащищенным выражением лица паренька будут обижать здоровенные зубры Лиги, не мог ни один здравомыслящий человек. То, что ребенок своей игрой временами наводил на «зубров» панический ужас, в расчет как-то не принималось.

Для меня же он был Павликом, и я понимала, что это отношение – навсегда. Слишком хорошо помнила картинку, которую в далеком спортивном прошлом увидела на тренировочном сборе в одном из курортных городов: отец хоккеиста, один из сильнейших спринтеров мира и бронзовый призер мюнхенской Олимпиады Владимир Буре неторопливо идет по аллее с женой Татьяной, а позади них не по-детски серьезный пятилетний Павлик бережно ведет за руку двухлетнего Валерку.

Когда семейство Буре только перебралось в Америку, популярность Владимира была не в пример выше, нежели его старшего сына. Привыкшие все подсчитывать американцы помнили и бронзу Буре-старшего в Мюнхене, и то, что тогда он проиграл всего 0,55 секунды мировому рекордсмену Марку Спитцу, и даже то, что в годы, когда великими плавательными державами считались только две страны, Америка и Австралия,

Владимир Буре стал первым спринтером, который заставил мир считаться с Советским Союзом.

Заочное знакомство с хоккеистом у меня тоже начиналось через его родителей. Именно от них я узнала, что плавать их Пашка научился в трехмесячном возрасте, что тренер для него – непререкаемый авторитет, что он способен тренироваться до изнеможения, стоически переносит боль и жутко не любит проигрывать. По этим рассказам в моем представлении рисовался портрет этакого хоккейного супермена, но, когда в 1995-м мы наконец были представлены друг другу в Москве Владимиром, Павел вдруг поднял на меня глаза и с неподдельным любопытством абсолютно по-детски спросил: «Скажите, а когда в воду прыгаешь неудачно, то очень больно бывает?»

А в 1997-м в Ванкувере мы чуть было не поссорились. Одним из редакционных заданий той командировки был репортаж о жизни Буре в Канаде. Мы заранее договорились, что приедем к Павлу домой в выходной день сразу после очень ответственного матча его команды с «Нью-Йорк Рейнджерс», но ту игру «Ванкувер» проиграл. И, спустившись в раздевалку, я вдруг увидела устремленный на меня остановившийся взгляд совершенно чужого человека.

– Какая договоренность? – холодно переспросил Буре. – Не помню, чтобы я давал согласие. И вообще я не имею права приглашать журналистов домой. Тем более для съемки. Этими вопросами у нас ведает менеджер. Обратитесь к нему…

Признаться, я оторопела.

– Паша, я понимаю, что ты расстроен, но у нас остался в Ванкувере всего один день…

Он вновь поднял глаза:

– Я? Расстроен? С чего вы взяли, что я расстроен? У меня все замечательно. Мне очень понравилась игра…

Мои обида, ярость и отчаяние оказались настолько сильны, что я не стала сдерживать сарказм:

– Извини… Я совсем забыла, что ты сделал две результативные передачи…

Спустя полтора часа, когда мы с фотографом наконец добрались до отеля, поужинав по дороге в одном из ресторанчиков, оказалось, что телефонный автоответчик в моем номере непрерывно мигает красной лампочкой. Я сняла трубку, нажала на кнопку громкой связи.

– Это Павел, – раздался знакомый голос. – Я не успел вас догнать на катке. Я дома завтра. Весь день. Вы можете подъехать в любой момент, когда вам будет удобно. Я пришлю машину, куда вы скажете. Позвоните мне. Пожалуйста…

Инцидент в раздевалке мы больше не вспоминали с ним никогда.

* * *

А потом было Нагано, где российская сборная перла как танк, и это было не избитым журналистским штампом, а самой что ни на есть реальностью. Россия выносила всех подряд. Казахстан, Финляндию, Чехию – в групповом турнире, Белоруссию – в четвертьфинале, снова Финляндию – в полуфинальном матче… Та игра, которая завершилась со счетом 7: 4 и где Павел Буре забил пять голов, чего ему ни разу не удавалось сделать за все семь лет карьеры в НХЛ, затмила все прочие события Олимпийских игр.

Наверное, в этом не было ничего удивительного. Зимние игры – это прежде всего хоккей. При всей яркости прочих событий – тех, что происходили на катке у фигуристов и на лыжне, где российские золотые медали сыпались каждый божий день, и из-за которых я далеко не всегда имела возможность выбираться на матчи в хоккейный «Биг Хэт», – в памяти по-настоящему четко остались всего две картинки.

На первой – Павел, хищно летящий к воротам финнов стремительной красной птицей с капитанской повязкой на левой руке. На второй – его мать Татьяна. Трехцветные российские флажки, нарисованные маркером на щеках, а поперек них, словно сабельные шрамы, промытые слезами дорожки. И непередаваемое горе во взгляде…

От первой картинки до второй – двое суток. Сорок восемь часов. И одна-единственная шайба, пропущенная Михаилом Шталенковым в третьем периоде финальной игры с чехами…

Глава 2. Да здравствует королева!

«Ларисочка!!!» – вдруг в полной тишине сорвался на крик тренер Ларисы Лазутиной Александр Кравцов за несколько секунд до того, как его ученица должна была уйти на пятикилометровую дистанцию. На лице Лазутиной мелькнула гримаса, на мгновение превратившая его в хищный оскал.

После финиша она рухнула на снег, сотрясаясь в рыданиях. Кравцов же, видя это и не имея никакой возможности подойти ближе, лишь обессиленно шептал: «Молодец, девочка… Молодец…»

Днем раньше Лазутина завоевала индивидуальное серебро в пятнадцатикилометровой гонке. Первое, и оттого долгожданное. Проиграла Лариса своей соотечественнице, россиянке Ольге Даниловой. Та стартовала позже, знала график, с которым прошла по лыжне соперница, и в итоге выиграла несколько секунд.

Лазутина не выглядела тогда расстроенной. И все же в день второго старта я не могла не спросить Кравцова: «Как вы считаете, Лариса выиграла в первой гонке серебро или проиграла золото?»

– Проиграла золото, – не задумываясь, ответил он. – Но ничего страшного в этом нет. Главное, что она почувствовала уверенность в своих силах. И лучшего психологического состояния, тьфу-тьфу-тьфу, я ей просто не могу пожелать…

До Игр в Нагано Лазутиной удалось «выстрелить» лишь однажды – на чемпионате мира в канадском Тандер-Бее в 1995-м. Лариса вернулась оттуда с четырьмя золотыми медалями, но отходила от тех соревнований очень долго. Начались какие-то бесконечные болячки, которые, по мнению врачей, были прежде всего связаны с пережитой совершенно непомерной психологической нагрузкой. Особенно тяжело Лазутина болела накануне следующего чемпионата – в Тронхейме: перенесла грипп, который дал серьезные осложнения.

За это время, как водится, в сборной появились другие лидеры. Так в лыжах было всегда: перед Играми в Лиллехаммере вся подготовка строилась «под Егорову», потом, когда Люба временно ушла из спорта из-за рождения сына, – «под Вяльбе».

Эта диспозиция тоже сохранялась недолго. Перед Играми в Нагано из-за длительной болезни Лены Вяльбе все было переориентировано «под Данилову». А Лазутина была вынуждена уйти из сборной на индивидуальную подготовку. Так решил Кравцов совместно с мужем спортсменки Геннадием и третьим

тренером Николаем Лопуховым. Тогда, по их мнению, было крайне важно дать Ларисе возможность почувствовать себя единственной и самой лучшей.

После первого «золотого» финиша – на той самой «пятерке» – пишущие журналисты, собравшиеся в микст-зоне, Лазутину так и не дождались. Волонтер-распорядитель чуть ли не за руку долго водил чемпионку от одной телекамеры к другой в специальном загончике. Она автоматически повторяла то на русском, то на английском: «Спасибо, я очень счастлива! Очень благодарна своим тренерам, спонсорам, всем, кто за меня болел и верил в меня. И надеюсь, что Россия будет гордиться этой победой!»

В какой-то момент Лариса не выдержала. На слова комментатора одной из российских телекомпаний: «Мы тебя сегодня снимаем в городе», она неожиданно жестко ответила: «Я никуда не поеду! У меня послезавтра гонка. После „пятнашки" я сутки пластом лежала, не могла в себя прийти. Так что извините».

Но до того, как чемпионка ушла в домик неподалеку от стадиона Хакубы, мне все-таки удалось к ней подойти.

– Почему вы так горько плакали после финиша?

– Слишком долго ждала этой медали. Я действительно не была расстроена после первой дистанции, но и не радовалась. Потому что сразу начала думать о следующей гонке. Мне достался не совсем удачный стартовый номер, главные соперницы стартовали значительно позднее. Я знала, что, по крайней мере, две из них идут очень быстро, и вот это ожидание после финиша, когда от тебя уже ничего не зависит, стало чудовищным испытанием. Даже потом, когда меня все стали поздравлять, я никак не могла поверить, что все действительно закончилось и я победила.

– А о чем думали в тот момент?

– Извините, но этого я не могу вам сказать.

* * *

– Она никогда не плачет, – рассказывал мне на стадионе Кравцов. – Ни-ког-да. Разве что от радости или смеха. Все копит в себе. Поэтому немногие понимают, насколько болезненно она всегда переживала неудачи. Она ведь по натуре лидер. Любое место, кроме первого, – не для нее. Когда Лазутина выиграла четыре золотые медали в Тандер Бее, то прыгала и кричала, как умалишенная. Подобного я ожидал и здесь. И когда увидел, как она плачет, растерялся: не знал, как подойти и что сказать.

… Когда лыжницы покидали зал для пресс-конференций, ведущий вдруг задержал Лазутину и чуть шутливо сказал:

– Знаете, я ведь поставил пять тысяч долларов – все свои деньги – на вашу победу в гонке преследования. Вдруг проиграете?

Лариса помедлила с ответом, а затем совершенно серьезным голосом произнесла:

– Тогда я верну вам свои…

Через два дня она стала чемпионкой во второй раз. Еще через три – завоевала золото в составе российской эстафеты. С учетом двух побед на предыдущих Олимпиадах эта золотая медаль стала в ее карьере пятой.

Уникален был не только этот результат. В Нагано лыжная женская сборная установила «неберущийся» рекорд – выиграла пять золотых медалей из пяти. Последняя досталась Юлии Чепаловой.

* * *

Наблюдая за марафонской гонкой со склонов Хакубы, я болела уже не за Лазутину. И уж тем более не за маленькую и неопытную Чепалову, для которой те Игры стали первым олимпийским стартом, и которую настолько не воспринимали всерьез, что даже не доверили ей стартовать в эстафете. Я болела за Елену Вяльбе.

Вряд ли можно объяснить одним словом, что же это такое – женский марафон. Это тридцать тысяч метров дикого терпения и боли. Это жесточайшая битва с соперницами, но прежде всего – с собой. Это гонка, в которую уходят женщины, а возвращаются почти бесполые, загнанные существа: падают лицом в грязный заплеванный наст финишного поля, а чуть придя в себя, здесь же стаскивают пропотевшие комбинезоны и майки, не стесняясь ни тренеров, ни репортеров, ни болельщиков, – на смущение не остается сил. А еще это – гонка последней надежды.

Именно такой она стала для Вяльбе. Только от «тридцатки» зависело, каким будет уход великой лыжницы из спорта – триумфальным или трагическим.

Две свои первые индивидуальные победы на чемпионатах мира Лена одержала еще в 1989-м в Лахти. Через два года в итальянском Валь ди Фьемме она забрала сразу три золотые медали. В двух последующих мировых первенствах добавила еще четыре. И наконец стала абсолютной чемпионкой мира-1997 в Тронхейме, откуда привезла пять высших наград из пяти. Тогда

же Лена официально заявила о своем окончательном решении: уйти из спорта после Игр в Нагано. Подразумевалось – уйти олимпийской чемпионкой в индивидуальной гонке.

Выдающейся лыжнице катастрофически не везло на Олимпиадах. Она четырнадцать раз выигрывала мировые первенства, установила своеобразный рекорд по числу побед в этапах Кубка мира. На Играх-1992 в Альбервилле Лена четырежды выходила на старт индивидуальных дистанций и четырежды оставалась третьей. Побеждать удавалось только в эстафетах.

Так уж сложилось в спорте, что лишь олимпийское золото позволяет вмиг компенсировать все неудачи предыдущих лет, забыть о травмах и нечеловеческих нагрузках, пролитых в подушку слезах. Не случайно среди олимпийских чемпионов, потерявших на спорте здоровье, почти не встречаются люди, которые жалели бы, что жизнь сложилась именно так, а не иначе. Никакие другие медали, вместе взятые, не способны унять боль олимпийского поражения. Особенно если этим поражением заканчивается спортивная жизнь.

Но эстафетные победы не в счет. Настоящими героями в них становятся крайне редко: публика, как правило, не запоминает участников массовых, хоть и победных действ. Чемпионы так и остаются в истории статистами, и это понимают все, в том числе и они сами.

Эстафетное золото имеет и другую особенность: оно на всю последующую жизнь отравляет сознание спортсмена жаждой персональной победы. Никогда не забуду свой разговор в Нагано с трехкратной олимпийской чемпионкой Ниной Гаврылюк. В Калгари, Лиллехаммере и Нагано она бежала в «золотых» эстафетах. На мой вопрос в Нагано, не жалеет ли она, что не участвовала в заключительной марафонской гонке, Нина лишь вздохнула:

– Конечно, жалею. Ведь она могла стать моим последним шансом выиграть хотя бы один раз…

Вяльбе заслуживала индивидуальной победы больше, чем какая бы то ни было иная лыжница. Заявив после триумфального для себя чемпионата мира в Тронхейме, что после Игр в Нагано она уходит из спорта, Лена, по сути, поставила себя в положение человека, который не имеет права проиграть. Но японский сценарий сложился для нее чудовищно.

Провал в первой гонке, где Вяльбе финишировала семнадцатой, тренеры списали на неудачную смазку лыж. Главный тренер был настроен вообще не придавать этому значения и дать спортсменке шанс в двух следующих видах

лыжной программы, включая гонку преследования, но взбунтовались наставники других лыжниц. В итоге после долгого и очень нервного тренерского совета Вяльбе было решено отстранить от этих выступлений, придумав формальное объяснение для журналистов: мол, лидеру команды нужно дать возможность отдохнуть, восстановить силы и как следует подготовиться к эстафете.

Тех, кто взял на себя ответственность за это последнее решение, понять нетрудно: с учетом всех предыдущих лыжных заслуг казалось немыслимым и даже кощунственным оставить «великую Вяльбе» на ее последней Олимпиаде без медали вообще. Тем не менее решение выглядело по отношению к выдающейся лыжнице подачкой. По справедливости, она не должна была претендовать на место в эстафетной четверке ни при каком раскладе. Гораздо больше его заслуживала Юля Чепалова, однако такой возможности дебютантке не предоставили. О том, как отчаянно она рыдала в гостиничном номере, знала тогда лишь ее соседка по комнате – Нина Гаврылюк. Она же сказала мне, едва марафону был дан старт:

– Представляете, я даже разговаривать с ней побаивалась, не знала, как утешить. А за день до «тридцатки» Юля вдруг спокойно и даже как-то очень зло сказала: «И черт с ней! Подумаешь – эстафета!» Тогда мне даже не по себе стало. «Ну, – думаю, – что-то будет…»

* * *

…В той марафонской гонке Лена осталась пятой. Сразу после финиша, вызывающе улыбаясь неестественно блестящими глазами, она перелезла через ограждение и зашагала к выходу со стадиона по дальнему от журналистов коридору. Хотя вряд ли нашелся бы человек, который осмелился в тот момент задать лыжнице какой бы то ни было вопрос…

Вопросы так и остались неотвеченными. Стоит ли олимпийская медаль таких нервов и слез? Такого унижения? Ведь на той же самой дистанции так же, как Вяльбе, бессильно умирала на лыжне еще одна легенда лыж, итальянка Стефания Бельмондо, в чьей победе ее соотечественники не сомневались ни на секунду. Она и сама поняла, что проиграла, гораздо раньше, чем закончился бег. После двадцать второго километра, когда еще была лидером, но осознавала, что прибавить уже не в состоянии. И что на своей четвертой Олимпиаде она проигрывает гонку последней надежды малолетке, бегущей марафон третий

раз в жизни.

Это видел и тренер итальянской команды Альберто Альвера, который вел Бельмондо по дистанции. Все понимал, но продолжал отчаянно кричать, срывая голос: «Уходи! Уходи!..»

Много лет спустя знаменитая фигуристка Ирина Слуцкая, которая на Играх в Солт-Лейк-Сити непримиримо билась за золото с американкой Мишель Кван, и обе они проиграли шестнадцатилетней чудо-девочке Саре Хьюз, скажет мне в интервью:

– Мне кажется, что олимпийское золото должно быть выстрадано. Тренировками, нервами, травмами, слезами. Мне бы не было обидно, если бы выиграла Кван. Потому что она эту медаль заслужила. Так же, как и я. Мы досконально знаем, как много лежит в этом куске позолоченного металла. А Сара Хьюз даже не догадывается об этом.

Возможно, то же самое думали в Нагано о Чепаловой и Лена Вяльбе, и чемпионка Альбервилля Стефания Бельмондо…

Глава 3. Великое возвращение

Как же давно это было! Альбервилль, 1992 год, потрясающе красивая победа в парном катании Натальи Мишкутенок и Артура Дмитриева и серебро Елены Бечке и Дениса Петрова. Через два года в Лиллехаммере первое и второе места в парном катании снова были нашими. Вот только у Мишкутенок и Дмитриева там было серебро. Они не сделали ни единой ошибки и наверняка бы победили, будь у них в соперниках любая пара мира, кроме одной – Екатерины Гордеевой и Сергея Гринькова, чемпионов Олимпийских игр-1988 в Калгари.

В Нагано Артур приехал с другой партнершей – Оксаной Казаковой. Вернувшись из Лиллехаммера, Наташа Мишкутенок решила оставить спорт. Потом, говорят, отчаянно жалела об этом, но было поздно: Артур и Оксана уже успели выиграть чемпионат Европы, и стало очевидно, что цель Дмитриева во второй раз стать олимпийским чемпионом начала приобретать реальные очертания.

Сезон-98 Казакова и Дмитриев начали не совсем удачно: на одном из этапов «Гран-при» Оксана сильно ударилась о борт, и пара снялась с турнира. Затем было выступление в финале «Гран-при» в Мюнхене, где Оксана и Артур проиграли Елене Бережной и Антону Сихарулидзе. На отборочном к Нагано чемпионате России Казакова и Дмитриев сумели получить только бронзу. А это означало, что в Нагано они отправятся в статусе третьей российской пары.

Человеку, знакомому с фигурным катанием, не нужно объяснять, что это означало по тем временам. Судьи всегда в курсе внутренних национальных перестановок и соответствующим образом ведут свою политику. Другими словами, если «первая» пара не ошибается, у двух других заведомо нет шансов, как бы хорошо они ни катались.

* * *

О том, что на самом деле происходит в закулисье фигурного катания, я представляла перед Играми в Нагано слабо. Осенью 1996 года очень серьезно заболел мой отец, и вышло так, что за весь предолимпийский сезон я не сумела выбраться ни на один турнир. Поэтому, приехав в Нагано, все свободное от лыжных гонок время проводила на катке, наблюдая за тренировками всех фигуристов подряд и сплетничая с коллегами в пресс-центре.

Одной из моих любимых собеседниц многие годы была англичанка Сандра Стивенсон. О фигурном катании она писала еще тогда, когда катались Людмила Белоусова и Олег Протопопов, причем ее репортажи отличались порой такой язвительностью, что с чьей-то легкой руки к Сандре прилипло прозвище «Стервенсон».

Англичанка прекрасно знала фигурное катание, мгновенно улавливала, кто в нем чего стоит, и все ее прогнозы на тот или иной счет имели обыкновение сбываться.

– Не нужно было Артуру оставаться в спорте еще на четыре года после Лиллехаммера, – посетовала она в разговоре. – Сейчас уже очевидно, что его лучшие годы позади. Но я продолжаю за него болеть. Не могу оставаться равнодушной, когда вижу на льду столько страсти и самоотдачи…

– А что вы думаете о двух других российских парах? – тут же поинтересовалась я.

Англичанка скептически хмыкнула:

– Марина Ельцова и Андрей Бушков хороши технически, но их катание слишком холодное. К тому же на льду партнерша очень часто кажется одинокой женщиной, а одинокая женщина редко находит сочувствие. Бережная и Сихарулидзе, напротив, очень обаятельны. Но вряд ли будут пользоваться популярностью в профессиональном мире, если когда-нибудь решат туда перейти.

– Почему?!

– Для звезд у них слишком сложные, непроизносимые имена, но, насколько мне известно, – Сандра лукаво улыбнулась, – именно на них, а не на Казакову и Дмитриева делает ставку Тамара Москвина.

Вот тут собеседница, похоже, ошибалась. Еще ни одному журналисту в мире не удавалось узнать, что на самом деле думает выдающийся тренер. Еще когда у нее одновременно катались Мишкутенок с Дмитриевым и Елена Бечке с Денисом Петровым, которых было принято считать второй парой Москвиной, Тамара Николаевна неизменно отвечала: «Я никого из них не выделяю. Каждого настраиваю только на победу».

Конечно, в этом можно было сомневаться: Бечке и Петров ни разу не обгоняли своих главных соперников на крупных соревнованиях – на Играх в Альбервилле тоже остались вторыми. Но в Нагано действительно было очевидно, что выиграть в равной мере способны как Оксана с Артуром, так и Лена с Антоном.

О золотых шансах иностранных соперников думать совершенно не хотелось: как-никак на девяти последних Олимпиадах чемпионами в парном катании становились

исключительно советские, а потом – российские фигуристы, и было крайне некомфортно думать о том, что традиция может быть нарушена.

Ельцова и Бушков, увы, растеряли девяносто девять процентов шансов на золото после неудачи в короткой программе. А в произвольной партнер ошибся снова, причем в двух прыжках подряд, в результате чего шесть судей из девяти поставили российскую пару следом за китайцами Шэнь Сюэ и Чжао Хунбо, которые после короткой программы занимали лишь восьмое место.

С того момента, как на лед вышли главные соперники двух оставшихся российских пар – немцы Мэнди Ветцель и Инго Штойер, – произвольная программа стала продолжаться не четыре с половиной минуты, а двести семьдесят секунд, в каждую из которых могло произойти что угодно. Оно и произошло: на второй минуте катания Ветцель сорвала прыжок. Хотя немецкий дуэт и получил у судей девять первых мест, стать чемпионами он мог лишь при условии, что упадут обе российские пары. А на льду уже пошел отсчет секунд катания Бережной и Сихарулидзе.

Два первых прыжка – чисто. Подкрутка – словно в замедленной съемке, Лена взмывает над головой партнера, делает два оборота, Антон слишком рано протягивает руки, и… вместо того, чтобы повернуться еще на 180 градусов и закончить элемент, Бережная падает на грудь Сихарулидзе спиной…

Они жутко нервничали. Москвина – величайший стратег и тактик – привезла свою группу в Нагано всего за два дня до старта, совершенно верно рассчитав, что лишний день, да что там день – лишняя минута ожидания может свести на нет всю многолетнюю работу, испепелив нервы до начала Игр. Именно это, как выяснилось позже, помогло Казаковой. А Лена и Антон, два маленьких, неопытных ребенка, не выдержали – сгорели.

Наиболее ярко свидетельствовало о том, что ребята не владеют ситуацией, их совместное падение за несколько секунд до того, как умолкла музыка. На ровном месте!

Видимо, и судьи, поняв, что ошибка вовсе не техническая, почти не снизили оценки за это падение. А может быть, просто пожалели фигуристов – вспомнили, как за два года до Игр Лену увезли с тренировки в госпиталь с тяжелейшей травмой головы. И вопрос стоял не о том, будет ли она кататься дальше, а о жизни и смерти.

Как бы то ни было, пятью голосами против четырех россияне опередили немцев. И судьбу золота должно было решить одно-единственное выступление. Казаковой и Дмитриева.

* * *

– Я абсолютно не нервничал, – сказал Артур после награждения. – Трясло меня днем раньше, после короткой программы. Но я понимал, что Оксана волнуется гораздо сильнее. И что именно я должен ее успокоить.

– Что вы ей сказали?

– Что все абсолютно нормально. Что мы – здоровы, нет травм, а значит, все будет в порядке. Наверное, я говорил все это потрясающе убедительно. Потому что каким-то десятым чувством уловил, что она поверила мне. И успокоилась тоже.

После Игр в Лиллехаммере, на даче у Москвиных под Санкт-Петербургом, куда я тогда приехала по приглашению тренеров, Артур говорил:

– Спорт для меня – все. Я не хочу уходить в профессионалы, это не мое. В любителях я уже сделал все, о чем можно только мечтать: выиграл олимпийское золото в Альбервилле. Но сейчас-то проиграл. И не хочу уходить побежденным…

Понимала ли Оксана, что значит для ее партнера победа? Может быть. Даже если нет, то одной ее фразы, сказанной после того, как через девять месяцев совместной работы Казакова и Дмитриев стали чемпионами Европы, хватило, чтобы убедиться: эта девочка никогда не сумеет радоваться серебру, в сколь бы тяжелой борьбе оно ни было завоевано. Фраза звучала так: «Я не считаю, что должна приспосабливаться к характеру Артура, несмотря на все его заслуги. Если уж он выбрал меня в партнерши, то и сам должен приспосабливаться к моему характеру. А у меня он тяжелый».

Они были великолепны. Вся российская трибуна продолжала считать эти чертовы секунды даже тогда, когда все сложнейшие элементы были сделаны и падать было решительно не на чем. Какой ценой был оплачен золотой прокат, могли по-настоящему понять лишь те, кто много лет подряд наблюдал за выступлениями Дмитриева. Еще совсем молодого. Еще – с Мишкутенок. Никогда в жизни Артур не позволял себе большего проявления эмоций, нежели, закончив выступление, галантно поцеловать руку партнерше. Здесь же он из последних сил обнял Оксану, а та по-детски уткнулась носом ему в плечо. И уже не сдерживала слез…

Глава 4. Тарасова

Глубокой ночью накануне олимпийского танцевального финала, когда на катке не оставалось уже никого, кроме нескольких припозднившихся журналистов, а сама я, уже выйдя из здания, ждала на остановке последний рейсовый автобус-шаттл, со стороны служебного выхода появилась Татьяна Тарасова. Она шла как-то странно: совсем медленно, тяжело припадая на ногу. С очевидным трудом добралась до ближайшей колонны, подпиравшей свод крытой автобусной стоянки, прислонилась к холодному бетону спиной и вдруг, уронив на асфальт цветы, стала сползать на тротуар.

Я бросилась к ней:

– Татьяна Анатольевна!!!

– Все нормально, – еле слышно прошептала она. – Вот только тяжело очень. И все время хочется плакать…

К тому дню на счету Тарасовой уже была одна золотая медаль. Ее выиграл Илья Кулик. Именно благодаря ему Тарасова вернулась в любительский спорт после нескольких лет работы в собственном ледовом театре. После Игр в Альбервилле она ушла туда из спорта и была искренне уверена, что это – навсегда. В 1995-м согласилась консультативно помогать Кулику (а точнее – его тренеру Виктору Кудрявцеву). Но уже в середине мая следующего года Тарасова и Кулик начали работать вместе всерьез.

Это было своего рода сенсацией. Кулик ушел от человека, сделавшего из него чемпиона мира среди юниоров, затем – чемпиона Европы и наконец серебряного призера чемпионата мира-96. Другой вопрос, что на том мировом первенстве уже вовсю курсировали слухи, что к Кулику проявляет интерес сам Карло Фасси – легендарный итальянский тренер, «сделавший» за время своей работы в США немало олимпийских чемпионов. У Тарасовой же никогда за всю ее карьеру не было опыта работы в мужском одиночном катании.

В спорте вообще не бывает ситуации более болезненной и щепетильной, чем когда уже известный спортсмен уходит от одного тренера к другому. Но такое случается. Так было с Родниной и Зайцевым, которые в 1975-м ушли к совсем юной Тарасовой от великого Станислава Жука и выиграли с ней две Олимпиады, затем с Мариной Климовой и Сергеем Пономаренко в 1991-м. Танцоры ушли к Тарасовой, проиграв чемпионат мира. Но в Альбервилле сумели выиграть, хотя, подозреваю, в мире не было в тот момент человека, который решился бы поставить на

эту победу…

За спиной тренера уже в то время шли непрекращающиеся разговоры, что она берет к себе практически готовых чемпионов. Как официант, подающий на всеобщее обозрение блюдо, приготовленное чужими руками. Но если разобраться, именно этот шаг – последний оставшийся до вершины, – и есть самое тяжелое, что только может быть в спорте. Не случайно тренеров, сумевших его совершить (и уж тем более – совершить дважды), всегда можно было пересчитать по пальцам.

Помню, когда тренер только взяла к себе Климову и Пономаренко, а я заметила в разговоре с ней, что за короткий срок эти танцоры стали совершенно другими, Татьяна сказала:

– А я и учу другому. В таком возрасте и на такой степени мастерства и надо учиться другому.

Феномен Тарасовой всегда заключался и в том, что своих спортсменов она умела окружать совершенно фантастическими любовью и заботой. И терпеть при этом все их выкрутасы, если это было нужно для достижения цели. Цель-то всегда была максимальной. И Тарасова четко знала, как именно ее достичь.

* * *

Не было, пожалуй, в тот момент в мире фигуриста, которого я так любила бы, как Кулика. И которого бы до такой степени ненавидела. Сумасшедший талант. Потрясающий умница. Очаровательный мальчишка. Выдающийся упрямец и работяга. Законченный эгоист. Самоуверенная сволочь… И все это – характеристики, которые я в разное время давала в глубине души одному и тому же человеку.

Я не знала, как к нему подступиться. Илья в свои семнадцать лет умел быть превосходным собеседником, но мог на ровном месте вдруг схамить так, что у взрослых людей пропадал дар речи. И тут же мило улыбался, отчего я каждый раз впадала в ступор, понимая, что совершенно неспособна поставить на место зарвавшегося мальца.

Кудрявцев был категорически против того, чтобы Кулик ехал в 1995-м на чемпионат Европы, искренне полагая, что ученик просто не дорос до взрослого уровня. Тогда, в Дортмунде (Илья в итоге не только поехал туда, но и выиграл), я спросила тренера, не считает ли он, что был не прав. И не хотел бы взять свои слова обратно. Тренер пустился в пространные объяснения на тему, что Кулику все-таки было бы лучше повременить со взрослым дебютом, окрепнуть, поднабраться опыта и что даже победа

ученика – не повод менять точку зрения. Однако когда разговор был закончен и Кудрявцев ушел в раздевалку, Кулик, который стоял рядом и прекрасно слышал всю нашу беседу, прокомментировал услышанное одной фразой: «Хороший вопрос вы ему задали…»

Фигурист очень долго пресекал мои попытки выяснить, что на самом деле послужило причиной расставания с прежним тренером. Говорил о том, что Кудрявцев – выдающийся специалист, что переход к Тарасовой случился по обоюдному согласию тренеров, что ему по-прежнему очень интересно работать. Но в конце 1996-го, когда я приехала в тренировочный лагерь Тарасовой в США и как-то поздно вечером разговорилась с Куликом в доме тренера, Илью вдруг прорвало:

– Ну, вы же сами помните, что было в Дортмунде! Как я могу относиться к тренеру, который до такой степени не верил, что я сумею бороться? Который вообще не хотел, чтобы я ехал на тот чемпионат?

Нескольких дней, проведенных тогда в Америке, мне вполне хватило, чтобы почувствовать и оценить выдержку Тарасовой. Илья работал как проклятый. И постоянно требовал всепоглощающего внимания к собственной персоне. Как-то Тарасова задержалась и появилась на катке с опозданием. Илья уже был на льду и, увидев тренера, зло процедил сквозь зубы: «Вы опоздали на десять минут…»

Возможно, было сказано что-то еще. Я лишь успела увидеть, как Тарасова в ярости шваркнула об лед секундомер. Полетели брызги льда и обломки пластмассы…

Вечером Кулик заявился в дом тренера, где его ждал приготовленный Тарасовой ужин.

– Я не голоден, – раздалось из прихожей. И в следующую секунду к дверям ванной полетел туго набитый пластиковый пакет:

– Ваша стирка, Татьяна Анатольевна…

Ужинали мы с тренером молча. Я все-таки не выдержала, поинтересовалась, почему Тарасова спускает такие вещи?

– Так надо, – последовал лаконичный ответ. – Он работает как проклятый. И очень устал. Не обращай внимания, бывает…

Не обращать внимания у меня не получилось. Поэтому утром следующего дня, усевшись в машину к Кулику, чтобы вместе с ним отправиться на каток, я устроила спортсмену форменную выволочку. Он невозмутимо все выслушал и очень по-взрослому вдруг сказал:

– Неужели вы не понимаете, что я и сам могу приготовить еду, все постирать? Но Татьяне нравится чувствовать, что она

полностью контролирует всю мою жизнь. Что я без нее не могу. Это нужно ей, а не мне. Так что я просто играю по правилам. По ее правилам. И вообще это не имеет никакого отношения к работе…

В этом Илья был абсолютно прав. В работе к нему нельзя было предъявить ни одной претензии. Он долго не мог подобрать подходящие ботинки, раскатывал одну пару за другой, отчего ноги сбивались в кровь, а с пальцев сходили ногти. Однако улыбался и терпел. Не прекратил тренироваться даже тогда, когда совсем незадолго до Игр в Нагано на тренировке пробил носок ботинка лезвием другого конька, сильно повредив пальцы. Его нельзя было не любить. Не уважать. Не обожать. Не прощать ему всего, что действительно не относилось к работе в рамках льда.

И не было, пожалуй, в Нагано фигуриста, за которого я болела бы до такой степени.

* * *

Когда на табло высветились оценки Кулика за произвольную программу, и он сам, и Тарасова зашлись в хохоте прямо перед телекамерами в специально отведенном уголочке под названием Kiss & Cry – поцелуев и слез. Илья катался первым в сильнейшей группе и сделал все, чтобы поднять планку для остальных максимально высоко. Чтобы ее уже не сумел преодолеть никто другой. Стратегический расчет удался на сто процентов: соперников затрясло. Всех…

– Напряжение было чудовищным, – рассказывал Кулик после. – Я чувствовал его везде – на тренировках, в коридорах, в Олимпийской деревне. Оно просто витало в воздухе. Я очень волновался. Настолько, что даже не смог заснуть днем перед финалом, хотя раньше мне всегда удавалось отключиться от соревнований хотя бы на пару часов. Когда вытянул первый стартовый номер, то сначала слегка огорчился. Да, я люблю кататься первым, сразу после разминки. Но, с другой стороны, у того, кто открывает группу, оценки почти всегда чуть ниже, чем у тех, кто катается после. Впрочем, переживал я недолго и в итоге решил, что мне все-таки повезло: не уверен, что сумел бы справиться с нервами, если бы ждать выступления пришлось дольше.

– Насколько вы были уверены в успехе?

– Мы сделали чертову прорву работы летом, так что во всех турнирах я чувствовал себя абсолютно уверенно. Не скажу, что

сезон был простым. Сначала я травмировал ногу, потом потянул спину. Но в Нагано все уже было в порядке. На самом деле я очень благодарен людям, которые работали со мной все это время, терпели мои постоянные капризы, верили в меня. Тарасовой, хореографам Наталье и Владимиру Ульяновым. Моим родителям. Они привели меня на каток, когда мне было четыре года, а главное, сумели вложить в мое сознание очень правильное отношение к работе. Никогда не забуду, как мне помогли, когда я пробил коньком ногу: немедленно отвезли в больницу, нашли лучших врачей.

– Чему вы так смеялись после выступления?

– Тому, что все наконец кончилось.

Тогда еще никто из нас не знал, что именно там, в Нагано, Кулик примет решение никогда больше не выступать в любительском спорте. И что там же, спустя несколько дней после победы, он безжалостно скажет Тарасовой: «Вы мне больше не нужны…»

Впрочем, до этого момента Тарасовой предстояло довести до золотой медали еще одних своих спортсменов. Танцевальную пару Пашу Грищук и Евгения Платова. Олимпийских чемпионов Лиллехаммера.

* * *

Грищук поправила меня на пресс-конференции, когда, забывшись, я назвала ее Оксаной. Я извинилась: мол, даже после замужества женщин зачастую продолжают называть девичьей фамилией. На что Грищук мягко сказала: «Я не обижаюсь, но и вы не обижайтесь на меня, если я не буду отзываться на „Оксану”, ладно?»

Фантазия олимпийской чемпионки со сменой имени многим казалась дикой. В Лиллехаммере она была еще Оксаной, тренировалась вместе с партнером у Натальи Линичук, но сразу после победы у фигуристки начались разногласия с тренером. Та настаивала, чтобы ученики оставили любительский спорт: на подходе у Линичук имелся еще один дуэт – Анжелика Крылова и Олег Овсянников, на которых Наталья уже тогда смотрела как на потенциальных чемпионов Нагано и совершенно не считала нужным это скрывать. Другими словами, в группе сложилась обстановка, оказавшись в которой Грищук почувствовала себя крайне некомфортно. Просто до поры до времени было некуда уходить. Но как только Тарасова окончательно вернулась в любительский спорт, будущее пары определилось

незамедлительно.

У Тарасовой фигуристы выиграли европейский и мировой чемпионаты предолимпийского сезона, у нее же вернули себе статус единственной и, соответственно, любимой пары, и тут Грищук понесло: она впервые в жизни почувствовала, что судьба подкинула ей блестящий шанс стать первой в истории двукратной олимпийской чемпионкой в танцах на льду и настоящей звездой. Правда, понятие звездности складывалось в сознании одесской девчушки по американским меркам, где лучшая реклама – скандал, а цель жизни – всегда быть в центре внимания журналистов.

Псевдоним Pasha (производное от passion – страсть) она придумала себе именно тогда. Обзавелась собственным публицистом, и каждый шаг фигуристки теперь немедленно становился общеизвестен: ее участие в презентации фильма «Титаник», стоимость бриллиантового колье, которое было преподнесено Грищук для участия в церемонии фирмой Шанель, знакомство с Лайзой Минелли, приглашение на съемки художественного фильма с участием Роберта де Ниро в главной мужской роли, сценический, с расчетом на будущую звездную карьеру актрисы, псевдоним. И комплименты, комплименты, комплименты…

Поклонники ездили за фигуристкой толпами, млея от счастья, если им разрешалось сделать подарок. Один из таких воздыхателей, преподнесший фигуристке после победы ее и Платова на чемпионате мира-1997 в Лозанне костюм от Шанель, был приглашен в ресторан, где Грищук с партнером, тренером, мамой и знакомыми отмечала день рождения.

Когда, сидя за огромным столом, я полушепотом поинтересовалась у Платова именем незнакомого персонажа, Оксана услышала и громко, на весь зал, сказала:

– Вы хотите знать, сплю я с ним или нет? Нет. Он – просто друг. – И рассмеялась, картинно встряхнув белыми – под Мэрилин Монро – волосами.

Однако на льду Грищук и Платов были великолепны.

– Ради той цели, которая у меня была – стать второй раз олимпийским чемпионом – я готов был закрыть глаза на все выходки Оксаны, которые она позволяла себе на льду и вне его, – говорил тогда Евгений. – К тому же, я рано понял, что Оксана привыкла добиваться своего любыми способами. Поэтому во многом уступал, чтобы избежать ненужных конфликтов.

* * *

В психологии есть понятие «синдром бабушки с сундуком», подразумевающее случай, когда при пожаре престарелая бабка в одиночку вытащила из горящего дома сундук с нажитым добром, который после несколько здоровых мужиков с трудом водворили на место. Уйдя от Линичук и понимая, что бывший тренер пользуется гораздо большим расположением руководства, нежели нынешний, Грищук и Платов были просто вынуждены вывернуться наизнанку. Как и Тарасова, которая понимала, что ее спортсменам не простят ни единой ошибки.

На Играх против них были все, включая российского судью: та откровенно «работала» на Крылову и Овсянникова. Но перевес тем не менее был не на стороне Анжелики и Олега.

Весь предшествующий танцевальному финалу день велись непрекращающиеся разговоры о шансах двух первых пар. Большинство журналистов, наблюдавших турниры сезона, сходились в том, что сам по себе танец чемпионов «Мемориал», посвященный всем тем, кто посвятил жизнь большому спорту и безвременно ушел из жизни, – маленький шедевр, подобного которому фигурный мир еще не видел.

Симпатии многих были на стороне Грищук и Платова еще и потому, что зрители всегда больше болеют за тех, кто, вопреки всему, идет на неберущийся рубеж.

– Мне трудно болеть за «Кармен», – имея в виду программу Крыловой и Овсянникова, извиняющимся тоном сказал американский журналист Сальваторе Цанка, более десятка лет пишущий о фигурном катании.

Пояснять было ни к чему. Крылова и Овсянников пошли на очень рискованный шаг, выбрав плацдармом для составления произвольной композиции очень популярную у фигуристов, чтобы не сказать – затасканную многими поколениями фигуристов – оперу Бизе.

– Я не хотела танцевать «Кармен», – сказала Анжелика на пресс-конференции. – Мне казалось, что эта музыка будет слишком избитой, под нее катались десятки известных спортсменов и пар. Должно быть, публике она тоже приелась. Но тренер Наталья Линичук все-таки убедила в обратном: что нам удастся показать совершенно иную, нежели прежде, трактовку образа. Сделать программу в принципиально новом стиле. Мне кажется, получилось. Я не видела, как катались Грищук и Платов, но наш танец я считаю лучшим.

За месяц до Игр, на январском чемпионате Европы в Милане, Крылова и Овсянников катались по-другому: более размашисто, быстро и, соответственно, более впечатляюще. Они не поменяли в танце ни единого шага, но, увы, на них слишком сильно давило

безумное напряжение олимпийской борьбы и боязнь ошибиться. В результате скорость скольжения чуть упала, и впечатление получилось менее ярким.

Грищук и Платов не ошиблись ни разу. Впрочем, их танец настолько захватывал зрителей нарастающим, бьющим по нервам ритмом, что трибуны, казалось, на четыре минуты перестали дышать.

Последние такты – и уже через секунду Паша разрыдалась прямо на льду. А у борта катка тихо плакала Тарасова.

Как только были объявлены оценки, я помчалась с трибуны вниз – поздравить танцоров и тренера. Каким-то образом пробралась мимо зазевавшегося охранника в раздевалку и застыла как вкопанная. Поперек деревянной скамейки закрытый спинами врача и массажиста российской сборной, сотрясаясь всем телом, лежал Платов. Его рвало от напряжения…

2000 год. Сидней

Глава 1. Таможня дает добро

Когда-то я безумно мечтала поехать в Австралию. Это была по-настоящему навязчивая мечта. Неотступная настолько, что первая моя командировка в эту страну была совершенно бессовестно выцыганена у зампреда Спорткомитета СССР Анатолия Колесова. Он много лет дружил с моим отцом, тепло относился ко мне, и когда мы случайно столкнулись в Спорткомитете незадолго до чемпионата мира-1991 по водным видам спорта в австралийском Перте, по привычке поинтересовался, как у меня дела. В тот момент я считалась в «Советском спорте» начинающим корреспондентом, пару раз ездила в командировки переводчиком со спортивными делегациями и, набравшись наглости, спросила, не найдется ли для меня вакансии среди переводческой обслуги на чемпионате мира.

Колесов призадумался, что-то черкнул в блокноте. И вдруг спросил:

– Если я найду такую возможность, ты сумеешь писать репортажи в газету?

Я согласно затрясла головой, понимая, что ради Австралии готова продать душу дьяволу.

Через месяц в редакцию на имя главного редактора пришло письмо за подписью Колесова, в котором сообщалось, что Спорткомитет готов полностью оплатить поездку корреспондента в Перт, если этим корреспондентом будет Вайцеховская.

Мне тогда долго было не по себе. Слово «Австралия» с одной стороны кружило голову, с другой – никак не давало улечься чувству откровенного стыда перед коллегой, который отвечал в газете за освещение водных видов спорта и имел на ту поездку совершенно конкретные планы.

То знакомство с Зеленым континентом стало самым большим разочарованием в моей жизни. Перт оказался довольно жарким, пыльным, зачуханным провинциальным городом, где от депрессии спасала разве что ежедневная работа на соревнованиях. И слово «Австралия» надолго потеряло для меня всякую привлекательность.

Первый визит в Сидней случился девятью годами позже. За год до Олимпийских игр-2000 там проводился Кубок мира по прыжкам в воду, на котором я была обязана присутствовать в качестве пресс-делегата от Международной федерации плавания. Рейс из Москвы, на который удалось взять билет, прилетал в Сидней на два дня раньше необходимого срока, и прямо в

аэропорту мне пришла в голову шальная мысль провести это время в Канберре. В семье Александра Попова, который в 1993-м перебрался в Австралию вслед за своим тренером Геннадием Турецким, пару лет спустя обзавелся собственным домом, а после Игр в Атланте увез в Канберру невесту Дашу.

Билет обошелся в сотню австралийских долларов с какой-то мелочью, и спустя пару часов Попов уже встречал меня в Канберре.

Все семейство – Александр, Даша и маленький Вовка, который родился в 1997-м, – обитало недалеко от института спорта, где работал Турецкий. Но уже на следующий день после приезда меня повезли смотреть новое место жительства. В багажнике универсала «вольво» что-то гремело и перекатывалось.

– Куски будущего дома, – деловито объяснил Саша, не отрывая взгляда от дороги. – Мы купили землю в довольно престижном районе Канберры – возле гольф-клуба. В Финляндии заказали проект, оттуда же морем доставят все необходимые стройматериалы. Это будет простой дом. Из бруса, с двойными рамами. Первый этаж – из камня. Баня – отдельно, тоже финская.

– Почему все из Финляндии?

– В Австралии таких домов не строят. Здесь в ходу исключительно легкие конструкции, с одинарными стеклами. Но зимой такое жилье прилично выстуживается, приходится платить чудовищные суммы за отопление. А русская изба – мудрейшая конструкция. Естественно, внутри все будет гораздо цивилизованнее, чем в аналогичных домах в России. Кстати, мой дом будет единственным в Австралии, сделанным из бруса. В этом и проблема. По местным законам, прежде чем начать постройку, я должен собрать подписи всех соседей, подтверждающие, что они не возражают ни против дизайна, ни против цвета. Поэтому финны мне и прислали два брусовых блока – для наглядной демонстрации «австралам».

Единственного из неопрошеных будущих соседей мы нашли возле строящегося коттеджа. Выслушав Попова и с изумлением рассмотрев блоки, пожилой австралиец деревенской внешности поднял глаза:

– Парень, а на кой черт тебе затевать все это? Здесь так не строят. Я, конечно, не против, но затея обойдется чертовски дорого. Из Финляндии! Подумать только! Пойдемте, – ранчмен повернулся к нам с Дашей, – я покажу вам собственную халупу. Триста квадратных метров! А ваш? Четыреста? Ну и ну…»

Прощаясь после экскурсии, австралиец вдруг спросил:

– А ты сам откуда будешь? Из России? Для русского ты классно говоришь по-английски. А деньги транжиришь все же зря.

Молодой еще…

Бросив напоследок взгляд на заросшую деревьями территорию, я спросила:

– А как насчет бассейна?

Четырехкратный олимпийский чемпион аж остановился на полушаге:

– Бассейн в собственном доме? Никогда в жизни!

Пожалуй, именно тогда мне впервые пришла в голову мысль о том, до какой же степени Попов устал от плавания… И как же сильно он тоскует по спокойной и незатейливой семейной жизни.

* * *

Впрочем, несколько месяцев спустя об этом уже не думалось. От «Спорт-Экспресса» в Сидней летела довольно большая группа журналистов, упакованная, помимо всего прочего, десятком литровых стеклянных банок с черной икрой, предназначенной для представительских целей. Дальняя и длительная поездка заставила затовариться провизией не только нас. Кто-то вез сало, кто-то – копченую колбасу, кто-то – черный хлеб и консервы. Однако едва самолет приземлился, в группе прилетевших поднялась паника, потому как на таможенном кордоне шел натуральный шмон: два десятка одетых в форменные кители мужиков останавливали чуть ли не каждого пассажира и перетряхивали весь багаж.

Причину повышенного внимания австралийских таможенников к туристам мне объясняли еще во время первого визита в страну. Зеленый континент – маленький. Поэтому его обитатели и государство в целом до одури боится пасть жертвой какой-либо эпидемии. Запрещено провозить не только «потусторонние» пищевые продукты, но и предметы из дерева, например. Потому как, по мнению австралийцев, даже в безобидной матрешке вполне может притаиться зловредный жучок, который впоследствии вырвется на волю, размножится на вольных хлебах и сожрет все на своем пути.

По залу выдачи багажа сновали таможенные спаниели, вынюхивая контрабанду. Мой чемодан появился на ленте одним из первых и был оставлен собаками без внимания. Повинуясь какому-то внутреннему наитию, я подошла к наиболее добродушному и очень деревенскому на вид пожилому таможенному контролеру, поставив чемодан прямо у его ног.

– На стойку, леди, на стойку, – махнул он рукой в сторону обшарпанного стола.

– Да-да, я знаю, – улыбнулась я. Вы разрешите мне немножко постоять здесь? Я жду, пока багаж получат мои друзья. Боюсь потеряться.

– Первый раз в Австралии?

– Нет. Но очень рада, что приехала снова. У вас – замечательная страна. Кстати, меня зовут Елена.

– Очень приятно. Эдриан.

Минут пятнадцать я безостановочно трепалась с таможенником, мешая ему работать: осыпала комплиментами все австралийское, травила байки о спортсменах, об Играх, о самой лучшей в России газете «Спорт-Экспресс», рассказывала о детях, родителях, московской погоде и собственном спортивном прошлом. Как только к стойке настороженно подтянулись остальные журналисты нашей бригады, наступил решающий момент.

– О'кей, Эдриан. Было очень, ну просто очень приятно с вами познакомиться. Куда нам поставить чемоданы для досмотра?

Австралиец даже смутился.

– Ну что вы, это совсем ни к чему. Проходите. И друзья ваши пусть проходят. Удачи вам!

Обернувшись от дверей, чтобы еще раз помахать рукой таможеннику, я увидела душераздирающую картину: на соседней стойке лежал растерзанный чемодан туриста из Казахстана, а сам он, стоя рядом, ожесточенно и чуть не плача ел руками икру из вскрытой жестяной банки…

* * *

Так сложилось, что на всех Олимпийских играх, куда выезжала бригада «СЭ», я всегда была единственной женщиной. Правда, еще в Атланте мои иллюзии на то, что мне позволительно проявлять слабость, развеял Гескин, сказав серьезно и невозмутимо: «Ты не женщина. Ты – дружественный боевой конь». В обязанности «боевому коню» (помимо написания репортажей) традиционно вменялись комплектование аптечки перед командировкой, нарезка бутербродов и накрывание стола во время ежевечерних планерок-посиделок на выезде, а также устранение всяческих форс-мажорных обстоятельств типа оторванных пуговиц, промокшей одежды, ушибов, вывихов и похмелья.

Пребывание на Олимпийских играх в Сиднее, где для жилья бригады была снята большая четырехкомнатная квартира, стало апофеозом моей хозяйственно-кулинарной деятельности. С

первого же дня, кроме обдумывания множества еще не написанных интервью и отчетов, приходилось варить борщи, солянки, жарить котлеты и постоянно держать в голове, что Россошик не ест курицу, а Гескин – маслины. Что Вильф и Просветов любят сыр, а Родиченко терпеть его не может. Что Рабинер ест все, но не любит выносить мусор и постоянно пытается подсунуть цветные линяющие майки в общую стирку…

Ощущение всеобщего праздника не покидало нас в Австралии ни на минуту. «Зеленая» нация слишком долго ждала этой Олимпиады. Волонтеры съехались в столицу Игр со всей страны, но не только они, а все жители города были искренне счастливы помочь гостям хоть чем-то.

В один из первых дней нас угораздило заблудиться в метро. Шел второй час ночи, станция, на которой мы в итоге оказались, была совершенно пуста и, когда из всего запаса русских слов у нас остались лишь матерные, на платформе вдруг появилась пожилая женщина. Выслушав пересказ наших мытарств, она понимающе кивнула, начала было объяснять, куда и как нам следует ехать, и вдруг, увидев приближающийся поезд, оборвала себя на полуслове. «Поехали вместе. Я с удовольствием вас провожу».

Спустя полтора часа мы распрощались с австралийкой на крыльце своего временного дома и долго недоумевали: в каком еще месте земного шара человек способен среди ночи поменять собственные планы и отправиться улаживать чужие неприятности?

Об отношении сиднейцев к спорту говорить и вовсе не приходилось. Билеты на все без исключения соревнования были раскуплены стремительно и подчистую. Олимпийский парк, в котором располагалось большинство спортивных объектов, бурлил жизнью с шести утра и до поздней ночи: на стадионы непрерывным потоком шли взрослые, дети, семьи с грудными младенцами, старики, инвалиды…

И все же плавание стояло в этом ажиотаже особняком.

Учить ребенка плавать, а уже потом – ходить было принято в Австралии всегда. Эту необходимость диктовали прежде всего географические особенности континента: в стране, где почти все наиболее густонаселенные города расположены на побережье, умение хорошо плавать – своего рода гарантия жизненной безопасности. Плюс – великие спортивные традиции, уходящие корнями еще в самое начало прошлого века.

К тому же, плавание открывало программу сиднейских Игр и уже в первый день принесло австралийцам первые дивиденды. В течение часа семнадцатилетний Иан Торп получил сразу два

золота и дважды стал рекордсменом мира: сначала – в заплыве на 400 метров вольным стилем, затем – удержав на последнем этапе кролевой эстафеты 4×100 метров преимущество команды-хозяйки над сборной США.

В той же эстафете случилось не менее впечатляющее событие. Майкл Клим – австралийский ученик Геннадия Турецкого – проплыл первый этап эстафеты за 48,18 секунды. На 0,03 быстрее мирового рекорда, целых шесть лет принадлежавшего Александру Попову.

Глава 2. От триумфа до трагедии

Считается, что великие чемпионы должны уходить из спорта непобежденными. Как, например, легендарная фигуристка Ирина Роднина. Уйти, чтобы и преданным болельщикам, и самым яростным недоброжелателям еще долго вспоминался королевский шлейф непрерывных побед.

Прагматически рассуждая, Александр Попов должен был бы уйти из плавания сразу после Игр в Атланте, чтобы гарантированно остаться в истории этого вида спорта непобежденным. Но уходить он не хотел категорически. Чемпиону вообще сложно принять такое решение. В момент победы, сколь бы сложной и драматичной она ни была, доминирующим остается ощущение, что ты можешь все. И обязательно сможешь отстоять звание через четыре года.

К тому же сразу после возвращения из Атланты четырехкратный олимпийский чемпион был тяжело ранен ножом в случайной стычке в Москве, перенес сложнейшую операцию и понял, что вернуться к нормальной жизни он сможет только через плавание.

Возвращение получилось триумфальным. В 1997-м российский пловец стал четырехкратным чемпионом Европы в Севилье. Год спустя выиграл чемпионат мира, который проводился в Австралии. Именно тогда в сознании многих он превратился в живую легенду плавания.

После той победы пловец имел полное моральное право уйти. Как это сделал в 1991-м его ближайший друг боксер Константин Цзю. Тот выиграл в 91-м чемпионат мира и перешел в профессионалы. Хотя вполне мог бы занять место лидера в олимпийской сборной-92.

Попов не пошел по этому пути. Хотя, наверное, переезжая в 93-м в Австралию вслед за своим тренером Геннадием Турецким, мог без труда получить новое подданство и продолжать плавать совсем за другие, гораздо более солидные, деньги. Но он слишком хорошо понимал, что за ним в России нет никого. И что он – единственная надежда нации на предстоящих Олимпийских играх.

В 93-м жители Зеленого континента восприняли появление Попова на своей территории без восторга. Можно даже сказать, в штыки. Одно дело, заполучить к себе лучшего тренера мира, изъявившего желание работать на славу другой страны. И совсем другое – способствовать результатам совершенно чужого для Австралии, хоть и выдающегося, спортсмена. Не случайно

контракт Турецкого с австралийской федерацией плавания в олимпийской Атланте категорически запрещал тренеру заниматься подготовкой его российского ученика и даже подходить к нему в бассейне.

Попову нужно было пройти через нечеловеческие испытания Атланты, трагедию в Москве и триумфальное возвращение в Перте-98, чтобы стать для Австралии по-настоящему своим. Как стал Турецкий.

После первого дня выступлений пловцов в Сиднее я подошла к тренеру, чтобы поздравить его с рекордом Майкла Клима.

– А с эстафетой поздравить не хотите? – прищурился тренер. – Ведь там моих было четверо.

Не дав моему удивлению развиться, как писал Булгаков, до степени болезненного, Турецкий продолжил:

– В финале эстафеты плыли два моих ученика – Клим и Эшли Каллас, и еще двое стартовали в утреннем предварительном заплыве – Тодд Пирсон и Эдам Пайн. Вдобавок я отвечаю за подготовку мужских эстафет в австралийской сборной в целом. Сценарий первой из них меня устроил. Когда на начальном этапе человек плывет с мировым рекордом, это неизбежно убивает остальных соперников. Майкл просто сломал американца. А ведь Эрвин, которого он опередил, считается в США одним из самых перспективных спринтеров. Собственно, его и поставили на первый этап, чтобы сделать отрыв.

– Что преобладало в ваших чувствах после финиша? Радость от результата Клима или сожаление, что пал рекорд другого вашего ученика – Попова?

– С моей точки зрения, мировой рекорд на «сотне» давно уже должен равняться 47,5. Вопрос только в том, кто это сделает. Последние цифры моего телефона, как вам известно, 47–71. На этот результат мы с Поповым должны были выйти еще четыре года назад, если бы не травмы и операции. Не сделаем это сейчас, значит, сделают другие…

* * *

Незадолго до вылета в Сидней я разговорилась в Москве с человеком, который в свое время много лет работал в плавании с моим отцом, прекрасно знал Турецкого и Попова, неоднократно встречался с ними на всевозможных спортивных мероприятиях. Мы уже не в первый раз говорили о шансах Попова в Сиднее, но тогда собеседник вдруг сказал:

– Понимаешь, у Сашки есть все. Четыре золотые олимпийские

медали, солидные спонсорские контракты, дом, семья, ребенок, перспектива дальнейшей работы в солидной компании. Насколько мне известно, в Сиднее его намерены выдвинуть в Международный олимпийский комитет. Другими словами, он не может не чувствовать, что у него за спиной, что бы ни произошло на Играх, – парашют. В каком-то смысле это хорошо. Но лично я предпочел бы, чтобы этого парашюта у него не было…

Главная беда российского спринтера действительно заключалась в том, что он был слишком спокоен. Настолько, что в какой-то момент перестал верить Турецкому. Тренер продолжал ненавязчиво вдалбливать в голову ученика мысли о том, что нужно еще до Игр выбираться на стометровке из сорока восьми секунд, но сам Попов как-то сказал мне: «Турецкий просто перестраховывается. Думаю, что для победы совершенно не понадобится плыть на таких скоростях».

Олимпийские статьи и комментарии обычно забываются сразу после отправки в редакцию. Слишком быстро сменяют друг друга события Игр. Однако, когда несколько месяцев спустя я перечитала свой собственный прогноз на стометровку, опубликованный в «Спорт-Экспрессе» накануне полуфиналов, по коже поползли мурашки. В газете было черным по белому написано:

«…Мировой рекорд скорее всего будет улучшен уже в полуфинале. Он действительно может оказаться фантастическим: ведущие спринтеры для этого созрели. К тому же, имея два старта в день, выступать легче. А вот к финалу должны сказаться усталость и невероятное психологическое напряжение. Борьба пойдет не на результат, а на победу…»

Прогноз сбылся вплоть до деталей. В полуфинале голландец Питер ван ден Хугенбанд полностью оправдал предсказания Турецкого – проплыл стометровку за 47,84. И это был нокаут. Для Попова в том числе.

Говорят, на Олимпийских играх стоит лишь на мгновение мысленно усомниться в своих силах – и поражение неизбежно. Это действительно так. Для того чтобы после четырех лет каторжной работы выдать максимум возможного в единственно нужный период, исчисляемый секундами, должно сойтись воедино множество факторов. Сомнения и посторонние мысли способны в корне изменить ход событий.

Что творилось в сознании четырехкратного олимпийского чемпиона, когда его мировой рекорд рухнул в первый день Игр под натиском Клима? А через два дня – после фантастического полуфинального заплыва голландца? Наверняка Александр не мог не думать о том, сумеет ли сам, если понадобится, показать

такие же скорости.

Пугал и прогноз двукратного чемпиона Атланты Дениса Панкратова, с которым в день финала на стометровке мы случайно столкнулись на трибуне бассейна. «Давно не видел, чтобы Саша так вел себя, – сказал он. – Заметно, что он в чем-то сомневается. От него все ждут лишь победы, но, поверьте, будет необычайно тяжело даже попасть в призеры…»

Через 48,69 секунды после старта Попов коснулся финиша. Вторым. Результат победителя – все того же Питера ван ден Хугенбанда – выглядел на табло издевательски. 48,30. Ничего особенного…

«Больше всего меня удивило собственное состояние на старте, – сказал пловец после финиша. – Я не волновался. Совсем. Скорее, была даже апатия, было оцепенение».

Поздней ночью у меня вдруг зазвонил телефон. На дисплее высветилось имя Попова.

– Никак не могу заснуть, – объяснил он поздний звонок. – Только сейчас начал осознавать, какой ценой далась мне эта медаль. Знаешь, на самом деле она радует меня ничуть не меньше золотой. Слишком реально было вообще оказаться за чертой призеров. Как это случилось с Климом. Не ожидал, правда, что окажется настолько тяжело…

Спустя два дня Попов проиграл снова. На этот раз – сокрушительно. Самую короткую и самую быструю дистанцию – 50 метров вольным стилем.

Надо было видеть, как болели в тот день за Попова австралийцы! Скандировали его имя, визжали, топали и размахивали австралийскими флагами ничуть не меньше, чем днями раньше – когда поддерживали истинно австралийских кумиров Иана Торпа и Майкла Клима. Предвкушали триумф, не подозревая, что всего через двадцать две с небольшим секунды после старта кумир будет повержен.

На лице российского пловца не было паники. Не знаю, о чем он думал ночью накануне последнего старта, но на бортик вышел проигрывать. Осознанно. И от этого ожидание старта выглядело еще более страшным.

Что произошло с Поповым на самом деле, думаю, еще долго не узнает никто. В какой-то момент заплыва телекамеры переключились на общий вид сверху. Александр выглядел неузнаваемо. Он не плыл, а словно бился, смертельно раненный, за свою собственную жизнь: остервенело рвал воду, и в этом не было ни малейшего намека на фирменный, знакомый тысячам болельщиков стиль. Коснувшись стенки, он даже не стал смотреть на табло. И без этого было ясно, что шанс безвозвратно потерян…

Глава 3. Великие проигравшие

После того финала я проплакала всю ночь. Ни одно из тех поражений, что случались на моих глазах на предыдущих Олимпиадах, не вызывало такой реакции. Но этот случай был совершенно особым. В 1996-м, когда Попов наконец выкарабкался в нормальную жизнь после ножевого ранения и сложнейшей операции, он позвонил мне прямо из больницы и совершенно неожиданно сказал:

– Знаешь, ко мне сегодня Сан Саныч Карелин приезжал. Спросил, крещеный ли я. И когда узнал, что нет, сказал, что повезет меня креститься. Как только из больницы выпишут. А выписывают завтра. Ты могла бы поехать с нами? А то крестный отец у меня вроде как есть уже, он – мой хороший знакомый, но ведь и крестная мать полагается?

Я, признаться, тогда здорово растерялась: никогда не воспринимала себя как сильно верующего человека. Но отказать не смогла.

Обряд получился очень домашним. От святого источника мы всей компанией отправились обедать, и я долго, помнится, пытала священника – настоятеля одного из подмосковных монастырей, как сочетается христианское «смири гордыню» с большим спортом – апофеозом человеческого стремления стать лучшим. Священник долго молчал, обдумывая ответ, затем сказал: «Ежели человек занимается спортом во славу Отечества, это – благое дело…»

Тот день изменил в моем сознании многое. И даже отправляясь в Сидней, я прекрасно понимала, что среди всех российских спортсменов Попов стоит для меня особняком. Как собственный ребенок.

* * *

Игры в Сиднее всегда будут помниться российским болельщикам двумя поражениями. Попова и Карелина. Неудачных выступлений, способных ввергнуть болельщиков в шок, на тех Играх хватало. Светлана Хоркина и Алина Кабаева, Светлана Мастеркова и Андрей Чемеркин, Роман Слуднов и Бувайсар Сайтиев… От поражений на Олимпиадах не застрахованы даже самые великие, но тем не менее, с точки зрения большинства россиян, Попов и Карелин не могли проиграть. Ни при каких обстоятельствах. Почему? Наверное,

потому, что слишком долго с их именами были связаны самые светлые и святые для любого русского человека понятия. Патриотизм, гордость за державу.

Уверена, что накануне Сиднея, когда олимпийская лихорадка невольно охватила весь мир, множество даже далеких от спорта людей в России рассуждали в душе примерно одинаково: «Пусть мы нищие и полуголодные, зато у нас есть Карелин и Попов. И вы встанете, господа, когда в их честь зазвучит российский гимн».

Реакция на поражение возведенных в ранг небожителей спортсменов была в стране ошеломляющей. Глобальное чувство – растерянность. И глубочайшее сострадание. Но находились и такие, чьей первой реакцией было желание растоптать, развенчать, обвинить во всех смертных грехах. Попову припомнили отъезд из России в Австралию, приравняв его чуть ли не к предательству Родины. Карелину – увлечение политикой и выборы в Госдуму.

Судя по выражению карелинского лица перед финальной схваткой, он не допускал ни малейшей мысли о вероятности поражения. Тем более что впервые за последние четыре года боролся без напоминающих о себе травм. И все-таки это поражение когда-то должно было случиться. Просто все мы отказывались признавать, что фирменный «обратный пояс» – прием, известный в борцовских кругах под шутливым названием «полет шмеля», – удается Карелину все реже и реже. Не принимали всерьез и слова, которые любил повторять трехкратный олимпийский чемпион, говоря о соперниках: «На ковер люди не из больниц приходят».

Его победы как-то незаметно стали для болельщиков такими же незыблемыми, каким когда-то казался СССР. Даже когда Союз распался, а Карелин продолжал одерживать олимпийские победы под новым флагом, это воспринималось своего рода гарантией: пока великий борец на глазах всего мира несет знамя российской сборной – та непобедима.

Первым тревожным звоночком для болельщиков стала именно эта деталь: от роли знаменосца сборной в Сиднее Карелин был вынужден отказаться. В его планы не входило приезжать в Австралию к самому открытию Игр. Мы же отмахивались от суеверия, как от чумы. Уверяли друг друга, что не думаем об этом, и думали еще больше…

Зал борьбы был заполнен в день финального поединка супертяжей под завязку. Присутствовали высшие руководители МОК во главе с президентом – маркизом Хуаном-Антонио Самаранчем, государственные деятели России. Все хотели почувствовать себя причастными к великой победе выдающегося

борца.

Вряд ли кто сомневался при этом, что победа будет одержана. Слишком легко Карелин разделывался с соперниками на подходах к финалу. Да и соперник, американец Рулон Гарднер, отнюдь не казался серьезным оппонентом. Греко-римской борьбой он начал заниматься в 1993-м, в 97-м впервые приехал на чемпионат мира и, попав на Карелина в одной из предварительных схваток, трижды за то время, что продолжался поединок, летал с «обратного пояса».

В Сиднее Рулон благополучно докатился до финала и особо не беспокоился о результате заключительной схватки, понимая, что даже серебро сделает его дома героем. Как и его предшественника – Мэтта Гаффари, проигравшего Карелину в Атланте. На ковре Гарднера, по его словам, сказанным на пресс-конференции, заботило одно: по возможности не рухнуть головой в пол с «обратного».

Тем не менее защиту от фирменного карелинского броска американец отрабатывал особенно тщательно. Но еще больше тренировал «крест» – крестообразный захват. По правилам борьбы, если первая трехминутная часть схватки завершается с нулевым счетом, спортсменов ставят именно в «крест». Кто первым вынудит соперника разорвать сцепленные руки, тот получает балл преимущества.

Истинного соотношения сил на ковре этот прием никаким образом не отражает. Правило было придумано лишь для того, чтобы заставить спортсменов бороться более активно и внести в схватку элемент лотереи. К тому же, этот момент схватки давал откровенно слабым борцам чуть ли не единственный шанс не проиграть сопернику всухую. Тот же Карелин не раз терял баллы, проигрывая «крест». Набирал их более радикальными методами – бросками.

* * *

Первая трехминутка закончилась с нулевым счетом, и соперников поставили в тот самый злополучный захват. Что произошло потом, не понял никто, включая судью на ковре. Карелин, на мгновение расцепивший руки, вновь соединил их за спиной противника так быстро, что схватку остановили лишь через несколько секунд – по настоянию боковых контролеров. Долго просматривали видеозапись, прежде чем отдать злополучный балл американцу. Отдали.

Спустя год после тех Игр я разговаривала с бывшим главным

тренером еще советской сборной борцов Геннадием Сапуновым. И когда вспомнили последний карелинский поединок, тренер сказал: «В правилах есть такая трактовка: если соперников поставили в „крест” и в результате действий кто-то из них ушел „«петлю” – то есть поднял сцепленные руки выше уровня плеч, он сразу должен быть наказан потерей балла. Так вот именно Рулон Гарднер ушел в „петлю”. А секундой позже Карелин разорвал захват. Если бы финский судья оказался поопытнее и понастойчивее, он бы это доказал. Он же растерялся, не среагировал сразу. А потом было поздно…»

Впрочем, в Сиднее никому не пришло в голову паниковать по поводу судейского решения в тот момент, когда оно было принято. Ведь успешно выполненный «обратный пояс» мог бы принести Карелину сразу от трех до шести очков. Правда, один шанс бросить Гарднера в самом начале схватки российский борец упустил. К концу основного времени ему вновь представилась такая возможность. Но Гарднер распластался на ковре таким образом, что Карелин был вынужден расцепить захват. От прочих борцов американца отличала неимоверных размеров грудная клетка, из-за чего он выглядел как коренастый карлик с непропорционально тонкими ногами. Это противоестественное телосложение и, как следствие, сильно смещенный центр тяжести не позволяли трехкратному олимпийскому чемпиону даже оторвать соперника от ковра.

Третья попытка – за минуту до конца дополнительного времени – тоже не принесла успеха. Зал в полной прострации смотрел на табло, на котором шел обратный отсчет времени, и тупо слушал, как информатор дублирует электронные показания в микрофон: сорок пять секунд, тридцать, пятнадцать, десять, пять…

За пять секунд до финальной сирены Карелин прекратил бороться вообще. В этом уже не было никакого смысла…

Лишь после этого поражения я по-настоящему осознала, какой глубокой философией было пронизано старое, времен Барселоны, интервью великого борца.

«Спорт – это высшее проявление человеческого эгоизма, – говорил он. – Когда человек борется за победу, ему глубоко плевать на то, что еще кто-то, кроме него, хочет быть первым».

Глава 4. Вверх ногами

Раз в четыре года мир вспоминает о видах спорта, которые в любое другое время пребывают в статусе Золушек. Они непонятны неподготовленному зрителю и поэтому редко собирают полные трибуны. За победы в них не платят и никогда не заплатят по таким меркам, как в футболе, хоккее, баскетболе или легкой атлетике. Они беспощадны требованиями и противоестественны для человека. Поэтому и результат там достигается нечеловеческими усилиями. Дрессировкой.

Но именно в этих видах спорта Россия, как правило, не проигрывает. А посему в канун каждой очередной Олимпиады спортивные руководители вспоминают о них, едва начинается подсчет гипотетических наград.

Две золотые медали в Сиднее предписывалось получить синхронному плаванию. На протяжении трех Олимпиад подряд, с того самого момента, как в 1984 году этот вид спорта получил олимпийский статус, доступ к пьедесталу имели представители всего трех стран – США, Канады и Японии. Точно такая же картина наблюдалась на всех без исключения чемпионатах мира с 1973 по 1994 год. Причем рокировки на первой ступеньке происходили лишь между американками и канадками.

До конца восьмидесятых уделом еще советских спортсменок было ежедневно сидеть по шесть – восемь часов в бассейне, дико раздражать окружающих постоянным звяканьем ключа, которым тренеры отбивали такт по уходящей в воду металлической лестнице, и очень медленно двигаться из второго европейского десятка к началу медальной очереди. В 1987-м на чемпионате Европы в Страсбурге советский дуэт впервые стал третьим, за французским и швейцарским, а группа получила серебро. В 1989-м в Бонне Христина Фаласиниди стала победительницей, а дуэт и группа – вице-чемпионами континента. А с 1991-го началась беспроигрышная серия: на пяти европейских чемпионатах подряд российские спортсменки забирали золото во всех видах программы. Но то было в Европе.

Прорыв произошел в 1998-м: впервые за всю историю российские синхронистки выиграли на чемпионате мира три золота из трех возможных. Это означало, что фаворит Сиднея определен окончательно. Если, разумеется, не случится ничего форс-мажорного.

Оно таки случилось. Во время чемпионата Европы, проходившего в Хельсинки с 28 июня по 9 июля 2000 года, биопроба Марии Киселевой, спортсменки, которая должна была

выступать на Играх в обоих видах олимпийской программы, показала наличие запрещенного препарата – эфедрина. Это подтвердил и повторный допинг-тест.

Как выяснилось позже, Киселева стала жертвой абсурднейшего стечения обстоятельств. Она купила американское средство для похудения в официальной аптеке Олимпийского комитета России. Поставка оказалась «левой» в том смысле, что состав препарата был указан на упаковке не полностью. Проверять же заранее никому не пришло в голову, тем более что к его поставке имел самое непосредственное отношение родственник одного из высоких спортивных руководителей.

Вполне возможно, что именно по этой причине на урегулирование инцидента были брошены серьезные силы. В итоге Киселеву дисквалифицировали на минимальный срок – до 21 августа. И у российской стороны осталось четыре дня, чтобы внести имя спортсменки в олимпийскую заявку.

Самой Маше та история стоила больших нервов. Медалей чемпионок Европы были лишены и группа, и дуэт. Уже в Австралии, куда сборная приехала заранее, чтобы провести там заключительный тренировочный сбор, у Киселевой и ее партнерши по дуэту Ольги Брусникиной вдруг разладилось все. Возможно, от переутомления и нервного стресса. Возможно, из колеи выбила акклиматизация…

Девчонки плакали постоянно – не могли избавиться от чувства безысходности. «Вроде программа накатана, делаешь все то же самое, а ошибки изо всех дыр лезут. Утром просыпаешься – чувство такое, будто всю ночь палками били», – вспоминали они потом.

Впрочем, все эти подробности оставались внутренними. Официально все знали, что в плане синхронисток значатся два золота. И что они не имеют права проиграть…

* * *

«Не имеют права» – абсурдная в общем-то формулировка – из прежних, советских, времен. Хорошо помню какой-то свой разговор с трехкратной олимпийской чемпионкой по фигурному катанию Ириной Родниной. Ира всю жизнь была как раз из тех, кто «не имеет». Ее считали патриоткой до мозга костей и были непоколебимо уверены: все, что она делает на льду, делается исключительно из соображений чести страны. Слезы Родниной в 1980-м на Играх в Лейк-Плэсиде, самом последнем в ее жизни олимпийском пьедестале, были растиражированы на весь мир как

раз под этим лозунгом.

На самом деле все было проще. Хотя, возможно, наоборот, сложнее.

Как раз об этом мы с Ириной тогда вспоминали. Не для интервью, а в банальном бабском разговоре. И на мой вопрос: «Почему?», она вдруг очень просто ответила:

– Да потому, что тяжело было очень. Я стояла на пьедестале, слушала гимн и думала о том, что бог знает сколько времени не видела сына. Что у меня даже там, в Лейк-Плэсиде, порой проступает через майку грудное молоко. И было очень себя жалко…

Вот так – безо всякого пафоса.

В высоких фразах, если поковырять их с пристрастием, пафоса вообще не наскрести. У меня было немало возможностей убедиться, что стремление не проиграть идет прежде всего от чувства собственного достоинства. От уважения к своей работе и тем жертвам, которые пришлось принести. Что может быть обиднее, чем пахать столько лет и не найти в себе сил вложиться в последний шаг?

Другое дело, что в том же синхронном плавании мало таких, кто в принципе считает свою работу подвигом. Тренеры в этом виде спорта никогда не уходят в декретный отпуск. Работают на бортике вплоть до дня родов и возвращаются в бассейн через неделю-две после того, как ребенок появляется на свет. Коляска или кормящая мать в «синхронном» антураже международных соревнований – столь частое явление, что на это никто не обращает внимания.

Спортсменки же проводят в воде по многу часов в день. Как пианисты за инструментом. Потому что техника и «школа» в синхронном плавании – это все. База. Если ее нет, занятия можно не продолжать. Единственное неправильное движение в воде кистями рук мгновенно влечет за собой потерю равновесия. А ошибок не прощают. Поэтому и существует в синхронном плавании неписаный закон: «Не ошибайся!» После восьми – десяти лет ежедневной дрессировки девушки уже не задумываются о том, как тяжело управлять собственным телом, «стоя» в воде головой вниз. Для них это столь же привычно, как для танцора – стоять на паркетном полу.

Восемь – десять часов ежедневного сидения в воде – обязательное условие. А после не остается времени ни на себя, ни на близких. Короткий отдых – и вновь вода. Порой ненавистная настолько, что хочется бросить все.

Уже вернувшись из Сиднея, Брусникина и Киселева как-то сели считать: сколько же времени в олимпийском году им

удалось провести дома – с родными и близкими. Оказалось – один, максимум два дня в каждый из месяцев…

Ничуть не легче было тем, кто выступал в Сиднее в групповом турнире.

После чемпионата мира, который синхронистки выиграли в 1998-м, половина команды сразу ушла из спорта. Слишком много лет девушки ждали, когда каторжный труд обернется триумфом. Ушла, не дождавшись Олимпиады, даже наиболее титулованная из них – Ольга Седакова. У нее и без олимпийской медали намечалась иная, более благополучная перспектива жизни в Швейцарии.

Говорят, такой «дедовщины», какая обрушилась на новеньких после того чемпионата, история синхронного плавания еще не знала. При каждом неверном движении в воде виновные получали со всех сторон – коленками, локтями, пятками партнерш. Не потому, что их хотели обидеть намеренно. Просто особый шик российских командных выступлений всегда заключался в том, чтобы выполнять упражнения и сложнейшие связки, стоя в воде почти вплотную друг к другу. Чтобы этого добиться, каждый жест должен быть выверен до миллиметра.

Но, даже выигрывая на протяжении двух лет все, что только можно, российские синхронистки вовсе не ждали, что победу в Сиднее им принесут на блюдечке. Не было, пожалуй, в мире этого вида спорта человека, который бы не признавал: превосходство наших спортсменок над всеми без исключения соперницами – подавляющее. Однако чем ближе были Игры, тем чаще в кулуарах Международной федерации плавания проскальзывало мнение: хватит, мол, России и одного золота в Сиднее. В дуэте. А вот главную командную медаль стоит отдать кому-нибудь другому. Например, Японии. Ведь спортсменки этой страны (как до 98-го – и россиянки) все время оказывались в роли обиженных – лишь наблюдали, как золото раз за разом делят Америка и Канада…

* * *

Нам, журналистам, было легко и совершенно не нервно. В ожидании первого финала мы писали о том, что Брусникина и Киселева, как и вся российская команда в целом, – не только победительницы мирового первенства, но и обладатели предолимпийского Кубка мира. А раз так, должны без труда получить и главный титул на Играх. Что им совершенно не обязательно напрягаться сверх меры. Что они наверняка и сами знают заранее, что золото – в кармане.

В какой-то степени так думала и я сама. До тех пор пока на табло Акватик-центра не появились оценки Ольги и Маши, а сами девчонки, рыдая и смеясь одновременно, не бросились в объятия друг друга прямо у воды. Так не радуются обычной, пусть и безукоризненно выполненной работе. Ликуют до самозабвения лишь тогда, когда сделано невероятное.

Глава 5. Последние из могикан

Первые два золота в прыжках в воду были завоеваны российскими прыгунами в Сиднее в синхронных видах. Вера Ильина и Юлия Пахалина стали лучшими на трехметровом трамплине, а Дмитрий Саутин и Игорь Лукашин – на десятиметровой вышке.

Те, кто составлял программу соревнований, явно допустили просчет: в прыжках в воду очень не любят, когда олимпийские медали забирают спортсмены одной страны. Если бы «синхрон» был разнесен во времени, российского дубля, возможно, и не получилось бы. А так – никто и дернуться не успел. За какой-то час с небольшим сразу две высшие награды ушли в один «карман».

Синхронные виды появились в программе Игр как раз в 2000-м. До этого прыгуны вообще не относились к ним всерьез. Скорее – как к развлекухе: вроде тоже прыжки в воду, но все-таки какие-то другие: соревнования проходят быстро, без предварительных серий, ну, а если случится проиграть, вроде бы не столь обидно – ведь ответственность за поражение делится пополам.

Совсем иначе отнеслось к новому виду телевидение. И, как следствие, популярность мало кому интересного, а главное – не очень понятного действа тут же взлетела до небес. Да и в олимпийской иерархии прыжки в воду автоматически приобрели другой вес: до Сиднея прыгуны разыгрывали всего четыре комплекта наград. В Сиднее их стало восемь.

Первая мужская победа стала особенной. До Дмитрия Саутина ни одному из российских спортсменов не удавалось выиграть Олимпийские игры два раза. В Сиднее Дима был заявлен во всех четырех видах мужской программы, и одному богу было известно, чего ему это стоило.

– Мне бы только здоровья на все четыре снаряда хватило, – грустно пошутил Саутин после победы.

При этом он прекрасно понимал: не хватит. Еще летом ему напомнила о себе старая травма. На руке вздулась шишка, кисть потеряла подвижность, страхуя ее, Дмитрий не всегда успевал выпрямлять локоть до упора, в связи с чем на мышцы легла дополнительная нагрузка. А накануне заключительного финала волокна бицепса не выдержали – стали лопаться, как струны на гитаре.

И если бы только это! Во время одного из весенних этапов «Гран-при» россиянин сильно, до надкостницы, ободрал голень о бортик. Рана пришлась на то самое место, за которое хватаются

спортсмены во время вращения в группировке. Прыгая с трамплина, боль вполне можно было терпеть. А вот от вышки, где хват из-за центробежной силы становится поистине «мертвым», пришлось временно отказаться.

Вплоть до отъезда в Сидней Саутин прыгал с трамплина, но в первом же виде Игр – синхронных прыжках с десяти метров – ему пришлось выложиться полностью: в командных состязаниях такие спортсмены никогда себя не жалеют. В результате кожа на поджившей голени была в очередной раз содрана до надкостницы. Начался сильнейший воспалительный процесс.

За два года до Игр в Сиднее Саутин травмировал и спину. Новокаиновые блокады не помогали. Напротив, спровоцировали сильное воспаление. Пришлось оперировать. Но спина по-прежнему продолжала болеть.

В Сиднее же болело все: нога, спина, руки… И постоянно держалась температура. В таком состоянии Дмитрий выиграл четыре медали: помимо золотой – еще две бронзы и серебро. А год спустя самым неожиданным образом вскрылась причина болезни.

Дима продолжал безрезультатно лечиться. Ему кололи антибиотики, чистили надкостницу, потом предложили операцию – пересадить на голень небольшой лоскут ткани с бедра.

Одновременно лечащий врач Саутина – прекрасный, опытный специалист Нина Савкина – подлечивала ему старые травмы рук. В какой-то момент Дима попросил ее посмотреть, что происходит с поясницей – шишка на месте давнишней операции никак не хотела рассасываться и постоянно болела.

Савкина взглянула и остолбенела: шов был воспален, приоткрыт, и из него торчали нитки.

Выяснилось, что во время операции в ЦИТО Саутину оставили в операционной ране марлевый тампон. С куском гниющей в теле ткани он жил два года. Этим и объяснялись многие проблемы со здоровьем: затяжное воспаление сильно подорвало общий иммунитет организма.

Саутину не удалось получить с клиники даже страховки. И, несмотря на все свои злоключения, он решил остаться в спорте еще на четыре года. До следующих Олимпийских игр.

* * *

«Зачем они делают это?»

Ответ на этот вроде бы простой вопрос долгое время пытался найти мой отец. Сказал как-то:

– Я очень хотел бы написать хорошую книгу о большом спорте, о тех и для тех, кто им занимается. Найти объяснение, почему мы это делаем. Почему, например, ты, достаточно легкомысленная и жизнерадостная девочка, залезала на десятиметровую вышку и прыгала, переломанная, полуослепшая после травмы. Почему Сальников пятнадцать лет изо дня в день лез в воду, по восемь часов подвергаясь нечеловеческим нагрузкам? Почему?!

Я не знаю ответа. Знаю, что в спорте есть вещи, которые нельзя объяснить. В Сиднее одним из примеров для меня было возвращение в спорт батутиста Александра Москаленко. Он одиннадцать раз становился чемпионом мира, но получилось так, что батут вошел в олимпийскую программу уже после того, как Саша завершил карьеру. Ради Игр Москаленко и вернулся. Сбросил более двадцати килограммов веса, тренировался чуть ли не круглосуточно и выиграл золото. И после победы как-то совершенно буднично рассказывал, что при его весе в семьдесят два килограмма и высоте прыжка в семь метров нагрузка при соприкосновении с сеткой достигает семисот килограмм. И что порой на приземлениях лопаются пятки. Что у него удалены мениски в обоих коленных суставах, было пять переломов правого голеностопа, компрессионный перелом двенадцатого грудного позвонка. И как в восемьдесят шестом, после того как он воткнулся головой в сетку на неудачном приземлении, его парализовало. Потом, когда он все-таки встал на ноги, пришлось ходить в корсете, как в скафандре. А мелочи – повреждения рук, пальцев, мышечной ткани, связок – вообще не в счет…

… Иногда мне кажется, что читателю совсем необязательно об этом знать. С другой стороны, это – наша жизнь. И моя тоже…

2002 год. Солт-Лейк-Сити

Глава 1. «Пьяный» рейс и непьющий штат

Поездку в Солт-Лейк-Сити я ждала со сложными чувствами. После взрыва башен-небоскребов в Нью-Йорке любой авиаперелет в США превратился в крайне неприятную эпопею, связанную с постоянным перетряхиванием багажа на всех стыковочных узлах, требованием включать и выключать всю имеющуюся электронную технику, снять с себя куртки, ремни, обувь, ощупыванием ног и рук, в общем, дичайшим – с непривычки – унижением. Нельзя сказать, что отвращение к дальним перелетам стало всепоглощающим, но любое упоминание о сроках вылета из Москвы автоматически вызывало в памяти «сопутствующие» процедуры и портило настроение.

Поэтому, когда мы все-таки загрузились на рейс «Дельты» со всей прочей журналистской братией, желание оставалось одно: принять в качестве снотворного глоток виски или коньяка и поскорее заснуть.

«Поскорее» не получилось. Мы долго рассаживались в салоне, упихивая багаж по полкам, потом я решила переодеться в спортивный костюм и поплелась в хвост очереди в кабинку туалета.

Наконец самолет взлетел. «Ну, за взлет! – произнес сзади кто-то из коллег и постучал в спинку нашего ряда. – Эй, вы там, впереди…»

В этот самый момент в салоне появилась разъяренная, сильно взлохмаченная американская стюардесса. Она фурией пронеслась вдоль прохода, выхватывая на ходу наполненные стаканы из чужих рук. Над спинками кресел то тут, то там взлетали брызги, раздавался хруст пластмассы, звучала сдавленная ругань. Что происходит, не понимал никто.

Дошла очередь и до нашего ряда. Отдавать стаканчик, в котором плескалась снотворная смесь виски и кока-колы, было ужасно жалко. Но стюардесса выхватила и его.

– Что вы делаете?! – попыталась возмутиться я.

– Вы слишком много пьете! – возопила дама. Неловко повернувшись, она опрокинула отобранный стакан на моего соседа, придя от этого в еще большую ярость и вызвав дружный гомерический хохот пассажиров в салоне.

Спустя несколько часов самолет сел в Нью-Йорке. «Никому не вставать с мест. Мы ждем представителей полиции», – раздалось в динамиках.

Где-то через час в салоне появились полицейские. Молча прошли по рядам, вернулись в начало самолета. Что происходит,

не понимал никто. Часа через три всех благополучно выпустили, и мы даже не опоздали на стыковочный рейс в Солт-Лейк-Сити.

Что послужило причиной всего этого сюрреализма, я узнала спустя полгода в случайном разговоре. Тем рейсом в США в соседнем с нашим салоне летела группа людей, которым предстояло работать во время Игр в штабе российской делегации. И среди них – сын одного из спортивных чиновников. Для молодого парнишки это был чуть ли не первый заграничный выезд, плюс – чувство собственной самостоятельности, интересная взрослая компания, предвкушение увлекательнейшей работы… Короче, в самолет он сел, успев, видимо, отметить все эти пункты в баре аэропорта. В ожидании взлета дико захотел в туалет, но его не пустили, мотивируя тем, что следует дождаться, пока самолет поднимется в воздух и наберет высоту.

Обезумевший от невозможности терпеть мальчишка начал скандалить, сцепился со стюардессой, пытаясь прорваться в заветное помещение, в общем, много чего натворил. Вполне достаточно, чтобы по прилете представители полиции забрали его в местную «кутузку», а спустя несколько часов тем же бортом отправили обратно в Москву.

* * *

Столица олимпийских игр встретила деревенским антуражем. «Даунтаун» – городской центр – представлял собой улочку с магазинами и отелями, пройти которую из конца в конец можно было за десять минут. С одной стороны был пресс-центр. С другой – крошечный мотель, в котором нашей бригаде удалось снять жилье. Входить в крохотную комнатушку следовало прямо с уличного балкончика. Отапливался номер старинной газовой колонкой, где за жестяной дверцей полыхали язычки пламени. Огонь периодически гас, и если это случалось ночью, приходилось залезать под тонкое одеяло прямо в лыжном комбинезоне и трястись от дикого холода до шести утра: примерно в это время в мотеле появлялись первые сотрудники.

Завтрак представлял собой коробочку апельсинового сока и упакованный в целлофан замерзший кекс. Все это хозяева выставляли на столик в крошечной рецепции, но есть и пить приходилось прямо на улице.

Впрочем, жаловаться на судьбу было грешно. Кофе можно было выпить в пресс-центре, а всего в нескольких минутах ходьбы от него находился каток для фигуристов – мое почти постоянное рабочее место на Играх.

Правда, перед тем как впервые попасть туда, нам пришлось совершить поездку к биатлонистам и лыжникам. Организаторы Олимпиады, еще за полгода до Игр зазывая зрителей на лыжные и биатлонные соревнования в Soldier Hollow – Солдатскую лощину, абсолютно честно предупреждали: «Если вы хотите успеть к старту в девять утра, надо выезжать из Солт-Лейк-Сити в пять часов!» Предупреждение, признаться, звучало жутковато. Проводить по восемь часов в день в дороге, при том что лыжными гонками программа Игр не ограничивалась, представлялось сомнительным удовольствием.

Та первая поездка словно перенесла в другой мир. Солдатская лощина почти вплотную примыкала к поселению мормонов. Деревенька жила своей жизнью. Периодически из небольших, но очень добротно срубленных домиков выходили непривычно одетые люди, напоминающие своим видом персонажей из фильмов начала прошлого века. Женщины в расшитых чепцах возили на санках дрова, прочую деревенскую поклажу. И всем своим неспешным видом словно показывали, что их вообще не касается то, что происходит под боком.

Познания большинства приезжих о коренном населении штата сводились к тому, что мормоны не курят, не употребляют алкогольных напитков, чая и кофе. И проводят жизнь в воспроизведении потомства и молитвах. Главный и впечатляюще монументальный мормонский храм, расположенный в центре Солт-Лейк-Сити, был истинным центром города и словно напоминал возбужденным Олимпиадой гостям: «Ведите себя достойно».

Это зимне-мормонское спокойствие словно витало в воздухе. В один из первых дней после приезда я встретилась в Солт-Лейке с баскетболистом Андреем Кириленко. К тому времени он уже семь месяцев как жил в Юте, за день до нашего приезда у него родился сын Феденька, и Андрей выглядел так, словно готов обнять весь мир. Несколько лет спустя в Интернет-блоге его жены Маши Лопатовой я наткнулась на рассказ о Юте и словно снова перенеслась в олимпийский Солт-Лейк.

«Воскресенье для мормона – день размышлений о боге, именно поэтому в этот день в Солт-Лейке никогда не бывает домашних игр баскетбольной „Юты”, и вся НБА подстраивается под это расписание, – писала Маша. – В воскресенье город пуст, я называю это „взрыв водородной бомбы”. Все находятся в церкви, в течение четырех часов слушают проповеди, а затем отправляются домой обедать. Кино, походы в магазины, настольные игры в этот день не поощряются. А поощряется чтение „книги мормонов” – писания, основанного на Библии, но адаптированного для

современного мормона. Большинство магазинов и ресторанов в воскресенье закрыто, дабы не искушать без нужды.

У мормонов культ семьи, и в связи с этим женщины, как правило, не работают, а воспитывают детей. Пятеро, шестеро, семеро детей – довольно привычное для мормонов дело. А вот если у тебя один – это странно. Мормонская церковь всем помогает. Правда, в обмен на преданность религии. Кстати, хочу развеять один из стереотипов – многоженство запрещено! Его отменили еще в самом начале прошлого века.

Настоящие мормоны должны носить гарментсы. Гарментс – предмет жесткого стеба для немормонов и священная вещь для мормонов.

Гарментс – нижнее белье. Должно закрывать тело от плеч до колен и ни при каких обстоятельствах не может быть снято (при стирке используется другой, чистый комплект). Соответственно, гарментсы обеспечивают отсутствие откровенной одежды в гардеробе, тем самым женщины выглядят всегда скромно и невызывающе. Короткие юбки или декольте абсолютно неприемлемы, если ты мормон. По легенде, гарментс защищает тело от различных недугов, пожаров, катастроф и землетрясений. Самое пикантное, что и занятие любовью у мормонов протекает тоже в гарментсах. Для этого на них существуют специальные клапаны…»

Нетрудно себе представить, сколь сильным потрясением для исконного населения Юты стала Олимпиада.

* * *

А вот началось все плохо. Просто отвратительно. Визит к лыжникам прошел удачно. Руководство сборной сделало исключение для «Спорт-Экспресса», хотя официально посещение команды было журналистам запрещено. Мы провели день в домике у гонщиц, угостились чаем и какими-то домашними вкусностями, которые мастерила у плиты мама Юлии Чепаловой. Сделали интервью с Олей Даниловой, и, уже прощаясь, я заметила возле домика вернувшуюся с тренировки Наташу Масалкину. Беседовать с ней было уже некогда, и, просто помахав спортсменке рукой, я заторопилась к машине.

А на следующий день в пресс-центре появилась информация: «Всемирное антидопинговое агентство (WADA) информировало Международную федерацию лыжных гонок (FIS) о том, что вторая проба российской гонщицы Натальи Барановой-Масалкиной дала положительный результат на эритропоетин (EPO). В соответствии

с правилами, спортсменка на два года (до 17 февраля 2004 года включительно) отстраняется от участия во всех официальных соревнованиях, в том числе и в Олимпийских играх.

Внесоревновательное тестирование Барановой-Масалкиной было проведено во время тренировочного сбора в австрийском Тауплиц-Альме 18 января этого года. После того как результат первой пробы был подтвержден повторно, FIS поставила в известность МОК и Олимпийский комитет России».

Еще более неожиданным оказался комментарий руководителя российской олимпийской сборной Виктора Маматова, которому я позвонила, едва прочитав пресс-релиз.

Дежурно уверив меня в том, что перед выездом в Солт-Лейк-Сити вся лыжная сборная проходила допинг-тестирование и все пробы были чистыми, Маматов вдруг сказал:

– Масалкиной в Солт-Лейк-Сити нет и не было. Ее вообще не собирались включать в состав. А то, что ее имя значится среди участников Игр, ничего не значит – в компьютеры были заранее заведены фамилии более трехсот человек резерва…»

Вранье давно и очень хорошо знакомого мне чиновника было настолько откровенным, что я потеряла дар речи. Попыталась объяснить:

– Виктор Федорович, вы неправильно поняли мой звонок. Я звоню вам в частном порядке не как журналист, а как человек, для которого Россия – своя страна. Или, если хотите, как спортсмен – спортсмену. И пытаюсь дать вам возможность с наименьшими потерями выбраться из той задницы, в которой вы в данный момент находитесь. Но для этого мне нужно знать правду.

– Мне нечего добавить, – сухо сказал Маматов.

– Можно привести в газете ваши слова насчет Барановой-Масалкиной? – я уже не скрывала сарказма.

– Да, конечно.

Вечером в главном пресс-центре состоялась конференция, на которую российское руководство опоздало минут на сорок. Больший позор трудно было себе представить. Словно не понимая, зачем они пришли и каких объяснений от них ждут, чиновники олимпийской сборной превратили мероприятие в паноптикум. Сначала пресс-атташе Олимпийского комитета поведал аудитории о деловой активности своего непосредственного начальника Леонида Тягачева и его хороших отношениях с первыми лицами страны. Сообщил, что менее чем за год пребывания Тягачева на посту руководителя ОКР подписано более двадцати пяти контрактов о сотрудничестве с различными банками и компаниями.

Тему подхватил Маматов, заверивший, что с улучшением финансового обеспечения отечественный спорт шагнет еще дальше вперед. Руководитель спортивной делегации сообщил, что в Америку прилетели сто двадцать шесть тренеров и около сорока административных работников. Упреждая вопрос о солидном корпусе этих самых работников, Маматов заявил, что последние сборы почти все спортсмены проводили за рубежом, и их надо было встречать-размещать. Он похвалил Олимпийскую деревню в Солт-Лейк-Сити, питание и т. п., но выразил несогласие со средствами массовой информации США, которые предрекли России лишь пять золотых медалей и шестое общекомандное место.

На вопрос о Барановой-Масалкиной Маматов совершенно неожиданно заметил, что журналисты просто извратили его слова. Мол, лыжница была в расположении команды, но теперь ее отправили домой, причем ради ее же блага – чтобы уберечь от стрессов…

Подчеркнув, что история с лыжницей – это так или иначе частный вопрос, Маматов призвал прессу «помочь олимпийскому движению» и поднять вопрос об участии в Играх так называемых астматиков.

– Нам было доложено, что восемьдесят процентов участников Игр больны астмой! – воскликнул руководитель делегации. – Причем астматики выигрывают у здоровых. ОКР несколько раз писал об этой проблеме в МОК, во Всемирное антидопинговое агентство, но безуспешно. У нас в команде астматиков нет, но, оказывается, они есть среди великих, – истерично взывал он с трибуны…

В офис «Спорт-Экспресса» мы вернулись злые как собаки. Было жаль почти трех часов совершенно бездарно потраченного времени и до слез обидно, что Олимпиада, которую так долго ждали, начинается столь печально. Вспомнили и дурацкий рейс, с которого, если верить приметам, все началось, и ерундовую, но крайне неприятную деталь, которая имела место, когда прибывший в Солт-Лейк-Сити уже бывший президент МОК Хуан Антонио Самаранч передавал олимпийский огонь мэру города. Едва градоначальник взял факел в руки, огонь неожиданно погас, и его пришлось вернуть к жизни обычной, заедающей на морозе зажигалкой, которая обнаружилась у кого-то из мэрской свиты…

Глава 2. Дуэль

Олимпийскому турниру фигуристов было суждено стать в Солт-Лейк-Сити одним из наиболее посещаемых. Об этом говорили не только данные о продаже билетов, но и распространенный в пресс-центре релиз, извещавший журналистов, что для прохода на ледовый стадион билеты (число которых было весьма ограничено) потребуются и им тоже.

На подходе к катку за два дня до начала соревнований ничто, впрочем, не предвещало суматохи – официальные тренировки спортсменов хоть и начались, но далеко не все сильнейшие приехали в Солт-Лейк-Сити заранее. Но надо было учитывать характер американцев, умеющих, как никакая другая нация, создать проблемы на ровном месте.

Очередь, толпившаяся у небольшой палатки секьюрити, вызывала своими размерами благоговейный ужас. Простояв больше часа, я поняла причину: с утра появилась анонимная информация, что в ледовом центре заложена бомба. Поэтому полицейские, в качестве сильно запоздавшей реакции, тщательно вытряхивали сумки, заставляя каждого журналиста (никого другого на стадион не пропускали) по нескольку раз включать и выключать все фото – и видеокамеры, диктофоны и даже мобильные телефоны. Толпу, растянувшуюся метров на пятьсот, с помощью мегафона и полицейских жезлов периодически пытались построить местные блюстители порядка, причем проявляли крайнюю непоследовательность: то вежливо просили проявить понимание и терпение, то начинали истошно орать нечто нечленораздельное, напоминающее хрестоматийное булгаковское: «В очередь, сукины дети, в очередь!»

Когда заветная стойка досмотра была совсем рядом, неизвестно откуда появилась толпа местных служащих. Своей черно-желтой униформой и типичной для любителей гамбургеров и кока-колы бесформенностью они больше всего напоминали стаю пингвинов. И столь же бесцеремонно полезли в обход очереди, непринужденно улыбаясь на ходу: «Ха-ай! Мы спешим посмотреть, как катаются, до того, как начнется собрание волонтеров. Вы не против, если мы пройдем первыми?»

Комментарии были излишни.

Большинство российских участников Игр предпочли приехать в деревню в самый последний момент. Почти все фигуристы провели заключительный сбор в Логане, от которого до столицы Игр был всего лишь час езды на автомобиле. По словам массажистки сборной Тамары Гвоздецкой, которую я встретила на

катке, условия для подготовки в этом крохотном мормонском городке были не просто хорошими – изумительными. Новый современный каток, близкое жилье, прекрасная погода. Чемпион мира Евгений Плющенко задержался в Логане дольше всех, решив потренироваться в четверг именно там и лишь потом ехать вслед за командой.

Это, пожалуй, было главной новостью первых дней Игр. С таким нетерпением, как журналисты ждали Плющенко, в Солт-Лейке не ждали больше ни одного спортсмена. Даже Алексея Ягудина.

За исключением Игр доброй воли, с которых начинался сентябрь, Алексей выиграл в том сезоне все предолимпийские старты. Он не приехал лишь на чемпионат России. Его тренер Татьяна Тарасова прекрасно понимала, что дома и она сама, и ее ученик являются в какой-то степени персонами нон-грата. И что Ягудин, как бы хорошо он ни катался, скорее всего, останется только вторым: фаворитом руководства федерации (а значит, и судей) был Плющенко. И совершенно ни к чему было показывать миру, что на человека, который готовится стать олимпийским чемпионом, не делает ставку его родная страна.

Не уверена, что именно так дело обстояло в действительности. Все спортивные руководители прекрасно понимали, что тандему Плющенко – Ягудин в мире нет равных. И что, кто бы из них ни стал первым, золотая медаль никуда не денется.

А вот для тренеров вопрос был принципиальным. После того как Алексей ушел из группы Мишина к Тарасовой, между двумя корифеями началась открытая война. В двухтысячном году, когда Ягудин проиграл чемпионат Европы, но выиграл чемпионат мира, он сам сказал на этот счет: «Меня расстроило не то, что я проиграл чемпионат Европы, а то, что проиграл Плющенко. Дело ведь не только во мне. Это прежде всего борьба тренеров. Тарасовой и Мишина. Соперничество между мной и Женей будет продолжаться до тех пор, пока кто-то из нас не уйдет в профессионалы. А когда то же самое сделает и другой, все начнется снова…»

В Солт-Лейк-Сити в это противостояние были так или иначе вовлечены все русскоязычные журналисты. Вопрос «Ты за кого болеешь?» звучал на катках и в пресс-центре так часто, что вполне мог бы употребляться вместо приветствия. Доходило до того, что корреспонденты инструктировали друг друга: ни в коем случае не проявлять собственных симпатий, разговаривая с тренерами фигуристов, и убеждать каждого, что болеешь лишь за него. Иначе интервью может вообще не получиться.

В один из приездов на тренировочную арену я сама угодила под шквал мишинского негодования. «Я не буду давать вам интервью, – вспылил тренер на безобидную просьбу рассказать хотя бы в двух словах о том, как его спортсмен провел последние перед Играми недели.

– Могу поинтересоваться почему? – спросила я.

– Не вижу смысла! Стоило Жене поставить произвольную программу, как на нас ополчились все. Писали, что его программа – как лоскутное одеяло. И что катается он настолько медленно, что впору ставить зонтик посреди площадки и ездить вокруг. А уж по телевизору такое говорили…

– Не совсем вас понимаю, – опешила я. – Эти упреки мне следует принять на свой счет?

– Лично к вам у меня претензий нет, – умерил пыл Мишин. – Но разговаривать все равно не хочу. Да и о чем, когда на носу – главный старт?

Психологический груз, который свалился в Солт-Лейк-Сити на девятнадцатилетнего Евгения, был бы не под силу и более опытному в спорте человеку. Цель выиграть во что бы то ни стало загнала его в тупик, не оставив ни малейшего права на ошибку. Мишин всячески ограждал подопечного от контактов с журналистами, однако сам делал промахи на каждом шагу. Он не упускал ни единой возможности кольнуть бывшего ученика и его тренера. Вел себя, как человек, у которого золотая олимпийская медаль уже лежит в кармане, но этим лишь нагнетал обстановку вокруг своих же спортсменов.

* * *

Тарасова сделала в том сезоне весьма неожиданный шаг. Пригласила в свою бригаду хорошо разрекламированного в спортивных кругах психолога Рудольфа Загайнова. Его личность была в каком-то смысле одиозной. Каждый раз, когда в том или ином разговоре упоминалось его имя, кто-нибудь непременно вспоминал: «Тот самый маг, который сумел загипнотизировать Анатолия Карпова».

Психолог действительно много работал в шахматах. Первым по-настоящему звездным часом Загайнова стала его работа с Виктором Корчным в 1974-м. Гроссмейстеру, в те времена уже считавшемуся диссидентом, предстояло играть в Москве матч за звание чемпиона мира с Анатолием Карповым, на которого тогда работали чуть ли не все шахматные мастера страны. Корчной проиграл, но с минимальной разницей. Тогда же выдающийся

шахматный специалист Михаил Ботвинник во всеуслышание заявил, что тот матч стал самым впечатляющим во всей карьере Корчного. Загайнов же в одночасье приобрел репутацию человека, способного заставить подопечного проявить максимум своих способностей в безнадежной ситуации. Как-то психолог признался мне, что успеху немало способствовало и то, что он сам долгое время чувствовал себя в своей профессиональной среде изгоем. Поэтому и работал, не жалея ни времени, ни сил.

Позже к помощи Загайнова прибегали Борис Спасский, сам Карпов, Гарри Каспаров. Безусловным плюсом специалиста было умение мгновенно находить с людьми общий язык и добиваться абсолютного доверия. Он растворялся в этой работе целиком и полностью, хотя всегда был склонен переоценивать собственную роль. Думаю, по этой причине всегда вел себя так, словно является пупом земли, и совершенно не переносил неподчинения.

Расставался с подопечными Загайнов большей частью неважно. Мало того, он что раскрывал каждому последующему клиенту все самые сокровенные секреты предшественника, включая шахматные, так еще и взял за правило, закончив очередной этап работы, во всех подробностях описывать сотрудничество со звездой в мемуарах.

О первом периоде своей работы Загайнов написал в конце восьмидесятых книжку «Поражение». Те мемуары стали поводом для нашего заочного знакомства. Любой литературный труд до его публикации в те времена было принято отдавать на рецензию человеку с именем. В качестве рецензента Загайнов выбрал моего отца, работавшего в то время директором научно-исследовательского института физкультуры. А тот, сославшись на занятость, перепоручил рукопись мне.

Личное знакомство состоялось чуть позже. Тогда Загайнов бросил: «Жаль, что нам с вами не довелось поработать, когда вы были спортсменкой. Я бы мог сильно помочь». На фразу маститого специалиста я самоуверенно хихикнула: «Если бы мне был нужен психолог, я бы вряд ли сумела стать олимпийской чемпионкой».

Надо отдать Загайнову должное: он умел быть фантастически обаятельным, располагая к себе всех без исключения окружающих. Много знал. Был способен по-настоящему мощно настроить спортсмена на выступление, научить концентрироваться. А главное, прекрасно чувствовал, насколько человек сам готов поддаться его влиянию.

В начале девяностых мне довелось делать с ним интервью. Скорее даже это был дружеский разговор, в котором Загайнов вдруг сказал:

– Я все больше прихожу к мнению, что профессии спортивного психолога как таковой не существует. Она искусственна. Спасский когда-то сказал мне: «Вы должны постоянно быть душевной проституткой». Приходится признать, что он прав. Ведь задача психолога – дополнять спортсмена, подстраиваться под него, часто жертвуя своим самолюбием и настроением. А это, знаете ли, довольно непросто: сочетать в себе функции священника – уметь выслушать исповедь, жалобу, нытье – и в то же время призывать к победе…

То интервью послужило поводом к первой трещине в наших отношениях. Прочитав его в газете, Загайнов проявил заметное недовольство:

– Я хотел говорить о другом, но вам удалось навязать мне свою линию беседы. Мне это не нравится.

Что именно не понравилось уважаемому мной специалисту, я поняла много позже. Это была самая первая фраза материала: «Он постоянно в ореоле славы. Правда – чужой».

* * *

Новость, что с Загайновым стала работать Тарасова, удивила настолько, что я даже растерялась. По моим представлениям, такой мощный тренер, как она, меньше всего могла нуждаться в психотерапевтических услугах. Когда мы встретились на чемпионате Европы в Лозанне за месяц до Олимпийских игр, я спросила об этом напрямую. И услышала:

– Мне не нужен психолог. Но я не могу во время соревнований войти в мужскую раздевалку. А значит, не могу исключить ситуацию, в которой моему спортсмену могут перед стартом наговорить гадостей, вывести его из равновесия. Поэтому я и пригласила Загайнова. Он сам кому хочешь что угодно сказать может. К тому же, Ягудин – такой спортсмен, которого нужно постоянно держать под контролем. Я и так провожу с ним очень много времени. От этого он слишком устает. Мы с хореографом Николаем Морозовым и Загайновым очень четко продумываем график каждого дня. Строим работу так, чтобы заниматься Ягудиным попеременно. Ну а все разговоры о том, что Загайнов способен загипнотизировать любого… Пусть говорят.

Положа руку на сердце, подобную позицию вряд ли можно было считать этичной. Однако в правила игры большого спорта она вписывалась прекрасно. Разговоры о гипнотизерском всемогуществе Загайнова передавались из уст в уста, дошли до Мишина, а тот необдуманно сказал об этом ученику. Похоже,

Плющенко поверил этому всерьез. У него появился подсознательный страх. И, как следствие – неуверенность.

Но это случилось уже в Солт-Лейк-Сити. К тому времени отношения самой Тарасовой с Загайновым было трудно назвать идиллическими. Психолог постоянно устраивал истерики. Причем – по любому поводу.

– Поначалу я с большим удовольствием общалась с Загайновым, многое от него узнавала, но мы постоянно расходились в главном, – вспоминала Тарасова. – Он слишком рвался опекать Ягудина чуть ли не круглосуточно, стать для него незаменимым. Я же считала, что наша общая задача сделать так, чтобы в момент выступления Леше не был нужен никто. Ни я, ни мой помощник Коля Морозов, ни Загайнов. Чтобы Ягудин сам был стопроцентно уверен в своих силах.

Тарасова и Морозов сделали для этого все. Им блистательно удались программы. И особенно короткая – «Зима», которая вне всякого сомнения стала явлением не только сезона, но мужского фигурного катания в глобальном смысле. До начала Игр Ягудин выиграл все турниры, в которых принимал участие. И было понятно, что на этот раз он превзошел извечного соперника по всем направлениям.

Когда начались соревнования, к которым Ягудин действительно подошел в блестящей форме, действия Загайнова уже сильно смахивали на шантаж. За день до первого старта психолог потребовал, чтобы Морозова не было у борта. Иначе, мол, он вообще не придет на каток. Тарасова пребывала в шоке. По правилам Международного союза конькобежцев на переднем плане во время выступления разрешено находиться лишь одному, помимо основного тренера, специалисту. Но как сказать человеку, вложившему в подготовку спортсмена всего себя, что для него нет места? В то же время тренер понимала, что допустить скандал в группе, когда до цели остался заключительный шаг, значит своими руками похоронить всю проделанную работу.

Ситуацию спас Морозов. Сказал Тарасовой: «Пусть Загайнов стоит, где хочет. Для меня это не главное. Не обижусь. Лишь бы Лешка все откатал, как надо…»

Ягудин откатал. По сути, исход Игр оказался предрешен в короткой программе. Плющенко упал, не выдержав постоянной нервотрепки и давления. И эта единственная ошибка обошлась Евгению и его тренеру крушением всех надежд.

Там же, в Солт-Лейк-Сити, выиграв золотую медаль, Ягудин впервые дал волю публичным эмоциям. Когда Алексей Мишин, отвечая на чей-то вопрос, начал рассуждать о вкладе тренеров (и своем в том числе) в только что свершившуюся олимпийскую

победу, заметил, что горд тем, что на пьедестале стоят два его ученика, Ягудин оборвал его на полуслове: «Эта медаль принадлежит только мне и Татьяне Тарасовой».

Глава 3. Скандальное признание

За день до этой победы в фигурном катании случилось первое ЧП. Едва успел завершиться финал спортивных пар, как все канадские журналисты объявили результат скандальным: российские фигуристы Елена Бережная и Антон Сихарулидзе победили с перевесом в один судейский голос. Такое в фигурном катании случалось нередко, и всегда, как водится, вызывало негодование проигравших, но ничего подобного тому, что происходило в Солт-Лейк-Сити, не мог припомнить никто.

Страсти продолжали сотрясать воспаленные умы даже спустя сутки. Ранним утром у еще закрытой двери офиса «СЭ» в пресс-центре я застала корреспондента канадского телевидения.

– Вы – русская? – обрадовался он. – Скажите, что вы думаете о вчерашнем финале?

Объяснений, что фигурное катание – субъективный вид спорта и нельзя требовать от людей одинаковых представлений о том, что уклончиво именуется «артистическим впечатлением», канадец, судя по выражению его лица, не принял.

– Вам понравились костюмы канадской пары, в которых они катались в финале? – задала я встречный вопрос.

– Не очень, – неуверенно ответил собеседник.

– Вот видите, а мне – понравились, – улыбнулась я. – Так что субъективизм объясняется очень просто.

Я ошиблась. Ситуация развивалась сложнее. Почти всю ночь обсуждение финала велось по многим телевизионным каналам. Из множества опрошенных комментаторов лишь один признал, что программа русской пары была сложнее и, значит, заслуживала выставленных оценок. Остальные в один голос утверждали, что Россия не выиграла, а украла золотую медаль посредством судейского сговора.

На катке, куда я попала чуть позже, выяснилась еще одна ужасающая подробность. По словам одного из менеджеров IMG, французский арбитр Мари-Рен Ле Гунь написала официальное письмо в Международный союз конькобежцев, где призналась, что поставила российскую пару на первое место под давлением президента французской федерации фигурного катания. Мол, за отданный голос в пользу Бережной и Сихарулидзе Россия обещала помощь в танцевальном финале французскому дуэту Марине Анисиной и Гвендалю Пейзера.

Попытки уточнить информацию у французских коллег дали несколько иной результат. Мол, никаких писем не было. Просто во время традиционного разбора судейства с арбитром-

француженкой случилась истерика, что, естественно, дало повод для разных домыслов.

Поздно вечером в пресс-центре появилось официальное сообщение о том, что в среду свои соображения по поводу финала в парном катании журналистам изложит президент ИСУ Оттавио Чинкванта, а также релиз следующего содержания: «Вследствие реакции зрителей и журналистов на результаты финала в парном катании Международный союз конькобежцев намерен произвести внутреннее расследование, чтобы удостовериться, что не были нарушены установленные правила. Дальнейшие комментарии будут поступать по ходу расследования».

Все это выглядело абсурдом и не укладывалось в голове. Результаты соревнований не пересматривались в фигурном катании ни разу за всю его историю. Возможно, как раз потому, что все всегда понимали: стоит создать прецедент, и этот вид спорта можно похоронить навсегда. Какими бы необъективными ни казались оценки, если они выставлены – все! Разговор закончен.

Чинкванта придерживался именно такого мнения. В своей вечерней речи на пресс-конференции он высказался недвусмысленно: никаких доказательств того, что некий сговор действительно имел место, нет. Как нет ни малейшего повода вести речь о пересмотре результатов.

Президент вспомнил даже то, что за год до Игр на чемпионате мира в Ванкувере ситуация была прямо противоположной: первое место с таким же минимальным преимуществом судьи отдали как раз канадцам. И никому тогда не пришло в голову подвергнуть ту их победу сомнению.

Очухавшаяся от нервного потрясения Ле Гунь к тому времени уже успела дать телефонное интервью газете L'Equipe, где заявила, что отдавала свой голос в пользу российской пары, руководствуясь только своим пониманием фигурного катания и согласно судейской совести. «Мое решение отдать первое место российской паре было совершенно искренним и честным. Я действительно полагала ее лучшей», – сказала она.

Француженка разоткровенничалась настолько, что поведала журналистам даже то, что, начиная с чемпионата мира 2000 года в Ницце, ИСУ постоянно оказывала давление на судейский корпус, лоббируя интересы канадской пары. Что скандал был инспирирован главой технического комитета ИСУ Салли-Энн Стэплфорд, канадкой по происхождению, и что именно она заявила, что на Ле Гунь оказывал давление президент французской федерации ледовых видов спорта Дидье Галагье, который, мол, тоже находился в сговоре с русскими…

Однако самый ошеломляющий удар был нанесен позднее. Уже почти ночью 13 февраля в главном пресс-центре был распространен текст письма, которое президент, Международного олимпийского комитета Жак Рогге направил Оттавио Чинкванте. В этом письме сначала подчеркивалось, что «в соответствии с Олимпийской хартией Международный конькобежный союз имеет право определять окончательные результаты олимпийских соревнований». А затем следовала такая фраза: «МОК уверен, что ИСУ примет соответствующие решения как можно быстрее»…

На следующий день было озвучено совершенно дикое и беспрецедентное решение: провести олимпийское награждение еще раз. И вручить золотые медали обеим парам.

* * *

Наиболее отвратительным во всей этой истории было поведение российского спортивного руководства. Канадцы выгрызли золото для своего дуэта с нарушением всех возможных процессуальных норм. Начать с того, что они даже не посчитали нужным подать протест по итогам финала. Дожали МОК «горлом». Общественным мнением.

Причем руководители команды, равно как и вся страна, совершенно не озадачивались в тот момент, чем для них может закончиться этот крестовый поход против правил. Они просто перли как танк. Мы же, по обыкновению, просчитывали варианты: а что будет потом? Не обернется ли скандал, если его закатить, проблемами в других видах программы? Не окажется ли так, что он осложнит отношения на самом верху международной спортивной пирамиды?

Именно из таких соображений в биатлоне был принесен в жертву чемпион мира Павел Ростовцев. Перед одной из гонок спортсмена затребовали на анализ крови. В лыжных видах спорта это в порядке вещей, однако существует правило: кровь разрешено брать не позднее чем за сорок минут до старта, и если вдруг случилось, что врач дважды не попал иглой в вену, процедура должна быть прекращена.

Ростовцева кололи четыре раза за тридцать минут до старта в присутствии руководителей биатлонной команды и в общей сложности взяли у него двойную дозу крови. Когда информация об этом дошла до президента Союза биатлонистов России Александра Тихонова (сам он не смог приехать в Солт-Лейк-Сити) и он потребовал объяснений от своих же сотрудников, ему сказали, что просто побоялись скандалить. Председателем

медицинской комиссии Международного союза биатлонистов был немец, и почему-то считалось, что ссориться с наиболее влиятельной в этом виде спорта федерацией, которой всегда считалась германская, ни в коем случае нельзя.

История с парным катанием, кстати, повторилась почти по нотам под занавес Игр. Но уже как фарс. В турнире женщин, где победила шестнадцатилетняя американка Сара Хьюз, ей одним голосом проиграла Ирина Слуцкая. Короткую программу Ирина выполнила безукоризненно, но там ее опередила еще одна американка – Мишель Кван.

По мнению очевидцев, результат следовало хотя бы попробовать опротестовать – для этого имелись достаточно весомые основания. Но протеста с российской стороны после короткой программы не последовало. Почему – понятно: Россия никогда за всю свою историю не делала ставку на женское катание и не боролась за спортсменок. Напротив, «приторговывала» ими в обмен на благосклонность арбитров к тем, кто выступает в мужском катании, парном и танцах.

Но так случилось, что возможность впервые выиграть женский турнир оказалась для России совершенно реальной. Слуцкая была готова к этому ничуть не хуже, чем Кван и, тем более, Хьюз. Ей бы хоть чуточку больше уверенности в себе. Хотя бы почувствовать, что страна готова встать за нее горой…

Страна встала. Но отнюдь не та ее часть, что была в Солт-Лейк-Сити.

Протест после окончания соревнований все-таки был составлен. Но слишком поздно – когда все официальные сроки для апелляций истекли. О чем Международный союз конькобежцев и известил российскую сторону.

Чем руководствовались российские боссы, принимая решение вывести Бережную и Сихарулидзе на повторное награждение, было тоже недоступно для понимания. Китайцы Шэнь Сюе и Чжао Хунбо, которые стали бронзовыми призерами, присутствовать на церемонии отказались. Если бы то же самое сделала российская сторона, канадцам пришлось бы принимать свои эрзац-медали в одиночестве. Однако Бережной, Сихарулидзе и их тренеру Тамаре Москвиной было настоятельно рекомендовано на церемонию выйти. По сути, это был приказ, выставивший Россию посмешищем на весь мир.

Но и это, как выяснилось позже, было еще не все, что предстояло пережить.

Глава 4. Снег, кровь и слезы

Человеческая психика устроена так, что загоняет особо горькие и неприятные воспоминания куда-то в подкорку мозга, на дно души. Из всех событий последних дней Олимпиады у меня в памяти почему-то застряла очередь в аэропорт. С раннего утра она змеилась вокруг здания терминала, растянувшись на несколько сотен метров. Люди ели, пили привезенную с собой воду, играли в нарды, которые кто-то из журналистов привез в Солт-Лейк-Сити из Москвы, читали, дремали, пристроившись на тележках.

В центре этого столпотворения барражировали одетые в клоунскую одежду скоморохи и группки художественной самодеятельности. Они изо всех сил старались развеселить очередь, средняя скорость продвижения которой составляла метров двадцать в час.

В самом терминале было еще хуже. Выстроенные причудливыми зигзагами шеренги из тысяч людей почти не продвигались к стойкам. Кто-то рыдал, кто-то, матерясь, сдавал уже ненужные билеты, пытаясь попасть на другой рейс, кому-то вызывали врача. В общем, задача улететь из Солт-Лейк-Сити представлялась совершенно неразрешимой. Крошечный аэропорт совершенно не справлялся с потоком пассажиров.

Но злости не было. Было оцепенение.

Олимпиада закончилась дисквалификацией трех совершенно выдающихся спортсменов-лыжников:

Йоханна Мюллега, Ларисы Лазутиной и Ольги Даниловой. И к теме постоянных судейских скандалов и непонятных, а порой и убогих в своем дилетантстве решений спортивных руководителей всех мастей добавилась еще одна. Допинг.

Постоянные разговоры о запрещенной фармакологии витали в лыжно-биатлонных кругах с самого начала Игр. С того самого дня, как было объявлено о положительной пробе Наташи Барановой-Масалкиной. Сначала сплетни коснулись олимпийской чемпионки Нагано Юлии Чепаловой. Источником непонятно на чем основанной информации был объявлен какой-то североамериканский адвокат, чьи домыслы ничем не подтверждались, но были с энтузиазмом подхвачены.

Чуть позже Ларису Лазутину не допустили до старта эстафетной гонки из-за повышенного содержания гемоглобина в крови.

Еще через день объявили о дисквалификации Мюллега…

Проблемы возникли у трехкратного олимпийского чемпиона

после финиша мужской лыжной гонки на 50 километров. Допинг-проба, взятая у Мюллега перед стартом марафона, показала повышенный уровень гемоглобина. Гонщик настоял на еще одном заборе крови – и второй анализ отклонений не выявил. К гонке выступающий за Испанию немец был допущен – и выиграл ее, опередив Михаила Иванова на 14,9 секунды.

Но инцидент оказался не исчерпан. Как выяснилось позже, в допинг-пробе Мюлегга был обнаружен дарбепоэтин – препарат, аналогичный эритропоэтину, повышающему количество красных кровяных телец, но еще не включенный в список запрещенных.

Уже после Игр шведский сотрудник Всемирного антидопингового агентства (WADA) Бент Салтин дал весьма скандальное интервью германскому таблоиду Bild am Zonntag. По его словам, перед Играми в Солт-Лейк-Сити сотрудники WADA выслеживали Мюлегга, Лазутину и Данилову в течение довольно длительного времени. Салтин также отметил, что фирма Amgen, производящая дарбепоэтин, весьма охотно сотрудничала с WADA, и именно она предоставила агентству методику теста для определения этого препарата.

Это было очень похоже на правду. В свое время аналогичным образом был запрещен бромантан. Методику определения препарата «слил» один из его разработчиков. И многие лаборатории сразу обратили внимание, что бромантан слишком часто высвечивается в пробах спортсменов бывшего СССР и соцстран. И запрещен он был в 1996-м именно по этой причине. На всякий случай, так сказать.

Другое дело, что примерно в те же времена мне довелось беседовать с человеком, для которого все, что связано с фармакологией, было профессией. Он произнес тогда интересную фразу. Сказал, что все больше и больше склоняется к тому, что в спорте есть каста «неприкасаемых» – людей, которых нельзя трогать ни при каких обстоятельствах.

С годами этот тезис начал вызывать у меня сомнения. Но в Солт-Лейк-Сити, а точнее, уже после Игр, вернувшись в Москву, я в совершенно не предназначенных для прессы разговорах услышала, что история, завершившаяся тремя дисквалификациями, была гораздо сложнее той, что предназначалась для официального пользования. И гораздо печальнее.

За стопроцентную достоверность услышанного я, естественно, не ручаюсь. Но расскажу.

Мюллега, Лазутину и Данилову действительно «пасли». Пробы неоднократных олимпийских чемпионов, взятые в дни олимпийских гонок, оказались действительно не первыми, где

фигурировал дарбепоэтин. Позже это, кстати, подтвердилось, когда уже после лазутинской дисквалификации на свет выплыли результаты пробы «Б», взятой у гонщицы за два месяца до Игр – на этапе Кубка мира. Само по себе повышенное содержание гемоглобина, за которое Лазутину отстранили от эстафеты, никаким преступлением не являлось. Кстати, российская четверка, пусть и без лидера, вполне могла бы выйти на старт, если бы не очередной «прокол» российских спортивных руководителей: под массовые вопли на тему «Россию опять унизили» они просто-напросто упустили время для оформления нужных бумаг. Спохватились лишь тогда, когда все сроки, допускающие перезаявку, уже истекли.

Но даже тогда российскую спортсменку никто не собирался карать. Как, собственно, и Мюллега. Просто в достаточно коротком промежутке времени сошлись несколько факторов: проба «А» Мюллега дала положительный результат, информация об этом просочилась в определенные круги еще до старта мужского марафона, и якобы именно российские представители, имеющие определенные рычаги влияния в Международной федерации лыжных гонок, стали требовать, чтобы делу в отношении прославленного лыжника, несмотря на то, что дарбепоэтин официально не является запрещенным средством, был дан полный ход, поскольку при его дисквалификации золотая медаль переходила Михаилу Иванову.

И вот тогда в медкомиссии вызверились уже по-настоящему. По принципу: «Вы хотите справедливости? Получите!!!» И под фанфары загремели оба чемпиона. И Мюллег, и Лазутина. А заодно и Данилова…

Кому-то, возможно, эта версия покажется бредовой. Но если допустить, что все было именно так, то продолжение сюжета представляется вполне логичным. Не знать о том, что результат пробы, которую у российской спортсменки взяли перед злополучной эстафетой, пусть даже не положителен, а сомнителен, во «внутренних» кругах не могли. Собственно, чуть позже выяснилось, что там не просто знали, но и предупредили об этом российскую сторону.

Лазутину тем не менее допустили до старта заключительной гонки. Получается, в медицинских верхах и в самом деле не собирались давать делу ход? Но по какой-то причине изменили намерения.

Что могло произойти в этот промежуток времени? Это уже известно: именно в те несколько часов, разделившие субботний финиш мужского марафона и воскресный старт женского, ломались копья вокруг пробы Мюллега и было принято решение о

его дисквалификации.

Возможно, впрочем, что все было совсем не так. Официальную версию изложил на пресс-конференции после финиша женской гонки директор МОК Франсуа Каррар. По его словам, информация о том, что пробы сразу двух российских спортсменов дали положительный результат, вечером накануне воскресного старта была направлена в штаб российской делегации. Туда звонили дважды. В 21.30 и 21.35. Спустя полтора часа после этого началось заседание комиссии по расследованию, на котором присутствовали руководитель российской спортивной делегации Виктор Маматов и шеф антидопинговой инспекции Николай Дурманов.

Другими словами, в команде прекрасно знали, что дарбепоэтин решено признать запрещенным препаратом и что гонка, в которой Лазутина финиширует уже в ранге шестикратной олимпийской чемпионки, закончится для великой лыжницы несмываемым позором. Как и для Даниловой. Знали, и тем не менее выпустили их на старт.

В аэропорту, впрочем, это было уже не важно. Не хотелось даже думать, чем и когда завершится вся эта тягостная история. Хотелось просто побыстрее уехать из Солт-Лейк-Сити. Уехать и забыть…

2004 год. Афины

Глава 1. Генеральная репетиция

За шесть месяцев до начала Игр в Афинах мне представилась возможность поехать туда с солидной официальной миссией – делегатом Международной федерации плавания (ФИНА). В феврале в Афинах проходило первое из тестовых олимпийских мероприятий – Кубок мира по прыжкам в воду. В обязанности делегатов входило наблюдение за работой абсолютно всех служб турнира. И за организацией всего, что связано с прессой, в том числе.

Первое посещение водного комплекса шокировало: если прыжковый бассейн был уже отстроен и относительно вычищен, то открытая 50-метровая плавательная ванна являла собой нечто то ли наполовину построенное, то ли наполовину разрушенное, что, впрочем, весьма органично вписывалось в облик древнего города. На том месте, где предстояло появиться бассейну для синхронного плавания, был заложен фундамент, окруженный арматурой. Дно сооружения было устлано пустыми пивными бутылками и банками. И – ни души…

По моим представлениям, греки, с учетом близости Игр, должны были работать на объектах круглосуточно, причем всей страной. За разъяснениями столь обескураживающей «отпускной» картины я кинулась к шефу олимпийской пресс-службы, своему давнему приятелю по имени Янис. С ним я познакомилась тоже в Афинах, но четырьмя годами ранее – когда в Греции проходил чемпионат мира по плаванию в двадцатипятиметровом бассейне.

Из долгих и очень обтекаемых объяснений уже официального лица я поняла, что проблема проста: деньги, выделенные на строительство олимпийских объектов, закончились быстрее, чем планировалось. И стройки были заморожены в ожидании очередных политических выборов. С надеждой, что новое правительство придет с новыми деньгами.

Вернувшись в комнатку, выделенную организаторами турнира представителям ФИНА, я обнаружила за своим столом молодого парня.

– Привет, – оживился он. – Я – корреспондент новостного агентства. Как бы мне поговорить с кем-нибудь из Международной федерации?

– Директор ФИНА – Корнель Маркулеску. Он где-то в бассейне.

– А когда придет? Может быть, мне ответит на вопросы кто-нибудь другой? Вы кто?

– Член пресс-комиссии.

– Так, может быть, мы с вами побеседуем?

Я принялась объяснять незваному гостю, что существует четкая субординация. Что единственный человек, который уполномочен давать какие-либо интервью от имени ФИНА, – это Маркулеску. И все вопросы, соответственно, к нему.

– Ну так я подожду? – собеседник налил себе кофе, устроился в одном из кресел, то и дело вскакивая с него и продолжая бомбардировать меня вопросами.

– А что вы пишете? Пресс-релиз для сайта? Интересно… А сами спортом занимались? О… Прыгали в воду? Кстати, а что вы думаете как спортсменка, это действительно важно, чтобы над плавательным бассейном была сооружена раздвижная крыша?

По поводу крыши в тот период велись нешуточные споры. Международная федерация плавания настаивала на том, что защита от солнца должна быть в обязательном порядке, но было понятно, что сконструировать ее к началу Игр, скорее всего, просто не успеют. Тема тем не менее настолько набила оскомину, что я не выдержала:

– Послушайте, вам самому не смешно? Выйдите на улицу. Бассейн, о котором вы говорите, еще не достроен. В него воду бы сначала налить, а потом – рассуждать о крыше.

Парень подозрительно затих, чем-то шебурша за моей спиной. Через несколько секунд в комнате прозвучал характерный звук срабатывающего затвора фотокамеры, и хлопнула дверь.

Нацепив на шею аккредитацию, которая почему-то обнаружилась не на спинке стула, куда я ее вешала, а на соседнем, ближнем к выходу, столе, я пошла в прыжковый бассейн, где начинались соревнования. Спустя час меня разыскал председатель прыжкового техкома ФИНА, бывший пилот «Дельты», бывший прыгун в воду и классный дядька Том Гампф.

– Елена, тебя требует Корнель. Немедленно. – Понизив голос почти до шепота, Том добавил: – Осторожнее там, он рвет и мечет…

Маркулеску был страшен. Швырнув передо мной на стол компьютерную распечатку, он взревел:

– Что это?

Я начала вчитываться в текст и с каждым словом чувствовала, как волосы в буквальном смысле встают дыбом.

Сообщение новостного агентства Reuters гласило:

«Представитель ФИНА Елена Вайцеховская заявила, что никакая крыша плавательному бассейну не нужна. И что Афинам вообще не следовало доверять проведение Олимпиады, поскольку греки не в состоянии даже обеспечить необходимое количество

воды, чтобы налить ее в бассейн».

Все попытки как-то оправдаться и объяснить, что я не называла собеседнику даже своего имени – он просто сфотографировал аккредитацию, успеха не принесли. По тону Корнеля я прекрасно понимала, что эта поездка для меня – последняя. Что никогда больше он не доверит мне даже разносить по бортику бумажки. Обижаться тоже было глупо: о том, сколь жестким нравом обладает Маркулеску, если речь идет о промахах подведомственных ему сотрудников независимо от их титулов и возраста, я была наслышана и раньше.

Смирившись с этой мыслью, я помчалась в пресс-центр, имея в голове мгновенно сложившийся план отмщения. В своем кабинете, обхватив голову руками и горестно причитая, сидел Янис.

– Как ты могла, Елена? Я думал, мы друзья, думал, что ты любишь Грецию. А ты… Как ты могла?

– Кончай ныть! Списки аккредитованных журналистов, быстро!

По приложенным к анкетам фотографиям мой интервьюер нашелся без проблем. Я набрала номер его мобильника. Выслушав невнятные объяснения и высказавшись от души, я прямо в кабинете уселась за компьютер. Янис, который слышал весь разговор, запричитал еще больше:

– Как же так? Получается, он все придумал? Зачем? Зачем мы его вообще аккредитовали?

Спустя час я отправила официальное письмо в головной офис Reuters с перечислением (на всякий случай) всех своих спортивных и журналистских заслуг, и вскоре получила ответ от одного из высокопоставленных руководителей агентства. В нем сообщалось, что подставивший меня журналист не является штатным сотрудником, а работает на испытательном сроке, и теперь уже понятно, что никакой дальнейшей карьеры в Reuters у него не будет. И извинения, извинения, извинения…

Распечатав всю переписку, включая объяснительный текст горе-журналиста, который, как выяснилось, успели затребовать с него работодатели, я отнесла бумаги Корнелю. Молча положила их ему на стол и снова ушла в пресс-центр. Горевать.

Маркулеску пришел туда минут через пятнадцать. Сел рядом. Выражение сочувствия в глазах было столь нехарактерно для человека, одно имя которого наводило порой ужас на всю Международную федерацию плавания, что я невольно заинтересовалась.

– Ну как ты могла так проколоться? – уже спокойно спросил он. – Сама ведь журналист. Наверняка прекрасно знаешь, как

легко можно поставить человеку ловушку. Эх, Елена, Елена… Ну да ладно, забудь. Плохо, конечно, что эта информация успела попасть в другие источники, но тут уж ничего не поделаешь.

И, неожиданно перейдя на русский, что Маркулеску, в совершенстве владеющий десятком европейских языков, обычно делал в состоянии крайней усталости и раздражения, он вдруг добавил: «Как же меня все это достало…»

* * *

История вспомнилась не случайно. Директор ФИНА невольно стал на Играх в Афинах виновником одного из наиболее громких скандалов в плавании, который произошел уже под занавес олимпийского турнира. На дистанции 200 метров на спине был дисквалифицирован победитель – олимпийский чемпион Аарон Пирсол.

Причиной судейского решения стало нарушение правил прохождения американцем дистанции: перед тем как выполнить один из поворотов, Пирсол слишком рано перевернулся на живот. По мнению французского судьи Дениса Кадона, нарушение было более чем явным, так что никакого снисхождения пловец не заслуживал.

Результат чемпиона был аннулирован сразу после того, как Пирсол коснулся финиша. Однако далее события развивались весьма странно. Кадон, имеющий за плечами почти двадцать лет опыта судейской работы на крупных соревнованиях, сдал в секретариат Международной федерации плавания протокол о дисквалификации, подписанный еще двумя линейными арбитрами. Одновременно с этим документом в ФИНА поступил протест американской стороны. И был удовлетворен.

Все произошло в течение пятнадцати минут – то есть церемонию награждения не пришлось даже задерживать.

Позже выяснились подробности: в бумагах, которые составили арбитры, была допущена какая-то незначительная путаница. Обнаружив это, Маркулеску даже не стал рассматривать сам факт нарушения правил спортсменом. Собрав всех заинтересованных лиц, он сказал примерно следующее: мол, Олимпийские игры – очень тяжелое мероприятие, где на федерацию в целом и на каждого ее члена в частности приходится колоссальный объем работы. Своими действиями арбитры только добавили этой работы другим людям. Оформленные ими бумаги не могут быть приняты к рассмотрению ввиду допущенных ошибок, а значит, и сами

виновники не могут считаться профессионалами и должны быть немедленно отстранены от обслуживания Игр.

Вот таким образом Пирсолу вручили вторую золотую медаль (первую он получил на стометровке), создав прецедент, который никогда еще не имел места в истории плавания.

Глава 2. Театр одного актера

Афинский плавательный турнир стал бенефисом девятнадцатилетнего американца Майкла Фелпса. Впервые он участвовал в Играх в Сиднее, но там пловец, которому стукнуло пятнадцать за два месяца до приезда на Олимпиаду, запомнился разве что тем, что стал самым юным участником соревнований. Фурор случился позже. В 2003-м Фелпс выиграл три высшие награды на чемпионате мира, попутно установив пять мировых рекордов – подобного никогда еще не случалось в ходе одного турнира. Благодаря этому спортсмен был признан лучшим пловцом чемпионата, несколько месяцев спустя стал лучшим пловцом года по версии журнала USA Swimming, получил специальный приз Международной федерации Swimmer of the Year и наконец стал лауреатом главной спортивной награды США – Sullivan's Award, вручаемой лучшему в стране спортсмену-любителю.

Тогда же в плавательном мире заговорили о том, что Фелпсу вполне по силам стать первым пловцом, который сумеет повторить легендарный рекорд великого Марка Спитца: на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене тот выиграл семь золотых наград и установил при этом семь мировых рекордов. Ближе к Играм мир ахнул еще раз: на чемпионате США Фелпс выиграл пять индивидуальных дистанций, показав тем самым, что вкупе с эстафетами он намерен бороться не за семь, а за восемь олимпийских наград.

Знакомство с этим спортсменом оставило у меня странное ощущение. В Афинах нас представил друг другу двукратный олимпийский чемпион Ленни Крайзельбург, который уже в ранге телекомментатора пришел на пресс-конференцию соотечественника. Майкл выдувал пузыри из жевательной резинки, тряс головой в такт чему-то, звучащему в наушниках, и косолапил.

– Идете рассказывать, как будете выигрывать восемь золотых медалей? – спросила я.

Пловец невозмутимо ответил:

– Моя задача – показать лучшие результаты, на которые я способен. Про восемь золотых медалей придумали вы, журналисты… Я в данный момент думаю только об одной. О первой. После того как ее выиграю, начну думать о второй.

Об умственных способностях юного плавательного гения бытовали совершенно разные мнения. Одни считали, что Фелпс крайне рационально рассчитывает маршрут к намеченной цели,

другие были убеждены в полной недалекости Майкла.

В Афинах немецкие журналисты, известные своей въедливостью и интересом к мельчайшим фактам, раскопали довольно любопытные вещи.

По их сведениям, Майкла с рождения отличала некая особенность мозга, не позволявшая ему фокусировать сознание на своих действиях. Он не мог довести до конца ни одну игру, ни одно дело, крайне плохо осваивал различные навыки. Когда в преддверии школы он начал ходить в подготовительный класс, в шоке были и учителя, и родители. В учебе юного Фелпса сопровождали сплошные «неуды» и замечания по поведению (высидеть урок до конца для мальчишки было подвигом), а в свободное время к нему впору было прикреплять персонального сотрудника службы спасения: Майкл падал где можно и где нельзя, натыкался на все препятствия, опрокидывал на себя мебель и посуду. Но при этом, как ни странно, почти не получал травм, отделываясь синяками. Позже выяснилось, что это происходит благодаря невероятно гибким и эластичным суставам и связкам.

Все изменилось, когда парня привели в бассейн. То, что Фелпс рожден для этого вида спорта, его тренер Боб Боумэн понял сразу. А спустя несколько лет, когда Майклу исполнилось одиннадцать и тренировки стали носить более или менее регулярный характер, тренер настоял на том, чтобы в равной степени серьезно работать над всеми четырьмя видами плавания. Вот и получилось, что к моменту выхода на взрослый уровень в подготовке Фелпса почти не осталось технически слабых мест.

Это ничуть не мешало звезде продолжать себя вести подобно совсем зеленому тинейджеру. Выиграв три золота на чемпионате мира в 2003-м, он признался, что обожает попкорн, а в качестве талисмана уже несколько лет возит с собой и прячет в гостиничном номере одну и ту же банку консервированного супа из моллюсков.

Спустя десять дней после возвращения с того чемпионата Фелпс поспорил с наставником, что проплывет одну из своих любимых дистанций – 200 метров комплексным плаванием – быстрее чем за 1,56 секунды. Обещание он сдержал, и по условиям спора это стоило Боумэну шевелюры. Причем ученик превратил мероприятие в спектакль: прежде чем подняться на стартовую тумбочку, Майкл с иезуитским спокойствием разложил на бортике у ног тренера необходимый парикмахерский комплект инструментов: ножницы, бритву и тюбик с гелем для бритья.

На своей первой Олимпиаде в Сиднее Майкл был любимым ребенком всей американской сборной. На второй – ее гордостью.

Каждый раз, когда Фелпс в сопровождении тренера появлялся в бассейне, на ум первым делом приходили слова полковника «зеленых беретов» из нашумевшего боевика «Рэмбо»: «Я пришел сюда не для того, чтобы спасти моего мальчика. А чтобы спасти вас – от него».

* * *

Рекорд Марка Спитца в Афинах устоял. Фелпс получил шесть золотых медалей, а всего – восемь. Он превзошел рекорд своего соотечественника Мэтта Бионди, завоевавшего на Играх в Сеуле в общей сложности семь наград. Встал на один уровень с выдающимся гимнастом советских времен Александром Дитятиным, который тоже восемь раз поднимался на олимпийский пьедестал в 1980-м, на Играх в Москве. Четыре из шести золотых наград пловец получил в индивидуальных номерах программы. Две – в эстафетах.

И седьмое золото Фелпса было вполне реальным. Оно должно было быть завоевано сборной США в спринтерской кролевой эстафете 4×100 метров. Так, по крайней мере, считали американские тренеры.

Помешала Южная Африка, пловцы которой сделали в тот день невозможное, и… сам Фелпс. В состав эстафеты он был включен не столько по спортивному принципу, сколько из спортивного интереса. Увидеть, как падет или хотя бы будет продублирован рекорд Спитца, хотела вся Америка. Для этого Фелпсу нужны были как минимум восемь выходов на старт.

Прыгнуть выше головы в том эстафетном заплыве Фелпсу не удалось. В итоге сборная США получила бронзу вместо золота, и интрига заочного противостояния Спитц – Фелпс была разрушена уже во второй день Игр.

Возможность стартовать в последнем финале Олимпиады Фелпс завоевал честно. На стометровке баттерфляем он опередил своего соотечественника Йана Крокера, чемпиона мира в этом виде программы, и получил право плыть этап в комбинированной эстафете. Но тут американец снова удивил мир. Уступил свое место в составе Крокеру.

– Я не мог этого не сделать, – объяснил он. – У меня уже есть четыре золотые медали. У Йана – ни одной. Могла бы быть в самой первой эстафете, но не сложилось. Считаю, что в этом есть немалая доля моей вины, и хочу хоть в какой-то степени ее искупить. Тем более, так получилось, что второе золото у Крокера отобрал тоже я. С моей точки зрения, дать ему шанс – это

правильный поступок. С точки зрения команды это тоже будет правильно. А мне больше всего хочется, чтобы с Игр мы уехали домой такой же сплоченной командой, какой были в Афинах все эти дни.

Жертва оказалась не очень большой. В комбинированной эстафете пятикратный на тот момент олимпийский чемпион стартовал в утреннем заплыве и, согласно правилам, должен был тоже получить за победу золотую медаль. Шестую.

Из-за того, что рекорд Спитца так и не был достигнут, Фелпс не расстроился. Сказал: «Уже тот факт, что меня сравнивают со столь выдающимся пловцом, постоянно упоминают наши имена рядом, почетен, как никакое другое достижение».

Вполне возможно, что он не лукавил. Но там же, в Афинах, знаменитая на весь мир плавательная фирма Speedo, выступавшая главным спонсором шестикратного олимпийского чемпиона, пообещала выплатить Фелпсу премию в миллион долларов, если он превзойдет рекорд Спитца через четыре года на Играх в Пекине.

Глава 3. Конец эпохи

17 августа плавательный турнир Игр добрался до своей кульминации – мужской стометровки вольным стилем. И тут же случилась невероятная сенсация: четырехкратный олимпийский чемпион Александр Попов не попал в число финалистов.

Впрочем, назвать неудачу Попова совсем уж сенсационной было бы, наверное, неправильным. В Афинах верили в российского пловца, как верят в чудо. В то же время многие еще до предварительных стартов на стометровке высказывали опасения, что соотношение спринтерских сил может оказаться вовсе не таким, как принято было считать. Слишком сильный прогресс был отмечен сразу у десяти спортсменов за предшествовавший Играм год. Плюс – традиционная непредсказуемость Олимпиады, развивающаяся, как правило, по совершенно необъяснимым законам.

А 19 августа Александр Попов не попал в число полуфиналистов на дистанции 50 метров вольным стилем. Четырехкратный олимпийский чемпион, обладатель рекорда мира в этом виде показал в предварительных заплывах восемнадцатый результат.

На выходе из бассейна Попова не искал никто из журналистов. И все-таки его ждали. Немного поодаль от выхода стоял Вячеслав Фетисов. Олимпийский чемпион, трехкратный обладатель Кубка Стэнли. Руководитель Федерального агентства по физической культуре, спорту и туризму.

По лицу Фетисова легко читалось, что стоять у бассейна он будет до тех пор, пока не дождется Попова.

– Не укладывается в голове то, что пишут сейчас о Попове некоторые газеты, – сказал он вместо приветствия. – Утонул, не доплыл… Никому не приходит в голову, что четыре года назад Попов поставил на карту самое дорогое – собственное имя. Поступил так, как может поступить лишь очень сильный, по-настоящему великий человек. Потому что осознавал: за ним нет никого…

Великий хоккеист понимал то, что понимали немногие: за тринадцать лет выступлений под российским флагом Попов сделал для своей страны столько, сколько вряд ли когда-либо сумеет сделать другой пловец. Из тридцати девяти медалей, которые сборная России завоевала на Олимпийских играх и чемпионатах мира за двенадцать лет, восемнадцать, включая десять золотых, – были на счету Попова.

Другое дело, что блистательная карьера заслуживала все-

таки иного завершения…

* * *

Наиболее распространенное мнение, гулявшее по пресс-центру в дни выступления спринтеров, заключалось в том, что Попов сдал. И попросту больше не способен показывать результаты, позволяющие ему оставаться конкурентоспособным. Свои первые золотые олимпийские медали он завоевал в Барселоне в 1992 году в двадцатилетнем возрасте, проплыв 50 и 100 метров за 21,91 и 49,02 секунды. В той же Барселоне одиннадцать лет спустя – на чемпионате мира-2003 – показал соответственно 21,92 и 48,42. Но ведь за год многое могло измениться?

Накануне выступлений в Афинах Геннадий Турецкий, тренер Попова, попросил ученика выполнить контрольный тест в тренировочном бассейне. Показатели были чуть ли не самые высокие из тех, что Турецкий за время работы с Александром когда-либо фиксировал на тренировках.

Другими словами, со скоростью и функциональным состоянием все было в полном порядке. Значит, главная проблема заключалась в мотивации. Как вскользь сказал Турецкий, наивно думать, что для человека, выступающего уже на четвертой Олимпиаде, спорт по-прежнему является главной частью жизни.

Возможно, Попов просчитался. У олимпийского чемпиона были достаточно серьезные причины экономить резервы организма до последнего. Наиболее серьезную проблему ему могли создать травмированные колени.

Известный спортивный хирург Сергей Архипов, занимавшийся лечением Попова на протяжении двух последних сезонов, еще в начале Игр выразил опасение, что состояние коленных суставов российского пловца не позволит выдержать все восемь дней плавательного турнира. Сказал даже: «Если бы первой дистанцией Попова были пятьдесят метров, гарантия успешного выступления оказалась бы намного выше. В том, что суставы находятся в оптимально хорошем состоянии, я ручаюсь. Но неделя столь больших нагрузок на ноги в таком возрасте может обернуться непредсказуемыми последствиями. Дай бог, чтобы этого не случилось».

И на первой, и на второй индивидуальной дистанции Попов плыл, почти не включая работу ног. Оба раза очень осторожно делал старт. На стометровке так же осторожно (и крайне плохо) справился с поворотом. При этом все понимали: попади Попов в

финал, щадить себя он не будет. Пусть даже на финише его придется вынимать из воды и уносить.

Кто же знал, что до финала дело так и не дойдет?

– Я был уверен, что на «полтиннике» Попов окажется в финале без всяких проблем, – сказал двукратный олимпийский чемпион Денис Панкратов, наблюдавший за соревнованиями с позиции эксперта-телекомментатора. – В предварительном заплыве он плыл как обычно. Проиграл старт, нагнал тех, кто ушел вперед к двадцатипятиметровой отметке. Но сделать финишное ускорение ему не удалось. Такое впечатление, что он совершенно «пустой».

Панкратов лишь констатировал факт. Ответа на вопрос: «Почему?» – не нашел и он.

То, как Попов выглядел, выходя на старт личных дистанций, подходило лишь под одну версию: перегорел. Не исключено, что каплей, с которой началась утечка эмоциональных сил и нервов, стала церемония открытия Игр в Афинах, где на Попова была возложена наиболее ответственная миссия – пронести по стадиону флаг российской сборной. Не потому, что это потребовало значительных (шесть часов на ногах) физических затрат. А в силу того, что в роль знаменосца изначально была заложена вполне конкретная символика. Начиная с 1988 года не было случая, чтобы знаменосец проиграл.

Не сомневаюсь, что выбор руководителей российского спорта в пользу Попова был продиктован самыми благими намерениями – добавить пловцу моральных сил накануне последнего и самого главного старта его жизни. Получилось же, что на плечи четырехкратного олимпийского чемпиона взвалили дополнительный, крайне тяжелый груз: необходимость выиграть во что бы то ни стало. Не посрамить победные традиции. А груз оказался непосильным.

Состояние перегоревшего спортсмена знакомо многим: вроде все только что было в порядке – настрой, жгучее ожидание борьбы, готовность к ней – и вдруг наступает полное равнодушие, граничащее с апатией. И единственная мысль: скорее бы все кончилось.

В день полуфинального старта на стометровке Попов потерял телефон. Сказал об этом тренеру, посетовав, что обнаружил пропажу, когда хотел позвонить в Москву, поговорить с женой и детьми. Но когда Турецкий протянул ученику собственную трубку, тот лишь отмахнулся. Сказал ничего не выражающим голосом: «Я передумал звонить».

Он был слишком спокоен, выходя на старт своих дистанций. Как человек, который вынужден подниматься на тумбочку и

прыгать в воду не потому, что хочет, а потому, что должен. Тренеру, руководству команды… Это заметно контрастировало с тем, как выглядели соперники, аж дрожавшие от предвкушения поединка.

А на следующее утро из Олимпийской деревни Попов, член МОК, перебрался в Hilton – официальный отель Международного олимпийского комитета. Там мы и встретились.

* * *

Разговору предшествовала забавная картинка. На то, чтобы преодолеть пятьдесят метров – от входа в гостиницу до лифта, – великому пловцу потребовалось пятьдесят минут. На каждом шагу его останавливали просьбами сфотографироваться, дать автограф. Солидные в своих олимпийских униформах дамы и господа становились в очередь, глядя на российского пловца с нескрываемым, почти детским восхищением. «Попофф… – приглушенно разносилось по холлу. – Попофф…»

Наконец наш разговор начался.

– Я, честно говоря, сам еще не успел понять, что случилось, – признался Александр. – На тренировках, в разминках все было нормально до последнего дня. Чувствовал и мощь, и скорость, и технику. Но стоило встать на старт – все куда-то исчезало. Это было страшное чувство. Когда прыгаешь в воду, начинаешь работать руками, ногами и при этом – будто стоишь на месте. Еще ужаснее то, что я совершенно не волновался. Словно выступаю не на Олимпийских играх, а в предварительном заплыве чемпионата России.

Соответственно не было нужной концентрации. Это чувствовалось по тому, как получались, а точнее, не получались старты, финишные касания. Мы с тренером привыкли детально разбирать каждое выступление – делать своего рода работу над ошибками. И я давно пришел к выводу, что быстро плыть не получается тогда, когда не хватает ощущения соревнований.

– Может быть, не стоило выходить на церемонию открытия?

– Это нисколько не утомило. Может быть, перебрал эмоций – удержаться от них на церемонии было трудно. Хотя не думаю, что это сыграло негативную роль. Скорее всего, оказался не готовым к такому повороту событий. Сейчас можно говорить что угодно: устал, не собрался… Не сделал – вот что главное.

Честно скажу, было очень обидно слышать, что я проиграл чуть ли не специально, – мол, плыл не в полную силу. Такое могли сказать либо люди небольшого ума, либо те, кто

совершенно меня не знает. Я просто не представляю, что такое плыть не в полную силу. И если уж я выходил на старт, то никогда не давал слабинки. Делал все, что был способен сделать. Хотя понимал прекрасно: когда эта нить постоянно находится в натяжении, она может лопнуть в любой момент.

– Каким было твое первое ощущение, когда понял, что не попал в финал стометровки?

– Таким и было: что не попал в финал. Не испытывал при этом никаких эмоций. В какой-то степени я уже успел привыкнуть и перестал удивляться тому, что на Олимпийских играх случаются порой запредельные для понимания вещи. Причем понял это даже не на прошлой Олимпиаде. А еще в Атланте в 96-м. Там я смог все это выдержать. В Сиднее оказался бессилен. Здесь, в Афинах, было еще тяжелее. Не мог отделаться от ощущения, что меня повсюду сопровождает какой-то злой рок. В день первого старта потерял телефон. В субботу, когда пришел на финал эстафеты, обнаружил, что забыл в Олимпийской деревне тренировочные плавки и полотенце. Пришлось разминаться прямо в соревновательном костюме. Геннадий Геннадьевич потерял любимые, «счастливые» очки, в которых он всегда ходил на соревнования. Перерыл всю комнату, сумки, карманы – впустую. А после соревнований очки так же непредсказуемо нашлись.

– Победу голландца Питера ван ден Хугенбанда в финале стометровки ты видел?

– Да. Мне было интересно увидеть этот заплыв со стороны. К тому моменту я уже успел отойти от собственного выступления. Смотрел не как человек, который мог бы сам выступать в этом заплыве вместо кого-либо из финалистов, а как профессионал. Но вот заставить себя включить телевизор в пятницу, когда разыгрывался финал на дистанции 50 метров, так и не смог. Было слишком тяжело. По-своему больно, что ли…

– Не думал о том, чтобы вообще отказаться от дальнейших стартов после неудачи на стометровке? Или хотя бы не выступать в заключительной эстафете?

– Я был обязан идти до конца. За мной стояла команда. Понимал прекрасно, что до тех пор пока мое имя значится в стартовом эстафетном составе, у них есть надежда. Которая жила до последнего. До того момента, когда я коснулся финиша…

Глава 4. Хоркина forever!

«Могло ли быть по-другому? Этот вопрос наверняка будет мучить Светлану Хоркину еще много-много лет. Сейчас она слишком несчастна, чтобы думать об этом. Несчастна и необъективна…»

Такими словами начинался мой заключительный гимнастический репортаж из Афин. Светлана Хоркина имела шанс завершить карьеру двумя золотыми медалями. Но осталась лишь с бронзой, завоеванной в командном первенстве, и серебром многоборья.

За какой-то час, прошедший с момента проигрыша Светланы в многоборье, где она уступила всего 0,176 балла американке Карли Паттерсон, и вобравший в себя интервью гимнастки в микст-зоне и последующую пресс-конференцию, Хоркина успела превратиться из королевы Игр в антигероя мирового масштаба. Для начала ее возненавидела вся Америка. Из-за одной-единственной фразы, многократно перепечатанной американскими газетами: «Паттерсон – не чемпионка. Чемпионка – я. И навсегда ей останусь».

На самом деле все было совсем не так просто. В микст-зоне Хоркина появилась раньше американки. Пожалуй, эти минуты были последними, когда она все еще держала себя в руках. Выдав в телекамеры традиционный текст о том, как старалась победить и как сильно чувствовала поддержку болельщиков, прошла чуть дальше. Остановилась возле меня: «Вы же сами все понимаете…»

Я действительно понимала, какую боль должна испытывать двукратная олимпийская чемпионка от того, что в Афинах, как и четыре года назад в Сиднее, так и не сумела использовать шанс на самую главную победу – в многоборье. Только сейчас этот шанс был последним.

Но Хоркина не была бы Хоркиной, если бы на глазах такого количества людей позволила себе проявить истинные эмоции. Поэтому она продолжала улыбаться. И вполголоса говорила:

– Она, конечно, молодец. Но вы же видели, как судили ее и как – нас. Не хочу называть имя. За вашей спиной (при этих словах Хоркина кинула стремительный взгляд чуть в сторону) стоят журналисты этой страны. Не хочу, чтобы они догадывались, что я сейчас говорю. Ведь напишут же неизвестно что. В конце концов, поводов для расстройства нет. Я уже олимпийская чемпионка. И останусь ею на всю свою жизнь.

Выбираясь из толпы журналистов и отбиваясь от назойливых вопросов американцев («Что, что она сказала?»), я с ужасом

услышала, как за спиной кто-то из российских коллег на чудовищном английском языке довольно громко и явно упиваясь вниманием к собственной персоне пытается объяснить: «Хоркина говорить Паттерсон нет чемпионка. Паттерсон нет хорошо. Хорошо Хоркина. Она быть олимпийский чемпион».

Горе-переводчик было замолк, но тут же, видимо, для пущей убедительности, добавил: «Форева!»

Эти несколько фраз стали для американцев, как кусок окровавленного мяса для оголодавшей акулы. На следующее утро все они – домысленные и переработанные на самый разный манер – оказались в газетах.

Одна из наиболее язвительных статей появилась в New York Times. Но в ней же сквозило невольное уважение.

«Дух Хоркиной на площадке игнорировать невозможно, – писала газета. – Кого еще болельщики будут так горячо любить и так же истово ненавидеть? Хоркина дала гимнастике образ отрицательного героя, которого никто не любит, но поневоле начинаешь сочувствовать тому, какими жестокими и несправедливыми поворотами полна ее карьера. В свои двадцать пять лет она показала, что может сделать женщина там, где соревнуются дети. Она выжила в вихре политических перемен, начав тренироваться в жесткой спортивной машине, созданной красными, а затем добившись величайших успехов в девяностых годах, несмотря на экономическую разруху в России. Нет, она по правде заслуживает комплиментов без подтекста. Уже в течение десяти лет ее присутствие придает гимнастике интригу».

После того как Хоркина проиграла многоборье, бывший гимнаст американской сборной Барт Коннер, за которого когда-то вышла замуж легендарная румынка Надя Команэч, сказал: «Она – актриса. И ее поражение – такой же спектакль, как ее победы».

Те, кто видел прощальное дефиле Хоркиной по помосту перед получением серебряной награды, наверняка согласятся с Коннером. С какой грацией и страстью она благодарила трибуны, то накидывая, то сдергивая с себя российский флаг и рассылая по залу воздушные поцелуи! Свое поражение она преподнесла публике куда выигрышнее, чем Паттерсон – победу. Хоркина действительно выглядела женщиной среди детей, истинной королевой. И старалась упиваться этим. Потому что прекрасно понимала: больше – нечем.

В какой момент она окончательно вошла в роль – загадка. Но вместо того чтобы стряхнуть с себя ненужные (уже ненужные) эмоции и отрешиться от всего ради единственного оставшегося выступления на своем коронном снаряде – брусьях, Хоркина все больше погружалась в образ королевы-страдалицы. Именно это

первым делом бросалось в глаза тем, кого она удостаивала вниманием. Глаза на все более заостряющемся лице превратились в два бездонных шлюза, из которых даже не текла – хлестала энергия. Остановить процесс, думаю, не могла уже и она сама. За годы выступлений в великой гимнастке накопилось такое всепоглощающее стремление к великой победе, что сейчас, когда победа не состоялась в очередной раз, оно просто рвало спортсменку на куски.

Хоркина требовала внимания и тут же отвергала его, отгородившись от всего мира, как щитом, навсегда затверженными фразами о собственном величии и неповторимости. Это действительно так. Одно ее имя олицетворяло громадную эпоху. Эпоху Хоркиной, стремительно летящую к завершению.

На то, чтобы остаться в истории непобежденной, у нее оставался один-единственный день. Точнее – несколько десятков секунд выступления.

* * *

Так получилось, что в день этого гимнастического финала я встречалась с Александром Поповым. Наш разговор, как мне казалось вначале, должен был стать для проигравшего в Афинах пловца крайне болезненным. После его заключительного выступления, в котором, как и в трех предыдущих, он так и не сумел завоевать хоть какую-нибудь медаль, прошло меньше суток. Но Попов оказался спокоен.

Возможно, это тоже было защитной реакцией. Попытка относиться к поражению без эмоций – это предельно здраво и в каком-то смысле философски. Задавая пловцу не самые приятные вопросы, я тем не менее чувствовала, что он действительно не воспринимает случившееся как трагедию. И все отчетливее понимала: никакой трагедии нет. Есть великая карьера, навсегда оставшаяся в памяти тысяч людей.

– Знаешь, когда я победил на Играх в Барселоне, то на всю жизнь запомнил слова, которые мне сказал Марк Спитц, – говорил мне Попов. – «Если ты хочешь вершить историю, это надо стараться сделать в двадцать, а не в двадцать четыре» – вот его слова. И лишь недавно я по-настоящему понял, как много смысла было заложено в той фразе.

Карьеры Попова и Хоркиной во многом были похожи. Гимнастка не выступала в Барселоне, но после Игр в Атланте, где она завоевала золото на брусьях и серебро – в командных

выступлениях, они с Поповым стали уже на равных. Как люди, готовые в любой момент надежно закрыть в собственных командах любую брешь. Он – в плавании. Она – в гимнастике.

Разница между двумя выдающимися атлетами заключалась в том, что за первые семь лет выступлений в сборной России – с 1991-го по 1998-й – Попов не проиграл ни одного старта. Стопроцентно реализовал все шансы, которые подбрасывала ему спортивная судьба. Блистательная карьера Хоркиной вызывала восхищение болельщиков и зависть соперниц, но при этом в ней неизменно присутствовала горчинка. В виде абсолютно реальных, но ускользнувших в последний момент самых важных побед.

За четыре года от Атланты до Сиднея она стала абсолютной чемпионкой мира в Лозанне в 1997-м и выиграла там же золото на брусьях. В командном турнире, вольных упражнениях и на бревне осталась второй. Через два года на мировом чемпионате в Тянцзине вновь выиграла брусья, но получила серебро в составе команды и лишь бронзу – на ковре. Игры-2000, несмотря на высшую награду, полученную все на тех же брусьях, остались в памяти кошмаром многоборья: никогда еще гимнастка не была настолько хорошо готова и настолько близка к главной олимпийской победе, и никогда ее выступление не сопровождало такое количество неудач. Конь, оказавшийся на пять сантиметров ниже положенного, два подряд падения, которые произошли именно по этой причине, падение с брусьев – как следствие непредвиденных переживаний…

В Афинах Хоркина была уже другой. Победа в абсолютном первенстве на чемпионате мира в Анахайме за год до Олимпиады не могла не вселить в ее душу уверенность: она – все так же хороша и сильна, чтобы бороться с кем угодно. Это ощущение было обманчивым. Прибавленные к возрасту четыре года еще не делали лучше ни одного спортсмена. Особенно – в спортивной гимнастике.

Это вовсе не означает, что у Хоркиной не было шансов. Просто ради того, чтобы использовать их на сто процентов, она должна была в олимпийском году пожертвовать всем. А королевы не привыкли приносить себя в жертву.

Поражение в многоборье не было случайным. Сама Светлана не захотела тогда давать какие-либо подробные объяснения. За нее это сделал тренер – выдающийся специалист Борис Васильевич Пилкин, который в свое время, когда в его руках оказалась маленькая Света, придумал, как превратить основной ее недостаток – слишком высокий для этого вида спорта рост и длинные, совсем не гимнастические, ноги – в бесспорное преимущество. Каждый элемент Хоркиной был досконально

продуман с точки зрения физики и биомеханики. Другими словами, создан специально для нее.

После поражения ученицы в многоборье тренер выглядел раздавленным. Я нашла его в автобусе: Пилкин рвался как можно быстрее покинуть зал.

– Устал, – признался он. – Устал бороться со Светой. Не хочу ее, конечно, ругать, она очень старалась. Но ведь я еще в начале сезона говорил ей, что есть возможность без всяких проблем довести сложность всех комбинаций до максимальной. Добавить довольно простую для нее связку на бревне, которая увеличивает стоимость программы на 0,3. Тогда можно было бы сделать более простой соскок, а сама комбинация все равно оценивалась бы по максимуму. Но Света не захотела. Меня не покидало ощущение, что она просто не воспринимает то, что я пытаюсь донести до ее сознания. Как памятник. В вольных упражнениях надо было выучить перекидной прыжочек с поворотом – все его делают, но я вновь наткнулся на сопротивление. А вот менять программу в Афинах было уже бесполезно. Хотя я видел, что Света думает об этом. Понимаю прекрасно, что она считает себя великой, что для этого есть основания. Но… Не представляете, до какой степени обидно…

– Может, вы не совсем объективны? – попыталась я хоть как-то защитить гимнастку. – Все-таки чем старше спортсмен, тем сложнее решиться на какие-то новшества.

– Какие новшества? – искренне удивился Пилкин. – Света способна делать – и делает – куда более сложные элементы. Дело в другом. Я видел, что она очень бережет себя. Все последние дни мало тренировалась. Я даже сказал: «Ты все время думаешь о том, как сохранить силы, как не упасть, не проиграть. А нужно думать о том, чтобы идти вперед». Как только спортсмен, даже самый великий, перестает подчиняться тренеру, результаты начинают падать. Это закон спорта, аксиома. Ведь даже на брусьях, где мы работаем больше всего, и где каждый элемент вычищен, привычной уверенности у Светы нет. Вы же видели разминку?

* * *

То, что на любимых брусьях у двукратной олимпийской чемпионки неладно, было видно с самого первого дня выступлений. Вопреки всем разговорам о судейской необъективности по отношению к России, золотую медаль на этом снаряде намеревались отдать именно российской спортсменке. На такую мысль прежде всего наводили достаточно

высокие оценки Хоркиной. 9,750 – в квалификации, 9,650 – в командном финале, 9,725 – в многоборье.

В личном финале Хоркину заметно шатало. В комбинации, которую она столько лет подряд выполняла на едином дыхании, появились жесткие стыковки, едва заметные паузы между элементами. Она не скрывала растущего недовольства уже на разминке, словно забыв, что в таком виде спорта, как гимнастика, где счет идет порой даже не на сотые, а на тысячные доли балла, категорически нельзя показывать судьям (если уж вышел перед ними на помост), что ты расстроен, не уверен в себе, что у тебя что-то не получается. Так же категорически не рекомендуется выражать недовольство оценками. Тем более – вслух. Даже если в душе ты не сомневаешься в том, что тебя бессовестно засудили.

Но после финала в многоборье гимнастку понесло. На приеме, куда двукратную олимпийскую чемпионку пригласили за день до ее заключительного старта и где присутствовал президент МОК Жак Рогге, Хоркина выступила по полной программе. Когда ее представили собравшимся, вскочила из-за стола, картинно раскинув руки в театральной позе. «Один такой жест стоит десяти баллов», – нашелся Рогге. «Скажите это судьям!» – зло парировала спортсменка.

А потом был тот самый финал. В котором, казалось бы, ничто не мешало Хоркиной по-хозяйски забрать вожделенную награду. Она могла ничуть не опасаться судейской мести: розыгрыш медалей на отдельных снарядах – это всегда некий реверанс. По отношению к стране-хозяйке, к тем, кому в чем-то не повезло в предыдущих выступлениях.

Вряд ли среди арбитров – всех до одного бывших гимнастов – мог найтись хоть один человек, которому не хотелось бы увидеть блистательное завершение почти десятилетней карьеры. В тот момент, когда Хоркина вышла к брусьям, на второй план ушел и ее невыносимый для окружающих характер, и дерзкие выходки, и воинствующая самовлюбленность. Осталась лишь великая спортсменка. И снаряд.

Хоркиной помешала стартовая лампочка.

Эта версия была высказана спортсменкой уже после ее ошеломившего всех поражения, в автобусе по пути в Олимпийскую деревню. Мол, лампочка была зажжена раньше положенного, и на то, чтобы настроиться, попросту не хватило времени.

Чуть раньше, в микст-зоне, журналистам была выдана другая версия. Что помешала француженка Эмили Лепеннек, выступавшая перед Хоркиной и наложившая на верхнюю жердь слишком толстый слой магнезии. Пока спекшийся в корку

порошок счищали, время и ушло.

Все это было неправдой, даже если было на самом деле. Хоркина вышла к снаряду, уже проиграв борьбу. У нее просто не осталось ни сил, ни нервов. Пустые глаза, поникшие плечи. И, возможно, на чей-то взгляд нелепая, но на самом деле абсолютно закономерная ошибка – потеря координации и равновесия в вертушке на верхней жерди – вертушке Хоркиной. Элементе, за десять лет до Игр в Афинах названном в ее честь…

Глава 5. Взрыв

В конце мая 2004 года, рассуждая на страницах «СЭ» о том, что может ждать российскую сборную в Афинах, я написала: «Появление лабораторной аппаратуры последнего поколения, позволяющей обнаружить следы запрещенного препарата, принятого даже за сто шестьдесят дней до взятия пробы, – событие революционное для всего мира. Наверняка борцы с допингом уже предвкушают свой звездный час. Уже известно, что афинская лаборатория будет оснащена четырьмя такими машинами, каждая из которых позволяет провести сорок пять анализов в день. Есть основания предполагать, что участников Игр ждет в Греции так называемый въездной контроль – допинг-тест по приезде в Олимпийскую деревню. Плюс по два обязательных теста в каждом из финалов по жребию. Попросту выражаясь, мышь не проскочит».

В процессе подготовки того материала из крайне достоверных источников, близких как к руководству российского спорта, так и к медицинским антидопинговым службам, удалось выяснить, что первым уже тогда забил тревогу руководитель Антидопинговой службы ОКР Николай Дурманов. О том, что в Афинах российские атлеты могут оказаться замешанными в допинговые скандалы, он проинформировал абсолютно все заинтересованные стороны, включая руководство московской антидопинговой лаборатории.

К предостережениям отнеслись без внимания. А 18 августа в Афинах взорвалась бомба.

Именно в этот день российской толкательнице ядра Ирине Коржаненко была вручена золотая медаль. А чуть позже стало известно, что в допинг-пробе ростовчанки обнаружен запрещенный препарат станозолол и она будет лишена завоеванной награды.

Коржаненко уже переживала подобное: была дисквалифицирована все за тот же станозолол в 1999-м, на чемпионате мира в Японии. Сама она так и не признала, что тогда принимала препарат намеренно. Возможно, по молодости ей просто не приходило в голову интересоваться, что за медикаменты рекомендует врач команды. Но завоеванную медаль вернула и двухгодичное наказание отбыла. Позже, вспоминая об этом, как-то сказала, что после дисквалификации стала относиться ко всем рекомендациям предельно осторожно. Понимала прекрасно, что второго такого случая не должно произойти ни в коем случае, иначе она вообще лишится возможности выступать.

Два года Коржаненко работала как сумасшедшая. Вернувшись в спорт, заняла пятое место на первом же чемпионате мира в Канаде, проиграв третьему всего семь сантиметров. Но главное, поняла, что еще через год работы наверняка сможет толкать ядро за двадцать метров. А значит, снова бороться за золото.

В 2002-м Ирина выиграла чемпионат Европы, потом – Кубок мира, зимний чемпионат мира-2003. А через год, вместо того чтобы отправиться на очередное мировое первенство, загремела в больницу с почечной коликой.

Апрель и май спортсменка провела в Адлере, а в июне присоединилась к сборной команде в Подольске. За это время ее тестировали на допинг несколько раз. Сначала в Адлере и Подольске, куда специально по ее душу приезжали представители Всемирного антидопингового агентства, затем ей три раза подряд пришлось сдавать пробы на турнире братьев Знаменских, на чемпионате России, и наконец вместе со всеми олимпийцами Ирина успешно прошла выездной контроль перед вылетом в Афины.

Поэтому весть о том, что олимпийская проба дала положительный результат, прогремела, как гром среди ясного неба.

В шоке были не только Коржаненко и ее тренер. Вся олимпийская общественность пребывала в аналогичном состоянии. Дисквалификации за запрещенную фармакологию в легкой атлетике никогда не считались чем-то экзотическим, но сам факт, что чемпионка выиграла самую первую медаль Игр на легендарном стадионе Древней Олимпии и вынуждена с таким позором ее возвратить, воспринимался как абсурд, не поддающийся пониманию.

Расположение Олимпийской деревни спортсменка покинула сразу. Вскоре уехала и из Афин. Но наотрез отказалась вернуть с таким трудом добытую золотую медаль. Лишь месяц спустя мне удалось встретиться с ней в Ростове-на-Дону и уговорить вспомнить те события.

– После награждения меня увезли чествовать из Олимпии в Афины, там я без передышки давала какие-то интервью, потом мы с мужем остались ночевать в городе, – рассказывала Ирина. – В Олимпийскую деревню я попала лишь ближе к вечеру следующего дня. Встретила главного тренера и услышала: «Ты что это интервью раздаешь? А если тебя дисквалифицируют?»

Я даже опешила. И почему-то вспомнила сон, который мне снился давно-давно. Что я выигрываю Олимпийские игры, потом вдруг оказываюсь вместе с мужем в какой-то комнате, туда входят люди и говорят, что я дисквалифицирована.

А наутро в дверь действительно постучали. Пришел один из тренеров команды и попросил меня спуститься вниз. Там стояли главный тренер нашей команды Валерий Куличенко, руководитель российской допинг-службы Николай Дурманов, и они объявили, что в моей пробе содержится станозолол. Куличенко дал мне подписать какую-то бумагу на английском языке, сказал, что Дурманов будет моим представителем…

– С вас потребовали какие-то объяснения?

– Честно говоря, я до сих пор толком не знаю, что на самом деле показал анализ. Сначала мне было сказано, что обнаружены следы инъекции станозолола. Но я могла поклясться чем угодно, что никаких уколов мне вообще не делали. Тогда мне сказали, что проба якобы не дает возможности определить препарат точно, но на основании того, что я толкнула ядро на полтора метра дальше всех, решили, что это – станозолол. Это все, что я знаю. Еще якобы сравнивали графики анализа, взятого до выезда, и того, что был сделан в Афинах, и что эти графики совершенно разные.

– А что вы сами думали по этому поводу?

– Первое, что пришло в голову, что это вообще не моя проба. Поэтому я и попросила провести анализ на ДНК. Я, честно, не знаю, откуда мог взяться станозолол. Ну не могло его там быть, понимаете? Но в целом у меня сложилось впечатление, что кому-то просто очень захотелось преподнести мой случай как показательный. Закопать так, чтобы остальным не приходило в голову задуматься о какой бы то ни было фармакологии вообще. Запугать. Интересно, кстати, было видеть реакцию спортсменов, когда о моей допинг-пробе стало известно всей Олимпийской деревне. На меня смотрели не с жалостью или сочувствием, а с каким-то испуганным облегчением – что не накрыло самих. Ведь под одним колпаком ходим – и все это понимают…

В самолете по пути в Ростов-на-Дону у меня в голове вертелась фраза, сказанная одним из высоких спортивных руководителей ОК России: «Как только Коржаненко вернет медаль, мы немедленно задействуем все рычаги, чтобы отстоять ее интересы в суде и добиться смягчения наказания».

Но сама Ирина сказала:

– Я очень боюсь, что, как только верну медаль, наши спортивные власти тут же забудут обо мне навсегда. Бороться в одиночку бесполезно. Если меня будет поддерживать в этом Российский олимпийский комитет и Федерация легкой атлетики – дело другое. Но у руководства – своя политика. Когда время еще позволяло подать апелляцию, мне сказали, что не видят оснований ее подавать. В Москве довольно прозрачно намекнули,

что прежде чем принимать решение о продолжении тренировок, имеет смысл посчитать, во что мне обойдутся все эти разбирательства, наем адвокатов, юристов… Что все это – мои проблемы. А значит, и решать их я должна сама. Передали и слова одного из наших начальников. Мол, что вы с ней возитесь? Мало вам после Солт-Лейк-Сити скандалов?..

Олимпийская история так ничем и не закончилась. Медаль Коржаненко не вернула. Не думаю, что ее осуждали в спортивных кругах. Ирина не была единственной в своем несчастье. В употреблении запрещенных средств были уличены еще несколько человек, причем часть взятых проб выглядела странно.

Венгерский метатель молота Адриан Аннуш точно так же отказался возвращать золотую медаль. Он дважды сдавал тесты на допинг – за день до соревнований метателей молота 22 августа и спустя день после них, уже в ранге олимпийского чемпиона. Оба теста дали отрицательный результат, однако анализ обеих проб давал основания для подозрений в том, что они принадлежат разным людям. В связи с этим Аннушу вменили пройти еще одну проверку на допинг, от которой венгерский олимпиец уклонился и тем самым подписал себе приговор.

И все-таки олимпийский турнир запомнился не скандалами. А фантастически красивым финишем Юрия Борзаковского, выигравшего забег на 800 метров. Он совершенно неудержимо летел к финишу, а потом, словно маленький ребенок, рыдал на пьедестале почета. Рыдал так, что назвать это слезами радости было совершенно невозможно. Мял лицо рукой, размазывая слезы по щекам. А они все лились и лились…

Борзаковский плакал, когда стоял около пьедестала, плакал, когда получал золотую медаль и слушал гимн. Но лишь только музыка стихла, его лицо озарила ослепительная улыбка! И больше уже не пропадала.

Возможно, я кого-то обижу, написав, что его победа была самой красивой победой Игр. Но это действительно было так.

2006 год. Турин

Глава 1. Разведка без тормозов

Сперва мне показалось, что я ослышалась. Звук, донесшийся откуда-то снизу, из-под днища прокатной машины, ударил по нервам слишком неожиданно, чтобы поверить в его реальность. Но стоило еще раз слегка надавить на педаль тормоза, скрежет раздался снова. А на дисплее приборной панели полыхнула красная надпись, смысл которой сводился к тому, что следует немедленно остановить машину и вызвать техничку. Затем на экране угрожающе замигало изображение гаечного ключа.

С одной стороны дороги были горы. С другой – обрыв. Шел второй день двухнедельной командировки в Италию, за время которой нам с фотокорреспондентом предстояло побывать на этапах Кубка мира по бобслею в Чезане, лыжам – в Праджелато и вернуться в Турин на чемпионат Европы по фигурному катанию.

Все три мероприятия были не просто спортивными, но и тестовыми: ровно за год до Олимпийских игр Италия принимала на уже построенных олимпийских объектах бобслеистов, биатлонистов, саночников, лыжников, двоеборцев, представителей шорт-трека и фигурного катания. По всей стране что-то достраивалось, и как раз за день до нашего приезда была открыта автомобильная скоростная трасса, соединяющая Турин с западным олимпийским «ядром».

И тут – эти дурацкие тормоза!

В полном ужасе мы вернулись в отель. Позвонили в прокатную контору. Барышня на том конце провода наотрез отказывалась понимать английский язык, моих же познаний в итальянском хватало лишь на то, чтобы понять, что она – всего лишь дежурная телефонистка. Что контора закрыта по случаю конца недели и получить какой-нибудь вразумительный ответ возможно лишь в понедельник. Через три дня.

Хозяин отеля отнесся к проблеме совершенно спокойно.

– Машина заводится? Едет? Тормозит? Ну и ладненько. А звук… Да плюньте вы на этот звук! Разгоняться, конечно, не стоит, но если вести себя осторожненько, так ничего с вами и не случится.

На вопрос, нельзя ли найти станцию технической помощи в Чезане, итальянец недоуменно вытаращился: «Какая станция? Забудьте! Сегодня пятница, друзья. Никто не станет возиться с вашей машиной…»

Три последующих дня прошли замечательно. Под девизами «Почувствуй себя итальянцем!» и «Гори огнем, Олимпиада!» мы ползали по местным горам на скорости двадцать километров в

час, врубив радио на полную катушку – чтобы заглушить собственный страх и душераздирающий скрежет из-под колес. Никакого иного выхода у нас просто не было.

* * *

Первым пунктом в нашем списке значился бобслей. Трасса в Чезане была полностью готова к проведению соревнований, но вокруг нее высились горы глины, каменных обломков и грязи. Уже к концу первого дня прокатная машинка была угваздана глиной по самую крышу. Мы же чувствовали себя натуральными партизанами: пропуск, выданный организаторами, позволял забираться в гору почти к месту старта.

Сами бобслеисты, впрочем, не обращали на грязь никакого внимания. Они были несказанно рады как возможности посоревноваться в олимпийских условиях, так и нашему появлению в расположении команды: в предыдущие годы пресса этот вид спорта не жаловала. Огромную роль в прогрессе их результатов сыграло то, что навстречу российским бобслеистам пошло спортивное руководство страны. Федеральное агентство по спорту во главе с председателем Вячеславом Фетисовым нашли деньги на сборы, выступления, перевозку бобов.

Редкий случай, но результат соревнований в Чезане волновал команды во вторую очередь. Этап стал рекордным по количеству привезенной на трассу техники: все, и прежде всего лидеры, стремились опробовать максимальное количество вариантов: разные обтекатели, подвески, рамы, рулевое управление. Ведь возможность проехать по трассе в следующий раз всем им выпадала только через год – на Олимпийских играх. Уже было известно, что раньше этого срока на бобслейный стадион будет допущена одна-единственная команда – сборная Италии. Привилегия хозяев…

Двух дней, проведенных на стадионе в Чезане, оказалось достаточно, чтобы понять: самое страшное для любого бобслеиста – потерять машину. Любая авария на трассе – это не просто огромные денежные потери, хотя одна только покраска корпуса обходится в тысячу – полторы тысячи евро.

Боб для механиков и гонщиков – родное дитя, в которое вложены сердца и души. Ну, и деньги, само собой. Знаменитый монакский бобслеист наследный принц Альбер в свое время только за тюнинг боба заплатил свыше ста тысяч евро. Причем тюнинговали снаряд специалисты фирмы Феррари. Было это давно, обтрепанный черный боб Альбера позже стал одной из

тренировочных машин сборной Монако, но историю вспоминали долго.

Такой же легендой были бобы двукратного олимпийского чемпиона Кристофа Лангена. Его путь в бобслее был довольно стандартным: начинал разгоняющим, потом стал пилотом и параллельно – великолепным знатоком бобслейных механизмов. Много лет работал в связке с двумя выдающимися немецкими конструкторами братьями Зингер. А закончил карьеру совершенно неожиданно – за два года до Игр в Турине врачи обнаружили у спортсмена серьезные нарушения в работе сердечной мышцы и категорически запретили активную гоночную деятельность.

Свой боб-двойку Ланген продал сильнейшему экипажу своей страны. Цена, по слухам, составила сто восемьдесят тысяч евро. На лангеновскую «двоечку» облизывались Монако и Швейцария, и даже денег предлагали не в пример больше. Но великий немец поступил как истинный патриот.

А вот с «четверкой» вышло несчастье. Ланген долго наотрез отказывался продавать снаряд, но в предолимпийском сезоне вдруг передумал: дал попробовать боб лидеру немецкой сборной и тоже олимпийскому чемпиону Андре Ланге. Тот привез машину на этап Кубка мира-2005 в Альтенберг и разбил – перевернулся на дистанции.

Успехи российских бобслеистов были опосредованно связаны с тем же Лангеном. Точнее – с его бессменными конструкторами. Благодаря протекции немца, Зингеры в 1996 году заключили контракт со сборной Германии, и все машины, на которых бобслеисты этой страны становились чемпионами, были подготовлены ими. Зепп Зингер в свое время был неплохим гонщиком – выступал в супербайке, но в конце восьмидесятых потерял ногу в аварии. С тех пор братья успели зарекомендовать себя как лучшие в мире специалисты по карбону и кевлару, стали официальными партнерами автомобильной компании БМВ – занимались тюнингом спортивных машин, но большую часть жизни посвятили бобслею.

Перед Играми в Солт-Лейк-Сити немецкая федерация бобслея выделила на подготовку своих команд четыре с половиной миллиона долларов, причем большая часть этой суммы была переведена на счета официального спонсора олимпийской бобслейной сборной компании FES. А ее представители, в свою очередь, заказали восемьдесят процентов деталей у Зингеров, сделав их своего рода субподрядчиками, но заплатили по минимуму.

Зингеры, естественно, обиделись. Но даже не это послужило

причиной последующего конфликта. Накануне Игр конструкторы попросили FES разместить их персональный логотип на корпусах подготовленных ими машин. И получили отказ.

Контракт со сборной Германии, истекавший в 2002 году, Зингеры продлить отказались, и, пока немцы раздумывали, как восстановить отношения, братьев-механиков перехватила Россия. Вот так в лице нашей сборной они приобрели все, о чем мечтали: деньги, свободу творчества на олимпийском уровне и одну из самых перспективных команд мира, лицом которой был, безусловно, Александр Зубков.

В бобслей он попал благодаря стечению обстоятельств – в десятилетнем возрасте пришел в саночную секцию в Братске, провел там четырнадцать лет, выиграл юниорский чемпионат мира в двойке. Попробовать себя в бобслее Зубкову предложил ныне покойный президент российской бобслейной федерации Валерий Лейченко. Сказал парню: «Не понравится – вернешься обратно». Однако как только о намерении Зубкова стало известно его тренерам-саночникам, те заняли довольно категоричную позицию: уйдешь – путь назад будет навсегда заказан. Так что у спортсмена, все-таки пересевшего в боб, не оставалось никакого другого выхода, кроме как продолжать карабкаться вверх.

В Чезане последнюю фразу можно было понимать буквально: несмотря на непролазную снежно-глинистую мешанину вокруг сооружения, Зубков ежедневно карабкался вдоль желоба от финиша к старту. Нам же пояснил:

– Примета такая. Перед тем как ехать, все стараются хотя бы раз пройти по желобу пешком. Понять характер трассы, присмотреться к виражам, решить, как их лучше проходить. Некоторые спортсмены ходят, как едут – сверху вниз. Я привык наоборот – снизу вверх. Уже потом, когда проведена первая тренировка, стараюсь найти возможность прогуляться от старта к финишу еще раз – приглядеться к трассе с учетом тренировочных ощущений.

Немного помолчав, Саша добавил:

– Очень хочется попасть в тройку на Олимпийских играх. Хотя год назад я даже не мечтал о чем-то подобном…

* * *

Заезд к лыжникам в Праджелато получился весьма тезисным: всего на полдня. Хотелось просто посмотреть на олимпийскую трассу. Первый раз она была опробована в марте 2004-го, и ее беспощадно раскритиковали. Естественный рельеф склона

изобиловал короткими, но весьма крутыми подъемами, по которым приходилось то и дело карабкаться «елочкой». Тогда же этот вариант маршрута был признан не очень подходящим для столь крупного мероприятия, как Олимпийские игры.

За год все изменилось. На трассе появилась длинная, очень зрелищная, если смотреть со стороны стадиона, петля, одну сторону которой составил пологий, но длинный подъем, над небольшой горной речушкой возвели мост, соединивший основную часть дистанции и лыжный стадион, – то есть организаторы проявили себя как люди, которым не нужно долго объяснять, что такое лыжи и как преподнести их публике в наиболее выигрышном свете.

Итальянцы вообще изо всех сил старались понравиться заезжим гостям. С пропусками и аккредитациями не возникало никаких проблем. Более того, эти знаки журналистских отличий были действительны на всех объектах. Другими словами, карточек, выданных нам в Чезане, было достаточно, чтобы посещать любые олимпийские объекты по всей стране, в том числе и в Турине, куда только предстояло поехать. Проблема полного отсутствия в Праджелато снега была решена за ночь перед лыжными стартами: искусственный снег наморозили и уложили по всей трассе толстенной подушкой, которая почти не подтаяла, несмотря на то что за два дня до начала соревнований термометры на склоне показывали +9.

Отсутствие снежного покрова на дорогах было нашей многострадальной машинке лишь на руку: доехать до Турина удалось без проблем. И все-таки, сдав боевого коня обратно в прокат, мы вздохнули с облегчением.

Глава 2. Туринская палавела

Чемпионат Европы по фигурному катанию, где российские фигуристы забрали четыре золотые медали из четырех, заставил в очередной раз заговорить о том, что на Играх-2006 русские вполне могут этот результат повторить. Собственно, поэтому в редакции меня уже за год до Игр поставили в известность, что в олимпийском Турине я, скорее всего, не буду вылезать с катка.

Так оно и получилось. Никаких иллюзий по поводу четырех наград у меня не было. Теоретически они, наверное, были возможны. Хотя после того как золото было добыто в трех видах программы подряд: парном катании, у мужчин и в танцах, – все разговоры вокруг льда сводились к тому, что Ирине Слуцкой просто не дадут победить. Как бы она ни каталась.

В общем, дело шло к тому, что в женском турнире будет разыгран сценарий Солт-Лейк-Сити. Сменилась лишь одна из героинь. На этот раз фаворитом считалась Саша Коэн.

Американский тренер Робин Вагнер, которая подготовила олимпийскую чемпионку Солт-Лейк-Сити Сару Хьюз, сказала как-то про Коэн: «По моему убеждению, слово „успех” применительно к этой спортсменке может означать только одно: победа».

Именно за победами летом 2003 года Коэн ушла от своего прежнего тренера Джона Никса к Татьяне Тарасовой. Переехала из Калифорнии на другое побережье страны – в Хартфорд.

Взаимоотношения тренера и ученицы поначалу напоминали идиллию.

– Работа с Татьяной захватывает настолько, что бывает непросто остановиться. В то же время, я никогда не встречала тренера, способного работать столь интенсивно и тяжело, – говорила Саша.

– Невероятный талант. Очень редкий. Нечеловеческий, – отзывалась о спортсменке Тарасова.

Прогресс совместной работы стал очевиден довольно быстро. На Играх-2002 Коэн запомнилась болельщикам не столько катанием, сколько потрясающей гимнастической растяжкой. Восхитительными спиралями, на фоне которых многие фигуристки стали выглядеть невыразительно и порой даже коряво, уповая на то, что в соревнованиях юную американку подведут довольно слабенькие и нестабильные прыжки.

На первых же турнирах «Гран-при» осенью 2003-го Коэн предстала перед публикой как спортсменка, в программе которой практически не осталось слабых мест. Что дало Тарасовой повод совершенно искренне сказать: «Мне безразлично, по какой

системе будут оценивать Сашино катание. Она все равно будет побеждать!»

Но несколько месяцев спустя тандем распался. Несмотря на сделанные для прессы заверения Коэн и Тарасовой, что расставание прошло спокойно и к обоюдному удовольствию, конфликт между тренером и даже не самой Коэн, а ее мамой, был нешуточный. Во всяком случае, на эту мысль наводило множество мелких деталей. В официальном пресс-релизе чемпионата мира в Дортмунде, который состоялся всего через два с половиной месяца после того, как Коэн ушла к другому тренеру (им стала уже упомянутая Вагнер), фамилия Тарасовой не была упомянута ни в числе бывших наставников американки, ни даже в качестве постановщика ее программ.

Однако стать чемпионкой мира Коэн не удалось. На ее пути к верхней ступеньке пьедестала встал прежний тренер. Тарасова приехала в Дортмунд с японкой Шизукой Аракавой, которая даже на национальном первенстве своей страны никогда не поднималась выше третьего места. А в Германии обошла всех.

Пережив поражение, Саша ушла и от Вагнер. Вернулась в Калифорнию, к своему первому тренеру Джону Никсу. Спустя несколько дней после того, как об этом решении было объявлено официально, я получила электронное письмо из Фэйрфакса. Корреспондент в числе прочего сообщал что, до того как обратиться к Никсу, Коэн дважды приезжала проситься в группу известного в США тренера Одри Вейзингер. Та отказала, сославшись на большую занятость, но кулуарно якобы сказала: «Sasha is uncoachable» – что в переводе на русский язык означает «не поддается тренировке».

Еще через некоторое время я позвонила Тарасовой – узнать ее мнение о бывшей ученице.

– Я жалею ее, – сказала тренер. – Дело не в том, что я вложила в нее много сил. Я вообще жалею любой талант, с которым что-то случается. Саша немножко потеряла себя. Сейчас, на мой взгляд, она сделала правильный выбор. Никс – мудрейший специалист. Что касается Саши, она сама должна решить, как строить свою жизнь дальше. Заработать она сумеет и без спорта: такая уникальная спортсменка найдет место в любом шоу. Но дело в том, что она всей душой любит фигурное катание. И очень хочет стать олимпийской чемпионкой.

На Коэн в Турине работало все. Начиная с 1992 года, когда победительницей олимпийского турнира в Альбервилле стала Кристи Ямагучи, негласно считалось, что золото в этом виде программы должно обязательно быть американским. Победа Оксаны Баюл над Нэнси Керриган в Лиллехаммере

воспринималась в США как досадное недоразумение. Сыграли роль и разговоры о возможном судейском раскладе в женском турнире, которые велись как по одну, так и по другую сторону океана. Во всяком случае, уже в короткой программе Коэн вышла на старт, как королева, прекрасно осведомленная о силе своего войска. Слуцкая – как одинокий боец, оставшийся у последнего укрепления с автоматом в руках, понятия не имея, исправен тот или нет.

Подозреваю, Ирину добил и результат. Ее выступление было расценено несколько ниже, хотя объективно она вовсе не была хуже американки.

Но к финалу сгорели обе. Саша – от предвкушения близкого, почти завоеванного золота, Ира – от непосильных переживаний и желания выиграть во что бы то ни стало. Все случилось в точности по сценарию Солт-Лейк-Сити: пока две главные претендентки караулили друг друга, вперед выскочила третья: Аракава.

* * *

Поражение Слуцкой в Турине стало для страны ничуть не менее значимым по накалу эмоций событием, нежели победа Евгения Плющенко. Правда, разница в их шансах была колоссальной. Евгению вообще не нужно было прыгать выше головы, чтобы выиграть. Для него не существовало конкурентов, но в этом и таилась опасность. Фигурист несколько лет подряд чувствовал себя совершенно недосягаемым, и оттого, как мне казалось, в какой-то момент ему стало просто скучно постоянно заставлять себя идти на сверхусилия в тренировках.

Его поражение в чемпионате Европы-2004 расценили как случайность. Но, если называть вещи своими именами, Евгений уже тогда застопорился в собственном прогрессе. С другой стороны, он, как никакой другой спортсмен, заслуживал олимпийской победы.

Не знаю, сумел ли бы он выиграть в Турине, если бы за год до Игр судьба не стала хлестать его со всех сторон. С чемпионата мира-2005 Плющенко был вынужден сняться из-за серьезной травмы – паховых грыж.

Заболевание не распознали сразу: вплоть до конца того чемпионата Алексей Мишин утверждал, что его ученику не понадобится никакая операция. Но ошибся.

По-хорошему, Плющенко следовало вообще не заявлять на мировое первенство. Не дожидаться, когда боль станет

непереносимой, когда воспаленная, травмированная мышца перестанет реагировать на анестезию, а чудовищные дозы препаратов обернутся побочными эффектами, в частности сильнейшей аллергией.

Не знаю, кто именно настоял на том, чтобы попытаться довести чемпионат до конца, – сам ли Плющенко, его тренер, врач команды или кто-то еще. Не исключаю, что решающее слово осталось за фигуристом, – сама мысль о том, что травма может помешать выйти на лед, должна была быть для него невыносимой. Да и не в том состоянии находился издерганный болью и многочисленными советчиками Плющенко, чтобы с холодной головой взвесить и продумать возможные последствия.

Потом были две операции и целый букет непредсказуемых, чтобы не сказать одиозных поступков, одним из которых стало внезапное намерение спортсмена жениться.

Свадьбу закатили грандиозную, но мероприятие тем не менее оставило весьма странный осадок у тех, кто там присутствовал. Судя по фотографиям, Мишин пребывал в шоке, хотя вслух пытался говорить какие-то правильные вещи. Но было видно, что тренера раздражает очень многое. Ему самому олимпийская победа была нужна ничуть не меньше, чем Евгению, и все эти ритуальные пляски накануне Игр были совершенно ни к чему.

Тем летом я имела возможность убедиться, что это действительно так. Специально, чтобы встретиться с тренером, я прилетала в Питер. Мы долго разговаривали, сидя в кафешке неподалеку от катка. Обычная, всегда любимая мной ирония Мишина казалась теперь смехом сквозь слезы.

– Знаете, в моей жизни было множество куда более сильных потрясений, поэтому известие, что спортсмен решил жениться, это сущая ерунда, – сказал тогда он. И добавил: – Много лет назад на моей собственной свадьбе кто-то из гостей рассказал притчу, как один человек в аналогичной ситуации пришел за советом к мудрецу. Тот ответил: «Если ты не женишься, будешь жалеть об этом. Если женишься, не исключено, что тоже будешь жалеть. Так что женись!» Женя – такой человек, которому необходимо, чтобы рядом постоянно был кто-то близкий. Эту роль на протяжении его жизни играли разные люди. Его мама, я, кто-то из других тренеров, друзья… Правильным был поступок или нет, покажет жизнь. Причем очень скоро…

Во время того визита в Питер я познакомилась и с мамой Евгения – Татьяной Васильевной. Наша не очень продолжительная – пока сам Плющенко тренировался на льду – беседа раскрыла для меня фигуриста гораздо больше, чем все когда-либо читанные его интервью. За очень простыми словами

по кусочкам складывалась картинка очень непростой жизни, где было все: вставшая перед одиннадцатилетним провинциальным мальчишкой необходимость выживать в чужом городе и среди чужих людей, беспросветная нищета, одиночество… И всепоглощающее желание вырваться из всего этого в другую жизнь. Стать самым лучшим и самым знаменитым. Олимпийским чемпионом.

* * *

Выиграет или проиграет? С каждым днем пресс-центр лихорадило все больше. Информацию о Плющенко собирали по крупицам из всех доступных источников, и каждый трактовал ее, как хотел. Было чувство, что за именем фигуриста журналисты давно перестали видеть живого человека. Видели только ньюсмейкера, фигура которого стопроцентно обеспечивает спрос изданиям и перекормить которым публику невозможно, сколько ни пиши. Стоило Плющенко подхватить какое-то желудочное заболевание и пропустить одну из официальных тренировок, тут же понеслась очередная волна слухов: «Фаворит занервничал. И не отравление это вовсе. А медвежья болезнь».

Он однозначно был сильнейшим. Но именно это и внушало опасения. Слишком часто на моих глазах фаворит проигрывал главный старт своей жизни. И массовый психоз прессы вокруг питерского спортсмена вполне мог стать той самой каплей, которая разрушила бы все.

Поэтому Игры в Турине стали, пожалуй, первым турниром, где я не только не осуждала стремление Мишина полностью изолироваться и изолировать ученика от каких-либо контактов с посторонними и прежде всего – с прессой, но в глубине души всячески его поддерживала. Нужно было любой ценой сберечь нервы ученика до старта.

В репортаже с короткой программы, который складывался на голых эмоциях прямо в ходе проката, поскольку материал был последним и его следовало отправить в редакцию минута в минуту, я тогда написала: «Когда человек выходит на старт с побелевшими от внутреннего напряжения глазами, это ничуть не менее страшно, чем разорванные мышцы. Местами Плющенко не попадал в музыку, но, черт возьми, какая разница, попадал он в нее или нет? Он сделал все. То, что в его положении вряд ли сумел бы сделать любой другой спортсмен».

То же самое я могла бы повторить и после финала.

Когда соревнования были наконец завершены, нервов хватило

только на то, чтобы выдохнуть: «Выиграл. Слава богу…»

Глава 3. Ах, Оля…

Мы почти не были знакомы… За месяц до Игр мне довелось заехать к биатлонистам на этап Кубка мира в немецкий Рупольдинг. Это был как раз тот день, когда Оля Пылева сильно подвернула ногу в двух шагах от крыльца гостиницы. Поселили меня в комнатушке, по соседству с которой – дверь в дверь – был номер Пылевой и ее мужа и тренера Валерия Медведцева. Наверное, нужно было к ним заглянуть. Я даже планировала именно там, в Рупольдинге, встретиться с биатлонисткой, познакомиться с ней и сделать интервью. Но когда случилось несчастье, постеснялась. Была уверена, что ничего, кроме раздражения, визит журналиста в такой момент вызвать не сможет.

А потом Пылева уехала в Антерсельву – восстанавливаться и готовиться к Играм.

13 февраля 2006 года она выиграла серебро на биатлонной дистанции 15 километров на Играх в Турине, но несколько дней спустя была дисквалифицирована за употребление запрещенного препарата карфедона.

Такие новости – всегда шок. Вопросы начинают валиться со всех сторон, ответов на них никогда не бывает достаточно, и противнее всего наблюдать, как многочисленные чиновники принимаются наперебой спасать свои собственные задницы. Так было на лыжном чемпионате мира-1997 в Тронхейме, когда за употребление бромантана дисквалифицировали шестикратную олимпийскую чемпионку Любу Егорову, в Атланте, где тот же бромантан стал причиной достаточно громкого скандала с участием сразу нескольких спортсменов, в Солт-Лейк-Сити – после истории с Ларисой Лазутиной и Ольгой Даниловой… В Турине беда настигла Пылеву.

Мое отношение к запрещенной фармакологии всегда было неоднозначным, потому что борьба с ней давно превратилась в профанацию. Нарваться на дисквалификацию можно за что угодно. Иногда случаи бывают глупыми, иногда – анекдотичными, иногда – действительно серьезными. Но правила, которые существуют на этот счет, всегда жестоки. Прежде всего тем, что наказание означает жуткое, немыслимое унижение для спортсмена. Именно поэтому среди людей, претендующих на олимпийское золото, самоубийц-камикадзе уже давно нет.

Фармакология же была всегда. Просто не всегда те или иные препараты считались запрещенными. Так, кстати, случилось с бромантаном. Его внесли в «черный» список за считаные дни до

Игр в Атланте. Разослали соответствующие бумаги по всем спортивным федерациям. Но в российском олимпийском штабе бумажке не придали значения. Перевести ее с английского на русский было некому – в тот день в штабе не оказалось переводчика. Ну а потом, скорее всего, документ выбросили в помойку.

Год спустя, помнится, шли нескончаемые баталии. Никто не верил, что Егорова, принявшая таблетку накануне старта, не знала о том, что препарат запрещен. А она на самом деле не знала. В 1995-м Люба родила сына. А в начале 1996-го, когда спортсменка только-только начала по-настоящему тренироваться, на нее посыпались болячки. Сначала появились дикие головные боли. Врачи объясняли их последствиями тяжелого, перенесенного на ногах гриппа. Егоровой предложили не очень сложную хирургическую процедуру – слегка выправить носовую перегородку. В ходе операции, которую делали под общим наркозом, выяснилось, что причина заболевания гораздо серьезнее. За первой операцией последовала вторая – на головном мозге. Через некоторое время Егорова снова оказалась в больнице: третья за два месяца операция была полостной, вновь под общим наркозом. То было как раз во время Игр в Атланте…

История Пылевой оказалась столь же глупой и трагичной.

После того как выдающаяся биатлонистка получила травму ноги в Рупольдинге, ее врач Нина Виноградова перерыла весь Интернет – искала препарат, которого не было бы в списке запрещенных и который одновременно мог дать максимальный эффект для восстановления поврежденных связок.

С Виноградовой Оля работала не первый год, и, когда та приехала на этап Кубка мира в Антерсельву, Пылева первым делом поинтересовалась, можно ли спортсменам принимать фенотропил. Они вместе долго читали аннотацию, справочники: там не было ни слова о том, что в лекарстве содержится что-то запрещенное. А там оказался карфедон – препарат, разрешенный спортсменам в тренировках, но запрещенный в дни выступлений…

– Я была в шоке, – рассказывала мне позже Пылева. – Когда узнала, то подумала, что хотела бы провалиться сквозь землю. Такой позор… Все, что происходило потом, воспринимала как в тумане. Помню, стала просить прощения у врача команды. У старшего тренера женской сборной Валерия Польховского. Понимала, что тень на всю команду бросила. Сразу какие-то мысли бредовые в голову полезли. Что нужно во что бы то ни стало немедленно что-то сделать. Уехать из Турина, на улицу не выйти… Что угодно, лишь бы эта ситуация не выходила наружу.

Вспомнила почему-то Лену Вяльбе – как на чемпионате мира в Тронхейме после дисквалификации Любы Егоровой она выступала перед королем и зрителями на стадионе и извинялась перед ними. Я и сама готова была просить прощения у всех сразу. Говорила без остановки: «Ну, давайте хоть что-нибудь сделаем». А оказалось, что уже ничего нельзя изменить…

О том, что меня могут дисквалифицировать на два года, вообще в тот момент не думала. Казалось, что уже ничего не может быть хуже того, что у меня забрали медаль – я отдала ее в тот же день…

В Турине выяснилось, что карфедон, обнаруженный в пробах Пылевой, был впервые диагностирован у нее еще в конце января – как раз в Антерсельве. Просто, по правилам WADA, ставить в известность заинтересованную сторону в таких случаях было вовсе не обязательно.

Из Турина спортсменку скоропостижно отправили домой, сказав на прощание, чтобы никакой шумихи в прессе они с мужем не поднимали: не в их, мол, интересах. Руководители произносили какие-то красивые слова, что будут биться, отстаивать интересы спортсменки в Международном союзе биатлонистов (IBU), но это так ничем и не закончилось. Виноградову немедленно отстранили от работы со спортсменами, хотя, если задуматься, ее ошибка была лишь звеном в общей цепи фантастической безалаберности. Ведь если вспомнить, врач прилетела в Антерсельву 23 января. Пылеву дисквалифицировали 13 февраля. Выходит, что за три оставшиеся до Игр недели ни официальному врачу команды, ни тренерам не пришло в голову уточнить, какие именно препараты применяет спортсменка, всеми силами пытающаяся вылечить серьезную травму.

Ну, а когда скандал случился, всем было выгодно поскорее о нем забыть. В том числе и потому, что президент Союза биатлонистов России, четырехкратный олимпийский чемпион Александр Тихонов собирался выставить свою кандидатуру на пост президента IBU, и не в его интересах было конфликтовать с Международным союзом до выборов.

Когда Ольга все-таки упомянула об этом факте в одном из интервью, Тихонов всерьез обиделся. Да, собственно, и не в его силах было что-то изменить. Для того чтобы выигрывать дела в спортивном арбитражном суде, нужны профессионалы-юристы. А их попросту не было. История Солт-Лейк-Сити показала это более чем наглядно. Вот и получилось, что свой двухлетний срок дисквалификации Пылева «отмотала» от звонка до звонка.

Глава 4. Рос-си-я!!!

И все-таки было в Турине нечто такое, что очень выгодно отличало те Игры от всех предыдущих. Это болельщики. С первого дня город пестрел красно-сине-белыми куртками и комбинезонами с надписью «Россия» на спинах. Компания «Боско», поставившая олимпийской сборной форменную одежду, пустила значительную часть экипировки в свободную продажу, и каждый желающий вполне мог облачиться в точно такой же костюм, в которых ходили спортсмены. Если, конечно, имелись деньги: стоимость «Боско»-одежек кусалась.

Сначала реакция была двоякой. Далеко не все приветствовали идею пустить форму «в народ». Спортивный народ справедливо полагал, что нет ничего хорошего в том, что любой полутрезвый фанат может щеголять в Турине с российскими знаками отличия на одежде. Но ближе к Играм у всех появились более неотложные дела, нежели размышлять на абстрактные темы. Когда же город, под завязку набитый болельщиками, запестрел преимущественно российскими триколорами, вопрос отпал сам собой.

Немалую лепту в эту патриотическую вакханалию внесло открытие Боско-дома. Его немедленно стали именовать «Русским», и на всяческие презентации и «дни открытых дверей» народ, в том числе и импортный, повалил толпами. Как говорится, там было на что посмотреть (чего стоил один залитый на крыше здания каток!) и было чем угоститься.

Талисман российской сборной Белый Чебурашка превратился в самую ходовую валюту игр. Цена плюшевого зверька в магазине Боско в зависимости от его размера доходила до пятидесяти евро, и уже через несколько дней после открытия Игр не было на стадионах ребенка, который не прижимал бы к себе вожделенную игрушку.

Со стадиона на стадион кочевала и специально отобранная инициативная группа из известных российских артистов, музыкантов, их мужей, жен и детей. Барабаны, дудки, литавры, трещотки, флаги, чебурашки сопровождали компанию в качестве реквизита. Это было ново, непривычно, но каждый раз на трибунах наблюдалась одна и та же картина: российские болельщики рассаживались в центральных секторах, и под натиском их диких, но хорошо отрепетированных воплей стадионы на глазах сходили с ума – многие начинали остервенело болеть за российских спортсменов.

Центром этой вакханалии в Турине стал хоккейный дворец.

Еще до начала игр олимпийский чемпион и председатель Росспорта Вячеслав Фетисов в разговоре с журналистами как бы невзначай заметил, что, если Россия дойдет до финала, в Турин прилетит президент страны Владимир Путин.

Мысль о том, что Россия будет бороться за золото, витала в воздухе постоянно. Слишком близко команда подходила к этому рубежу на двух предыдущих играх – в Нагано и Солт-Лейк-Сити. Причем оба раза, блистательно выиграв важнейшие матчи (в Нагано – с финнами, в Солт-Лейке – с чехами), резко сдавала позиции в наиболее ответственный момент. Вот и будоражила всех одна и та же мысль: «Когда же? Когда?..»

С каждым новым днем хоккейного турнира ажиотаж разгорался все больше и больше. Сами хоккеисты сделали все возможное, чтобы накалить обстановку до предела. В первом же матче они проиграли словакам. Потом неожиданно легко «вынесли» шведов, сыграв с ними со счетом 5: 0, но спустя день с заметным трудом одолели Казахстан…

Вокруг тем временем происходило слишком много совершенно невероятных событий: победа Светланы Ишмуратовой – в биатлоне и Евгения Дементьева – в лыжах, совершенно неожиданное серебро четверки бобслеистов во главе с Зубковым, француз Дефран, вырвавший золото на последних метрах дистанции у величайшего биатлониста современности Уле-Эйнара Бьорндалена, триумф на конькобежной пятисотке Светланы Журовой – первый после тридцати восьми безмедальных лет…

Последняя из этих побед вообще получилась особой. Когда Светлана не сразу, но осознала, что она – чемпионка, сняла коньки, получила медаль и пришла вместе с ней на пресс-конференцию, то на вопросы журналистов, полусмеясь и полуплача, вдруг сказала: «У каждого олимпийского чемпиона должна быть своя история. Ведь правда?»

Ее собственная история на тот момент включала в себя тридцать четыре прожитых года, три Олимпиады, двухлетнего сына и, в числе прочего, не самое приятное воспоминание о Солт-Лейк-Сити, где спортсменку не пустили в Русский дом. Не узнали…

Еще в Турине была победа женской лыжной эстафеты. Очень важная, ведь именно в этом виде программы в Солт-Лейк-Сити российским лыжницам пришлось пережить невероятно серьезный психологический удар: из-за отстранения от гонки Ларисы Лазутиной они не вышли на старт.

Но именно после всех этих женских побед особенно хотелось верить в мужскую – хоккейную.

Четвертьфинальный матч с канадцами стал кульминацией Игр. Россия и Канада всегда стояли в хоккее особняком. Исторически. Так было с тех самых пор, когда в феврале 1956-го в Кортина д'Ампеццо сборная СССР выступала на своей первой Олимпиаде, победила родоначальников хоккея со счетом 2:0 и стала чемпионом.

Сейчас уже не скажу, на каком именно из олимпийских мероприятий, где мне следовало бы быть, я не смогла в тот вечер присутствовать. Но до сих пор в памяти держится тогдашнее воспоминание, что не пойти на хоккейный матч даже не приходило в голову. Причем не только мне: на трибунах хоккейного дворца было не продохнуть. Волонтеры безуспешно гоняли тех, кто рассаживался прямо на ступенях, дворец распухал на глазах, а люди все шли и шли. И только когда команды выкатились на разминку, до меня вдруг дошло, что именно делало интерьер непривычным: от самой кромки льда до еле видной у потолка галерки трибуны полыхали и переливались российским триколором.

Русский дом чуть ли не всю ночь перед матчем с Канадой говорил о хоккее. Все остальные события Олимпиады отошли на второй план. Чемпионка Турина фигуристка Татьяна Навка и та щеголяла в игровом свитере Алексея Яшина. Говорить о хоккеистах она, правда, отказалась наотрез – так же, как и перед собственным выступлением.

Суеверными вдруг оказались и другие, очень серьезные вроде бы люди. Например, знаменитый актер Олег Янковский. Он ходил на матч с США, но говорить перед Канадой чего-либо также не пожелал – чтоб не сглазить. Сколько их вообще сейчас за наших хоккеистов переживает, этих знаменитостей! Помимо Янковского, был на встрече с американцами – и, естественно, пошел на Канаду – и Леонид Ярмольник.

Валерий Сюткин со своими музыкантами был искренне возмущен, что на предыдущий матч России – с американцами – ему не позволили протащить на трибуну саксофон. Зато в ожидании канадско-российской битвы организованный Сюткиным духовой оркестр рвал окружающим барабанные перепонки знаменитым «Трус не играет в хоккей». А белые Чебурашки, безжалостно нанизанные вместо шпилей на древки знамен, взирали с высоты на всю эту вакханалию.

Ну разве мы могли проиграть?

… Проиграли мы позже. Бездарно и унизительно. Финнам. Проиграли в тот самый момент, когда никто из российских болельщиков уже в принципе не допускал никакого иного исхода, кроме победного. После того как один из моих коллег, упиваясь

послевкусием великой победы над Канадой, написал в репортаже: «Теперь нам никто не страшен на этой Олимпиаде».

А победа – в контексте Олимпиады – вовсе не была великой. Она была всего-навсего четвертьфинальной…

2008 год. Пекин

Глава 1. Коммунизм за олимпийской стеной

Это была лучшая Олимпиада в истории…

Во всем, что касалось организации, лучшей она была однозначно. Хотя всего за два года до начала Игр я ждала их с ужасом и отчаянием.

Причиной были несколько подряд столкновений с китайской реальностью в 2006-м. В апреле я должна была ехать в Шанхай на чемпионат мира по плаванию в ранге достаточно высокого гостя – представителем Международной федерации плавания. Так вышло, что на получение визы у меня имелось всего три дня. Сотрудницы выездного отдела Олимпийского комитета, правда, успокоили: «Не переживай. Визу тебе сделают за один день. В пятницу сдадим документы, в воскресенье улетишь».

В пятницу раздался телефонный звонок: мне сообщили, что приглашение, присланное организаторами, не соответствует принятым в консульстве нормам. Я немедленно перезвонила в Шанхай председателю оргкомитета соревнований с просьбой немедленно (это был последний рабочий день) прислать в Москву нужный факс.

– Это невозможно, – был ответ.

– Вы не поняли, как должна быть составлена бумага? – спросила я.

– Понял, – вежливо отозвался собеседник. – Мы знаем, что первое приглашение было составлено не совсем правильно. Мы уже сделали новое. Оно лежит передо мной на столе. Но дело в том, что отправлять бумаги по факсу не входит в мои обязанности. Что? Да, у меня есть факс. Он тоже стоит у меня на столе. Но сотрудник, отвечающий за отправку бумаг, уже ушел из офиса и будет теперь в понедельник.

Я билась в истерике на противоположном конце телефонной трубки, переходила от грубой лести к не менее грубым угрозам, пыталась орать и плакать одновременно, объясняла, что в консульском отделе к факсу уже приставлен специальный человек, который два часа ждет, когда аппарат выплюнет эту проклятую бумажку, для отправки которой нужно всего лишь двенадцать раз нажать пальцем на кнопки, но – тщетно. Уговорить китайца отправить факс мне так и не удалось, и в Шанхай я не попала.

Во время визита в Китай в августе того же года – в город Чаньшу на Кубок мира по прыжкам в воду – мне удалось

выяснить, что в любой сфере деятельности все китайцы разбиты на тройки. В каждой группе есть старший. Капитан. Если перед вами нарисовалась проблема, которую нужно незамедлительно решить, главное – определить, кто именно рулит процессом. Объясняться с «неправильным» человеком – пустая трата времени. Он будет улыбаться до посинения, кивать, что-то вежливо отвечать, но решить проблему вам не удастся.

Точно так же я поняла, что первейшее правило сохранения собственной психики при общении с китайцами – это не раздражаться ни по какому поводу. Нужно просто заранее подготовиться к тому, что любой процесс занимает втрое больше времени, чем обычно. Как и к тому, что получивший задание китаец будет выполнять его с прямолинейностью носорога, не обращая ни малейшего внимания на то, что может кого-то своими действиями побеспокоить. В 2006-м страна уже вовсю жила подготовкой к Играм, проводила множество международных турниров, повсеместно строились фешенебельные отели, и было порой смешно наблюдать, как китайские официанты, ответственные за то, чтобы на столиках спортсменов всегда была еда и не скапливалась грязная посуда, стояли наготове, подобно кошке, охотящейся на воробья. Положил клиент вилку на стол – цоп! – и старой вилки нет. На ее месте лежит новая.

Наиболее душераздирающую историю поведал мне в Чаньшу чемпион мира Александр Доброскок, когда наутро после выступления я пришла к нему в отель брать интервью. Время было далеко не утреннее (надо же дать выспаться человеку), однако пришлось стучать в дверь несколько минут, прежде чем Доброскок ее открыл. Он был заспан, зол и завернут в одеяло.

Оказалось, его разбудили в семь утра. Стуком в дверь. В коридоре стояла китаянка-горничная, которая, невзирая на табличку «Do not Disturb» – «Просьба не беспокоить», стала пытаться просочиться в номер, жестами показывая, что ей нужно там убрать. Доброскок относительно вежливо вытолкал горничную обратно в коридор, закрыл дверь на задвижку и снова лег. Полчаса спустя стук раздался снова. На этот раз рядом с горничной стоял англоговорящий менеджер.

– Нужно убрать ваш номер, – пискляво проговорил он по-английски. – Возможно, вы не в курсе, но у вас снаружи висит табличка, которая мешает это сделать. Может, вы про нее забыли?

С воплем «Она, блин, для того и висит» Доброскок захлопнул дверь и снова завалился под одеяло. Полчаса спустя у него в комнате зазвонил телефон.

– Нужно убрать ваш номер. Там снаружи висит табличка. Возможно, вы скажете нам, если решите эту табличку снять?

Совершенно ошалевший Саша даже не стал бросать трубку. Он просто выдернул телефонный шнур из розетки и, плюхнувшись в кровать, накрыл голову подушкой.

Час спустя стук в дверь раздался снова. В коридоре, помимо горничной, стояли три менеджера отеля.

– Мы хотели убрать ваш номер. Мы несколько раз звонили вам по телефону, но телефон не отвечает. Наверное, он не работает. Поэтому мы поднялись к вам на этаж проверить, все ли в порядке с телефоном. Возможно, вы просто не знаете, что он не работает?..

– Знаю! – рявкнул Доброскок.

– А про табличку, которая висит на двери и мешает нам убрать номер, тоже знаете? Или, может быть, она висит там по ошибке?..

Каким образом все эти китайцы уцелели в борьбе с Доброскоком, так и осталось для меня загадкой. Однако чем больше я приглядывалась к людям, тем отчетливее понимала, что это удивительная, ни на кого не похожая нация. Привыкшая титанически работать и совершенно не приученная ни уступать, ни, тем более, отступать. Иллюстрацией к этому качеству у меня тоже осталась смешная картинка из Чаньшу.

В один из последних дней Кубка мира мы выбрались с тренерами на крыльцо бассейна – покурить. Перед комплексом, насколько хватало глаз, тянулась огромная, восьмирядная полоса только что отстроенной и потому совершенно пустой дороги. Наверное, поэтому мы и обратили внимание на две крошечные фигурки, которые одновременно появились с двух сторон шоссе и начали сближаться. Это были два велосипедиста-рикши с нагруженными до предела прицепчиками. Смотреть было больше не на что – шоссе продолжало оставаться безлюдным. И прямо напротив бассейна эти два китайца умудрились врезаться друг в друга.

Мы ржали до судорог. Восемь рядов на дороге. Пустых, как Млечный Путь. И надо же было случиться, чтобы эти двое бедолаг оказались на одной полосе, которую каждый из них, видимо, успел посчитать своей территориальной собственностью.

А еще там почти никто не говорил по-английски…

* * *

Китай-2008 оказался совершенно иной страной. Взглянуть на Олимпийский парк с высоты птичьего полета (точнее, с двадцать пятого этажа ближайшего к центральному стадиону отеля, что

было, по сути, равнозначно) мне удалось в самом начале года. В феврале я традиционно прилетела на предолимпийский Кубок мира по прыжкам в воду. Соревнования прошли в грандиозном олимпийском водном комплексе Water Cube и стали для него тестовыми. Бассейн был сдан строителями чуть раньше, нежели прочие олимпийские объекты, и его немедленно начали обкатывать.

Несмотря на то что сооружение еще не до конца было очищено и отмыто от последствий строительства, оно вполне позволяло оценить масштаб олимпийского замысла хозяев. Сам парк представлял собой громадную стройплощадку, на которой сплошняком были натыканы подъемные краны и строительные заграждения.

Строительство шло без перерыва. Круглосуточно работали отбойные молотки, сновали машины, закладывались аллеи и фундаменты. В любой другой стране мира такое вряд ли было бы возможно, но Китай в этом отношении уникален: партия сказала «надо» – народ засучил рукава. Вокруг заборов в светлое время суток постоянно собирались толпы любопытных, которые по очереди, подсаживая друг друга на тумбы и парапеты, фотографировали происходящее через узкие щели ограждений.

Учились китайцы так же стремительно, как и строили. Персонал бойко щебетал по-английски, любой организационный вопрос решался в течение считаных минут, транспортная и протокольная службы работали как часы.

В целом же было очень тяжело отделаться от ощущения, что под великую олимпийскую идею власти Пекина просто-напросто взяли и спроектировали совершенно новый, очень просторный и удобный для жизни город. С потрясающей красоты небоскребами, мостами, отелями, банками, жилыми кварталами… Осталось только все это достроить, вымыть и заполонить свободное пространство цветами и зеленью. Почему-то не возникало никаких сомнений: сделают.

В августе это подтвердилось. Организаторы Игр воплотили в жизнь грандиозную идею: сделали все олимпийские объекты единым пространством, где не нужно было терять время на постоянные, как на всех прочих Играх, стояния в очередях в пунктах досмотра. Даже когда соревнования проводились не в Олимпийском парке и требовали длительных поездок, достаточно было дойти до стоянки и занять место в автобусе. И, добравшись до места, выйти из него в такой же, отгороженной от «внешнего Китая», олимпийской зоне.

Вышколенность персонала тоже поражала воображение. Девушек для награждений и прочих публичных церемоний

отбирали куда более жестко, чем на международный конкурс красоты. Рассказывали, что даже на места уборщиц и мусорщиков отборочный конкурс составлял до двух десятков человек на место. Причем каждый из «счастливчиков» до одури боялся это место потерять.

Сам город тоже профильтровали должным образом, отправив по деревням всех гастарбайтеров. В сочетании с умопомрачительной красоты спортивными сооружениями такая реальность выглядела городом будущего. Прекрасной олимпийской сказкой.

Потом было открытие Игр. Мы с коллегами приехали на стадион за четыре часа до начала церемонии. Иначе был риск просто не попасть на трибуну. В глубине души я материла себя – за… Не знаю даже, как это назвать. Внутренний голос гнусно шептал про кондиционер в офисе у телевизора, лед в холодильнике, мягкие кресла… Потому что это был натуральный ад. Так бывает, когда попадаешь в легко натопленную сауну, где по первому ощущению и не жарко вовсе. Хочешь – спи, растянувшись на лежаке, хочешь – книжку читай. Но потом вдруг совершенно неудержимо начинает лить пот. Его нет смысла вытирать, потому что выступает он на всех частях тела, просачивается под волосами на голове и теле, делая их омерзительно липкими, и даже под кожей физически ощущаются глицериново-тягучие потоки.

Незаметно для себя я уснула, уронив голову на стол перед монитором. И проснулась спустя пару часов, мокрая как мышь.

А потом все началось. И по телу побежали мурашки.

Ничего подобного нельзя было себе представить даже в самом фантастическом сне. Пробирающие до позвоночника мурашки бегали от пяток до затылка, почти как китайцы по полю стадиона, по его стенам, по макету земного шара, подвешенному где-то в середине вселенной…

Должна признаться: за все три с половиной часа, что шла церемония, я ни секунды не пожалела о том, что пришла на стадион. Это было классно. Несравнимо ни с чем. И в то же время меня не оставляло чувство, что китайцы вот так, красиво, ненавязчиво, но чертовски убедительно показали миру, что они способны с ним сделать.

Собственно, хозяева Игр вовсе не скрывали: заполучив право провести у себя Игры-2008, Китай всерьез намерен переплюнуть весь остальной мир, поразив его организацией и размахом. Ну, и выиграть у него, разумеется.

* * *

Года за два до Игр я получила письмо от одного из читателей «Спорт-Экспресса». «У китайцев вся жизнь – жесточайшее соревнование, этакий финальный забег, начинающийся чуть ли не с самого их рождения, – писал он. – Идея проста: народа в стране – почти полтора миллиарда, и если хочешь чего-нибудь добиться, надо, не жалея себя, работать. Пресс общества, в том числе даже родителей, предельно жесткий. Главное слово – „Надо”! Как занесенный кнут: еще, еще, не останавливаться! Быть первым, быть лучшим, ибо только это дает возможность получить доступ к лучшему – учебе, работе, деньгам, славе. Все они по-спортивному злые, работоспособные до самоистязания. Идущие вперед по всему, что под ногами. Проистекает это из постоянной необходимости соперничать, биться, грызть землю, вырываться на поверхность из перенаселенного китайского сообщества»…

Технология спортивного восхождения этой страны заслуживает отдельного разговора. В конце девяностых китайцы стали активно приглашать к себе специалистов из ведущих стран. Одна из российских тренеров по синхронному плаванию Татьяна Хайцер, вернувшись оттуда, рассказывала:

– Первым моим впечатлением было, что я попала в советские времена, – рассказывала она мне в Питере. – В Гуанчжоу, куда меня пригласили, имелась роскошная спортивная база с отдельными бассейнами для прыгунов в воду, пловцов, ватерполистов, синхронного плавания. Я могла работать с раннего утра до глубокой ночи, и это только приветствовалось.

В умении учиться китайцам нет равных. Придумать что-то свое они не способны в принципе и, похоже, не стремятся к этому. Зато блистательно копируют. И очень хорошо умеют отбирать то, что им нужно. На каждый участок работы стараются найти лучшего специалиста. Но как только понимают, что специалист отдал все, на что был способен, расстаются с ним без сожаления и приглашают нового.

За пять лет работы в Китае я безумно устала от одиночества и ощущения, что из меня постоянно пытаются вытянуть все, что я знаю и умею. И все время дают понять, что ты им должен. Это очень тяжело, когда от тебя ждут ответа на все вопросы, главный из которых: «Почему мы не первые, и что нужно сделать, чтобы стать первыми?» Не могу сказать, что секрет китайцев заключается в работоспособности спортсменов и тренеров. Скорее – в совокупности мер, где абсолютно все направлено на достижение результата. Плюс – колоссальная государственная поддержка. Спорт в Китае – это очень серьезная политика. Жесткая и достаточно бесчеловечная машина.

В Китае родители сдают ребенка в интернат в шесть-семь лет

и словно вообще забывают о нем, даже если он благодаря стипендии, которую интернат выплачивает семье, является фактически единственным кормильцем. Естественно, что сам ребенок держится за свое место зубами и пашет как проклятый. И слово тренера для него – непреложный закон…

Слушая Хайцер, я и сама вспоминала леденящую душу историю о том, как на тренировке в китайском футбольном клубе тренера зачем-то вызвали из зала и, уходя, он дал задание игроку бить с определенной точки по воротам. Так получилось, что наставник изрядно задержался. А когда вернулся в зал через три с половиной часа, футболист уже не мог ходить. Он ползком подбирал мяч, ставил его на отметку, с трудом поднимался на ноги, бил – и падал. А затем снова полз к мячу. Мысль о том, чтобы прекратить работу, даже не пришла ему в голову.

* * *

Итоговый результат Игр разбил на голову все предварительные прогнозы специалистов. Китай не просто выиграл. Он превзошел «остальной мир» на голову. Китайские спортсмены завоевали пятьдесят одну золотую медаль. Всего – сто медалей. Выиграли семь из восьми высших наград в прыжках в воду, девять из четырнадцати – в спортивной гимнастике, восемь из девяти возможных – в штанге, четыре из четырех – в настольном теннисе, три из трех – в бадминтоне, две из двух – в батуте… Они умудрялись цеплять золото даже в совершенно «некитайских» видах – фехтовании, дзюдо, боксе, плавании… Наверное, поэтому каждая победа спортсменов из других стран воспринималась как подвиг.

Особняком в списке чемпионов стоял Майкл Фелпс. В Пекине американец превзошел тридцатишестилетней давности рекорд своего соотечественника Марка Спитца: выиграл в плавании восемь золотых медалей.

Глава 2. Планета «Фелпс»

«Если бы Майкл Фелпс был независимым государством, то по итогам первой недели Игр он бы занял третье общекомандное место». Эта шутка долго ходила в кругу журналистов и спортсменов и была чистой правдой: свыше восьми золотых медалей на тот момент имели только две страны – Китай и США.

Свою восьмую победу Фелпс одержал утром 14 августа – в составе комбинированной эстафеты. Тяжелее всего ему далась предпоследняя медаль – на стометровке баттерфляем. Американец практически проиграл этот заплыв: сделал поворот седьмым, да и на финише, когда серб Милорад Чавич уже бросил руки вперед в завершающем гребке, Майкл был явно позади него. Но вырвал касание.

Он даже сам признался в микст-зоне:

– Думал, что проиграл. Даже когда увидел табло, не сразу понял, что первый.

История один в один повторила другую, двадцатилетней давности. Тогда соотечественник Фелпса Мэтт Бионди точно так же, как в Пекине Чавич, летел к финишу этой же дистанции за своей пятой золотой медалью. Ему не хватило каких-то сантиметров, чтобы влепить руки точно в стенку. И пока потенциальный чемпион отчаянно тянул пальцы к финишному щиту, его на 0,01 опередил в касании суринамец Энтони Нести.

Сербы немедленно подали протест. Но он не был удовлетворен. Представитель Международной федерации плавания (FINA) и рефери соревнований Бен Екумбо пояснил:

– Мы очень внимательно изучили видеозапись заключительного гребка двух спортсменов, и на ней было отчетливо видно, что сербский пловец коснулся стенки вторым.

Убитому горем Чавичу тоже предоставили возможность просмотреть кадры, на основании которых FINA вынесла решение, и чуть позже появился пресс-релиз со словами серба: «Мне было очень больно это видеть, но я заставил себя просмотреть финиш несколько раз. И вынужден признать, что действительно проиграл Майклу…»

Пресс-конференцию Фелпса в бассейне в заключительный день плавательной программы организаторы были вынуждены отменить. И перенести мероприятие в главный зал главного олимпийского пресс-центра. Ждать пловца пришлось долго. Присутствующие начали даже иронизировать: мол, не иначе как Майкл в Олимпийскую деревню заскочить решил – за остальными медалями. Чтобы привезти и выставить напоказ все восемь штук.

Причина оказалась гораздо более банальной: как рекордсмен мира Фелпс был обязан пройти послесоревновательное допинг-тестирование.

Всем своим видом выражая неловкость перед собравшимися, он плюхнулся на стул и, не дожидаясь вопросов, выдохнул в микрофон:

– Какой кайф! Это то, к чему я очень давно стремился и чего желал больше всего на свете. На достижение этого результата ушло очень много сил, и я доволен тем, как все закончилось. Почти идеально…

Под словом «почти» восьмикратный олимпийский чемпион подразумевал дистанцию 200 метров баттерфляем, где сразу после старта у него слетели очки. Плыл Фелпс вслепую, уповая на то, что его выручит автоматизм движений. Но зол был после финиша непередаваемо, хотя и установил мировой рекорд. Единственной «безрекордной» получилась та самая, чуть было не проигранная Чавичу стометровка. По этому поводу Фелпс сказал:

– Знаете, когда мы готовимся к Играм, у нас часто бывают тренировки, которые ужасно мне не нравятся. Они тяжелые, сильно выматывают и силы, и душу. Мы с моим тренером называем это «класть деньги в банк». Причем кладем мы их туда исключительно для того, чтобы во время Игр эти деньги вынуть. Видимо, за последние четыре года я положил в свой банк очень много денег. И истратил в Пекине каждый цент. На восьмой рекорд не хватило…

Из Фелпса всеми силами старались вылепить человека-легенду, он же своей непосредственностью и здравомыслием безжалостно разрушал создаваемые журналистами стереотипы.

– Сегодня утром я открыл USA Today и на обложке увидел свою фотографию после первой эстафеты, – говорил он после очередной из своих побед. – Я стою у кромки бассейна с поднятыми руками и ору, как Тарзан. Прикольно! Даже сам себе на снимке понравился! А еще мне тут один близкий школьный друг эсэмэски пишет. Последняя, которую я сегодня получил перед тем, как полез в воду… черт, не помню ее дословно. Сейчас, погодите, достану телефон…

Под громкий смех нескольких сот журналистов Фелпс начал рыться в карманах тренировочных штанов:

– Нет, серьезно, смешная эсэмэска, я вам сейчас ее прочитаю. Ой, извините, мне тут восемьдесят сообщений свалилось, сейчас найду… Вот, нашел. Он мне две эсэмэски сегодня утром прислал. Первая: «Просто безобразие, сколько раз в день мне приходится смотреть на твою гнусную рожу по телевизору. Давай уж постарайся, осталось немного». И вторая, перед самым финалом в

баттерфляе: «Пора становиться лучшим в истории».

На попытку кого-то из соотечественников назвать его марсианином, подобно тому, как в свое время Спитца с его уникальным и, как казалось, вечным рекордом назвали первым человеком с Луны, пловец уже более серьезно ответил:

– Вообще-то рекорды существуют для того, чтобы их бить, какими бы недосягаемыми они поначалу ни казались. Теперь я знаю точно: любой человек может достичь чего угодно, если очень сильно этого пожелает. А по поводу первой части вашего вопроса… Я всегда говорил, что хочу быть первым Майклом Фелпсом, а не вторым Марком Спитцем, хотя ни в коем случае не хочу принижать его выдающихся достижений. То, чего добился Спитц, я считаю феноменальным и всегда буду так считать. В те дни, когда мне не хотелось ничего, кроме как послать все к черту, пойти домой и лечь в кровать, именно его рекорд заставлял меня терпеть и работать еще более самоотверженно. Я очень благодарен Марку за его достижение. Он подарил мне возможность мечтать о том, что когда-нибудь я этот результат превышу. А вообще мне все еще трудно подбирать слова. Поверить не могу…

* * *

Получить возможность побеседовать с героем Игр один на один представлялось совершенно нереальной задачей. Выручили руководители фирмы «Омега»: они просто выкупили у агентов пловца пару часов времени, разбив его на десятиминутные кусочки. Одна из десятиминуток по большому блату досталась мне.

Честно говоря, я порядком устала, дожидаясь назначенного интервью с Майклом. На этот день у четырнадцатикратного в общей сложности олимпийского чемпиона было запланировано множество мероприятий, и, наблюдая за тем, как Фелпс общается с публикой, принимает участие в самых разнообразных проектах, солирует перед микрофонами, неизвестно в какой раз рассказывая о том, что пережил за две недели в Пекине, я пыталась понять, насколько должен быть вымотан он сам. Ясно ведь, что после столь яркого выступления должна обязательно наступить обратная реакция. Не случайно сам Фелпс сказал после соревнований, что мечтает о том дне, когда обязательная программа его пребывания на Играх будет завершена и у него появится возможность просто побыть с близкими.

Ажиотаж вокруг себя выдающийся пловец воспринимал с

олимпийским спокойствием, а иногда – с откровенной иронией. Согласитесь, только человеку с хорошим чувством юмора придет в голову, оказавшись под прицелом сотен объективов, вытащить из кармана собственную камеру и начать фотографировать снимающих.

Контрактные обязательства Фелпса касались чуть ли не каждого его шага. Интервью – только по договоренности, любые совместные снимки и автографы исключены, если только речь не идет о специально организованных сессиях. За хронометражем всех интервью, большая часть которых проходила в павильоне на моих глазах, агент Майкла следил весьма пристально, контролируя, чтобы ни одна минута не проходила даром. Когда я попробовала возразить против того, чтобы во время моего интервью одна из телекомпаний расставляла вокруг нас с Фелпсом свое оборудование, ответ был достаточно резким: «Это не обсуждается».

Оставалось смириться и включить диктофон.

– Вы, возможно, удивитесь, Майкл, но один из первых вопросов, который в Пекине задали олимпийской чемпионке по плаванию на открытой воде Ларисе Ильченко, касался непосредственно вас. Ее спросили: «Каким мог приплыть к финишу Майкл Фелпс, если бы стартовал на десятикилометровой дистанции?» Вы можете представить себя плывущим марафон?

– Десять километров, да еще в открытом водоеме, – совсем иной тип плавания, нежели тот, к которому привык я. Совершенно несопоставимый с плаванием в бассейне. Скажу откровенно: это не то занятие, о котором я мог бы мечтать.

– А 1500 метров в бассейне?

– Упаси бог! Никакого желания выступать в дистанционных дисциплинах я не испытываю в принципе. И не испытывал никогда в жизни.

– Почему? Вам становится скучно, если плыть приходится долго? Это раздражает?

– Не знаю. Возможно, некоторые люди созданы для того, чтобы плавать на такие расстояния. Но точно знаю, что я не из их числа.

Эти слова вполне ложились на версию об особенностях психики Майкла, впервые услышанную мной на Играх в Афинах. («Высидеть урок до конца для мальчишки было подвигом…») В Пекине он сказал к тому же, что намерен отказаться от самой длинной из своих дистанций – 400 метров комплексным плаванием. И переключиться на более короткие заплывы.

Беседуя с ним в одной из крохотных комнатушек павильона «Омеги», я честно призналась, что видела каждый из восьми

рекордных заплывов и теперь точно знаю, что хочу увидеть через четыре года в Лондоне. А именно – Майкла Фелпса, который старается превзойти рекорд Майкла Фелпса.

– Пока могу пообещать только то, что в Лондоне вы меня обязательно увидите, – улыбнулся Майкл. – А вот рекорд… Пока не знаю. Не исключаю такой вероятности, кстати. Но зависеть это будет не столько от меня самого, сколько от расписания соревнований, от того, в каких дисциплинах мы с тренером решим специализироваться. Очень надеюсь, что мое выступление в Лондоне станет не менее запоминающимся, чем то, что было в Пекине. Поскольку именно там я планирую завершить карьеру.

– Вы столько лет жили с мечтой о том дне, когда побьете олимпийский рекорд вашего соотечественника Марка Спитца. В Пекине реализовали ее. Не испытываете разочарования от того, что столь великой мечты у вас больше нет?

– Что вы! С того самого момента, как я коснулся финиша в своем заключительном виде, думаю уже совершенно о других целях. Я хотел бы стать именно тем человеком, который выведет американское плавание на принципиально иной уровень. Пусть это будет не сразу, а шаг за шагом, но я искренне мечтаю о том, чтобы плавание было у людей на слуху каждый день. А не раз в четыре года, как это происходит сейчас. Я хорошо отдаю себе отчет в том, насколько сложны задачи, которые я перед собой ставлю. Знаю, насколько нужно быть преданным делу, чтобы все их выполнить. Самое сложное, если разобраться, заключается в том, чтобы это понять. И решить для себя, готов ли ты сам работать, чтобы до этой цели добраться. Для себя я все решил. И знаю точно, что не остановлюсь до тех пор, пока не пойму, что цель достигнута.

Уже прощаясь с Фелпсом, я не удержалась, чтобы не задать еще один вопрос. Точнее, просто озвучить мысли, которые упорно крутились в моей голове:

– Все-таки вы – удивительный человек. Выглядите абсолютно счастливым, хотя наверняка порядком вымотались за эти Игры. Проделали чертову прорву тяжелейшей работы, но рассказываете об этом с восторгом. Неужели у вас никогда не возникало желания пропустить тренировку, сделать себе поблажку? Плюнуть на это плавание хотя бы временно…

Ответ пловца был исчерпывающе краток.

– Нет. Я же объяснил вам причину…

Глава 3. Дочь своего отца

Едва американка Настя Люкина поднялась на верхнюю ступень олимпийского пьедестала, чтобы получить главную награду в самом престижном гимнастическом виде программы – многоборье, где-то наверху, на самой галерке, вдруг грянул стройный хор голосов: «Поз-дра-вля-ем! Мо-лод-цы!!!»

Это было очень трогательно, как и сама церемония. Восемнадцатилетняя девочка, оставившая позади подругу по сборной США Шоун Джонсон и китаянку Ян Юлинь, плакала с золотой медалью на шее, а на помосте в окружении российских и американских тренеров с трудом сдерживал слезы ее отец. Олимпийский чемпион Сеула Валерий Люкин.

– Может быть, пора подумать о том, чтобы вернуться работать в Россию? – полушутя спросили Люкина российские журналисты.

– Так не звали никогда, – улыбнулся он. – Да и потом, как вернешься? У меня в Далласе свой зал, и не один. Дети, которые там тренируются, любят меня так же, как, наверное, любят своих тренеров русские дети. Я просто не могу их оставить.

… За четыре года до пекинской Олимпиады, на Играх в Афинах, абсолютной чемпионкой Игр стала Карли Паттерсон – девочка, которая тоже выросла у Люкина в зале. Ее подготовил Евгений Марченко, который когда-то вместе с Валерием задался целью создать в США собственную школу. Я долго тогда мучилась вопросом: ну почему они уехали? И почему выступают теперь против нас?

* * *

Ровно двадцать лет назад Валерий Люкин боролся за золото многоборья на Олимпийских играх в Сеуле. Перед заключительным видом – перекладиной – он проигрывал 0,05 балла Владимиру Артемову. Перекладина считалась у Валерия самым сильным видом, он блестяще выполнил комбинацию, завершив ее уникальным для тех времен соскоком – тройным сальто, приземлился в «доскок» и непроизвольно, чтобы удержаться на месте, сделал два круга руками в воздухе.

На табло высветилась почти максимальная оценка – 9,950, но Люкину досталось серебро: Артемов получил на этом снаряде «десятку».

День спустя Валерий все-таки выиграл золотую медаль, разделив ее на перекладине все с тем же Артемовым. Золото

стало у Люкина вторым по счету: первую высшую награду он получил в Сеуле в составе сборной СССР. А вот победа в олимпийском многоборье так и осталась недостижимой мечтой. В Пекине ее реализовала дочь.

В микст-зоне, где журналисты самых разных стран ожидали спортсменов и тренеров, я столкнулась еще с одним олимпийским чемпионом – Богданом Макуцем. Он тоже чуть не плакал: «Как я рад! Так болел за Настю…»

– Потому что она – дочка Валеры?

– Ну, конечно. Я за нее и на прошлом чемпионате мира болел. Но там она проиграла. А тут посмотрел, как выступает, и думаю – дотянет. Должна дотянуть, если бревно нормально пройдет…

Фавориткой многоборья на самом деле считалась другая американка – Джонсон. Пусть она была не четырехкратной, как Люкина, чемпионкой мира, а выигрывала мировое первенство три раза, но зато приехала в Пекин в ранге обладательницы высшего титула в абсолютном первенстве. Да и квалификационный пекинский результат у нее оказался лучшим. Но в финале все оказалось иначе.

– Мы с Шоун самые близкие подруги, – рассказывала Настя после победы. – Очень поддерживали друг друга все дни соревнований. Наверное, кому-то может показаться, что между спортсменами, которые борются за одну медаль, таких отношений не может быть в принципе, но это так. Просто нас чаще видят на помосте, где во время соревнований мы почти не разговариваем. Но там не до разговоров. И слов не нужно на самом деле. Можно просто посмотреть друг другу в глаза, сделать какой-то жест, кивнуть головой, и это порой говорит больше, чем любые слова. Все три года, что мы вместе выступаем, дали мне очень много. На самом деле здорово чувствовать, что подруга постоянно сидит у тебя «на хвосте». Это дает силы даже тогда, когда, вроде бы, сил уже нет.

И у Шоун, и у меня есть календарики, где отмечены все дни соревнований. Накануне многоборья я спросила ее: «Ты понимаешь, что самый главный день нашей жизни – уже завтра? Веришь в это?» За несколько месяцев до Игр я сделала себе подборку из разных фотографий и повесила ее в своей комнате. Там были снимки мамы, папы… Я каждый день смотрела на них и думала о том, что когда-нибудь у меня тоже, может быть, появится олимпийская медаль. Своя…

* * *

За пятнадцать лет до Игр в Пекине Валерий увозил семью в Америку. Его жена Ася Кочнева, чемпионка мира по художественной гимнастике, после рождения дочери уже не выступала. Но дома ни у нее, ни у мужа не было ни работы, ни перспективы. Года два спустя после их отъезда я разговаривала еще с одним чемпионом Сеула – Дмитрием Билозерчевым. Мы тогда вспомнили о Люкине, и Дмитрий объяснил, что жить в США и работать на результат почти невозможно. Вот, мол, и Люкин тренирует всех, кого придется, чтобы элементарно выжить. О серьезной работе можно думать лишь тогда, когда накоплен капитал.

Люкин и работал со всеми, кто приходил в зал. По двенадцать часов в сутки. Присматривал и за дочерью, которая постоянно крутилась возле снарядов. А три года назад пятнадцатилетняя Настя приехала на свой первый чемпионат мира и стала чемпионкой на бревне и брусьях. В многоборье стала второй, проиграв чемпионке 0,001.

Весной 2007-го она сломала ногу. Не случись травмы, расклад мирового первенства-2007 мог вообще получиться совершенно иным. Но вышло так, что к сентябрю Настя едва успела восстановиться. Стала чемпионкой в командном первенстве и на бревне, а вот на брусьях пропустила вперед Ксению Семенову.

– Брусья – это один из видов, где я чувствую себя особенно уверенно, – рассказывала Настя после победы в Пекине. – Когда мы начали готовиться к Олимпийским играм, папа дал мне бумажку, которую, судя по ее виду, он долго носил в кармане. Там были написаны элементы, которые он хотел бы включить в мою олимпийскую программу. Сначала я не поверила, что такое вообще возможно выполнить. Но чем больше думала об этом, тем больше привыкала к мысли, что эти элементы нужно обязательно выучить и поставить в программу. Потому что это – 7,7. Базовая сложность, которой нет почти ни у кого в мире.

– Я специально всматривался в ее лицо, пытался разглядеть на нем хоть какие-то признаки волнения, но не видел их, – рассказывал мне Валерий после победы дочери. – У Насти мой характер. Она очень хрупкая снаружи, но в ней сидит тигр. Работать с ней не всегда просто, как, наверное, с любым спортсменом, которого отличает сильный характер. Очень сильна технически. Из-за травмы мы не успели как следует подготовиться к прошлому чемпионату мира, не все получалось и в этом сезоне, но когда я увидел лицо дочери перед стартом, понял, что тигр вернулся…

* * *

Незадолго до Олимпийских игр одна из американских телекомпаний сделала интересный видеоклип. Он начинался с архивных кадров золотого олимпийского выступления Люкина на перекладине в Сеуле, затем следовали фрагменты той самой комбинации на брусьях, которая принесла Насте золото чемпионата мира-2005. Следующий сюжет был посвящен умопомрачительно грациозному танцу на ковре Аси Кочневой, и тут же вновь показывали Настю. Уже на ковре. Ее собственные движения калькой повторяли родительские. Являли собой квинтэссенцию всего самого лучшего, сложного и зрелищного, что есть в этих двух видах спорта.

– Никогда в жизни я не думал, что моя дочь вообще будет заниматься гимнастикой. Это очень тяжелая работа, и, если прошел через нее сам, очень редко желаешь такого собственному ребенку, – говорил Валерий. – И уж тем более я не мечтал, что она станет олимпийской чемпионкой. Я ведь и тренировать Настю начал не потому, что хотел сделать из нее выдающуюся гимнастку, а потому что очень боюсь за нее. И считал своим долгом сделать все, чтобы она чувствовала себя в безопасности. Вы же сами, наверное, заметили, что, когда Настя выходит на брусья, я всегда возле снаряда. Чуть ли не под жерди лезу.

– Вы тренируете дочь по советской методике?

– Тренирую, как умею. Как меня самого тренер учил. Хотя чувствую себя скорее скульптором, в руки которому попал уникальный материал. Настя – это мое видение гимнастики, если хотите. Она действительно уникальная спортсменка. Поэтому я всегда говорил себе, что ее время в гимнастике обязательно придет.

– Ожидали, что это случится в Пекине?

– Последние полтора года нам было очень тяжело. Но уже когда мы приехали на Игры, я увидел, что Настя готова к тому, чтобы выиграть. Все, что она делала, включая разминки в тренировочном зале, выглядело идеальным. И очень четким.

– На протяжении двух первых раундов ваша дочь шла на второй позиции. О чем вы думали в этот момент?

– О том, что нельзя терять концентрацию. Настя и сама понимала, что она в форме, что все получается просто здорово. Ей было трудно, я это знаю, потому что все выступали очень хорошо, без сбоев, но по этому поводу я не особенно волновался. Она очень хороша, когда трудно. Главное, что я постарался ей объяснить до выступления, что не нужно думать о каких-то прошлых неудачах, проблемах, не нужно ничего бояться.

Гимнастика – такой вид спорта, где результат во многом зависит от работы, которую ты проделал. Семьдесят пять процентов успеха идет именно от этого.

Мы сделали чертову прорву работы. Ведь чем моложе спортсмен, тем легче ему все дается. Молодые гораздо быстрее в движениях, им легче приспосабливаться к соревновательному стрессу, легче выполнять сложные элементы. Молодой гимнаст – это солдат. Задача которого сводится к тому, чтобы выполнять приказания: пойди туда, сделай то… Работа со взрослыми людьми – совсем другое. С возрастом тренировки начинают даваться большим трудом. Кроме этого, появляются интересы вне зала. Приходится гораздо больше считаться с самочувствием, настроением. Но в Пекине я понял, что ее победа – это не завершение карьеры. А только начало…

– А сами вы чувствовали себя в Пекине тренером или отцом?

– Я стараюсь быть тренером, когда нахожусь в зале. Почти всегда удается. Но почему-то вдруг вспомнил, как двадцать лет назад проиграл в Сеуле. Получается, Настя исправила мою ошибку…

* * *

На церемонии открытия Игр, когда по стадиону проходила олимпийская делегация Казахстана, комментатор американской телекомпании, словно предвидя результаты гимнастического турнира, сказал единственную фразу: «Казахстан – это та самая страна, в которой родился олимпийский чемпион Валерий Люкин. Папа Насти Люкин».

Глава 4. Вспышка

Олимпиады запоминаются не медалями. Это я успела понять еще в Барселоне, на плавательной эстафете, когда российская команда, а если быть совсем точной – объединенная команда СНГ, летела к финишу, а я, сидя на комментаторской позиции, что есть сил орала в микрофон: «А-а-а! Молодцы, парни! Рвите их!!! А-а-а! Первые!!!»

То была победа-вспышка. Совершенно нереальная и оттого – врезавшаяся в память навсегда.

Победами-вспышками были два заплыва Саши Попова в Атланте. Столь же яркими и рвущими душу на куски стали поражения Попова и Александра Карелина в Сиднее…

Главным шоком пекинских Игр для меня стал заключительный вид программы в прыжках в воду. С этим видом спорта – культовым для всего Китая – у хозяев были связаны совершенно особенные намерения: выиграть восемь золотых медалей из восьми.

Все шло к этому с самого первого дня. Великая идея тотальной победы до такой степени ощутимо витала в воздухе, что под нее «легли» все судьи. Китайским прыгунам прощали все, накидывая баллы где только можно. У остальных опускались руки: невозможно соревноваться, когда против тебя работают все.

Последним видом надежды для российских тренеров оставалась 10-метровая мужская вышка. Глеб Гальперин. Но за день до соревнований стало очевидно, что реализовать призрачный шанс, скорее всего, не получится и у него.

За год до Игр Гальперин получил страшную травму – ударился плашмя о воду в одном из сложных прыжков. Насколько это серьезно, может понять, наверное, только прыгун в воду. Дело даже не в испытанной нечеловеческой боли. А в том, что после таких ударов появляется страх. Неискоренимый, животный. Он заполоняет голову до такой степени, что, стоя на краю вышки, невозможно думать о чем-либо еще.

В таком состоянии Гальперин находился почти год, выступая с переменным успехом. В Пекине у него все тоже пошло наперекосяк. Надеяться, что в день финального выступления прежние безошибочные прыжки чудесным образом вернутся, было наивно. А значит, приходилось просто смириться с тем, что восьмое золото тоже станет китайским…

При этом во всем бассейне не было человека некитайской национальности, который не продолжал бы надеяться на чудо.

* * *

Такого рева, как тот, что грохнул под сводами «Водного куба», едва на табло появились баллы Мэтью Митчема, выставленные австралийцу за его заключительный прыжок, эти стены еще не знали. Люди вскакивали со своих мест, обнимали и целовали друг друга, кричали что-то нечленораздельное…

На самом деле это была очень небольшая группа людей: они занимали исключительно «рабочие» сектора трибун. Тренеры, спортсмены, журналисты, официальные лица различных делегаций. Возможно, они и сами не ожидали от себя этого душераздирающего вопля. Он вырвался сам собой, уходя ввысь под необъятные своды водного центра, и, отразившись от потолка, обрушился на барабанные перепонки ничего не понимавших китайских зрителей. Их фаворит Чжу Люсин проиграл.

Он не должен был проиграть. Китайца судили по обыкновению более чем льготно, как и всех его соотечественников-предшественников. Не замечали мелких огрехов, «недотянутых» входов в воду. Все это привело к тому, что перед последним прыжком программы Чжу Люсин опережал Гальперина и Митчема более чем на тридцать баллов. То есть мог не беспокоиться за итоговый результат. Вообще.

Австралийца, который каким-то образом выкарабкался в первую тройку, до соревнований вообще не брали в расчет. Он и сам не помышлял о возможности оказаться на пьедестале. Задача, которую поставил тренер Митчема – австралиец мексиканского происхождения Чаава Собрино, звучала просто: «Сделать шесть прыжков и постараться при этом не убиться».

Митчем пришел в бассейн из батута. Его приметил там главный тренер сборной Тон Сян – китаец, приглашенный в Австралию перед Играми в Сиднее для того, чтобы сделать австралийские прыжки конкурентоспособными на международном уровне. Обратив внимание на необыкновенную техничность парня во вращениях, Тон Сян лично поехал к матери мальчика и убедил ее уговорить сына сменить вид спорта.

Произошло это в 1999-м, а два года спустя тринадцатилетний Мэтью был назван «Прыгуном года» в своей возрастной категории. Но в 2006-м он решил завязать со спортом: незадолго до Игр Содружества спортсмен довольно сильно ударился о край вышки в одном из тренировочных прыжков, а в таких случаях всегда появляется страх перед сложными элементами.

В 2007-м Мэтью начал тренироваться вновь. В марте того года ему «по дружбе» сделали гостевую аккредитацию на

чемпионат мира, который проходил в Мельбурне, и сразу после этих соревнований Митчем пришел к выводу, что наблюдать за прыжками со стороны выше его сил. Правда, тренера пришлось поменять. Мэтью перебрался из Брисбена в Сидней и начал учиться в университете Нового Южного Уэльса, где к тому времени несколько лет работал Чаава Собрино.

С мексиканцем я была знакома еще с тех пор, как он сам прыгал в воду, назывался Сальваторе и ненавидел это имя всеми фибрами своего существа, предпочитая уменьшительное – Чаава. Никаких вразумительных успехов он никогда не добивался, поэтому довольно рано начал помогать своему собственному наставнику Хорхе Руэда работать с другими спортсменами. За работу ассистента в Мексике тогда практически не платили. Поэтому Чаава, недолго думая, устроился в компанию, которая занималась грузовыми перевозками. Так и жил: водил большегрузные фуры, а в перерывах между рейсами приходил в бассейн. Ну а потом он обзавелся семьей и навсегда переехал в Австралию.

Балагура и шутника Чааву обожали все. Присутствия духа мексиканец не потерял даже тогда, когда в те, первые, годы своей тренерской карьеры по какой-то невообразимой случайности грохнул свой грузовик и остался почти нищим. С неизменным чувством юмора он частенько говорил своим прыгунам: «Думаете, главное в прыжках в воду „погасить" вход? Ничего подобного! Главное в нашем деле – не убиться, когда прыгаешь с вышки».

Собственно, и напутствие, данное Митчему перед финалом, было вполне в духе тренера.

Отсутствие у Мэтью честолюбивых планов сослужило прыгуну великолепную службу. Его, как аутсайдера, судили без каких бы то ни было придирок – не чувствовали угрозы. Австралиец стал единственным из всех двенадцати финалистов, кроме Чжу Люсина, кому от души насыпали «десяток» уже во второй попытке. Прыжок того стоил, но когда столь же качественные попытки получались у Гальперина, подобной щедрости не было и в помине. Потому что российский прыгун, имеющий за плечами два титула чемпиона мира, являл для Китая прямую опасность даже в столь далеком от своего лучшего состояния виде.

За два дня до выступления Гальперин вообще был близок к тому, чтобы не выйти на снаряд. Все его старания выбросить из головы неуверенность и годичной давности воспоминания о злополучном прыжке отнимали у него все силы и нервы. В остальных комбинациях тоже начались перебои. Особенно пошатнулся второй из прыжков программы – со стойки на руках.

Глеб не сумел нормально его выполнить ни в предварительной серии, ни в полуфинальной. Вот и в финале сделал довольно грубую ошибку. Ну а потом Чжу Люсин уже слишком сильно ушел вперед, и перспектива с ним бороться стала совсем призрачной.

Единственное, что мог сделать Гальперин, – постараться максимально хорошо исполнить свою шестую, заключительную, попытку. В этом случае он реально «цеплялся» за бронзу.

Прыжок он выполнил великолепно. Набрал более ста баллов, что в прыжках в воду является неким «гроссмейстерским» рубежом, и, не дожидаясь оценок, ушел в раздевалку.

Тут-то и случилось непредвиденное: Чжу Люсин запорол свою попытку.

Выставленные китайцу оценки выглядели откровенным хамством. Он рано раскрылся, практически лег на спину в сильном «недоходе», к тому же согнул колени. Но каким-то непостижимым образом «погасил» брызги. И в результате за прыжок, красная цена которому была пять с половиной – шесть баллов, Чжу Люсин получил «восьмерки». И итоговый результат оказался на 7,35 выше, чем у россиянина.

А потом был тот самый исторический прыжок Митчема. С максимальным коэффициентом трудности, максимальными оценками и, как следствие, суммой, которую никогда за всю историю прыжков в воду не удавалось набирать никому в мире. 112,10. Подозреваю, что австралиец и сам никогда в жизни не сумеет объяснить, каким образом это ему удалось. А на бортике, взглянув на табло, где напротив его фамилии горела цифра «1», чемпион лишь схватился за голову и разразился рыданиями.

Степень всеобщего ликования, наверное, лучше всего передала Раиса Гальперина. «Я так рада, что выиграл австралиец, что даже не расстраиваюсь, что у Глеба – бронза», – сказала она, когда мы встретились на выходе из бассейна. И добавила: «На самом деле для меня эта бронза – золотая. И мне, и Глебу было в Пекине настолько тяжело, что на последних тренировках мы с ним даже не разговаривали. Я попробовала было попросить его повторить один из прыжков, но он так посмотрел на меня, что я испугалась. И решила: «Будь что будет»…

Глава 5. Игры и звезды

Есть люди, за которых я болею всегда и воспринимаю их неудачи особенно болезненно. Это те, чья карьера уже близится к закату. Необязательно быть с ними на дружеской ноге или хотя бы лично знакомым. Даже если ты и не встречался с человеком ни разу, а просто наблюдал за его выступлениями на одних Играх, других, третьих, то неизменно начинаешь чувствовать, что этот человек – часть твоей собственной биографии.

«Я не заслужил такого окончания карьеры», – сказал в Пекине Станислав Поздняков. Он был и прав и неправ одновременно. Да, не заслужил. А кто из его поколения – заслужил? Попов? Карелин? Света Хоркина – в Сиднее и Афинах? Или олимпийский чемпион Атланты Коля Крюков, упавший в Пекине с брусьев в своем последнем олимпийском финале? Просто поражение всегда приходит внезапно, когда не ждешь. Не знаю никого из великих чемпионов, кто бы ехал на Игры просто участвовать в них. Или, скажем, за серебром. Даже когда человек объективно понимает, что он далеко не так силен, как прежде, все равно в глубине души теплится надежда: «А вдруг?»

Рассуждения о несправедливости Олимпийских игр длятся, наверное, уже столько же, сколько существуют сами Игры. Игры-2008 наотмашь шарахнули по многим ветеранам. В стрельбе, велогонках, плавании, прыжках в воду, легкой атлетике, фехтовании.

Великие не любят признаваться в своих истинных чувствах. Олимпийская чемпионка Афин Любовь Галкина, выигравшая в Пекине серебро в стрельбе, сразу сказала, что счастлива. Мол, отдавала себе отчет в том, что не так сильна уже, как была когда-то. Юля Пахалина, которой в прыжках в воду удалось подняться на пьедестал дважды, тоже сказала, что довольна. Особенно второй из своих серебряных медалей. Собственно, были свежи и другие воспоминания: Саша Попов, когда остался вторым на стометровке вольным стилем в Сиднее, уже на следующий день говорил, что рад медали. Что серебро на третьих Играх, завоеванное после четырех олимпийских побед подряд, – очень достойный результат.

Это так, безусловно. Только верить в такое не получается. Наверное, потому, что я видела глаза спортсменов в тот момент, когда они понимают, что проиграли.

Подобные сюжеты невозможно прогнозировать. Помню, в 2004-м в Афинах, где стометровку выиграл голландец Питер ван ден Хугенбанд, я долго разговаривала «за жизнь» с его отцом

Кеесом. Тот рассказывал мне, что сын рос, мечтая о достижениях Попова, что именно российский пловец был для него кумиром и что Питеру особенно приятно сознавать, что свое олимпийское золото он второй раз подряд завоевал на дистанции, где до него блистал легендарный Попов.

Там же в Афинах Хугенбанд-старший поведал мне, что Питера очень просили стать знаменосцем голландской олимпийской сборной. Но он отказался, поскольку был слишком сильно сосредоточен на своем выступлении. «Но в Пекине мой сын понесет флаг, – завершил тему Кеес. – Там ему уже будет не важен результат. Питер решил, что будет плыть просто для собственного удовольствия.

Когда я передала эти слова Попову, тот хмыкнул: «Это сейчас Питер так думает. А приедет в Пекин, и все станет совсем по-другому. Я-то знаю, как это бывает…»

Лицо голландца в Пекине после проигранной им стометровки я видела. Он проплыл прекрасно, даже улучшил свой личный рекорд, который в Сиднее воспринимался как совершенно фантастический. Но занял лишь пятое место. И столько боли было в его глазах…

В Пекине я постоянно задавалась одним и тем же вопросом: «Ну почему им иногда так не везет?»

«Случайно Олимпийские игры не выигрывают, – сказал мне как-то один известный тренер. – Случайно их можно только проиграть». Позже я часто размышляла над той фразой. И все больше склонялась к мысли, что результаты Олимпийских игр не бывают случайными никогда. Они порой кажутся таковыми, но лишь на первый взгляд. Сколь бы абсурдным ни выглядел чей-либо триумф, он означает всегда одно: тот, кто выиграл, оказался готов к самому важному мигу своей жизни лучше других. Оказался единственным, кто сумел свести воедино все силы: физические, нервные, моральные…

Иногда в такие моменты кажется, что ты умираешь. Физически чувствуется, что именно сейчас, в эти предфинишные секунды, произойдет что-то страшное: взорвется мозг, все тело… Особенно – в скоростных видах спорта. И у большинства нормальных людей элементарно срабатывает чувство самосохранения. Внешне они не перестают бороться, лишь на миг позволяют себе самую чуточку приостановить этот процесс сознательного самоубийства. И финишируют проигравшими.

Олимпийская радость чемпионов тоже особая. Иногда ее нет вообще: есть лишь тупое опустошение и желание немедленно закрыть глаза и никого и ничего не видеть. Но даже тогда, когда победитель истошно кричит от радости, этот крик идет не от

сознания. Он скорее первобытно-животный: так выплескивается дичайшее напряжение пережитой борьбы.

Возможность использовать олимпийский шанс выпадает большинству спортсменов лишь раз в четыре года. А порой так и вовсе однажды. И очень трудно описать словами, что такое – быть готовым к этому шансу.

Собственно, в этом и кроется главная притягательность Игр и величие чемпионов.

2010 год. Ванкувер

Глава 1. Смерть на шестнадцатом вираже

Двукратный чемпион мира по фигурному катанию Стефан Ламбьель бросил заинтересованный взгляд на громадную извивающуюся очередь и пошел дальше. Его никто не узнавал, не доставал просьбами об автографах, не пытался сфотографировать. Люди в очереди были заняты совсем другим. Они стояли за варежками.

Громадный ванкуверский The Bay был единственным местом в городе, где варежки – малиново-красные, с белоснежными олимпийскими кольцами на тыльной стороне и кленовым листом на ладони – с девяти утра и до полуночи подносили продавцам, словно патроны на передовой. Лозунг «Купи варежки, прикоснись к Играм» захватил канадцев почище осеннего гриппа. Их и покупали – гроздьями. Люди уносили добычу охапками и, подумав, возвращались занять змеящуюся вокруг массивного здания очередь по второму разу.

Вторым фетишем Ванкувера стали ярко-бирюзовые «олимпийские» куртки с меховой подпушкой из искусственного меха. По цвету они ничем не отличались от волонтерских, и уже на второй день Игр казалось, что весь Ванкувер и его пригороды состоят из одних волонтеров. Улыбчивых, доброжелательных, всем интересующихся и… ничего толком не знающих. Как в деревне.

– А что ты хочешь? – сказал на это мой давний знакомый, обосновавшийся в Канаде почти за два десятка до того, как Ванкувер получил Игры-2010. – Мы и есть деревня. И уклад здесь абсолютно деревенский. Для местных жителей Игры – невиданный праздник и глобальное бедствие одновременно.

При этих словах я почему-то вспомнила свою деревенскую бабушку, которая до самого конца жизни категорически не понимала слова «нет времени». «Куда заторопилась? – набрасывалась она на меня каждый раз, когда я начинала смотреть на часы. – Сейчас картошечку пожарю, сальца нарежу, позавтракаешь, а там и беги себе. Полчасика – и все дела».

После первого визита на биатлонный стадион в Уистлере (четыре часа дороги в один конец с двумя пересадками и бесконечными ожиданиями между автобусами) я устроила форменный разнос представительнице олимпийской транспортной службы. Ожидала любой, самой непредсказуемой реакции, но никак не виновато-широченной улыбки: «Спасибо огромное. У нас ведь нет совершенно никакой обратной связи с теми, кто пользуется транспортом. Не представляете, насколько

ценны такие замечания. Будем рады услышать обо всех проблемах. И надеемся, это не помешает вам наслаждаться Играми».

На следующий день, получив по электронной почте душераздирающее описание очередных транспортных мытарств от коллеги, я вновь подошла к стойке транспортной службы.

– Вы просили делиться с вами замечаниями? Записывайте!

Открыв крышку компьютера, я начала зачитывать барышне утреннюю переписку, по ходу переводя ее на английский язык:

«Автобус был подан не в гараж, а на соседнюю улицу. В гараже о нем вообще не знали. Маленький, неудобный, вдвое меньше вчерашнего. На полпути он перегрелся и минут двадцать остывал. Потом еле плелся. Дорогу водитель-женщина знала только до Уистлера, потом стала останавливаться на каждом перекрестке и спрашивать волонтеров, куда ехать дальше. В результате нам было предложено выйти у последнего пересадочного пункта и найти „кого-нибудь", кто знает, как проехать до стадиона…»

Облеченная транспортной властью барышня озадаченно задумалась. Потом с уже знакомой мне улыбкой виновато сказала: «Вообще-то некоторые наши волонтеры не местные…»

Организация всех сфер обслуживания ванкуверской Олимпиады постоянно наводила на мысль, что институт волонтеров не то чтобы изжил себя, но явно нуждается в общем менеджменте, управлять которым должны профессионалы. Именно так было сделано в Пекине. Там еще до того, как завершились соревнования и был погашен олимпийский огонь, журналисты наперебой писали, что организация, которую предложили олимпийскому сообществу китайцы, надолго перебьет все прочие рекорды по быстроте, четкости и удобству. Это стало еще одной проблемой Игр в Ванкувере – их постоянно сравнивали с предыдущими. И сравнение это было совершенно не в пользу канадской олимпийской столицы.

Спасало ванкуверцев одно – фантастическое радушие и искренняя готовность помочь. Пусть и не всегда умело. Что поделаешь, если деревенское сознание напрочь отказывается допускать, что для кого-то Игры – это работа. Ну в самом деле, как можно отправляться копать картошку, когда у соседей – свадьба?

Для меня Ванкувер всегда был одним из лучших городов мира. Мало в какой стране есть столь необузданное пространство, пробуждающее в человеке безудержное стремление к внутренней свободе. Бескрайний океанский простор – в городе, бескрайние лесные массивы – в горах. И хоккей. С этим видом спорта была

связана самая первая командировка в конце девяностых, когда за «Ванкувер Кэнакс» играл Павел Буре. С тех самых пор, стоило в очередной раз оказаться в Ванкувере, вид дворца вызывал в памяти одну и ту же картинку: из-под громадного пандуса медленно выкатывается черный «мерседес» Буре – единственная машина в городе с тонировкой на стеклах – своего рода маскировка от многочисленных фанатов. Именно по этому признаку фанаты на нее и бросались – хотя бы сфотографироваться рядом, хотя бы прикоснуться к металлу, урвав таким образом частичку славы великого хоккеиста.

На этом стадионе верный телохранитель Буре и его друг Джино Оджик подарил мне свою клюшку. На удачу. На этом стадионе в 2001-м впервые стал чемпионом мира Евгений Плющенко. И, как всегда бывает в предвкушении Олимпиад, очень хотелось, чтобы нам еще раз здесь повезло.

Но началось все ужасно. За несколько часов до торжественной церемонии открытия Игр, по поводу которой журналисты шутили, что Олимпиада уж точно будет чертовой, поскольку открывается тринадцатого числа, на санно-бобслейной трассе в Уистлере погиб двадцатиоднолетний грузинский саночник Нодар Кумариташвили.

Он разбился на шестнадцатом вираже трассы во время тренировочного заезда, не доехав до финишной черты около десяти метров. У этого последнего виража было даже свое название – Thunderbird. Буревестник. Именно там скорость саночников достигает максимума. В случае с Кумариташвили она составляла 144,3 км/ч.

Один из законов санного спорта гласит, что прохождение любого виража зависит от того, как спортсмен в него вошел и как вышел. При неверном входе изменить траекторию движения крайне сложно. Но если на верхнем участке трассы, где только происходит набор скорости, подобная ошибка чаще всего приводит лишь к потере времени, то на нижних чревата куда более серьезными последствиями.

На видеозаписи, которая мгновенно разошлась по миру, было отчетливо видно (потом эти наблюдения подтвердит группа международных экспертов), что Кумариташвили слишком поздно стал выходить из пятнадцатого виража и не успел как следует подготовиться к началу шестнадцатого. В самом его конце он был сначала выброшен центробежной силой под козырек, а оттуда – к правому борту желоба трассы. В это мгновение спортсмен и потерял контакт с санями: они покатились в направлении финишной черты, а самого Нодара вышвырнуло из желоба спиной вперед. Он перелетел через защитный бортик, ударившись

затылком об одну из заградительных металлических колонн. В их частоколе и застряло его тело.

«Когда Нодар вылетел из желоба, сразу стало понятно, что произошло что-то страшное, – вспоминал один из очевидцев. – Он получил тяжелейшую черепно-мозговую травму. Затылок и вся верхняя часть тела со спины превратились в кровавое месиво. К этому добавился открытый перелом руки и, судя по всему, серьезная травма позвоночника. Это была жуткая картина».

В шоке в тот момент были даже медики – шестеро здоровых мужиков сначала очень долго не могли погрузить спортсмена в машину скорой помощи, потом, когда погрузка была завершена, из машины выглянул совершенно растерянный водитель: «А везти-то куда?» В итоге было принято решение ехать в медицинский центр Олимпийской деревни, где немедленно началась подготовка к экстренной операции, но все это было уже не важно. Все понимали, что Нодара к жизни не вернуть.

* * *

Когда в самом конце церемонии открытия Игр президент Международного олимпийского комитета Жак Рогге объявил минуту молчания, в самой середине центральной – «спортивной» – трибуны, которая полностью утопала в темноте, как и все остальные, – вдруг появилось четко очерченное световое пятно. В руках участников недавнего спортивного парада загорались бутафорские свечи, изначально предназначенные организаторами совсем для другой цели. Для праздника.

Через несколько десятков секунд траурное полыхание огоньков запоздало и неуверенно поползло по огромному залу, и, пожалуй, именно этот миг, на который спортсмены отреагировали раньше, чем стихли под сводами печальные слова Рогге, стал кульминацией всей церемонии. Дружно вспыхнувшие свечи как-то вдруг очень резко провели черту, границу, не пропускавшую внутрь веселье, натужно бьющееся внутри стадиона. Трагическая смерть совсем юного парня заставила людей задуматься о вещах, которые обычно уходят на второй план. На Олимпиадах – уж точно. Игры – это прежде всего спектакль, разновидность шоу-бизнеса. Волнующая, красочная, будоражащая инстинкты. И меньше всего хочется думать (а порой и вовсе не приходит в голову), что происходит с человеческим организмом, когда он изо дня в день испытывает нагрузки, для которых вовсе не предназначен. Что происходит со связками и суставами у прыгунов с трамплина при приземлении или у

фигуристов после четверных прыжков. Что наконец происходит с человеком, когда он на немыслимой скорости летит вниз по желобу. И главное – ради чего все это?

На каждой очередной Олимпиаде я задаю себе один и тот же вопрос: почему Игры до такой степени притягательны, что мир бросает все дела, прильнув к экранам? Наверное, потому, что, глядя на спортсменов со стороны, человечество получает представление и о своих возможностях тоже. Спорт и космос – два полигона, где сходятся интересы фармакологии, медицины, физиологии, биохимии, биомеханики. Именно здесь доводятся до совершенства самые революционные технологии, испытываются невероятные изобретения. Ведь те, кто проектировал олимпийскую саночную трассу, в глубине души наверняка гордились своей работой. Возможно, гордились даже тем, что в инженерные расчеты вкралась нечаянная неточность, сделавшая желоб сверхскоростным. Слову «самый» вообще свойственно чрезмерно будоражить человеческое честолюбие. И пока не происходит катастрофа, нет повода размышлять над тем, что нынешний уровень профессионального спорта почти не оставляет спортсмену права на ошибку. В том числе и на чужую.

Перед самым началом церемонии открытия журналисты традиционно опрашивали спортсменов на тему «горячей» новости. Между собой многие говорили о том, что эмблема олимпийского движения – пять переплетенных цветных колец, символизирующих континенты, – в определенной степени изжила себя. Что современные Игры – переплетение отнюдь не континентов, а совсем других сфер – бизнеса, науки, медицины и информации. И чем больше от Олимпиады к Олимпиаде развивается каждая из этих областей, тем более уязвимым оказывается пятый, центральный, элемент олимпийской конструкции – человек.

Точнее всех выразился на этот счет американский бобслеист Стив Холкомб:

«Мы все знаем, что спорт – трудное и опасное занятие, знаем, насколько тяжелыми могут быть травмы. Можно уйти и не играть в эту игру. А можно остаться. Тем более что каждый из нас в глубине души надеется, что с ним все будет в порядке».

Посвятив церемонию открытия страшной трагедии, организаторы на самом деле сделали единственно правильный шаг, чтобы хотя бы как-то спасти праздник. Пусть ванкуверской Олимпиаде уже было не суждено стать лучшей в истории, но шоу должно было продолжаться.

Глава 2. Американская оплеуха

О том, что Олимпийские игры – это не только праздник, но и война, спустя несколько дней после открытия Игр напомнила местная ванкуверская The Globe and Mail, опубликовавшая статью о том, что ветеран фигурнокатательного судейского корпуса Джо Инман разослал шестидесяти своим коллегам и различным официальным лицам электронные письма с призывом очень внимательно отнестись к оценкам за презентацию программ.

Шаг Инмана, работавшего судьей на нескольких Олимпиадах, но в Ванкувере не имевшего вообще никакого профессионального отношения к турниру фигуристов, был спровоцирован олимпийским чемпионом Турина Евгением Плющенко.

Возвращение выдающегося фигуриста на любительский лед, оставленный Евгением сразу после олимпийской победы в 2006-м, стало главным событием предолимпийского чемпионата Европы в Таллине. Вернулся он, собственно, раньше, выступив на домашнем этапе Гран-при и затем – на чемпионате России, формально обеспечив себе место в сборной, но в Таллине уже обозначил намерения более чем серьезно.

Говорили о нем постоянно. О том, что Плющенко по-прежнему великолепен в прыжках, словно и не было почти четырехлетнего перерыва, и стал значительно лучше вращаться. О том, что годы, проведенные в шоу-бизнесе, научили фигуриста значительно лучше общаться с публикой и прессой.

Интересно было и то, что европейская компания мужчин-одиночников осталась той же, что была перед Турином. Двукратный чемпион мира Стефан Ламбьель, подобно Плющенко, вернулся на лед после паузы, хотя и более короткой, главенствовал же на льду чемпион мира Брайан Жубер, добившийся заметного прогресса за четыре года непрерывных выступлений. Француз, правда, получил в конце осени тяжелую травму ноги, пробив лезвием стопу, но в Таллине заметил, что успел восстановиться настолько, что не испытывает боли даже при самых мощных прыжках. И добавил, что считает делом чести не просто выиграть предолимпийский чемпионат континента, но выиграть именно у Плющенко.

А тот начал с мирового рекорда – установил его в короткой программе, набрав запредельную по тем понятиям сумму баллов – 91,30. И совершенно спокойно сказал:

– В моем результате нет ничего рекордного – есть запас для того, чтобы результат получился выше. Но меня это, если честно, не очень волнует. Уже говорил и повторю еще раз: я одинаково

спокойно приму любой результат, который будет у меня на чемпионате Европы и на Олимпийских играх в Ванкувере. А если хватит сил и здоровья – то и на чемпионате мира в Турине.

После того как мужской пьедестал в Таллине полностью повторил тот подиум, что был на европейском первенстве-2006 в Лионе с Плющенко на первой ступени, Ламбьелем на второй и Жубером – на третьей, журналисты вдруг наперебой начали обсуждать один и тот же вопрос: что дало мужскому фигурному катанию возвращение в спорт Плющенко и Ламбьеля? Пьедестал четырехлетней давности? Катание, которое «старожилы» наблюдали уже много раз, причем в более мощном и свежем исполнении? Лучшим ответом, наверное, был забитый под завязку, визжащий и топающий зал. Даже те, кто никогда не причислял себя к фанатам российского чемпиона, были вынуждены признать: в отсутствие Плющенко мужскому европейскому катанию больше всего недоставало именно этого – азарта, агрессивности и кровавых разборок. Плющенко сильно лукавил, комментируя первый прокат. Его истинную суть болельщики увидели в финальном выступлении. В схватке с Жубером. Француз ведь не просто собирался победить. Он был намерен взять реванш за все сразу. И без конца репетировал триумф на тренировках.

А в нужный момент ничего не получилось. Пожалуй, лишь тогда всем стало очевидно, что учиться заново соревноваться нужно отнюдь не Плющенко. А всем остальным – с Плющенко.

До такой степени откровенным, как в Таллине, чемпион еще не был никогда. Тогда он сказал:

– В какие-то моменты мне становилось сложно понимать судей. Порой они ставили откровенно завышенные оценки. Не хочу конкретизировать, хотя… ладно, скажу. Брайану Жуберу за короткую программу поставили 88 баллов. Для его проката это слишком много. Его дорожки и вращения не соответствуют таким оценкам. У нас с ним одинаковые transitions, связующие элементы. То есть их просто нет – ни у него, ни у меня. Это вполне объяснимо. Мы оба просто идем на прыжки, которые нужно сделать во что бы то ни стало. Ставить мне за transitions 8,25, а Жуберу – 8,60… За что? Жубер лучше меня делает перебежку? Ее все делают одинаково. Может быть, судьи хотели таким образом создать интригу? Что ж, они ее получили…

* * *

Необдуманная откровенность чемпиона и стала спусковым

крючком, на который нажал Инман.

Вряд ли Плющенко, говоря о минусах презентационной стороны своего катания, имел в виду целиком всю программу. Скорее всего, речь шла о том, что прыжки в четыре оборота очень плохо совмещаются с какими бы то ни было связующими шагами. Они требуют банального разгона: если скорости не хватает, идти на четверной просто не имеет смысла. Но Инман предпочел весьма прямолинейную трактовку слов Евгения. По большому счету суть его посланий еще не вышедшим в тираж коллегам сводилась к тому, что они не должны оценивать катание россиянина чересчур лояльно. И раз уж он сам признал, что связующих шагов в его программе нет, то священный судейский долг – отразить это во второй оценке за компоненты катания.

Поднятую экс-арбитром тему подхватила и олимпийская чемпионка Солт-Лейк-Сити в парном катании Джеми Сале, сказав, что совершенно не понимает, почему Плющенко получил столь высокие баллы за презентацию своей программы в Турине. «Он только размахивает руками, – заявила канадка в интервью. – Больше там нет ничего. Никакого катания».

Делать подобные заявления в достаточно узком профессиональном кругу – все равно что кидаться камнями в стеклянном доме. В конце концов, победа Сале и ее партнера Давида Пеллетье в Солт-Лейк-Сити была куда более скандальной. Но истерический тон интервью знаменитой канадской фигуристки прекрасно ложился в слоган, которым в Ванкувере были увешаны стены небоскребов и которым без преувеличения жила в предвкушении Игр вся страна: Go, Canada, Go! – «Вперед, Канада, вперед!» Олимпиадам вообще свойственно лишать здравомыслия целые народы. Особенно если их представители претендуют на высокие места.

Интересно, что партнер канадской фигуристки придерживался диаметрально противоположных взглядов в отношении Плющенко. Накануне первого выхода мужчин на олимпийский старт он сказал:

– Вообще, если честно, не вижу, каким образом Плющенко может проиграть. Он обожает соревноваться. Может быть, это вообще самый главный его талант. Такое ведь не скроешь: многие на соревнованиях теряются, начинают ошибаться, а у Плющенко, сколько я его помню, при виде льда и соперников всегда загорались глаза. Помимо этого, у Евгения множество технических достоинств. Сейчас только ленивый не обсуждает, что в программе Плющенко маловато transitions, но это лишь один компонент из пяти. На мой взгляд, Плющенко имеет полное право встать на табуретку посреди катка, взять в руки микрофон

и сказать открытым текстом: «Да у меня вообще нет никаких transitions!» Но пусть остальные сначала попробуют обыграть его по остальным составляющим!

* * *

За сутки до начала мужского турнира мы с коллегами беседовали в «Русском доме» с Владимиром Познером. Едва речь зашла о фигурном катании, известный телеведущий сказал:

– Я хорошо помню выступление Жени Плющенко в Турине. Это было потрясающе. Там был он один, а все остальные катались на совсем ином, несопоставимом, уровне. Женя – великий спортсмен. Гений. Мало того, что он вернулся в спорт, но ведь вернулся на тот же самый уровень, с которого уходил. В спорте такое случается крайне редко. Поэтому я очень хочу, чтобы он победил. И еще больше жажду, чтобы эта победа получилась убедительной, красивой и захватывающей. Очень сильно буду за него болеть.

Первый тревожный звоночек прозвучал в короткой программе: разрыв между Плющенко и чемпионом мира Эваном Лайсачеком из США составил всего 0,55 балла. Судьи не придирались к олимпийскому чемпиону, но и не давали лишнего. Снизили оценку за связующие шаги и хореографию, то есть дали понять, что магия имени и геройское возвращение в спорт – не их тема. Выставленные ими баллы можно было бы интерпретировать так: «Ты в полном порядке, парень. Но поднапрячься в финале все-таки придется».

Как раз та короткая программа дала понять, что других шансов обыграть Лайсачека, кроме как «убить» его технической оценкой, у Евгения нет. Но эта задача виделась далеко не простой: все разговоры о том, что Лайсачека с его «девичьей» программой без четверных прыжков вообще нельзя ставить на один уровень с нашим фигуристом, были в пользу бедных. Зная, что не может противопоставить соперникам четверной, американец укомплектовал программу максимумом грамотно скомпонованных прыжков в различных сочетаниях. Сам сказал по этому поводу:

– Я потратил огромное количество времени на то, чтобы отточить в своей программе каждое движение, каждый шаг. Знаю точно, что это гораздо тяжелее, чем выучить четверной. Я действительно это знаю – четыре оборота на тренировках тоже прыгал. Как бы то ни было, мы с тренером Фрэнком Кэрроллом решили предпочесть неоправданному риску идеальный прокат.

Стратегия оправдала себя. В короткой программе Плющенко повезло несравненно больше, нежели его сопернику: он выходил на лед раньше. Кататься на Олимпиадах при такой жеребьевке всегда проще: не нужно ориентироваться на чужие прокаты, слышать оценки соперников, чрезмерно дергаться, жечь нервы. Но в финале Евгений оказался последним. К тому же ожидание затянулось: один из участников сильнейшей разминки японец Нобунари Ода остановился в середине своей программы из-за того, что на ботинке лопнул шнурок, и стал перешнуровываться, благо правилами в случае подобных технических неполадок предусмотрен трехминутный люфт. Потом Ода продолжил программу, а Плющенко продолжал ждать выхода за кулисами, сжигая себя этим ожиданием.

На первый взгляд его задача не выглядела чрезмерно сложной. Результат Лайсачека, который потрясающе чисто, но без четверного прыжка исполнил свою произвольную программу, не выглядел недосягаемым. Другими словами, Евгению нужно было просто выйти и взять свое. Выражаясь футбольным языком, играть «на удержание счета».

На тренировках фигурист успешно и на редкость стабильно демонстрировал комбинацию 4+3+3, но в соревнованиях ее не сделал. Просчитался? Думаю, нет. Скорее всего, просто не смог. Приземление после первого четверного прыжка получилось слишком тяжелым, чтобы без напряжения приплюсовать к нему еще два. Затем Евгений с видимым усилием «приземлил» тройной аксель. Эту натужность не могли не заметить судьи, так что отсутствие надбавок за качество исполнения элементов выглядело вполне логично. Кроме того, было заметно, что олимпийский чемпион выступает на пределе. Прыжков и прыжковых соединений, которые выполнены во второй половине катания – и, соответственно, поощряются дополнительным коэффициентом, – в произвольной программе Плющенко было три. У Лайсачека – пять. В итоге разрыв не в пользу российского фигуриста составил всего 1,31. Крохи.

* * *

Когда человек становится олимпийским чемпионом, он никогда не бывает в состоянии сразу осознать это. Думаю, точно так же невозможно бывает понять, что ты проиграл. Перед камерами Плющенко «держал лицо» и даже шутил. Повторял уже много раз сказанное: мол, был бы рад любой медали, даже бронзовой. Но лица тренера, хореографа, прочих официальных

лиц делегации и даже члена МОК Виталия Смирнова, приехавшего на каток для того, чтобы наградить победителя (и отнюдь не Лайсачека), были черны от запоздало пришедшего понимания: золото было почти что в руках. И оказалось упущено своими же руками. Недооценили соперника. Не просчитали всю степень опасности.

Однако именно Плющенко, а вовсе не Лайсачек, создал в мужском одиночном катании интригу, о которой можно было только мечтать. Захватывающую, драматичную, испепеляющую. Другое дело, что сам он в ней, увы, не уцелел. Но такова олимпийская судьба, всегда оставляющая за собой право на внезапную оплеуху. Как та, например, что в том же Ванкувере получил великий, а возможно – величайший конькобежец вселенной. Свен Крамер.

В Канаде двадцатитрехлетний голландец проиграл «десятку» – бег на 10 000 метров. Дистанцию, на которой он не знал поражений с 24 декабря 2006 года.

По факту Крамер не проиграл. Он выиграл, причем убедительно. Пробежал десять километров за 12.54,50 – против 12.58,55 у корейца Ли Сын Хоона. Но после финиша был дисквалифицирован, потому что на отметке 6,6 км перепутал дорожки и вместо того, чтобы уйти в поворот по внешнему радиусу, остался на внутреннем.

Такого в истории Белых олимпиад не случалось никогда. Особую горечь случившемуся придавал тот факт, что дисквалифицировать судьям пришлось, по сути, олимпийского чемпиона.

Я не видела того забега – лишь читала репортаж прекрасной, безудержно влюбленной в коньки журналистки Ольги Линде, благодаря чему представляла трагический финал до мельчайших деталей. Крамер вышел на старт в последней паре, уже зная невероятный результат корейца. И зная, что для победы ему нужно будет не просто пройти дистанцию быстрее, чем за тринадцать минут, но фактически бежать на уровне его же рекорда мира на «десятке». Это был совершенно завораживающий, магический бег. Потрясающая мягкая техника, вкрадчивые, почти кошачьи движения – и при этом сумасшедший напор, страсть, глубочайшая внутренняя сила – в противовес совершенно безэмоциональному бегу корейца.

Позже выяснилось, что великий голландец просто поплатился за доверие.

Команду идти на внутреннюю дорожку Свену дал его тренер – Герард Кемкерс. И надо же было такому случиться, что в чудовищном гвалте переполненного катка Крамер, уже

собиравшийся войти в поворот по внешнему радиусу, эту команду услышал.

Глава 3. Безумство храбрых

Имя Петры Майдич вплоть до Ванкувера мне вообще ни о чем не говорило. За лыжами я с некоторых пор следить перестала, да и на Играх не планировала интересоваться, что происходит в этом виде спорта. И уж меньше всего предполагала, что буду сидеть в среду перед экраном телевизора, сжав кулаки, смотреть, как в классическом лыжном спринте финиширует тридцатилетняя словенская спортсменка, и умоляюще шептать: «Беги, девочка! Ну пожалуйста, держись». А слезы будут безостановочно катиться по щекам.

Майдич бежала. С четырьмя сломанными при падении на разминке ребрами. С исступлением во взгляде. И взяв бронзу, потеряла сознание на финише. Хотя на самом деле сознание, позволяющее ощущать боль и подчиняться чувству самосохранения, оставило ее гораздо раньше – еще на лыжне.

Олимпиада – соревнование, созданное для безумцев. Таких всегда меньшинство. Крошечная горстка среди участников. Но именно они делают Игры тем событием, которое до озноба пробирает мир. Им бывает страшно до судорог и больно так, что отказывает сознание. Невозможно объяснить, как они терпят эту боль, этот страх. Ценой каких усилий заставляют себя улыбаться в камеру, когда на самом деле плачут. Без слез, с сухими, выжженными горем глазами, отвергая любое сочувствие. По большому счету им вообще безразлично, в каком состоянии их уведут, а может быть – унесут с финиша.

Кто-то назовет это бредом, сумасшествием. Возможно, и так. Но великие спортивные безумцы – такие по жизни. Александр Карелин, выигравший третье олимпийское золото с едва зажившей оторванной грудной мышцей, а на четвертой Олимпиаде рыдавший в раздевалке из-за серебра. Четырехкратный олимпийский чемпион Александр Попов, который говорил в Атланте: «Если приходится плыть быстро, после финиша обычно накатывает страшная болевая волна. Когда я прежде испытывал это, то каждый раз отдавал себе отчет в том, что однажды у меня просто могут не выдержать сердце, почки, печень, мозг. И подсознательно всегда чувствовал какую-то грань, которую лучше не переступать. Но здесь, в Атланте, совершенно трезво понял: если понадобится, пойду на любое сверхнапряжение».

Безумцы далеко не всегда поднимаются на пьедестал. Как не поднялась в Ванкувере японская девочка Юко Кавагути, выступавшая, подобно Майдич, со страшнейшей, несовместимой

со спортом травмой…

* * *

Как только завершилась короткая программа пар, в окошке скайпа, открытого на экране моего компьютера, длинной дорожкой побежали восклицательные знаки. Потом появились слова: «И все это – Тамаре!» Столь оригинальная форма комплимента была адресована Тамаре Москвиной знаменитым украинским тренером Валентином Николаевым, который в свое время в соавторстве с Галиной Змиевской подготовил двух олимпийских чемпионов – Виктора Петренко и Оксану Баюл.

Короткую программу пар мы с Николаевым смотрели, можно сказать, вместе. Он – по телевизору из Ричмонда, я – с трибуны в Ванкувере. И параллельно обсуждали увиденное посредством популярной компьютерной программы. Юко Кавагути и Александр Смирнов показали третий результат, сохранив прекрасные шансы на то, чтобы в финале бороться за медаль. Золотую – в том числе.

Всего лишь за пару лет до тех Игр предположение о том, что в Ванкувере фигуристы окажутся способны биться за медали, могло вызвать разве что скептическую усмешку. Юко и Александр были совершенно нескатанны, порой корявы, много ошибались и не запоминались ничем, кроме постоянной нацеленности на какую-то невероятную сложность. Правда, отношения фигуристов со сложными элементами тоже частенько оставляли желать лучшего. А Москвина продолжала собирать пару по крупицам. Шлифовала уже найденное, анализировала то, что задумано, параллельно устраняла прочие огрехи, и вот так, постепенно, в руках тренера сложился дуэт, чье место в призовых тройках различных турниров уже не подлежало сомнению.

Первое практически безупречное выступление состоялось на предолимпийском чемпионате Европы в Таллине, где Кавагути и Смирнов стали чемпионами. Там же Юко призналась, сколь большое значение играет в ее жизни балет и как сильно она хотела станцевать «Лебедя» Сен-Санса. «Это совершенно особенная для меня программа, – говорила она. – Я сразу для себя решила: если когда-нибудь смогу выступить с этой программой на Олимпийских играх, одно это стоит того, чтобы принять российское гражданство».

Когда Кавагути и Смирнов вышли на свой первый олимпийский прокат, а надо льдом раздались аккорды классической балетной музыки, лицо Юко озарилось

невероятным счастьем: она танцевала свою мечту…

У программы имелась и более приземленная составляющая – техническая сложность. Со времен чемпионата Европы фигуристам удалось добиться куда более чистого исполнения самого проблемного элемента своей программы – подкрутки, а за поддержку, комбинированное вращение и тодес пара получила четвертый уровень сложности, причем добиться этого в последнем из названных элементов не получилось больше ни у кого из соперников.

По сумме россияне стали третьими, уступив 2,5 балла китайцам и 1,8 – паре Савченко/Шелковы. Николаев прокомментировал это так: «Место не имеет значения. Гораздо важнее, что это возвращение лучших образцов парного катания, а не парных „побегушек”».

Соседка по трибуне и моя давняя приятельница, знаменитая английская журналистка Сандра Стивенсон, отреагировала похожим образом: «Очень старый стиль, – сказала она. И добавила: – Не устаревший, нет. Очень классический. Когда классика исполняется так чисто, впечатление всегда остается чрезвычайно сильным».

Впечатление действительно осталось сильным. Возвращаясь с катка в пресс-центр на автобусе вместе с журналистами и комментаторами, я заметила в глубине салона известного в недавнем прошлом американского одиночника Майкла Вайса и канадский танцевальный дуэт Мари-Франс Дюбрей/Патрис Лозон. Вайс пытался делать руками «лебединые» движения и восторженно что-то говорил. Нетрудно было догадаться, о ком именно шла речь.

* * *

В воскресенье Николаев написал мне: «Если Кавагути и Смирнов не дрогнут в произвольной, у них есть хороший шанс. Китайцы, скорее всего, „подерутся”. Все ведь понимают, что вторую пару в каком-то смысле „слили”. Все хотят золота. Все будут лезть из кожи вон и навряд ли проедут чисто. В общем, все та же ситуация, что и в Солт-Лейк-Сити со Слуцкой и Кван. А в итоге получилась Сара Хьюз…»

Вероятность того, что в произвольной программе лидеры начнут ошибаться, была довольно велика: двукратные на тот момент чемпионы мира Алена Савченко и Робин Шелковы не отличались стабильностью произвольной программы на протяжении всего сезона, китайские ветераны Сюэ Шень и Хунбо

Чжао вполне могли оказаться заложниками собственного возраста и, как следствие, более уязвимой нервной системы, тогда как Кавагути и Смирнов могли дрогнуть как дебютанты, впервые в жизни получившие реальный шанс выиграть олимпийскую медаль.

С этой точки зрения первый стартовый номер в сильнейшей разминке, выпавший подопечным Тамары Москвиной при жеребьевке, был, пожалуй, лучшим вариантом: он давал возможность выйти на лед сразу после разминки, вообще не думая о чужих оценках. И очень хотелось верить, что курс, которым вела спортсменов Москвина, окажется выверен и выдержан до конца. Вплоть до приезда в Ванкувер этот курс работал почти безошибочно: программы становились все более накатанными, результат неуклонно рос. Другое дело, что со стороны не всегда можно было заметить, что пара словно идет по лезвию ножа.

Фигуристы раз за разом старались усложнять свою произвольную программу, долгое время с переменным успехом пытались исполнять в соревнованиях уникальный для парного катания элемент – четверной выброс, но в конце концов были вынуждены от него отказаться. Одна из причин заключалась в том, что Юко мучила тяжелейшая травма плеча – привычный вывих. На январском чемпионате Европы плечо выскочило из сустава прямо в середине программы. Фигуристка сориентировалась мгновенно: якобы поправляя платье, сама вправила вывих (благо именно в этот момент в музыке возникла пауза и, соответственно, образовалось несколько секунд перерыва между элементами) и, превозмогая нечеловеческую боль, продолжила кататься как ни в чем не бывало.

Чемпионка мира в танцах на льду болгарка Албена Денкова, наблюдавшая за выступлением пар с трибуны, сказала мне тогда:

– Думала, на такое способны только русские. Никто больше не умеет так терпеть и так преодолевать себя.

Олимпийская неудача, равно как и успех, это всегда следствие длинной цепочки самых разных событий. Любая допущенная ошибка непременно оборачивается последствиями. Иногда – роковыми. Такой роковой ошибкой стало решение, принятое Москвиной в последние секунды перед финальным выходом пары на лед. Фигуристы намеревались идти ва-банк, делать в программе четверной выброс, но уже после разминки Москвина дала отбой. Приказала не рисковать – оставить выброс тройным.

Подобные метания никогда раньше не были свойственны тренеру. Зачем тогда было вообще заявлять четверной – притом

что фигуристы отказывались от этого элемента на протяжении всех предыдущих стартов? Чтобы напугать соперников? Неубедительный аргумент. Или пара все-таки отрабатывала выброс на тренировках и чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы не сомневаться в успехе? Скорее, Москвина стала заложницей всеобщего психоза: на двенадцати предыдущих Олимпиадах российские спортсмены не просто поднимались на подиум в парном катании, но завоевывали золотые медали. Это было настолько привычно для всего мира, что в 1993-м на мировом первенстве в Праге, где победили канадцы Изабель Брассер и Ллойд Айслер, знаменитый немецкий тренер Ютта Мюллер после соревнований сказала: «Мне почему-то всегда казалось, что в день, когда Россия проиграет парное катание, должно обязательно что-то произойти: землетрясение, наводнение…»

Наверное, кому-то действительно не приходило в голову, что Россия когда-либо может потерпеть олимпийское поражение в этом исторически победном для нее виде программы. Хотя предпосылки к поражению были на протяжении всех последних лет перед Ванкувером. Теперь уже мало кто помнит, что, к примеру, в 2002-м в Солт-Лейк-Сити лишь самые закоренелые оптимисты верили в успех Елены Бережной и Антона Сихарулидзе. Понимали, что выиграть эти спортсмены могут разве что чудом. Они тогда победили канадцев Джеми Сале и Давида Пеллетье одним судейским голосом. А потом итоги турнира были пересмотрены, и Международный союз конькобежцев под давлением МОК согласился вручить российской и канадской парам по золоту. И сразу после первоначального объявления результатов на смену нежданной радости пришла необъяснимая уверенность: мы снова – первые, и так будет всегда.

Проблема в Ванкувере заключалась вовсе не в том, что у России не было шансов. Они были. Просто никогда еще, если не считать самого первого нашего олимпийского успеха в Инсбруке в 1964-м, страна не привозила на Игры спортсменов, за плечами которых не было бы многократных побед на мировых первенствах или опыта предыдущих Олимпиад.

* * *

Перед тем как началось выступление, тренер долго и непривычно напористо что-то втолковывала Кавагути у борта, и уже по этой картинке было понятно, что спортсменку клинит от

волнения. Перекроить настрой на программу в оставшиеся до выступления секунды Юко и Александр просто не сумели. Заход, высота выброса и траектория полета получились мощнейшими, вполне позволявшими выкрутить четыре оборота. Но после третьего Кавагути раскрылась в воздухе, не успев погасить инерцию вращения. Ее «повело» на приземлении, и уже на первой минуте катания она окончательно растерялась. А следом растерялся и партнер.

Для новичков это было бы совершенно нормально. Для людей, от которых ждут медали, прокат стал катастрофой. Юко упала на втором выбросе, неудачно подставив руку, и плечо снова вылетело из сустава. Фигуристы стойко довели программу до конца, но это уже было вымученное катание. Без каких бы то ни было шансов на успех.

Спустя несколько дней после этого горького финала я получила письмо одной из болельщиц, в котором та писала: «В монархической Японии, где вопрос о гражданстве решается только императором, где государственной службы никогда не удостоится гражданин иного государства, где запрет на двойное гражданство и подданство родился в IX веке и действует до сих пор, где ты единственная дочь, и твои родители, чтобы увидеть тебя, должны будут писать прошение в МИД о выдаче гостевой визы, – девочка просит о принятии в гражданство России – страны, из которой продолжают уезжать лыжники, биатлонисты, пловцы, теннисисты. У японцев есть такое понятие „сохранить лицо”. И как она его сохраняет! Губы дрожат, пальцы белые, колени аж подгибаются, но все молча, ни одной слезинки, ни одного вздоха сожаления „на публику”. Она переживала каждое выступление, как шаг с крыши, как в последний раз. Она была честна с нами»…

Глава 4. Кто спал, тому повезло

Новый олимпийский день принес новые слезы. Горькие. Отчаянные. Самые страшные из тех, что бывают – мужские.

Александр Легков, проигравший на финише лыжного дуатлона, смахивал эти слезы перчаткой и перед телекамерой просил прощения у тех, кто за него болел. В такие минуты проигравший почти никогда не думает о том, чтобы подбирать правильные слова и уж тем более объяснения случившемуся. Он просто говорит о том, что испытывает. Сейчас, сию секунду. Даже если потом может об этом пожалеть.

Глядя на плачущего российского лыжника, я никак не могла прогнать из головы фразу, сказанную в очень похожей ситуации – сразу после поражения – биатлонисткой Светланой Слепцовой: «Мы никому ничего не должны».

Эта фраза вовсе не была предназначена для журналистов. Спортсменка бросила ее, не сдержавшись, уже уходя из микст-зоны. Слова прозвучали горько, искренне и даже зло, словно Светлана защищалась от всего мира, чувствуя в нем готовность рвать проигравших на куски в отместку за крушение собственных надежд.

Отчасти спортсменка была права. Когда болельщики ждут от кого-то реализации своих ожиданий, это их проблема, а вовсе не тех, кто бежит, прыгает или стреляет. Хотя бы потому, что как бы ни было больно зрителям в момент поражения их кумира, эта боль, как и разочарование, не идет ни в какое сравнение с тем, что творится в душе проигравшего. И вряд ли можно в этой ситуации упрекать спортсмена за то, что он «не смог».

Но Легков плакал и чувствовал себя виноватым. Получается, считал, что должен?

На Олимпиадах, где национальная составляющая постоянно присутствует как на форме участников, так и на электронных табло, трибунах и даже щеках болельщиков, а компьютеры безостановочно ведут медальный подсчет, бывает очень трудно абстрагироваться от ощущения, что Игры – это война. А раз война, то все просто: впереди – враг, за спиной – родина, и ты должен лечь за эту родину костьми, чтобы победить. Кто считает иначе, тот – не патриот. Точка.

Много лет назад я разговорилась на тему патриотизма с трехкратной олимпийской чемпионкой Ириной Родниной. Не помню уже, какими именно словами, но она как-то очень просто объяснила тогда, что для нее патриотизм – это прежде всего чувство собственного достоинства. Стремление выступить так,

чтобы потом не сожалеть, что что-то не сделал, не реализовал шанс. Чтобы было не стыдно смотреть в глаза тренеру. Да и не только ему. А всем людям, кто много лет вкладывал в тебя силы и частички своих душ. Это – и хореографы, и врачи, и заливщики льда, и нянечка в раздевалке, которая сушит на батарее твои промокшие варежки и носки, пока ты катаешься. Лишь тогда можно уважать себя. Лишь тогда тебя будут уважать другие. И страну, которую ты представляешь, кстати, тоже.

Такими же простыми словами объяснял мне суть спорта еще один трехкратный олимпийский чемпион Александр Карелин. Сказал однажды, что слова «родина» и «патриотизм» он понимает очень просто. Это прежде всего папа с мамой и жена с детьми, у которых изо дня в день, из года в год он отнимает самого себя ради спортивных результатов, в то время как старики старятся, дети растут, жена в одиночку решает какие-то бытовые проблемы… «Дом – это место, где тебя ждут, любят и примут любого, – сказал он мне. – Больного, несчастного, проигравшего, проявившего слабость. Но самому-то как потом близким в глаза смотреть?»

С этой точки зрения слово «долг» более чем уместно. Он давит на всех, что бы спортсмены ни говорили по этому поводу в микрофоны. Просто это всегда очень личное, совершенно не пафосное и не предназначенное для посторонних. Хотя иногда непроизвольно и выплескивается наружу горькими, отчаянными слезами. Как у Легкова. Как у российских мальчишек-хоккеистов, которые уже почти под занавес Игр провели, возможно, самый кошмарный матч в своей истории. Проиграв Канаде со счетом 3: 7, наша страна впервые не попала в полуфинал олимпийского турнира.

* * *

Не помню уже, с кем именно из российских тренеров по плаванию я разговаривала четырнадцать лет назад на Олимпиаде в Атланте, но суть разговора запомнила хорошо. Он был о том, насколько тяжело пришлось пловцам-новичкам на тех Играх, где медали разыгрывались в громадном бассейне – с уходящими даже не под потолок, а куда-то в небо трибунами.

– Трибуны под завязку набиты американцами, – говорил тренер. – Они кричат, свистят, топают, эхо летит по залу, отражается от стен, оттуда обрушивается на бортик, а на бортике стоишь ты. Такой маленький… Очень трудно выдержать в такой обстановке. Не растеряться.

Сидя перед началом матча Россия – Канада на центральной трибуне хоккейного дворца, я рассматривала зал. На всех ярусах полыхали российские флаги. Красно-белая российская форма сливалась с красно-белой канадской, и казалось, что зал – наш.

А потом канадцы забили первый гол, и стены дворца затряслись в прямом смысле этого слова. То же самое произошло после второй канадской шайбы, а после третьей российские флаги на трибунах вдруг начали съеживаться и исчезать на глазах. Вот тогда-то я и вспомнила давний разговор в Атланте.

Большие канадские парни вели большую хоккейную игру, раздувая этим действом канадские легкие стадиона до несусветных размеров, в то время как у тех, кто болел за Россию, чувство собственной мизерности и ненужности на этом празднике становилось все острее и острее. Было отчаянно больно наблюдать, как команда, олицетворяющая собой весь российский спорт, на глазах целого мира собственноручно крушит миф о своей мощи. И не питать при этом никаких иллюзий.

Прямо за моей спиной на центральной трибуне сидел двукратный призер ванкуверских Игр конькобежец Иван Скобрев. Мне казалось, что он должен быть предельно расстроен происходящим на льду. Тем более что выбрался на соревнования впервые после своих собственных выступлений. Но уже после первого периода Иван почти равнодушно пожал плечами: «Грустно, конечно. Но ведь без вариантов? Канадцы быстрее бегут, лучше играют. Остальное предсказуемо».

Российским болельщикам можно было смело ставить в Ванкувере памятник. Именно им – до последнего верящим в чудо и не признающим никаких логических объяснений того или иного поражения. Над их убеждением, что «наши – лучшие!», можно было посмеиваться, опровергать его какими-то фактами и цифровыми раскладками, но нельзя было эту слепую веру не уважать. Если кого и приходилось жалеть в переполненном Canada Hockey Place, так это тех, кто сидел на трибунах в российской форме. Верил, несмотря ни на что, молился и продолжал надеяться на чудо. Точно так же, как верили и молились миллионы болельщиков в далекой России, так и не заснувшие той московской ночью.

Те, кто сам прошел через большой спорт, так не умеют. Спортсмены, как правило, куда раньше других понимают, что происходит в схватке, и, как правило, трезвы в оценках. Подтверждение этому я получила еще в день розыгрыша олимпийского золота в мужском турнире фигуристов, когда на мой в общем-то дежурный вопрос: «Засудили ли Евгения Плющенко?» – собеседник, известный в недавнем прошлом

российский фигурист, озадаченно переспросил: «Вы сейчас это серьезно говорите? Он же все проиграл сам. Вчистую…»

«Я не готов дать ответа, почему мы проиграли, – сказал после матча с Канадой вратарь российской сборной Евгений Набоков. – Канадцы вышли с таким настроем, которого мы просто не ожидали».

Вратарю, пропустившему шесть шайб за двадцать три минуты, чего, я уверена, не случалось с ним за всю предыдущую и весьма славную карьеру, можно было только посочувствовать. Но вот сочувствовать тренерскому штабу получалось гораздо хуже. Да и не только у меня.

«Олимпиада – великий турнир, к нему нужна великая подготовка. Увы, такой подготовки у нас не было – ни в хоккейном, ни в менеджерском плане. Жаль, – сказал после матча олимпийский чемпион Альбервилля Сергей Зубов. Выдающийся игрок, переживающий унизительное поражение как свое собственное, огорченно и вместе с тем раздосадованно говорил о том, что Канада – страна с огромной хоккейной историей. И что «коронка» североамериканцев, их визитная карточка, смысл их хоккейного бытия всегда спрятаны в первых десяти минутах каждого матча. Ошеломить, затоптать, спровоцировать – вот философия канадского старта. Особенно в борьбе с европейцами.

– В советские времена мы прекрасно знали: если эти десять страшных минут выдерживаешь, то ситуация переворачивается, у тебя появляются козыри. За счет этого канадцев и побеждали. А теперь, в Ванкувере, неприятно поразило то, что мы об этом вроде бы вообще не знали. Для меня, человека, который изучил канадцев вдоль и поперек, это стало шоком, – добавил игрок.

После олимпийского поражения в Турине, после двух неудач в финалах чемпионата мира канадцам было некуда отступать. Поэтому они и бросили на свои домашние Игры все силы. В том числе интеллектуальные. Сборная Канады привезла в Ванкувер четверых тренеров. Это были Майк Бэбкок, Жак Лемэр, Линди Рафф и Кен Хитчкок. Весьма любопытная бригада, составленная из самых забубенных канадо-канадцев всея НХЛ, – как иронично отметил в одном из своих репортажей мой хоккейный коллега. Главный тренер – врожденный перестраховщик, вынужденный принять комбинационный «Детройт» и имевший достаточно мозгов, чтобы ничего в нем не менять. Ассистенты – адепты оборонительно-зубодробительного хоккея, гуру командной игры, специалисты по замусориванию средней зоны. Каждому из них был поручен свой конкретный участок работ. Рафф отвечал за защитников, Лемэр – за нападающих и «меньшинство», Хитчкок чуть ли не круглосуточно сидел под потолком арены, подмечая

тактические тенденции и игровые несостыковки, после чего скрупулезнейшим образом разбирал видеозапись. Бэбкок курировал «большинство», определял общую направленность на каждый отдельный матч, плюс служил главным мотиватором всей канадской банды. На каждого игрока российской сборной у канадцев существовало досье, где были тщательно расписаны сильные и слабые стороны.

Не знаю, как Бэбкок настраивал свою команду перед выходом на лед против россиян. Возможно, сказал примерно следующее: «Парни, вы пока не в лучшем состоянии и явно сдохнете к третьему периоду. Поэтому ваша задача – все решить в первом». Не исключено, что тренер добавил к этому пару крепких канадских выражений. А может, в этом не было необходимости. Как бы то ни было, он явно нашел слова, которых не нашли Вячеслав Быков и Игорь Захаркин.

Тренеры российской сборной за несколько предшествовавших Играм месяцев сами сделали все возможное, чтобы превратить свою дорогу к олимпийскому триумфу в лезвие бритвы. И вполне возможно, были уверены в том, что пройдут. Не прошли. В Ванкувере даже не получалось этому удивляться. Потому что вся российская сборная, включая ее тренерский штаб, была все той же командой, что и раньше: без проблем прошедшей Латвию, с проблемами – Чехию и бодавшейся по буллитам со Словакией. Ничего нового и неожиданного противопоставить канадцам нам просто не удалось.

Глава 5. Страна перевернутого флага

Кто-то из мудрых психологов однажды сказал: «Когда в семье все плохо, мужчина обычно заводит любовницу. А женщина просто берет на себя мужскую работу». Женское эстафетное золото, завоеванное четырьмя российскими девчонками-биатлонистками в Ванкувере в День защитника отечества, было, возможно, самой тяжелой и самой необходимой медалью тех Игр. Олицетворением страны, выжившей в катастрофе. Первую золотую биатлонную медаль к тому времени уже успел завоевать в масс-старте Евгений Устюгов – темная и фантастически успешная «лошадка» Олимпиады, но если и был в биатлонном турнире символ невероятного подвига – так это российская женская четверка. Четыре истерзанные битвой, но с золотыми медалями на груди российские девчонки с четырьмя детьми, одному из которых не исполнилось и года.

Уистлер никогда не был примечательной точкой на карте мирового биатлона. От европейских деревушек, где традиционно проходят этапы Кубка мира, он не сильно отличался размером, но поражал гламурностью: все-таки основным его предназначением до Олимпиады было соответствовать высокому статусу горнолыжного курорта. В Уистлере я оказалась за год до Игр – под занавес предолимпийского сезона там разыгрывался один из этапов биатлонного Кубка мира. С точки зрения самих соревнований этап был не слишком интересен. Проводился он сразу после чемпионата мира, где сильнейшие не столько боролись, сколько «докатывались», и запомнился разве что тем, что российские парни в своем сильнейшем составе сокрушительно проиграли эстафету, а девушки хоть и поднялись на подиум, но при этом проиграли китаянкам.

Зато в Уистлере был снег. Много. После абсолютно бесснежного Пхенчхана это было счастьем.

Олимпийский Уистлер явил миру совершенно иную, порядком подтаявшую картину. От постоянно моросящего дождя снег стал похож на вытащенный из холодильника вчерашний десерт с недоеденными и сильно осевшими взбитыми сливками. Главный тренер немецкой сборной Уве Мюссиганг обеспокоенно заметил, что выступать в таких условиях на Играх – совершеннейшая лотерея: когда нет возможности показать скорость, слишком сильно возрастает ценность стрельбы.

Парадокс, но горькие воспоминания Уистлер оставил даже у абсолютной героини Игр Магдалены Нойнер, которая выиграла две золотые и серебряную награды в личных гонках. По словам

спортсменки, она плакала чуть ли не каждый день. Большей частью – от хамства допинг-офицеров: немку (возможно, как раз в связи с ее регулярными победами) тестировали на допинг чаще, чем остальных. После выигранного масс-старта Лена не сдержалась – прямо в микст-зоне высказала все, что у нее накипело:

«После финиша с нами обращаются хуже, чем со свиньями, которые идут на убой. За тобой с криками бегают по пять человек, не давая возможности даже переодеться. Я считаю это насилием. Как вообще можно в такой обстановке насладиться моментом завоевания золотой олимпийской медали?! Они вообще не проявляют никакого уважения к спортсменам, и я считаю это возмутительным».

Куда большим поводом для расстройства стало для Нойнер решение команды не ставить ее в состав заключительной эстафеты. Возможно, это стоило Германии золотой медали.

* * *

У России были другие проблемы. Катастрофа случилась за год до Игр. 3 февраля 2009 года, когда команда уже сидела на чемоданах в аэропорту, чтобы вылететь на чемпионат мира в Пхенчхан, Международный союз биатлонистов (IBU) опубликовал на своем официальном сайте пресс-релиз по поводу нескольких допинг-проб, давших предварительный положительный результат на эритропоэтин – препарат, способствующий активному образованию в крови эритроцитов и, как следствие, повышающий снабжение организма кислородом. В релизе подчеркивалось, что IBU не будет на этой стадии обнародовать ни имена, ни национальность спортсменов, чтобы защитить их право на конфиденциальность. Информация тем не менее попала в прессу – где при этом ссылались на сугубо конфиденциальное письмо, которое было отправлено из IBU в Союз биатлонистов России. Соответственно, всем стало ясно, что речь идет о российских спортсменах. И о тех пробах, что были взяты в начале декабря на первом этапе Кубка мира в шведском Остерсунде в рамках так называемого «внезапного» контроля.

В спорте высших достижений много лет считалось, что обнаружить следы эритропоэтина в допинг-пробе практически невозможно. Когда в 2007 году в употреблении этого препарата был уличен российский лыжник Сергей Ширяев, тогдашний руководитель антидопинговой службы Росспорта Николай Дурманов сказал: «Эритропоэтин является почти точной копией

гормона, который имеется в человеческом организме. Отличить природный гормон от искусственного чрезвычайно трудно. К тому же искусственный эритропоэтин быстро распадается. Его можно обнаружить в организме спортсмена в течение двух-трех дней. Теоретически – четырех, хотя о таких случаях мне не известно».

Правила, запрещающие предавать гласности результаты пробы «А», в отношении эритропоэтина имели особенно принципиальное значение. На основании огромного количества исследований этого препарата у специалистов сложилась неофициальная, но вполне достоверная статистика: случаев, когда проба «Б» не подтверждает результаты пробы «А», много. Примерно сорок процентов от общего числа анализов.

Позже из источников, близких к IBU, стало известно, что на «внезапном» контроле ряда российских, немецких и австрийских спортсменов в Остерсунде настоял один из руководителей Международного союза биатлонистов. Он же распорядился отправить пробы не в лабораторию Крайше, которая постоянно работала с IBU, а в Лозанну. Там и было обнаружено наличие в образцах эритропоэтина.

Еще через десять дней IBU объявил, что анализы проб «Б» подтвердили положительный результат всех трех спортсменов, и были названы имена: Екатерина Юрьева, Альбина Ахатова и Дмитрий Ярошенко. Для всех троих это означало конец карьеры. Горький и бесславный. По правилам Международного олимпийского комитета, дисквалификация автоматически лишала нарушителей права участвовать не только в ближайших Играх, но и в последующих. Теоретически наказанные могли надеяться на то, что им дадут возможность вернуться после дисквалификации в спорт и выступать хотя бы на уровне Кубков мира и мировых первенств, но всем было понятно: ни одному руководителю не нужны в команде спортсмены, на которых заведомо нельзя будет рассчитывать на главном старте четырехлетия.

Еще хуже было то, что вокруг всей российской сборной немедленно поползли самые разнообразные слухи. За спинами спортсменов шептались, что феноменальный результат, добытый на предыдущем чемпионате мира в Остерсунде (три золотые, три серебряные и пять бронзовых наград), – всего лишь следствие нечестной игры, и что проштрафившуюся страну вообще следует вышвырнуть из биатлонного сообщества. Бытовала даже версия, что три громкие дисквалификации стали всего лишь следствием внутреннего ультиматума России со стороны международных биатлонных властей: мол, вы нам безропотно сдаете своих

лидеров, а мы прекращаем расследование в отношении всех остальных.

Как бы то ни было, любая последующая неудача любого российского атлета расценивалась именно с этого ракурса: «Ага, без допинга-то они не могут…»

Две золотые медали, которые завоевали на чемпионате мира в Пхенчхане Ольга Зайцева и женская эстафетная сборная, выглядели на этом фоне как совершенно невероятный подарок. Особенно символичным стал золотой эстафетный финиш Зайцевой с перевернутым в спешке российским флагом в руках. Во всех странах мира перевернутый флаг означает, что в стране катастрофа, крупное национальное бедствие, эпидемия.

Собственно, применительно к российскому биатлону так оно и было.

* * *

Когда Евгений Устюгов выиграл в Уистлере первую золотую медаль, все выдохнули: уже – не полный провал. Женская эстафета представлялась слишком шатким и нестабильным механизмом, чтобы делать прогнозы. Для начала, в ней было сложно определиться с понятием «победный состав» – слишком невелик был выбор.

Насколько эта ситуация проблемна, стало очевидно за год до Игр на мартовском этапе Кубка мира в Уистлере. Репетировали там все, включая лидеров эстафетного зачета – немцев. Германия (еще с Нойнер) и стала чемпионом, комфортно оторвавшись от всех прочих на минуту с четвертью. Российская же четверка оставила странное впечатление.

Две Ольги, как от них и ожидали, отработали свои этапы безупречно: Медведцева показала на своем первый результат, Зайцева – второй. Вот только происходило все это уже слишком поздно: первые два этапа обернулись для России катастрофической неудачей.

В эстафетах не принято делить заслуги на свои и чужие. Равно как и делать «крайними» тех, у кого не получилось. Но от статистики в тот день было никуда не деться: Светлана Слепцова израсходовала на два рубежа пять запасных патронов и почти на 48 секунд отстала от лидера – Вильхельм. Анна Булыгина заработала штрафной круг на «стойке», и отставание россиянок к середине гонки увеличилось до 2.36,2. А ведь речь шла вовсе не о том, кто и на какой позиции прибежит к финишу в этой конкретной гонке. Все было гораздо серьезнее: тренерам

предстояло за год до Игр принять решение: на кого делать главную ставку четырехлетия.

Что же должны были переживать в той гонке спортсменки? И ведь нельзя сказать, что все было совсем плохо. Слепцова показала хорошую скорость, а на то, как лихо она выбралась из второго ряда стартующих в группу лидеров, было любо-дорого смотреть. Но вот стрельба в очередной раз у спортсменки не задалась. Возможно, сказалось самочувствие: у Светланы сильно разболелся живот, и с утра тренеры команды долго совещались, прежде чем принять решение – ставить на первый этап уже заявленную спортсменку или же заменить ее запасной и совсем «зеленой» Яной Романовой. Окончательное решение предоставили принимать Свете, прекрасно понимавшей собственную в данной ситуации незаменимость. Она и сказала, что пробежит этап. Постарается, по крайней мере.

Что касается Булыгиной, ее проблемы носили психологический характер.

В предолимпийском сезоне Аню бросили в эстафеты не от хорошей жизни: дебютировать в командной гонке она по результату могла бы еще на самом раннем из январских этапов Кубка мира-2009 в Оберхофе, когда стало известно, что отравилась и не сможет выступать Альбина Ахатова, но, поскольку речь шла о заключительном этапе, тренеры не рискнули доверить его дебютантке. Так что дебют Булыгиной состоялся неделей позже – на этапе в Рупольдинге. И тоже стал возможен лишь потому, что от участия в эстафете из-за плохого самочувствия тогда освободили Слепцову и Екатерину Юрьеву. А вот на чемпионате мира Булыгина попала, что называется, из огня в полымя: после дисквалификации двух лидеров команды бежать в эстафете стало просто некому.

Ну а в Пхенчхане случилась авария: от страха подвести команду Анну «заклинило» на втором стрелковом рубеже, и мишени она закрыла просто чудом. Понимала прекрасно: эстафетное золото чемпионата мира – не заслуга. Скорее неожиданный подарок.

Адаптация новичка в эстафете редко проходит гладко. Вот и на том предолимпийском этапе Булыгина только подходила ко второму рубежу, а по ее лицу уже было видно, до какой степени ей страшно. О чем она думала, держа в руках винтовку? Возможно, о том, что обязательно, любой ценой нужно закрыть эти проклятые мишени, чтобы хотя бы здесь не подвести команду. А нужно было не думать, а только стрелять. Так, как на тренировке. Так, как привыкла.

И разве можно винить Анну в том, что у нее не получилось?

Ведь так или иначе, сильнее всех пострадала тогда она сама – когда почти год спустя тренеры обсуждали эстафетный олимпийский состав, Ане вспомнили и эту историю тоже. И сделали рокировку с пользу Анны Богалий, выигравшей накануне Игр все контрольные гонки. На сторону этого выбора встали и спортсменки, с одной стороны, отчаянно жалеющие Булыгину, с другой – четко понимающие: что бы ни случилось в этой предстоящей олимпийской гонке, Богалий вылезет из кожи вон, но свой этап не провалит.

Тогда всем нам только предстояло узнать, что эта столь драматическая Олимпиада с двумя золотыми завоеванными в биатлоне медалями на много лет вперед станет самым успешным биатлонным выступлением России на Играх.

2012 год. Лондон

Глава 1. Спецназ Эцио Гамбы

В два часа ночи страшно захотелось есть. Я вышла из отеля на улицу. По левому борту в сторону уходила оживленная улица, по правому был темный переулок, ведущий от главного транспортного хаба в сторону отеля, куда я, собственно, и направлялась, пока не увидела прямо перед собой вывеску работающей итальянской пиццерии.

Выходя из ресторана, где мне молниеносно соорудили громадную, пышущую жаром итальянскую пиццу с рукколой и пармезаном, я была готова написать целый трактат на тему: «Ничто так не успокаивает израненную Олимпиадой психику, как вкусная еда»…

Олимпиада началась с плавания, и это было ужасно.

Когда-то в самом конце 1990-х Виктор Авдиенко, успевший крайне недолго и абсолютно безрезультатно побыть главным тренером сборной России, спросил меня с обидой: мол, за что я постоянно его критикую? Я ответила тогда, что все дело в слишком тяжелой наследственности. В отце, который положил на сборную всю жизнь без остатка и был уволен за четыре золота и семь серебряных наград на чемпионате мира в Гуаякиле. В том, что я никогда не смогу и не буду спокойно смотреть на то, как отечественное плавание летит под откос…

Так было и в Лондоне. В бассейне изо дня в день наблюдался очередной российский траур. Мужская комбинированная эстафета 4×100 м не попала в финал. Потом не прошла в финал вторая российская эстафета – 4×200. Когда перед утренними заплывами девушка-волонтер принесла на комментаторские позиции распечатку стартового протокола эстафеты с расстановкой пловцов по этапам, сидевший рядом со мной олимпийский чемпион Сергей Фесенко аж вскочил на ноги от удивления. «Что они делают? Где Данила Изотов? Где Никита Лобинцев? Неужели ваши тренеры не понимают, что Россия сейчас останется без финала???»

Несколько минут спустя предсказание выдающегося пловца обрело вполне конкретную форму в виде крайне унизительных для России цифр на табло.

Президент Российской федерации плавания Владимир Сальников к журналистам не выходил. Хотя выйти должен был еще в первый день. И во второй. И в третий. Объяснить, что происходит, ответить на вопросы. Оставалось только констатировать, что отвечать на вопросы Сальников не умеет. Все, на что способен, – произнести напыщенную, заранее

заготовленную речь, завершить ее рубленой фразой: «У меня – все!», развернуться и уйти чеканным шагом.

На следующий день после репортажа о бесславно слитой эстафете со звучным названием «Гордость нации» коллега процитировал мне высказывание в микст-зоне одного из руководителей российской сборной по плаванию: «Вайцеховская написала политический донос…»

Видимо, политическим доносом в федерации плавания посчитали высказанную в комментарии мысль, что у руля этого вида спорта в России стоят люди, по определению не способные чем-либо рулить. Проигрывать доморощенные начальники явно не умели.

Впрочем, выигрывать тоже.

В один из первых дней Игр Международная федерация спортивной прессы чествовала тех, кто отработал журналистом на десяти Олимпиадах. В разгар мероприятия подошел молодой коллега и спросил: в чем заключается наиболее ценный олимпийский опыт?

Ответила честно: «В умении решать бытовые вопросы»…

В Лондоне эти вопросы возникали на каждом шагу. Заболевали все. И тут же громаднейшей проблемой стал тот факт, что проносить в Олимпийский парк какую-либо жидкость категорически запрещала служба безопасности. Взять с собой можно было разве что тюбик с зубной пастой, и то при условии, что он небольшой. Пришлось идти на ресепшн пресс-центра:

– У нас проблема…

– ???

– Один из моих коллег должен трижды в день принимать лекарство и запивать его молоком. Купить молоко в Олимпийском парке совершенно негде…

– Да, это так.

– Пронести молоко через секьюрити тоже невозможно.

– О, да, я знаю.

– Но проблему нужно как-то решать?

В итоге меня «прикрепили» к кафетерию, где за три английских фунта мне по утрам вручали двухлитровую бутыль прекрасного натурального продукта, и я торжественно несла ее в офис редакции.

На Играх как нигде понимаешь, что быт – это на самом деле очень важно. Сама я с незапамятных времен взяла за правило не ездить на Игры с рабочим рюкзаком – только с мини-чемоданчиком на колесах. Ноутбук, фотоаппарат, зарядка,

бинокль, диктофон, комплект батареек, зонт, ветровка, пара яблок, бутылка с водой, косметичка, аптечка, телефон (с зарядкой опять же)…

К вечеру набирается еще целая пачка бумаг. Таскать все на себе – рисковать больной спиной. А журналист на Олимпийских играх должен быть здоровым.

Быть здоровым – первая рабочая заповедь. Потому что, если ты теряешь способность работать, твоя работа ложится на других. Которые точно так же, как и ты, бегают по объектам, спят по три-четыре часа в сутки, к концу первой недели начинают путать от запредельной усталости имена и цифры и меньше всего рассчитывают на то, чтобы работать и «за того парня» тоже.

Поэтому – в сумке аптечка, на шее шарф, чтобы не продуло холодным воздухом кондиционера. С собой ветровка, обувь – только без каблуков, чтобы не уставать и тем паче не подвернуть ногу, ну и прочие мелкие хитрости типа овсянки, потому как состояние желудка от дико жирных «чоризос» в столовке для журналистов и «прошлогодних пакистанских сэндвичей», как метко окрестил нашу ночную лондонскую еду один из коллег, начинает к концу той же самой первой недели балансировать между гастритом и язвой. А журналист, как уже сказано выше, на Олимпийских играх не может позволить себе заболеть.

Самым сильным впечатлением первой недели, если не брать в расчет шок от выступления пловцов, стали вечерние почти ночные интервью трех российских чемпионов-дзюдоистов в офисе Олимпийского комитета России в главном пресс-центре Игр. Все трое взахлеб рассказывали о своем главном тренере – итальянце Эцио Гамбе.

В ноябре 2008-го, возглавив российскую мужскую команду, в интервью нашей газете Гамба сформулировал свое кредо так: «Чтобы выиграть Олимпиаду, надо тренироваться 350 дней в году».

Тренер пояснил тогда, что главная проблема наших дзюдоистов, на его взгляд, – в их разрозненности, в разделении сборной на своего рода группы по интересам. «Мне предстоит объединить спортсменов и воспитать в них командный дух», – подвел он черту.

Незадолго до начала лондонских Игр Гамба сказал: «Сюрпризы возможны, но в целом сейчас наша команда на любом крупном турнире способна завоевать от двух до шести медалей. Ни то ни другое не станет для нас неожиданностью».

Медалей в общей сложности получилось пять, что сразу же породило в стане журналистов предложение: пусть президент

страны обратится в МОК с требованием срочно увеличить количество олимпийских категорий в дзюдо.

Когда тренер ставит во главу угла работу и дисциплину, его тяжело любить. По этому поводу в свое время блистательно выразилась старшая дочь легендарного Анатолия Тарасова – Галина, учительница по профессии, с которой мы как-то разговорились «за жизнь».

– В школе все иначе, там от детей всего добиваешься любовью, мягкостью, – сказала тогда Галина. – А в спорте так не бывает. Тренеру приходится постоянно «насиловать» ученика, заставлять его работать до изнеможения, терпеть боль, преодолевать себя каждую минуту. Одному Богу известно, чего это стоит – готовить человека к тому, чтобы он стал лучшим в мире…

Я слушала чемпионов и никак не могла понять: откуда столько восхищения в адрес Гамбы в словах взрослых, много чего повидавших мужиков? Ведь даже старший тренер команды и неплохой в прошлом дзюдоист Виталий Макаров, когда я спросила его, что особенного он видит в победе первого в истории российского чемпиона Арсена Галстяна, ответил:

– У него есть Эцио Гамба! У меня в свое время его не было.

Вопрос «За что любят?» на самом деле риторический. Итальянец, возглавив сборную, дал шанс российским парням сделать свою собственную жизнь – подняться на принципиально иной уровень, получить принципиально иные возможности, да и просто стать состоятельными людьми, чего уж тут лукавить? Ведь золотые олимпийские награды оплачиваются ныне так, что уже ради этого стоит работать несколько лет. И вопрос это для многих отнюдь не маловажный. Во всяком случае, когда я обсуждала в бассейне плачевный результат российской эстафеты с высоким спортивным боссом международного уровня, тот сказал, что хотел бы задать руководителям нашей федерации плавания и тем, кто комплектовал эстафетный состав, ряд вопросов. Спросить, например, о том, кто дал им право оставить без возможных медалей сразу шесть человек, лишить их призовых денег? Почему они считают нормальным угробить спортивную жизнь целому поколению пловцов?

Поколению, замечу от себя, едва ли не самому талантливому из тех, что Россия имела за всю свою плавательную историю.

До тех Игр я никогда не встречалась с Гамбой. Но заочно была готова признаться ему в любви. Потому что благодаря ему мы все увидели, что такое по-настоящему профессиональная работа, и поняли, что успех не имеет национальности. Потому что Гамба как бы невзначай опроверг распространенное убеждение:

мол, нынешнее поколение российских спортсменов мало на что способно – людей портят чрезмерные деньги, которые сейчас крутятся в спорте, и чрезмерные же соблазны. Наконец, потому что он, итальянец, сделал для нашей страны то, что не сумел до него сделать никто другой.

Все это сильно контрастировало с происходившим в первую неделю Игр на других аренах… Там «сливалось» плавание и палили мимо мишеней стрелки, тренеры отказывались от комментариев, а спортсмены не останавливались в микст-зонах – и ведь их, положа руку на сердце, можно было понять… Парни из «спецназа Гамбы» боролись в Лондоне не за деньги. Олимпийское золото вообще нельзя выиграть за деньги. Его можно взять лишь тогда, когда ты одержим мыслью доказать собственное превосходство. Когда сознание заполнено исключительно всепоглощающей уверенностью: «Я – лучший! Я смогу!» И совсем не важно, выходит ли на старт побитый жизнью взрослый мужик или совсем маленькая девочка.

* * *

Одной из маленьких девочек, за которую я болела в Лондоне особенно сильно, была семнадцатилетняя Алия Мустафина. По гимнастическим меркам она вовсе не была малышкой, но не потому, что большая спортивная карьера начинается в спортивной гимнастике совсем рано. Просто к этому возрасту Алия успела пережить в спорте все, что только возможно. За два года до Игр она стала абсолютной чемпионкой мира, завоевав еще одно золото в командном первенстве, где блистательно исполнила роль первой скрипки, и добавив к этому три личных серебра. А через несколько месяцев случилась травма. Тяжелейшая, как все, что происходят в гимнастике – полный разрыв крестообразных связок колена.

Ее тогда почти списали. В интервью, которые щедро раздавала на протяжении всего сезона старший тренер сборной, постоянно сквозило, что Алия уже совсем не та, что раньше. Что она так и не смогла восстановиться после травмы. Что стала бояться соревнований и сложных элементов. Что если сумеет «зацепить» в Лондоне хотя бы бронзу на брусьях – это будет потолком ее возможностей и пределом мечтаний.

Мустафина же вернулась из Лондона героиней. По сути, именно она спасла свою команду от поражения, встав за нее на всех четырех снарядах, хотя должна была выступать в командном первенстве лишь на двух. За общим серебром последовала бронза,

завоеванная в многоборье, затем золото на брусьях и еще одна бронза – в вольных упражнениях. Завоевать в Лондоне четыре олимпийские награды не удалось больше никакой другой гимнастке.

История спорта знает немало примеров уникальных спортивных тандемов. Попов – и его наставник Геннадий Турецкий, Карелин – и Виктор Кузнецов. Хоркина – и Борис Пилкин. Для Алии тренером ее жизни стал Александр Александров – тренер, когда-то подготовивший одного из величайших гимнастов современности трехкратного олимпийского чемпиона Дмитрия Билозерчева. Причем трехкратным Билозерчев стал на Играх в Сеуле в 1988-м, вернувшись в спорт после страшнейших множественных переломов, полученных в автомобильной аварии осенью 1985 года.

Потом Александров четыре года работал с женской сборной СССР. Той самой, которая выступала на Играх в Барселоне под странным названием «Объединенная команда» и белым олимпийским флагом несуществующего государства. Результатом стали три золота, серебро и две бронзы.

А в 1994-м тренер уехал в США, чтобы вернуться спустя почти пятнадцать лет.

К Александрову дочь отвел Фаргат Мустафин. Сам он – двукратный чемпион мира и бронзовый призер Олимпийских игр-1976 по греко-римской борьбе – вырос в ЦСКА, в борцовском зале, который располагался прямо над гимнастическим, на втором этаже того же здания.

Но после триумфа в Роттердаме на тренера, вернувшего России командный чемпионский титул после девятнадцатилетнего перерыва, обрушилась чужая зависть и ненависть. Самое парадоксальное заключалось в том, что шла она со стороны как раз тех, кто пригласил выдающегося тренера в Россию – спасать гимнастику.

В одном из гимнастических репортажей я тогда написала: «Приглашая Александрова в команду, главный тренер Андрей Родионенко, думаю, прекрасно отдавал себе отчет в том, на что себя обрекает. Ведь выдающиеся тренеры, как правило, – это люди со страшно тяжелым характером. Предъявляющие высочайшие профессиональные требования к себе лично и ждущие того же от окружающих. Иногда они бывают жесткими, иногда скандальными. И всегда имеют собственную точку зрения, которую готовы отстаивать, независимо от того, совпадает она с начальственной или нет. Но разве все это имеет значение, когда приходится выбираться из пропасти в одной связке?»

В том, что никакой связки уже не существует, я убедилась в 2011-м на чемпионате мира в Токио. После выхода репортажа, небольшую часть которого составило интервью с бывшей американской ученицей Александрова, олимпийской чемпионкой Атланты Доминик Мочану, мне передали, что супруга главного тренера, тоже работающая в команде, крайне недовольна прочитанным. Когда я подошла выяснить, что именно показалось некорректным, собеседница, ничуть не смущаясь присутствием вокруг достаточно большого количества людей, начала возмущенно меня отчитывать:

– Кто такой этот ваш Александров? Зачем вы его искусственно возвеличиваете? Чего он добился как тренер? Никому вообще не известно, какое отношение он имеет к Мочану!

Из продолжения беседы следовало, что Александрова облагодетельствовали, вытащив его из Америки, но с такой же легкостью могут отправить обратно, если тренер «будет продолжать так себя вести».

Когда в сборную, восстановившись после травмы, вернулась Мустафина, отношения в команде обострились еще больше. В частности, Александрову постоянно вменялось в вину, что он «слишком занят своей личной ученицей».

Главную роль в Лондоне, по замыслу гимнастического руководства, должна была сыграть совсем юная Анастасия Гришина. Об этом достаточно много говорилось журналистам при каждом удобном случае: мол, подождите еще немного, и звездочка вспыхнет так, что все ахнут. Потенциальные возможности Гришиной действительно были высоки. С негласного одобрения Андрея и Валентины Родионенко гимнастке и ее наставнику Сергею Зеликсону фактически был предоставлен свободный график и возможность приезжать в расположение сборной команды на «Озеро Круглое» лишь тогда, когда они сами сочтут нужным. Находиться на базе постоянно Зеликсон не мог – в Москве его держал бизнес.

По тренировкам считалось, что у Гришиной в вольных упражнениях наиболее сложная акробатика. Правда, Настя постоянно делала все со страховкой, а это совершенно не то же самое, что выступать на помосте. Как бы то ни было, в Лондон команда отправилась с заранее принятым решением: в командном первенстве Гришина выступит в вольных упражнениях и на бревне, Мустафина – в опорном прыжке и на брусьях. Но после квалификации дебютантка «поплыла» – испугалась предстоящего финала. И Мустафиной пришлось выступать в командном первенстве на всех снарядах, чтобы единственно возможным способом прикрыть внезапно

образовавшиеся прорехи. По сути, честь команды спасла именно она.

Единственная просьба, с которой Александров обратился в Лондоне к руководству команды, заключалась в том, чтобы в квалификации его ученице дали возможность выйти на бревно и вольные упражнения не под первым стартовым номером. Дело было не только в том, что «забойщик» всегда получает более низкие оценки. Очередность выхода имела для Мустафиной принципиальное значение: спортсменка выступала с жестко затейпированными голеностопами, чтобы свести к минимуму вероятность возможной травмы. После разминки ей в обязательном порядке нужно было снять тейпы, чтобы восстановить кровообращение. Соответственно требовалось время, чтобы ноги немножко отдохнули, и их можно было снова затейповать. При первом стартовом номере все это исключалось – не оставалось времени. Но в этом спортсменке и ее тренеру было отказано.

Впрочем, остановить Мустафину на тех Играх уже не могло ничего. Когда, уже имея в активе командное серебро и завоеванную в многоборье бронзу, она вышла к брусьям, в моей голове промелькнул подслушанный накануне диалог гимнастических коллег: «Мустафина способна вырвать медаль на брусьях?» – спрашивал один из них. «Если ее по-настоящему разозлить, она способна вырвать сами брусья!» – без тени сомнения ответил другой.

Примерно так все и получилось. В выступлении Алии сошлось очень многое: сумасшедшая концентрация и желание биться до последнего, собственная гимнастическая честь и честь тренера, взявшегося тренировать Алию в тот момент, когда она вообще хотела бросить гимнастику, потому что не видела дальнейших перспектив. Им двоим вообще повезло друг с другом: гимнастическому наставнику старой закалки, для которого всегда было заветнейшей целью довести своих спортсменов до олимпийского золота, и дочке чемпиона мира по греко-римской борьбе. В этом виде спорта тоже всегда была в чести единственно правильная с точки зрения большого спорта философия: либо ты первый, либо ты проиграл…

Александрова же уволили сразу после Игр. Сделав свою работу, он, как это часто бывает, оказался не нужен.

Глава 2. Другая вода

За несколько дней до отъезда в Лондон мне довелось принять участие в интересном мероприятии. Посольство США в Москве устраивало неофициальный прием для юных российских и американских пловцов, которые проводили совместный тренировочный лагерь на подмосковной олимпийской базе «Озеро Круглое».

Пока ребятня общалась друг с другом, поглощая зажаренные прямо во дворике посольства гамбургеры и специально приготовленные для торжества шеф-поваром посольства пирожные, я разговорилась с главным тренером американской школы Пайн-Крест Джеем Фитцжеральдом. Он много лет «поставлял» пловцов в сборную США, в середине восьмидесятых работал в национальной сборной, подготовил двух чемпионов и двух вице-чемпионов Олимпийских игр. Так что в его лице я нашла интереснейшего собеседника.

Мы вспоминали с Фитцжеральдом, как в 1975-м в Калифорнии на базе сильнейшего на тот момент плавательного клуба Мишн Вьехо был впервые проведен совместный тренировочный сбор советской и американской команд. Жалели, что хорошая в общем-то традиция так и не получила впоследствии широкого развития, разбившись сначала об олимпийский бойкот в 1980-м, потом в 1984-м. Говорили мы и о приближающихся Олимпийских играх. Спорили, кто окажется в Лондоне удачливее – Майкл Фелпс или Райан Лохте, и тут мой собеседник хохотнул: «Если только их обоих не обставит по количеству завоеванных медалей Мелисса Франклин».

– А что, она всерьез собирается это сделать? – поинтересовалась я.

– Видите ли в чем дело, – ответил тренер, – Мисси сейчас всего семнадцать лет. По большому счету это вообще не ее Игры. В Лондон она едет просто получить удовольствие от соревнований. Не думаю, что в окружении Франклин есть хоть один человек, который считал бы иначе.

Фраза заставила вспомнить историю, много лет назад рассказанную мне отцом (он тогда тренировал сборную СССР по плаванию). У него в команде был удивительно талантливый пловец, который совершенно не умел выступать на крупных соревнованиях: пробивался в финал без труда, а вот в самом финале впадал в ступор при одном только звуке стартового сигнала. Перед отбором на очередной чемпионат парня совсем было собирались списывать, но все-таки решили дать ему еще

один шанс. Перед самым стартом отец подошел к нему и сказал: «Есть личная просьба: дело в том, что на соревнования приехала иностранная съемочная группа, которая снимает учебный фильм о стилях плавания. Постарайся проплыть красиво, на длинных гребках – как ты умеешь. И черт с ним, с результатом. Это не главное».

Парень финишировал первым. С рекордом Европы.

Если бы меня спросили, какое качество американских тренеров восхищает меня сильнее всего, я бы ответила однозначно: умение фантастически мотивировать своих спортсменов, но при этом не придавливать их чугунной плитой ответственности. Хотя мотивация вряд ли насаждается «сверху». Она, скорее, берет свое начало в команде.

О каких бы соревнованиях ни шла речь, американские сборные запоминаются окружающим прежде всего своей сплоченностью, взаимоподдержкой и куражом. Помню, как искренне удивлялись коллеги-фотографы, обнаружив в звездно-полосатом секторе олимпийских трибун Пекина ликующую физиономию Майкла Фелпса. Шесть золотых медалей Игр-2004, а потом еще восемь пекинских совершенно не мешали заоблачно-популярному чемпиону (и ведь при всей своей загруженности собственными стартами нашел же время!) прыгать, свистеть и размахивать флагом в окружении столь же восторженных американских девчушек-дебютанток.

Стоит ли удивляться, что в недрах этого командного куража неизменно рождается неодолимое стремление к результату? От удовольствия рождается – не от долга.

Еще мне почему-то запомнилось, как уже в самом Лондоне, отвечая на вопросы журналистов на пресс-конференции в главном пресс-центре Игр, Фелпс вдруг тоном старшего брата начал рассказывать о Франклин.

– Вы видели, сколько энергии в этой девчонке? – вопрошал он зал. – Она же, когда не плавает, постоянно крутится и подпрыгивает, подпрыгивает и крутится. Даже не представляю, как быстро Мисси способна плыть, если кто-нибудь сумеет направить всю ее энергию в одно русло. Сколько раз я ей говорил: «Мисси, если вдруг тебе понадобится мой совет, вот номер телефона – напиши эсэмэс, и я обязательно тебе отвечу». Но она ни разу ничего не написала, представляете? Конечно, как тут можно что-то написать, когда постоянно подпрыгиваешь?..

В этот самый момент я поймала себя на мысли, что отчаянно завидую и Франклин, и самому Фелпсу, сумевшему парой ничего не значащих фраз создать впечатление, что даже здесь, в пресс-центре, за ними двумя стоит вся его команда.

* * *

За четыре года до лондонских Игр, выиграв в Пекине восемь золотых наград и установив по ходу олимпийского турнира семь мировых рекордов, Майкл Фелпс официально заявил, что никогда больше в своей жизни не выйдет на старт самой длинной комплексной дистанции. Той самой, на которой дважды побеждал на Играх и столько же раз – на мировых первенствах.

Заявление сначала прозвучало в микст-зоне, затем – на медальной пресс-конференции, еще через день – на пресс-конференции в главном пресс-центре Игр. Более того, когда спустя какое-то время мы с Фелпсом встретились в Пекине в эксклюзивной обстановке Omega-хауса, он пояснил еще раз: «Решил, что пришло время попробовать переключиться на другие дистанции. Комплексное плавание отнимает слишком много сил. Приходится уделять много времени каждому стилю, оттачивать каждый гребок. Да, я получал определенное удовольствие, плавая 400 метров, поскольку на протяжении многих лет именно эта дистанция была моим основным видом. Но теперь все – задача выполнена».

Пресс-конференция Фелпса и его тренера Боба Боумэна, организованная для легендарного тандема в Лондоне, интриговала уже своим началом. В ожидании пловца я включила гарнитуру синхронного перевода на русский канал и услышала «закадровый» разговор двух явно далеких от спорта женщин-переводчиц: «Смотри, что творится. Ты что-нибудь понимаешь? Разве что на потолке люди не висят. Может быть, они что-то перепутали и в этом зале будет сразу две пресс-конференции?..»

Едва появившись и достав небольшой фотоаппарат («Да-да, ребята, мне тоже вас нужно сфотографировать»), Майкл был сражен вопросом в лоб:

– Звезд вашего масштаба в спорте единицы. Что делает вас столь великими?

– И что вы хотите, чтобы я ответил? – иронично поинтересовался пловец. – Или ваша задача – просто меня смутить?

Инициативу перехватил Боумэн.

– Я бы сказал, что Майкл побеждает столько лет благодаря целому комплексу составляющих. Это и физические качества, и тренировки в клубе, в котором у спортсменов всегда были очень высокие ориентиры, и поддержка семьи, и способность концентрироваться под давлением. Но главное, что обусловило успех, заключается в способности Майкла работать гораздо упорнее, чем другие. Шесть лет перед Играми в Афинах он не

просто тренировался на пределе человеческих возможностей, но выполнял все задания максимально добросовестно.

– Меня все больше и больше вгоняют в краску, – шутливо пробурчал себе под нос Фелпс, позаботившись при этом, чтобы слова попали в микрофон. Но тут же продолжил уже серьезно: – Большинство людей привыкло выражать свои эмоции словами. Я стараюсь выражать их действием. Мне нравится этот процесс, я получаю от него удовольствие и очень надеюсь, что такое же удовольствие мне принесет следующая неделя.

– Вы отдаете себе отчет в том, сколько человек в мире стремится вас обыграть?

– А зачем об этом думать? К Играм в Лондоне я готовился очень серьезно – не менее серьезно, чем раньше. Главное ведь не в том, что это – Игры. Для меня это просто очередные соревнования: те же дорожки, тот же бассейн, те же очки, шапочка и плавки. Ну да, на трибунах больше зрителей, прессы. Но все равно все сводится к тому, чтобы встать на тумбочку, прыгнуть в воду и попытаться финишировать с лучшим результатом.

На вопрос о возвращении к некогда нелюбимой дистанции Фелпс с милой улыбкой сказал:

– В отношении «комплекса» я просто изменил свое решение. Посидел, вспомнил, как выигрывал эту дистанцию в Афинах, потом в Пекине, и подумал: с чего, собственно, мне отказываться от удовольствия испытать все это еще раз? В последние две недели мы с Бобом кое-что изменили в тренировках, и, надо сказать, я стал чувствовать себя гораздо комфортнее. Поэтому рвусь в бой. И обещаю вам, что скучно не будет.

Достойным завершением беседы американца с прессой стал заключительный вопрос:

– Для вас эта Олимпиада – четвертая. Вы сохранили в себе способность хоть чему-то удивляться?

Фелпс почесал в затылке и задумчиво хмыкнул в микрофон:

– Знаете, я тут пошел в кафетерий в Олимпийской деревне и увидел там трех русских девушек. И просто обалдел. Все они оказались выше меня…

* * *

400 метров комплексным плаванием Фелпс проиграл. Сокрушительно и, увы, прогнозируемо.

Его дуэль с Лохте предвкушали все. То, что этой дуэли не получилось – другой вопрос.

– Фелпс не выиграет сегодня, – с самым серьезным видом сказал мне глава канадской делегации, член бюро Международной федерации плавания Элдон Годфри. И пояснил: – Он ведь совершенно не знает, как плыть по восьмой дорожке. А на восьмой дорожке, как я слышал, совершенно другая вода…

Насчет «другой» воды можно было, конечно же, поспорить. Случаев, когда чемпионом становился спортсмен, попавший в финал с восьмым результатом и занявший, соответственно, крайнюю дорожку, в истории плавания было множество, в том числе и у российских пловцов. Так в свое время побеждал (правда не на Играх) четырехкратный олимпийский чемпион Александр Попов, а задолго до него – олимпийский чемпион Игр-1980 брассист Робертас Жулпа.

За час до финалов я беседовала на трибуне с олимпийским чемпионом Сергеем Фесенко. На Играх-1980 в Москве он выиграл 200 метров баттерфляем и стал вторым как раз в «длинном» комплексе, уступив золото Александру Сидоренко. Фесенко однозначно ставил на Лохте.

– Я специально приезжал в этом году в Омаху на олимпийский отбор американцев, чтобы посмотреть на Фелпса и Лохте, – сказал пловец. – Еще там мне показалось, что Лохте готов лучше. Майкл, конечно же, лукавит, рассказывая, что для него нынешняя Олимпиада далеко не так важна, как были две предыдущие. Я более чем уверен, что для него крайне важно побить в Лондоне медальный рекорд Ларисы Латыниной, и он наверняка будет что есть сил стараться это сделать. Я же видел, как в Омахе он боролся на дистанции 200 метров комплекс – это был натуральный зверь! Но 400 метров – отдельная история. Здесь, в Лондоне, Фелпс плыл утром не очень хорошо. И сильно подставил этим Ласло Чеха, кстати: тот, дурачок, на него ориентировался и не попал в итоге в финал. А Олимпиада – занятие не для дураков. Тут надо очень четко понимать, что расслабляться нельзя вообще. Тем более на дистанциях, которые проводятся без полуфиналов. Там всего восемь мест.

При всей справедливости поражения Майкла Фелпса, его было жаль. Скорее даже не его самого, а до такой степени бездарно развеянную иллюзию непобедимости американца. Четырнадцатикратный олимпийский чемпион со своим итоговым результатом 4.09,28 выглядел жалко и беспомощно. Вот, собственно, что заставило задуматься: а стоило возвращаться в прежнюю «комплексную» воду на дистанцию, отложенную после Игр в Пекине почти на четыре года, за публичным, пусть кратковременным позором?

Хотя… Кто знает? Может быть, это как раз стоило сделать

для того, чтобы наглядно, на своем собственном звездном примере объяснить всему миру, что Олимпийские игры не прощают халявы. Ведь тот же Лохте, высказав вслух журналистам искренние сожаления по поводу неудачи соотечественника и друга, отвечая на вопрос о выигранном поединке, сказал: «Я просто очень тяжело работал ради этого все четыре года…»

Свои четыре золота Фелпс в Лондоне все же завоевал – выиграл две личные дистанции и две эстафеты. А Фитцжеральд, кстати, оказался прав. По количеству завоеванных в Лондоне золотых олимпийских медалей маленькая американская девочка Мелисса Франклин вдвое перещеголяла Лохте и как минимум не проиграла – Фелпсу.

Глава 3. Люблю, целую, занят…

Ровно за год до Игр в Лондоне Настя Зуева стала чемпионкой мира. Выиграла она там всего лишь неолимпийскую дистанцию – 50 метров на спине. А в заплыве на олимпийской стометровке Настя стала второй, проиграв на финише китаянке Чжао Цзин 0,01. Одну сотую долю секунды.

Там же, в Шанхае, результаты двух спортсменок были переведены в графический формат: российская спортсменка проиграла китайской семнадцать миллиметров. Касание.

Тех трех десятков метров, что отделяли бортик бассейна от микст-зоны, спортсменке вполне хватило, чтобы осознать, как отчаянно обидна эта ничтожная величина, в чем ее ни измеряй, – и в коридор, с обеих сторон плотно утыканный журналистами, она вышла, рыдая.

На чемпионате мира-2009 в Риме Зуева тоже была на стометровке второй. Проиграла 0,06 англичанке Джемме Споффорт. На дистанции 200 метров отстала от олимпийской чемпионки Кирсти Ковентри на 0,13, причем обе спортсменки превысили мировой рекорд. А в микст-зоне, выиграв вторую из своих наград, спортсменка чуть не потеряла сознание. Успела прошептать: «Спина…», – и, бледнея от боли, начала стаскивать с себя костюм, не обращая никакого внимания на стоящих в коридоре охранников.

Позже ее тренер Наташа Козлова объяснит, что со спиной у Насти старая, причем врожденная проблема, которая заключается в том, что у большинства людей в поясничном отделе позвоночника есть прогиб, а у ее девочки спинка в этом месте прямая, следовательно, и нагрузка на поясницу больше… Спас Настю немецкий врач-физиолог Хом Гарави. Подобрал упражнения для того, чтобы закачать спину, посоветовал изменить старт. Он же занимался лечением Ефимовой (Юлю беспокоил целый букет травм), ездил с пациентками на сборы, благодаря чему обе спортсменки подошли к Играм в наилучшей форме.

С Настей и Юлей в те годы были связаны все медальные надежды российского плавания. Они их и оправдывали, как могли. Ефимова стала чемпионкой мира в 2009-м, выиграв 50 метров брассом, там же завоевала серебро на стометровке. У обеих спортсменок уже имелся не слишком удачный олимпийский опыт Пекина, однако к лондонским Играм на их счету уже лежало в общей сложности семь медалей чемпионатов мира. Понятное дело, что в Лондоне от Зуевой и Ефимовой ждали

только золота.

Но с золотом не получилось. На дистанции 200 метров на спине Зуева попала «под Франклин».

Остановить американку на той Олимпиаде не мог никто. Она выиграла обе личные дистанции плюс две эстафеты, а в третьей получила бронзу. Зуева и сама назвала Мелиссу невероятной, внутренне понимая, что собственное серебро завоевано на пределе возможностей.

– И результат, конечно же, невероятный, – добавила Настя. – Вроде бы совсем молодая девочка, но стартует без устали. Я пока к такому не готова. Думаю, что в России пловцы вообще к этому не готовы…

Не получилось с золотом и у Ефимовой. К финишу своей основной двухсотметровой дистанции она приплыла с новым рекордом Европы. Но – третьей.

* * *

За полтора года до этого выступления Юля рассталась с тренером – Ириной Вятчаниной. Как это часто бывает при подобных разрывах, у каждой из сторон имелась своя правда. Вятчанина считала, что спортсменку у нее просто увели, воспользовавшись тем, что между Юлей и ее тренером вспыхнул конфликт, отец Юли, напротив, считал, что разногласия его дочери с наставницей носили настолько серьезный характер, что Юля вообще собиралась бросить спорт.

– Я много раз пытался этот конфликт как-то урегулировать, – объяснял он. – Проблема заключалась в том, что Вятчанина постоянно стремилась Юлю подчинить. Но Юля по гороскопу – Овен. Баран. Перед бараном нельзя ставить закрытые ворота – он их разобьет. Я и сам много раз убеждался в том, что дочь нельзя заставить что-то делать против ее воли. Ей можно только объяснить. Терпеливо и спокойно. Так, по крайней мере, я всегда в отношении Юли поступал сам. Потому что любые попытки надавить приводили к тому, что все вокруг оказывалось снесено до основания. Именно так получилось и с тренером…

Сама спортсменка видела в собственном отъезде в США к довольно известному в плавательных кругах тренеру Дэйву Сало только плюсы.

– Я полюбила тренироваться. Раньше любила только соревнования. А вот приходить на тренировку было для меня мучением. Заставляла себя идти в бассейн. Сейчас же на каждую тренировку иду с удовольствием – и чувствую себя счастливой.

На плавающих у Сало Ребекку Сони и Джессику Харди Ефимова смотрела, как на спарринг-партнерш. Но за год до Игр она проиграла на чемпионате мира именно им. По словам Вятчаниной, проблема была в том, что Сало, получив в руки спортсменку с уникальной техникой, не сразу в ней разобрался. Он начал ставить Ефимовой такой же темповой стиль, каким плавала Харди. И делать работу, направленную исключительно на удержание этого темпа на дистанции.

– Когда я это видела, у меня сердце кровью обливалось, – говорила Ирина уже после проигрыша бывшей подопечной на Олимпиаде. – Я понимала, что Юлька взяла свои медали в Шанхае и Лондоне одним только характером, а не тем, чем должна была. Лондонская Олимпиада, если говорить откровенно, должна была стать стопроцентно Юлькиной. И «сотня», и двести метров. Поэтому заставить себя радоваться выдранной на «двухсотке» бронзе я просто не могла…

Та медаль тем не менее имела свой бэкграунд. Нелегкий, чтобы не сказать – жутковатый. Через два дня после того, как пловцы заехали в Олимпийскую деревню и начали тренироваться в главном бассейне, у Ефимовой внезапно пошла мощнейшая аллергическая реакция. Первые симптомы, как призналась Юля врачам, она начала ощущать еще раньше – на тренировочном сборе, который пловцы проводили в Великобритании. Ну а едва окунувшись в лондонский бассейн, Юля в одночасье покрылась аллергической сыпью с головы до ног, хотя никогда прежде серьезных проблем подобного характера у девушки не случалось.

Еще через день реакция пошла «вглубь» – у Ефимовой распухли губы, стало трудно дышать. Специалисты российского медицинского центра кинулись бить тревогу: подобная симптоматика вызывала опасение, что аллергия спровоцирует отек Квинке – заболевание, при котором дыхательные пути отекают до такой степени, что человек теряет способность дышать.

В «мирной» жизни подобное состояние пациента быстрее всего нормализуется сильнодействующим гормональным препаратом дексаметазоном. Но вводить это лекарство спортсмену, выступающему на соревнованиях, можно только имея так называемое «терапевтическое исключение» – бумагу, подписанную полномочным медицинским представителем и объясняющую необходимость использования конкретного препарата. Иначе – неминуемая дисквалификация.

Когда Ефимова вместе с руководителем российского медцентра профессором Сергеем Архиповым пришла за этой бумагой в международный медицинский центр, дежуривший там

врач осмотрел российскую брассистку, полностью согласился как с диагнозом, так и с необходимостью применения гормонального препарата, но сказал, извинившись и сославшись на правила, что не может взять на себя ответственность подписать разрешение: мол, это должен делать представитель антидопингового комитета Международного олимпийского комитета.

В следующей инстанции Ефимову и российского врача встретил очень пожилой австралиец, появления которого пришлось ждать почти час, и начал самозабвенно менторским тоном что-то вещать. Понять большого медицинского босса было категорически невозможно, так как, во-первых, он говорил по-английски с жутчайшим австралийским акцентом, а во-вторых, был изрядно шепеляв: во рту медицинского светила отсутствовала половина зубов.

Послали за переводчиком. Австралиец, недовольный уже тем, что его попросили по возможности четко повторить все еще раз, стал ворчливо читать российской мини-делегации очередную нотацию. Смысл его речи сводился к следующему: мол, вы, европейцы, привыкли по любому поводу хвататься за шприц. В то время как существуют совершенно замечательные таблетки, которыми просто нужно уметь пользоваться.

Далее шло предложение «прямо сейчас» научить представителей России всем тонкостям таблеточной терапии и посмотреть, что будет.

Доведенный в глубине души до белого каления российский профессор, даже не считая нужным как-то себя сдерживать, рявкнул: «Прекрасно. Мы готовы во всем с вами согласиться. Но только после того, как вы подпишете бумагу, что выслушали мой диагноз и мои предложения по лечению, отклонили их и, если у девочки случится отек Квинке, подтверждаете, что я как врач уже не должен нести за это никакой ответственности».

Австралиец крепко задумался. Пообещал перезвонить в российскую клинику через час – сообщить свой вердикт. Спустя час разрешение на инъекцию было получено.

Для полной страховки российская сторона затребовала письменное подтверждение. Спустя еще два часа по электронной почте было получено и оно.

Наутро Ефимова была практически здорова. Это был день предварительного и полуфинального стартов ее первой дистанции – стометровки. Но завоевать там медаль Юле не удалось – она осталась четвертой.

Как раз на тех Играх один из моих знакомых – тренер с полувековым стажем работы – сказал о Юле, как мне тогда показалось, не всерьез: «Похоже, карма у нее такая – проигрывать

главные старты в карьере. Словно удача отворачивается в самый важный момент жизни»…

* * *

Когда-то в середине 1990-х на одном из этапов Кубка мира по плаванию, проводившегося в крошечном итальянском городишке Сен-Винсенте, главной достопримечательностью которого до сих пор является известное на всю страну казино, двукратный на тот момент олимпийский чемпион Александр Попов проиграл одну из своих дистанций итальянцу. Поскольку произошло это не в финале, я даже не запомнила имени пловца. Но до сих пор помню устроенный парнем спектакль. В уже опустевшем бассейне он долго позировал местным фотографам в стиле «а-ля Тарзан», после чего удалился в раздевалку со словами, что немедленно отправится заказывать себе новые визитные карточки, чтобы все знали: их обладатель – это человек, обыгравший Попова!

На лондонской стометровке баттерфляем все предвкушали дуэль великого Майкла Фелпса и Милорада Чавича – того самого, кто по всем раскладам должен был стать на тех Играх чемпионом, но проиграл касание. Серб слишком много лет бился за право быть «Вторым после Бога», и на него смотрели как на единственного человека, способного оставить Майкла на его коронной и самой любимой дистанции без золотой медали.

В Лондоне этим человеком стал Евгений Коротышкин.

В слове «второй» имелось некоторое кокетство: Коротышкин разделил серебро с южноафриканцем Чедом Ле Кло. Но в самом факте была какая-то высшая спортивная справедливость. Евгения за глаза «списали» из сборной за несколько лет до лондонских Игр, и он оказался перед выбором: либо завершить карьеру, либо уехать тренироваться в другую страну, поставив на кон все, что только можно. И уехал в Италию – к Андреа Ди Нино. Тому самому тренеру, который готовил к пекинской Олимпиаде Чавича.

Шансы Коротышкина в компании тех, кто пробился в баттерфляе в финал, выглядели достаточно призрачно. К тому же Евгению досталась восьмая дорожка – самая неудобная для того, чтобы плыть, и уж тем более мало подходящая для того, чтобы бросаться на медальный штурм. Но такова уж участь пловца, вошедшего в финал с самым слабым результатом.

Сам Коротышкин сказал после своего невероятного финиша: «Восьмая дорожка – это галерка. Когда по ней плывешь, то совсем нет возможности видеть, что происходит на дистанции. С другой

стороны, там уже совершенно нечего терять. До финала мы с ребятами даже шутили на эту тему. Вспоминали, как я выиграл на восьмой дорожке чемпионат Европы-2008 в Эйндховене. Меня даже спросили, может ли нечто подобное повториться в Лондоне. И я сказал, что в олимпийском финале может вообще случиться что угодно.

Вряд ли сам Евгений мог заранее предположить, что свой полуфинальный результат он улучшит сразу на 0,41.

«В своих мыслях я успел побывать и восьмым, и пятым, и третьим, и вторым, и первым. Просто, когда представляешь себя на олимпийском пьедестале, сразу приходит сомнение: «Такого не может случиться». В Лондоне я понял одно: для того чтобы выиграть, нужно выходить на старт с мыслью, что ты сильнейший. А большинство пловцов думает на старте о том, как сильны соперники», – добавил он.

На вопрос, успел ли вице-чемпион Олимпиады уже переговорить с семьей, где мама-тренер сама когда-то выступала за сборную и потом привела в бассейн маленького Женьку, Коротышкин смущенно улыбнулся.

– Пока еще ни с кем не разговаривал. Получил эсэмэс. Близкие написали, что все видели, что очень переживали, что очень меня любят. Просто сил на то, чтобы разговаривать, у меня в тот момент просто не было. Поэтому ответил коротко: «Люблю, целую, занят»…

Глава 4. Погоня длиной в год

Свою персональную войну с китайцами Илья Захаров начал за год до лондонских Игр, когда завоевал индивидуальное серебро на трехметровом трамплине на чемпионате мира в Шанхае. Нет, он и раньше мечтал о том, чтобы опередить спортсменов Поднебесной (кто же в прыжках в воду не мечтает об этом?), но только в Шанхае по-настоящему понял, что задача отнюдь не является невыполнимой. Просто для этого исполнение прыжков должно быть идеальным, а в программе не должно быть слабых мест. Желательно, чтобы были сильные. Например – сложность.

На те же самые мысли наводил и серебряный результат Захарова в синхронных прыжках – в тандеме с Евгением Кузнецовым. Дебютанты мирового первенства проиграли китайскому чемпионскому тандему всего 12,09 балла.

Считалось, что мужской «синхрон» на трамплине – потенциально наиболее медальный для России вид. Поэтому Илье и Евгению, несмотря на отсутствие большого опыта совместных выступлений, вменялось непременно подняться в Шанхае на пьедестал, хотя на двух предыдущих мировых первенствах российского синхронного дуэта не было на трамплине даже в призерах. При этом как бы по умолчанию подразумевалось, что китайцам Илья и Евгений проиграют. Но вряд ли кто допускал, что разрыв окажется столь небольшим.

Пожалуй, самым ценным в их тогдашнем выступлении было то, что спортсменам прекрасно удался заключительный прыжок программы. Один из сложнейших – четыре с половиной оборота вперед. До Игр в Пекине этот элемент прыгуны в воду не очень жаловали, поскольку коэффициент трудности за «четыре с полтиной» был слишком низок. После Пекина в таблицу сложности были внесены коррективы, прыжок подорожал – и тут же стал востребован. Причем Захаров и Кузнецов оказались в числе тех спортсменов, у которых новинка категории «ультра-си» сразу задалась. На чемпионате Европы-2011 в Турине за дебютный показ прыжка спортсмены получили более восьмидесяти баллов, а на чемпионате России – почти сто.

Уже после того как позади остались финал, церемония награждения, пресс-конференция и допинг-контроль, на который по жребию попал Кузнецов, мы сидели вдвоем с Захаровым в полупустом коридоре бассейна, и он неожиданно сказал:

– А знаете, я ведь очень хорошо помню, что вы сказали мне год назад на чемпионате Европы в Будапеште насчет последнего

прыжка. В том смысле, что последний прыжок всегда надо выполнять хорошо. Иначе вообще нет смысла выступать. Я потом об этом очень много думал. Сначала, честно скажу, обиделся: хлестанули вы нас тогда жестоко. А потом понял, что вы абсолютно правы. У нас с Женей последними раньше стояли прыжки второго и третьего класса с «задними» входами. Не очень уверенными, скажем так. Довольно часто мы проигрывали именно в последнем прыжке. А в этом году решили это прекратить. И поменяли прыжки местами. Это сработало!

Те две серебряные шанхайские медали словно переключили в сознании Захарова какой-то тумблер. По одну сторону осталось ощущение непобедимости китайцев и того, что выиграть у них невозможно ни при каком раскладе, по другую – колоссальная и поистине безграничная уверенность в собственных силах.

К началу Олимпийских игр Захаров почти не допускал ошибок в тренировках и по сумме коэффициентов трудности на 0,5 превосходил наиболее грозного из китайских соперников – олимпийского чемпиона Пекина в индивидуальных прыжках Хе Чона.

То, что выбранная олимпийская тактика оказалась верной, в Лондоне показала уже предварительная серия прыжков, где российский спортсмен набрал лучшую сумму баллов. В тех видах спорта, где финальная борьба начинается с нуля, предварительный результат по большому счету вообще не имеет значения. Но только не в прыжках в воду. Там давно стало очевидно: китайца не победить, если арбитры не воспринимают тебя как равного соперника. Вот и приходится использовать любую возможность, чтобы повысить собственный кредит доверия.

Полуфинал сложился для Захарова чуть менее удачно – он стал вторым, заработав себе тем самым предпоследнюю стартовую позицию в финале как раз между двумя китайцами – Хе Чоном и уже двукратным олимпийским чемпионом в синхронных прыжках Цинь Каем. И гонка за золотом началась.

К тому моменту, когда прыгуны вышли на финишную прямую, я успела изучить протоколы двух предыдущих серий вдоль и поперек. Из них следовало, что проиграть главный старт своей жизни российский спортсмен просто не должен: при самой сложной в мире программе он оказался единственным из всех участников, кто не допустил грубой ошибки ни в одной из серий.

Более того, на протяжении последнего года Захаров воплощал в жизнь предполагаемую олимпийскую стратегию так четко и последовательно, принося в жертву тренировкам все, что хоть как-то могло отвлечь его от великой цели, что с точки зрения

вселенской справедливости чемпионом должен был стать он и только он.

Все это я излагала на экране компьютера по мере того, как финал приближался к завершению. Когда спортсмены добрались до заключительной попытки, мне оставалось набрать на ноутбуке всего одно предложение: «В заключительном прыжке Захаров уже не мог ошибиться ни при каких условиях».

И вдруг я поняла, что написать эту фразу не могу. Потому что мне банально страшно. Потому что внизу, между бассейном и уличной курилкой, каждые пять минут мелькает хрупкая фигура Тани Коробко – тренера Ильи с тех самых пор, когда он шестилетним пацаненком пришел в Саратове на свою первую тренировку. Я видела сквозь стекло, как совершенно бледная от волнения Таня трясущимися руками достает сигарету, тут же, ломая, швыряет ее в сторону и снова бежит в бассейн – к ученику. Хотя она ничуть не хуже меня понимала, что в заключительном прыжке ее спортсмен ошибиться уже не может… ни при каких…

Потом я стояла в микст-зоне, уже откричавшейся и отликовавшей по поводу победы Захарова, и ждала именно Таню. Замахала ей руками, и она, увидев, как-то очень осторожно и даже боязливо направилась в сторону журналистов:

– Ребята, я правда не знаю, что сейчас говорить. Нет совсем никаких слов.

– Но в победу-то верили?

– Верила, конечно. Надеялась. Даже почти не волновалась, когда Илье осталось сделать последний прыжок. Нет, не из-за уверенности в том, что он его сделает, – в прыжках в воду вообще никогда нельзя ни в чем быть уверенной. Просто понимала, что уже ничего не могу изменить и ни на что повлиять. Значит, нужно просто ждать.

* * *

– Вообще-то я даже не волновался, – хмыкнет Илья в микст-зоне.

Он действительно выглядел предельно спокойным. Спокойно посмотрел на табло, на котором горели оценки Цинь Кая, спокойно наскочил, уходя во вращение. Спокойно вынырнул из воды и, не проявляя никаких эмоций, вновь повернул голову в сторону табло. И лишь потом, увидев оценки, победно вскинул руку вверх. Первая за последние тридцать два года олимпийская золотая медаль на мужском трамплине была добыта!

Ждать чемпиона в микст-зоне пришлось долго: с Ильей

Захаровым в этот вечер хотели поговорить все, включая представителей китайского телевидения. Наконец, пришла наша очередь.

– На пьедестале вы выглядели как человек, который вообще не понимает, что произошло.

– Так оно и есть. Сказать, что я чувствую себя олимпийским чемпионом, было бы большим преувеличением.

– Можете вспомнить свои ощущения, начиная с первого финального прыжка?

– Могу. Во-первых, я вообще не думал о том, что выступаю на Олимпийских играх. Не знаю, как мне это удалось, но голова была занята только тем, чтобы максимально хорошо сделать каждый из шести прыжков. У нас слишком психологически тонкий вид спорта. Стоит подумать в ходе выступления о чем-то отвлеченном – жди ошибку. С этой точки зрения у меня абсолютно все получилось: настраивался, прыгал, выбрасывал все из головы и настраивался на следующую попытку.

– Хоть в какой-то степени вы обращали внимание на то, что происходит вокруг?

– Нет. Не имел ни малейшего понятия, кто как выступает, кто лидирует, на каком месте иду я сам. Первый раз посмотрел на табло только после пятого прыжка.

– Неужели в тот момент вам не стало страшно, когда увидели, что разница между лидером – Цинь Каем – и вами составляет чуть больше балла?

– Наоборот. Я ведь заранее знал как программу китайца, так и свои возможности в заключительном прыжке. Более того, не просто знал, а делал на это ставку.

– Но ведь наверняка успели подумать, стоя на трамплине, что от золотой медали вас отделяет всего один прыжок. Коленки не дрогнули?

– Не поверите, но как раз об этом я не думал совершенно. В моей спортивной жизни хватало случаев, когда я проигрывал соревнования заключительным прыжком. Поэтому был полностью сосредоточен только на том, что предстоит выполнить. Как сделать наскок, как начать вращение, как раскрыться, как поставить руки… Сам на себя мысленно прикрикнул: «Давай поувереннее!»

– И сразу поняли, войдя в воду, что все получилось?

– Этого я как раз не понял. Показалось, что сильно недошел. Только когда вылез на бортик и услышал, как кричат трибуны, подумал, что не все, видимо, так плохо…

Глава 5. История одного поражения

В один из последних дней Игр в Пекине я шла на интервью с Еленой Исинбаевой.

Так получилось, что за все время ее выступлений у меня ни разу не было возможности познакомиться со спортсменкой лично. Хотя заочно мы были знакомы давно: в самом конце 1990-х я как-то возвращалась в Москву из Вены, а на соседних местах в самолете сидели тренер и совсем молодая спортсменка. Девушка плакала. А наставник не то чтобы утешал, скорее втолковывал: «Пойми, ты не слабее, чем она. Просто ты сама должна понять, что можешь выиграть. И вот тогда она вообще не будет для тебя конкуренткой». Это были Исинбаева и Трофимов.

В 2004-м в Афинах Лена выиграла первую из своих золотых медалей. А год спустя ушла от Трофимова к Виталию Петрову – наставнику великого Сергея Бубки. Из Волгограда она переехала в Монте-Карло, продолжая бить мировые рекорды и выигрывать все соревнования, в которых участвовала, при этом все понимали: все эти результаты – всего лишь следствие колоссального запаса прочности, который вложил в ученицу первый тренер.

Когда Исинбаева только начинала осваивать шест, знаменитый в прошлом специалист Витольд Креер попросил Трофимова показать ему все тестовые раскладки, которые имелись на Исинбаеву. Он посмотрел их и сказал: «С такими данными выше 4,70 не прыгнуть». Трофимова это не смутило. Он был одержим идеей придумать под ученицу такую технику, которая позволила бы обратить ее недостатки в достоинства. Эта мысль пришла тренеру в голову в общем-то случайно: Исинбаева пришла в легкую атлетику из гимнастики, и у нее очень часто болели стопы. Вот наставник и начал размышлять: каким образом, не перегружая ноги, можно сделать нужный объем прыжков и довести все навыки до автоматизма. И придумал упругую наклонную дорожку.

Такая дорожка создавала при разбеге правильную темповую структуру. На легкоатлетическом языке это называется «бежать в шест». Если спортсмен умеет это делать, сразу появляется возможность ставить правильный ритм прыжка и делать очень длинную «верхушку».

– В прыжках с шестом техникой всегда управляет слабое звено – точно так же, как скорость на дороге всегда определяет наиболее узкий участок, – объяснял мне Трофимов. – Если, допустим, спортсмен не очень хорошо готов в плечевом поясе, ему приходится выполнять мах через группировку. А группировка

– это торможение центра тяжести. Преимущество Исинбаевой всегда заключалось в том, что при достаточно средних качествах у нее не было слабых звеньев. Плюс – хорошее здоровье и феноменально устойчивая психика. Каким бы сильным ни был стресс, она могла лечь спать и уснуть за тридцать секунд.

У Трофимова Лена научилась прыгать так, как не умела ни одна женщина в мире. У мужчин-шестовиков во все времена существовал внутренний страх перед шестиметровой высотой, точно так же, как у женщин – перед пятиметровой. У Исинбаевой такого барьера не было в принципе. Собственно, это тоже было объяснимо: ориентировалась она не на соперниц. А на Сергея Бубку. Он же был ее кумиром. И стал тем самым человеком, который по сути увел спортсменку у тренера.

Вспоминая события афинской Олимпиады, Трофимов рассказывал:

– После того как Лена победила в Афинах, мы как-то отправились обедать с Бубкой. И он сказал Лене: «Ты сейчас стала чемпионкой, и вокруг тебя непременно возникнут с просьбами и предложениями самые разные люди. Посылай их подальше…»

Я тогда, помню, стал рассказывать Бубке, что Лена – очень хорошая, добрая и доверчивая девочка – однажды на улице даже отдала все свои деньги плачущей женщине-нищенке. Кто ж знал тогда, что все так обернется? Для меня всегда было важно, чтобы Лена обретала психологическую уверенность в тренировках. Чтобы, выходя на старт, она уже ни от чего не зависела. И ни от кого. Но в обычной жизни она всегда была «ведомой».

Слухи о том, что Исинбаеву вовсю «сватают» к Петрову, до меня доходили, – продолжал тренер. – В глубине души я был уверен, что Лена не уйдет. Надеялся, что у нее хватит благоразумия. Никто ведь не меняет тренера от хорошей жизни. У нас никогда не было никакого диктата с моей стороны, никакого чрезмерного нажима, от которого спортсменка могла бы устать, я всегда чувствовал ту грань, за которую нельзя заступать. Да и результаты постоянно росли. За время нашей совместной работы Лена установила девятнадцать мировых рекордов. Девять – как раз в тот год. Преодолела пятиметровый рубеж, прыгнула 5,01 в Хельсинки с двадцатисантиметровым запасом. Поэтому для нас с супругой и стал таким шоком ее уход…

Когда Трофимов в очередной раз услышал, что Лена может уйти к Петрову, он позвонил и спросил напрямую: «Виталий, это правда, что ты собираешься взять к себе Исинбаеву?» Но тот не стал разговаривать, повесил трубку.

Тогда Евгений Васильевич впервые в жизни решился форсировать события. Он никогда не торопил ученицу, понимая,

что рекордные результаты никуда от нее не денутся. А в 2005-м на турнире в Лондоне, когда спортсменка взяла высоту 4,96, установив очередной мировой рекорд, неожиданно сказал: мол, кто знает, что будет завтра? Но раз уж готовность так высока, может, попробуем прыгнуть на пять метров? Нет никакого смысла продолжать откладывать «исторический» прыжок, подбираясь к нему по сантиметру.

Высоту пять метров Исинбаева взяла с первой попытки.

* * *

В Лондоне спортсменка была звездой. Соревнования с ее участием напоминали хорошо подготовленное шоу, в котором продуман и срежиссирован каждый шаг, каждая деталь. На всех соревнованиях сезона фотографы караулили тот момент, когда Исинбаева выполнит первую попытку (обычно Лена появлялась в секторе, когда большинство участниц уже выбывали из борьбы), садилась на синтетическое покрытие и с головой накрывалась одеялами. Одеял обычно было три: белое, синее и красное. В цвет российского флага.

В интервью я спросила, в чем спортсменка видит мотивацию, чтобы продолжать выступления? Она без колебаний ответила:

– Быть в центре внимания, добиваться успеха. В спорте мне осталось продержаться всего четыре года. Напоследок ка-ак шарахну – и уйду. Хочу, чтобы мой рекорд простоял сто лет!

Тогда я, помню, подумала, что Лена стала напоминать своего кумира даже в мелочах. Бубка, как говорили мне в легкоатлетических кругах, в свое время крайне болезненно относился к мысли о том, что принадлежащий ему рекорд может быть кем-то перекрыт. И став членом Международной федерации легкой атлетики, даже якобы поспособствовал тому, чтобы изменить конструкцию крепежа планки, сделать ее более уязвимой, слетающей от любого касания.

На вопрос, не боится ли она проиграть, Исинбаева сказала:

– Сильные люди не думают о поражениях. Вот и я не думаю.

Проиграла она спустя год, причем сокрушительно: выйдя в финал чемпионата мира-2009 в Берлине, не сумела взять ни одной высоты. Еще через год Лена вернулась к Трофимову.

После того как она проиграла в Лондоне, я спросила тренера, что заставило его принять ученицу обратно? Ведь ее уход к Петрову стал, хоть и косвенно, причиной тяжелейшего онкологического заболевания супруги тренера – та слишком сильно и глубоко переживала случившееся. Более того, Лена сама

как-то сказала о том, что знает свою вину и глубоко переживает ее. Трофимов же ответил:

– Нам всем много чего пришлось пережить в связи с этой историей. Главное, что мы простили друг друга. Могу сказать честно: когда я увидел Ленку на пороге, у меня внутри все оборвалось. Все обиды ушли именно в тот момент. Осталось только понимание, что Ленка – это наш ребенок. Которого судьба так нахлобучила, что нужно просто возвращать его к жизни, а не рассуждать, кто был прав, а кто виноват. Тем более что, вернувшись, она у всех попросила прощения, покаялась. А на это способен только очень сильный человек…

Проиграла Исинбаева обидно. В свое время именно Трофимов научил ее забираться на соревнованиях под одеяло – так было проще сосредоточиться и избежать какого бы то ни было воздействия со стороны. В Лондоне спортсменка тоже сидела под одеялом, готовясь к очередной попытке, но когда вышла прыгать, соревнования чуть задержали – из-за награждения. Пока Лена стояла на ветру под дождем и готовилась к разбегу, она успела порядком замерзнуть и сбила планку на первой попытке. После чего снова спряталась ото всех, привычно накрывшись одеялом.

Трофимов кричал ей с трибуны, срывая голос: «Пропусти прыжок! Перенеси попытку на другую высоту!!!» Но ученица его не слышала. Потом она снова вышла в сектор и снова ошиблась, оставшись в итоге третьей. Американка Дженнифер Сур, ставшая чемпионкой, не дотянула до пекинского результата Исинбаевой тридцать сантиметров.

Еще через год Лена стала у Трофимова чемпионкой мира.

2014 год. Сочи

Глава 1. Тринадцать – число российское

Месяцев за пять до начала Игр в Сочи мне позвонила подруга – главный редактор журнала для пассажиров одной из российских авиакомпаний. Она обратилась с достаточно стандартной просьбой: в январский выпуск написать небольшого размера текст о предстоящей Олимпиаде – объяснить читателям, чего нам ждать на своей домашней Олимпиаде, на кого смотреть, чем примечателен тот или иной вид спорта, словом, провести некий ликбез среди тех, чей интерес к спорту просыпается исключительно на Олимпийских играх, на них же и заканчивается.

Я согласилась, и тут же, как часто бывает с журналистами, благополучно забыла о разговоре. А месяц спустя, когда от намеченного дедлайна уже прошла неделя или две, получила письмо: «Леночка, так ты пришлешь текст?»

Состояние, для того чтобы экстренно собрать мысли в кучу и оформить их в материал, было категорически неподходящим – в доме по какому-то поводу собралась целая толпа гостей, и застолье было в самом разгаре. Но выхода не было. Продолжая метаться между духовкой, где запекалась баранья нога, и накрытым столом, за которым каждый из гостей то и дело порывался произносить какие-то тосты, я достала компьютер и села с ним прямо на кухонный пол.

Мне было настолько стыдно за тот наспех составленный текст, что я даже не стала его перечитывать – отправила заказчику. И благополучно забыла об этом – до февраля.

* * *

Ничего хорошего от Игр в Сочи я не ждала. Слишком много проблем сыпалось на голову с того самого момента, как на сессии МОК в Гватемале президент Международного олимпийского комитета Жак Рогге вытащил из конверта плотный кусок бумаги с надписью Sotchi. До сих пор иногда возникают разговоры о том, насколько такой итог было возможно прогнозировать и был ли он вообще закономерен. С одной стороны – вроде бы, да: на тот Конгресс собственной персоной прилетел российский президент Владимир Путин, а он, как любили говорить в Кремле, никогда не является на мероприятия, не имея гарантии на позитивное для страны развитие событий. С другой – слишком непродуманной в целом ряде аспектов оказалась официальная российская заявка.

Это выяснилось, когда дело дошло до начала практической реализации изложенных на бумаге планов: в центре «нижнего» олимпийского кластера обнаружилось действующее кладбище староверов, а весь участок, предназначенный для широкомасштабной олимпийской застройки, из-за особенностей грунта оказался технологически непригоден к тому, чтобы вести работы с использованием стандартных строительных технологий.

Спустя несколько лет после тех Игр мои соображения на этот счет опосредованно подтвердил один из крупных спортивных руководителей тех времен, сказав не для прессы: в момент выдвижения никто вообще не допускал мысли, что российская заявка может пройти. Поэтому, мол, и границы будущей олимпийской прибрежной территории были зафиксированы наобум – тычком указки в карту. Ну а потом, когда Сочи стал победителем олимпийской гонки, оказалось, что менять параметры, прописанные в заявке, уже нельзя. И в придачу к жестко очерченным границам Олимпиада, еще не начавшись, получила целый букет не слишком решаемых проблем.

Все это сильно замедляло процесс строительства. С «верхним» кластером – в Красной Поляне – все было проще: там хозяйничали австрийцы, возводя коттеджи и спортивные сооружения по многократно проверенным технологиям. В «нижнем» трудились отечественные работяги и близкоотечественные гастарбайтеры, имеющие достаточно смутное представление о том, «как надо», и решающие проблемы по мере их поступления. В результате этой деятельности в кварталах, предназначенных под расселение наиболее массовой части олимпийской семьи – журналистов, рождались шедевры дизайнерской мысли: туалетные комнаты с двумя унитазами, установленными на расстоянии вытянутой руки друг от друга, окна с врезанными «на глазок» стеклопакетами, которые не хотели открываться, а будучи открытыми, уже не возвращались в исходное положение, так же «на глазок» повешенные зеркала, по которым легко определялся рост выполнявшего работы мастера. В одном умывальном блоке для того, чтобы причесаться или нанести макияж, приходилось вставать на стул. В другом зеркало висело прямо над раковиной и позволяло человеку среднего роста увидеть собственный живот и плечи. Отражение головы в пакет услуг не входило.

Все это в принципе было ерундой, особенно в сравнении с тем кошмаром, который прибрежный Сочи являл собой годом ранее, принимая первый тестовый турнир по фигурному катанию: совершенно потрясающие, инопланетного дизайна стадионы олимпийского парка, одним из которых был знаменитый

сочинский «Айсберг», были окружены устрашающими строительными пейзажами и закрыты со всех сторон заграждениями, по верху которых шли спирали колючей проволоки. Асфальта между ними не было: автобусы со спортсменами и прессой передвигались большей частью по узким глинистым насыпям, постоянно рискуя сползти в бездонные черные кюветы. Порой становилось сложно не думать о том, что, если человечеству когда-нибудь и придется пережить конец света, выглядеть он будет именно так.

* * *

Скажи кто тогда, что эта нелепая уже в одном только своем замысле Олимпиада станет лучшей по своей организации и абсолютно победной для России по итоговому результату – с тринадцатью золотыми медалями и первым общекомандным местом, – все в лучшем случае саркастически рассмеялись бы, покрутив пальцем у виска. Но победный маховик, еще до официального открытия Игр запущенный командным турниром фигуристов, с каждым днем набирал силу: российские атлеты побеждали в бобслее и скелетоне, шорт-треке и лыжных гонках, биатлоне и сноуборде.

В день закрытия Игр, когда число «тринадцать» вовсю обсуждалось на трибунах главного стадиона прибрежного Сочи, я разговорилась там с кем-то из приехавших на Игры артистов «группы поддержки» и в разговоре в шутку бросила фразу: мол, чего удивляться-то? «Тринадцать», можно сказать, вообще российское число. Не случайно ведь в большинстве зарубежных стран его стараются избегать – не важно, идет ли речь об этажах в отеле или о пассажирских креслах в самолете или поезде.

Произнесенная вслух фраза внезапно щелкнула в голове, запустив какой-то пока не до конца понятный мне процесс. Еще не в силах осознать, что именно вдруг взбудоражило сознание, я в каком-то анабиозе вернулась к своему столику, открыла крышку ноутбука, запустила программу «почта», не совсем понимая, зачем это делаю, и зашла в категорию отправленных писем. Затем ввела в поисковом окне имя своей приятельницы-редактора и вывела на экран письмо, отправленное за два месяца до начала Игр в Сочи. «Тринадцать – число российское», – стояло в заголовке статьи, о факте написания которой в не совсем, мягко говоря, трезвом состоянии я давным-давно успела позабыть. Завершался тот материал словами:

«Сколько у России окажется золотых медалей? Оптимисты

считают, что больше десятка. Практика показывает, что «свои» медали наша страна зачастую набирает на Олимпиадах в тех видах спорта, о существовании которых мир вспоминает по большому счету раз в четыре года. Например – в синхронном плавании и художественной гимнастике – на летних Играх. Применительно к зиме такими Золушками олимпийской программы вполне можно считать сноуборд, фристайл, скелетон или керлинг. А ведь еще есть бобслей – с достаточно славными олимпийскими традициями, коньки, неизменно подбрасывающие сюрпризы в формате Игр, наконец шорт-трек, где за Россию будет выступать натурализованный кореец Виктор Ан, и где на полном серьезе в программу-минимум уже вписаны две победы. Даже если условно начислить перечисленным видам спорта по одной победе, добавив сюда еще по парочке золотых медалей на „грандов“ в лице лыж, биатлона и фигурного катания, уже получается тринадцать. И это, заметьте, без хоккея…»

На хоккей на тех Играх я все-таки попала – уже после того как российская сборная бесславно выбыла из игры, уступив в четвертьфинале канадцам. По-моему, это был матч на полуфинал, билет на который, номинальной стоимостью в тридцать четыре тысячи рублей, мне просто подарили: купивший его человек был слишком расстроен вылетом России, чтобы наблюдать, сидя на трибуне, как биться за хоккейные медали продолжают уже совершенно другие команды.

Глава 2. Game over

Незадолго до Игр мне довелось услышать от коллеги глубоко зацепившую меня историю о гольфисте Томе Уотсоне, который в 1975-м дебютировал на знаменитом турнире British Open и лишил победы тогдашнюю легенду гольфа Джека Никлауса. Через два года Уотсон повторил свой успех, снова обыграв Никлауса. В 1980-м он выиграл третий чемпионат, а в сезонах 1982–83 победил два раза подряд, доведя счет выигранных турниров до пяти.

За всю историю гольфа побеждать на British Open шесть раз удавалось только великому Гарри Вардону. Свою первую победу он одержал в 1896 году, последнюю – в 1914-м, когда ему было сорок четыре года. Новым рекордсменом вполне мог стать Уотсон, но в 1984 году на поле в Сент-Эндрюсе он лишил себя победы своими собственными руками.

Потом у американца не очень складывалось. Он исправно приезжал на все чемпионаты в качестве почетного гостя – и только. Именно так в 2009-м он приехал на British Open в Тернберри – спустя двадцать пять лет после своей последней победы.

Играл пятидесятидевятилетний Уотсон классно, демонстрируя сплав опыта, аккуратности, концентрации и совершенно необъяснимого везения. У него получалось все. Его статистика на том турнире зашкаливала. Мяч ложился исключительно на короткую траву, что позволяло уверенно контролировать его и при следующем ударе. Уотсон хорошо знал это поле: именно здесь он победил в 1977-м.

В финальный день он вышел играть в группе сильнейших. Тогда на стадионе не было ни одного человека, который не хотел бы увидеть этот триумф.

И тут, когда до совершенно реальной победы осталось всего четыре не самых сложных лунки, везение кончилось. Уотсону не удавалось положить мяч на самый элементарный фервей, а публика горестно замерла на трибунах, не зная, как реагировать.

Пятидесятидевятилетний игрок по-прежнему улыбался, но это был самый несчастный человек на свете. Проигравший игру своей жизни лысому американскому увальню – Стюарту Синку, который, когда ему вручали заветный приз – серебряный кувшинчик для кларета, – усмехнулся и сказал, что все запомнят этот чемпионат только благодаря тому, что его проиграл Том Уотсон…

* * *

Олимпийские игры в Сочи имели все шансы стать Играми-Которые-Проиграл-Плющенко. В принципе к такому итогу были готовы все: командный турнир, где Евгений вместе со всей российской сборной получил золотую медаль, показал очевидное: что олимпийский чемпион при всем желании уже вряд ли сможет конкурировать со спортсменами первой десятки при условии их безошибочных выступлений. И все равно думалось: «А вдруг?»

Олимпийский командный турнир, завершившийся грандиозной победой России, оставил у многих достаточно неоднозначное впечатление. Кто, например, мог представить, что в командном зачете наша страна наберет такое количество очков, что Елена Ильиных и Никита Кацалапов станут олимпийскими чемпионами еще до своего выхода на лед? В каком другом виде спорта такое возможно?

Ситуация с разрешенными заменами вообще казалась многим сомнительной. С одной стороны, это, наверное, имело смысл как некая часть игрового шоу. А чем, как не шоу, должны были стать Игры в Сочи, выступать на которых в горнолыжном турнире, представляя Таиланд, заявилась всемирно известная скрипачка Ванесса Мэй? Если рассуждать с точки зрения шоу-бизнеса, вариант с Ванессой был однозначно беспроигрышным пиар-ходом. Просто в моем чисто спортивном сознании Олимпийские игры слишком много лет были квинтэссенцией высочайшего спортивного профессионализма, чтобы вот так, без предварительной психологической подготовки, вписать туда и Ванессу. Без скрипки. С горными лыжами и Таиландом.

Точно такой же частью шоу-программы должен был стать Плющенко. Формально он не имел никакого права претендовать на место в олимпийской команде: отборочный чемпионат России в декабре 2013-го выиграл восемнадцатилетний Максим Ковтун, которому и полагалось отдать единственную мужскую лицензию для участия в Олимпиаде. Но там же стало очевидно, что битва за место под олимпийским солнцем не закончена: слишком сильно оказался разозлен олимпийский чемпион Турина. Да что там разозлен – взбешен!

Это было очевидно всем, кто видел Евгения в заключительный день российского первенства – в показательных выступлениях. Казалось бы, зачем Плющенко с его количеством травм и операций, счет которым давно потерял даже он сам, кататься, развлекая публику, и не отказываться при этом ни от одного из своих прыжков? Больная спина, истерзанные операциями колени, возраст, усталость… Плющенко же рвал лед

и себя на этом льду так, как никогда в жизни. Сильно, уверенно, зло – до мурашек. Словно больше всего в жизни хотел, чтобы его запомнили именно таким. В том числе те люди, кому предстояло решить судьбу единственной олимпийской путевки.

Возможно, как раз то поражение стало главной мотивирующей силой на весь последующий месяц, в течение которого Евгений готовился к закрытому – только для профессионалов – прокату. И откатался так, что всем стало ясно: шоу закончено. Начался спорт.

Тогда же во внутренних кругах российского фигурного катания была оглашена предстоящая олимпийская стратегия. Она предполагала, что олимпийский чемпион Турина выступит в командном турнире, а затем снимется с соревнований по состоянию здоровья. И его место займет запасной игрок – Ковтун.

Эта стратегическая операция сорвалась совершенно бездарно – на ерунде. Так проваливает явку разведчик, собираясь поставить маяком на подоконник зажженную свечу и не находящий в кармане зажигалки. В одном из интервью, касательно предстоящего олимпийского выступления, Евгений, не подумав, рассказал все, о чем заранее договаривались с ним руководители команды.

Дальше, если верить закулисной информации, все пошло предсказуемо: представители Канады и США заявили, что подадут протест, если Россия пойдет на подлог и действительно произведет замену. Значит, будет скандал. И Ковтун остался за бортом.

Сейчас можно сколько угодно гадать, почему Евгений Плющенко решил продолжать выступления: был ли он, принимая это решение, полностью уверен, что сумеет добиться успеха и в личном турнире – или просто решил отыграться за свое декабрьское поражение, отняв у соперника его единственный олимпийский шанс. Все это давно уже не важно. Да и почему, собственно, двукратный олимпийский чемпион должен был отдавать то, что уже крепко держит в руках? По этому поводу очень метко высказался мой телевизионный коллега Василий Соловьев.

«Не надо никого жалеть на пути к своей цели, – сказал он. – Это самая тяжелая часть рецепта. Если ты отдашь шанс другому – молодому, талантливому, классному, – он с удовольствием этим шансом воспользуется. А олимпийская медаль безо всяких иллюзий, знаете ли, одна. Поэтому здесь по-другому быть не может».

Как бы то ни было, интриги личному мужскому турниру фигурист добавил от души. Удивительно, но поначалу ему даже

не сопереживали. Скорее, наблюдали за происходящим на льду с интересом ребенка, откручивающего ногу пластмассовой кукле: сломается или нет? То есть понятно, что сломается, но когда именно это может произойти? Логика подсказывала, что выдающийся фигурист вряд ли окажется способен продолжать выступления: с возрастом ему стало требоваться слишком много времени, чтобы успевать восстановиться между стартами в рамках одного турнира. Говоря иначе, шансов на то, что Плющенко сумеет на должном уровне справиться в личном турнире с двумя прокатами, никто из специалистов не видел в принципе. И все боялись раньше времени об этом сказать.

Журналисты же безостановочно заключали пари: снимется Плющенко до начала личных соревнований или это будет сделано после короткой программы. Вариант, что спортсмен «доедет» до конца турнира, не рассматривался в принципе.

Заключительная тренировка олимпийского чемпиона перед выступлением оказалась неудачной. Складывалось ощущение, что спортсмена все-таки чрезмерно беспокоит его спина. Присутствовавший на катке чемпион Ванкувера Эван Лайсачек даже написал в своем «Твиттере»: «Никогда не видел, чтобы Плющенко так много падал»…

* * *

Отвечая как-то на вопрос о своем знаменитом отце, Татьяна Тарасова, ставшая ничуть не менее знаменитой в фигурном катании, сказала: «В его жилах не было ничего, кроме хоккея». Так говорят о людях, чья жизнь без остатка посвящена какому-то единственному делу. Таким всегда был в биатлоне многократный олимпийский чемпион Оле Эйнар Бьорндален, таковым, похоже, в фигурном катании оказался Евгений Плющенко.

В дни между командным и личным турнирами мне добрую сотню раз довелось услышать вопрос, заданный на самых разных языках: «Зачем?» Люди искренне пытались понять: зачем медалисту четырех Олимпиад, двукратному олимпийскому чемпиону и уже безусловному герою Сочи вообще нужно идти на этот риск и ставить под удар репутацию? Неужели он не способен понять, что на этой олимпийской арене все уже изменилось слишком сильно, чтобы тридцатитрехлетний спортсмен мог рассчитывать на индивидуальный успех? А если успеха не случится, не оставит ли удар по самолюбию отметину куда более болезненную, чем шрамы от пережитых операций?

Или Плющенко просто не может иначе и притяжение льда

для него куда сильнее, чем боль и страх?

Как бы то ни было, за Евгения в день его первого личного старта отчаянно болел уже весь стадион. Чем больше все мы понимали, что шансов на успех в этой авантюре у заслуженного ветерана практически нет, тем сильнее жаждали чуда.

Этот безумный ажиотаж мешал заметить очевидное: что в зале нет никого из руководителей российской олимпийской делегации, что у борта рядом с Алексеем Мишиным с очень странным выражением лица стоит врач, словно дожидаясь отмашки, чтобы поставить свою подпись в уже подготовленном документе и официально снять спортсмена с соревнований.

На разминке Евгений мощно и уверенно раскатался, выполнил два не очень сложных прыжка и, уже как следует разогревшись, начал заходить на тройной аксель. Приземление получилось жестким. Спортсмена «дернуло» в пояснице – и он сразу начал приволакивать ногу. Попробовал зайти на аксель снова – сделал бабочку и покатил в сторону тренерской «биржи» с таким лицом, что можно было уже не гадать, что произойдет дальше: все было понятно без слов.

Было ли это фарсом? Ничуть не сомневаюсь, что у Евгения действительно очень болела спина. Выступать с травмой на Олимпийских играх – не подвиг. Скорее – вполне обыденное явление: организм, доведенный до пика своих возможностей, иногда ломается – это факт. Просто кто-то способен этому противостоять – как Александр Карелин в Атланте или Петра Майдич в Ванкувере, а кто-то нет. За это не судят.

На той злополучной для Плющенко разминке фигурист, думаю, не имитировал никаких травм. Я, во всяком случае, в это не верю. Другой вопрос, что запас прочности оказался у Евгения слишком невелик. Уже второе его выступление в Сочи – в произвольной программе командного турнира – показало, что одного дня отдыха ему совершенно недостаточно, чтобы восстановиться. Именно поэтому Плющенко и докатывал программу из последних сил. И всем было понятно: в личном турнире, где никакого перерыва между двумя выступлениями не предусмотрено вообще, олимпийский чемпион кататься не сможет. По совершенно объективным причинам.

Думаю, что именно тогда супруга фигуриста Яна Рудковская могла доходчиво объяснить Евгению, что он совсем сошел с ума, рискуя окончательно сорвать спину и тем самым ставя под угрозу грандиозное шоу, в рамках которого сразу после Игр запланировано несколько десятков выступлений по всей стране и за рубежом. И что не кому-то, а именно ему придется платить за срыв гастролей. Ну, а далее и последовал спектакль, который

очень органично наложился на неспособность фигуриста прыгать.

В микст-зоне, куда Евгений вышел, не сняв коньков, он сразу бодрым голосом объявил, что просит болельщиков не расстраиваться, поскольку попрощаться с ними планирует в рамках своего шоу, которое начнется сразу после Игр. Сопровождающий спортсмена Мишин с нервным смешком заметил, что Плющенко теперь вполне может остаться в Сочи – выступить на Паралимпиаде. Масла в огонь бушующих эмоций подлила и Рудковская, добавив: «Женя и так сделал для этой страны все что мог. Он уже принес ей золотую медаль в команде, что вам еще надо?»

Тот выход в микст-зону, щедро растиражированный прессой, собственно и восстановил против фигуриста всю страну – как тех, кто на протяжении многих месяцев собирал деньги, чтобы купить билет на олимпийский финал одиночников, так и тех, кто следил за Играми удаленно. Один из моих иностранных коллег цинично заметил, что был гораздо более высокого мнения о тех, кто по долгу службы должен бы заниматься в сложившейся ситуации имиджем выдающегося фигуриста. Ведь кто и как бы ни относился к Евгению, а это – человек-легенда, достояние не только отдельно взятой страны, но и мира. Неужели было сложно уложить фигуриста на медицинскую каталку прямо в раздевалке и увезти его с катка в машине скорой помощи, прокатив через ту же самую микст-зону на глазах у толпы журналистов? Такой вариант как минимум дал бы фигуристу шанс завершить свою олимпийскую эпопею без грандиозного позора, сохранить лицо, как любят говорить японцы. А так происходящее превратилось в откровенный фарс. Из всех возможных сценариев завершения карьеры этот оказался самым пакостным.

Сутки или двое спустя Евгений дал американской телекомпании CNN интервью, в котором заявил, что выступать в личном турнире его заставила федерация. Когда журналисты попросили одного из руководителей российской делегации прокомментировать это высказывание, тот ответил, что перед командой стоят гораздо более важные задачи, нежели участие в пиар-компании Евгения Плющенко. Ну а потом к фигуристу окончательно потеряли интерес все остальные.

Глава 3. Девочка в красном пальто

Незадолго до начала женского турнира ко мне подошел известный в журналистских кругах обозреватель фигурного катания из Чикаго Фил Херш. «Скажи, – попросил он, – что означает для России олимпийский успех Юлии Липницкой? Могу ли я написать, что, если она выиграет личный турнир, это можно будет сравнить со значимостью олимпийской хоккейной победы канадцев – для Канады?»

Пятнадцатилетняя дебютантка произвела в Сочи фурор. В командном турнире она блистательно откатала обе программы, дважды показав лучший результат, и о «Девочке в красном пальто» заговорили как об одной из претенденток на личное золото Игр. Причем заговорили все: слишком стремительным получился прорыв. Предыдущий сезон сложился для спортсменки неудачно – она большей частью боролась с травмами, и никому вообще не могло тогда прийти в голову, что Юля сумеет пробиться в состав олимпийской команды. Великолепное выступление сначала на чемпионате России, а затем – на чемпионате Европы, где фигуристка завоевала свое первое взрослое золото, поменяло все: на Игры в Сочи Липницкая ехала уже фаворитом.

Примерно таким же образом в 1998-м на Играх в Нагано во взрослой компании появилась крошечная в сравнении с фаворитами Тара Липински. Девочка из простой и не бог весть какой состоятельной американской семьи, которая уже в четыре года сооружала в детской комнате импровизированный пьедестал почета из пустых картонных коробок и упорно карабкалась на верхнюю ступень – постоять. Разве кто-нибудь мог тогда предположить, что спустя шестнадцать лет светловолосая русская девочка с созвучной фамилией, родившаяся в год той самой Олимпиады в Нагано, будет сидеть на пресс-конференции, сжимая в кулаке свою первую взрослую золотую медаль, и рассказывать:

– Я когда была маленькая… Но это глупая история… У нас в квартире была двухэтажная кровать, и я все время стояла или сидела на втором этаже, представляла, что я на Олимпиаде, и пела гимн. Почему-то знала, что обязательно буду на Олимпиаде…

Ну а в Сочи я ответила Хершу, что человечеству – не важно, о России или об Америке идет речь, – всегда было свойственно любить сюжеты жестоких сказок, в которых маленький мальчик или маленькая девочка борется со злыми силами и неизменно их

побеждает. Вот и Липницкую, после ее неожиданного триумфа в командном турнире и потрясающих, берущих за душу программ, российские болельщики стали воспринимать как маленького бесстрашного воина, призванного спасти олимпийскую честь огромной страны.

* * *

Золотая командная сказка Липницкой, как это часто бывает в спорте, имела и другую сторону – достаточно горькую. Вплоть до января все были уверены в том, что в командном турнире выступит не Юля, а Аделина Сотникова – девочка, ставшая первопроходцем российского женского катания в очень многих вещах. В сложности программ, которую она сумела сохранить, невзирая ни на какие проблемы взросления. В завоеванном после семи безмедальных чемпионатов титуле вице-чемпионки Европы. В ошеломительно высокой планке требований, предъявляемых к самой себе. Во многих своих интервью Сотникова признавалась, что фигурное катание для нее отнюдь не увлечение, а работа. И делать эту работу она должна хорошо, поскольку от этого напрямую зависит возможность лечить младшую сестру – Маша родилась с тяжелым врожденным заболеванием. Ей постоянно требовались очень дорогостоящие операции в Германии, причем врачи с самого начала предупредили семью, что не могут сказать, сколько еще раз девочке придется ложиться на операционный стол. Просто об этом знали немногие.

Периодически читая в Интернете рассуждения болельщиков о том, что Сотникова чрезмерно задавлена ответственностью, и что у нее слишком слабая нервная система, чтобы добиваться серьезных успехов, я каждый раз мысленно задавала критикам вопрос: «А что чувствовали бы вы сами, ежеминутно думая о том, что от точности выполняемой работы напрямую зависит жизнь самого близкого и самого любимого в целом мире человека?»

Каждый раз видя Аделину на соревнованиях, я почему-то вспоминала рассказ спортсменки про кошку. Про то, что кошка все дерет, и нет никакой возможности привезти ее в служебную квартиру. Из-за этого семье приходится жить на два дома. В одном – возле катка – живет фигуристка с мамой, в другом – на противоположном конце Москвы – остались папа и сестренка. Ну и кошка, разумеется.

– Как ее в служебную квартиру привезти? – совершенно по-взрослому рассуждала вслух четырнадцатилетняя тогда Аделина. – Потом же за испорченную мебель платить придется,

никаких денег не хватит…

Командная олимпийская медаль могла стать для спортсменки не только заветным титулом, но достаточно солидным финансовым подспорьем – об этом никогда не было принято говорить вслух, но между собой все прекрасно понимали: в командном турнире Россия будет бороться за золото. В худшем случае – за серебро. Поэтому борьба за место в команде (особенно между теми, кто не слишком мог рассчитывать на индивидуальную медаль) велась совершенно нешуточная. Участие в этом турнире Сотниковой не ставилось под сомнение до последнего. Но за три недели до Игр случился чемпионат Европы и блистательное выступление пятнадцатилетней дебютантки, после которого было принято убийственное для Аделины решение: представлять страну в командном турнире в обеих программах будет Липницкая.

Узнав о том, что места в командном турнире ей не нашлось, Сотникова прорыдала несколько часов. На чемпионате Европы в Будапеште спортсменка искренне радовалась тому, что дважды – в короткой и произвольной программах – сумела откататься без ошибок, и даже сказала, что ей совершенно не важен цвет медали. Мол, ну и что, что она – серебряная? Это ведь не главное. Куда важнее, что за три недели до олимпийского старта все наконец начало получаться так, как хочется.

Но вышло так, что сам прокат очень быстро забылся. И принципиальным для того, кто принимал решение по составу олимпийской команды, стала как раз разница в цвете медалей, сломавшая фигуристке всю ее не столь длинную спортивную жизнь. Так, по крайней мере, до начала личных соревнований, вслух жалея Сотникову, считали очень многие люди.

Причина командных рокировок выяснилась, как это часто бывает, случайно. В день женского личного финала – уже после того как в короткой программе на достаточно уверенном для себя прыжке упала Липницкая, потеряв какие бы то ни было шансы продолжать бороться за золото, для достаточно ограниченной компании журналистов в Сочи была организована встреча с министром российского спорта Виталием Мутко. Формат был стандартным: вначале задавались вопросы общего плана, затем каждый из журналистов мог задать спикеру ряд узкопрофильных вопросов по своему виду спорта. Я и поинтересовалась у собеседника: зачем нужно было нагружать дебютантку Игр в командном турнире до такой степени, что ей не хватило сил на главное выступление?

«Так ведь об этом попросила ее тренер», – удивленно ответил Мутко.

Это, кстати, походило на правду. Министр присутствовал на чемпионате Европы в Будапеште, собственными глазами наблюдал фурор, произведенный Липницкой и, судя по комплиментам, громогласно рассыпаемым в пресс-центре, был готов выполнить любое желание как спортсменки, так и ее тренера. Возможно, как раз там Этери Тутберидзе и попросила, чтобы ее ученица катала в командном турнире обе программы. Вряд ли тренера могли остановить какие-то этические соображения: Олимпиада – не место для сантиментов. Тем более что сочинские Игры были для Этери и ее шансом тоже. В российском фигурном катании она никогда не была примой. Скорее – гадким утенком с несложившейся спортивной карьерой из-за слишком высокого для фигурного катания роста, не слишком счастливой жизнью в Америке, куда она уехала в восемнадцать в надежде хоть как-то устроить свою профессиональную судьбу во второразрядном ледовом шоу. Потом, уже вернувшись обратно в Москву, она работала со всеми желающими на сеансах массового катания, поскольку ни одна из московских школ не спешила дать тренеру лед.

Липницкая, которую ее мама привезла в столицу из Екатеринбурга, продав квартиру и затолкав в легковую машину нехитрый скарб, стала для Этери счастливым лотерейным билетом, ее пропуском в мир большого спорта. И упускать свой золотой шанс тренер определенно не собиралась.

* * *

С тактической точки зрения решение Тутберидзе было совершенно верным ходом. Авторитет Липницкой, несмотря на январскую победу над Сотниковой, в глазах судей был далеко не таким, чтобы мечтать о личном олимпийском золоте. Командная победа была просто обязана эту ситуацию поменять. Что, собственно, и произошло: после того как Юля блистательно откатала обе свои программы, она стала всеобщей любимицей – золотым ребенком Сочи.

Стопроцентно правильным был и следующий шаг тренера – сразу после победы увезти спортсменку в Москву, подальше от олимпийского ажиотажа. Тутберидзе, как объяснил Мутко в том самом разговоре с журналистами, даже предлагали вариант, при котором она с Юлей могла бы жить и тренироваться в Новогорске – на закрытой от лишних людей тренировочной базе. Этери отказалась: работа на домашнем катке показалась ей гораздо более комфортной. Тем более что там тренера ждали и другие

ученики.

Но именно это тренерское решение и стало роковым. Ни Тутберидзе, ни сама Липницкая, ни мама спортсменки не ожидали, насколько ошеломляющим окажется людское внимание. Болельщики толпами окружали каток, прорывались в вестибюль, пытались поймать Юлю в метро и во дворе дома. Причем львиную часть беспокойства доставляли журналисты. Им даже удалось разыскать Юлиного отца, которого девушка никогда не знала. Девочка в красном пальто стала идолом для всей страны, и страна категорически не хотела понимать, что своим бесцеремонным вниманием корежит и топчет психику пятнадцатилетнего ребенка.

Перевозбуждение от всего этого оказалось для Юли до такой степени сильным, что нервная система спортсменки, как и ее тренера, просто не выдержала: когда, вернувшись в Сочи и дождавшись первого личного выступления, Тутберидзе отправляла подопечную на лед, на ней не было лица. На Юле – тоже.

Можно ли было как-то предусмотреть возможность подобного развития событий и избежать его? Если бы речь шла не о Липницкой, я бы не задумываясь ответила отрицательно. В конце концов, Игры стали первым опытом и для пятнадцатилетней фигуристки, и для Этери. Сколь бы гениальным тренером она ни была, есть вещи, которые можно усвоить и предусмотреть, только однажды обжегшись.

Просто применительно к Юле было крайне тяжело отделаться от чувства непроизвольной досады: слишком тщательно и продуманно на протяжении многих лет мама спортсменки Даниэла готовила ее к этому дню. В свое время она сама выбрала дочери тренера, затем совместно с Этери выстраивала ее спортивный путь, самым придирчивым образом контролируя в тренировках и выступлениях каждую мелочь. За год до Игр Юлю даже перевели с нормальной еды на порошковый заменитель – с тем, чтобы начавшая взрослеть девушка не прибавила ни грамма в весе, ни сантиметра в объемах – ведь даже незначительное изменение тела могло в любой момент привести к развалу привычной техники, а значит – разрушить грандиозные планы.

Разговаривая с Даниэлой на чемпионате Европы в Будапеште, я очень четко почувствовала: Липницкая готовится не к участию в Олимпийских играх. А конкретно к тому, чтобы их выиграть.

Чуть позже Юля и сама подтвердила: никакая другая цель, кроме победы, не интересует ее в фигурном катании в принципе. Но раз так, то команда спортсменки была обязана заранее просчитать все внезапные варианты, включая тот, что в итоге

случился.

Уже после того, как в короткой программе произошла ошибка на тройном флипе, не было никакого смысла гадать о причинах. Ошибка получилась нелепой и совершенно «детской»: спортсменка слишком сильно разогналась и тем самым загнала прыжок прямо под борт. Возможно, Юля что было сил рвалась поскорее закончить столь хорошо начатую программу и оттого в какой-то момент перестала себя контролировать, или же дело было в том, что за десять дней перерыва между стартами набранная к Олимпиаде форма начала уходить. В тот момент, когда на табло загорелись оценки, на лице спортсменки отразилась целая гамма чувств. И было очень похоже, что Липницкая вообще не видит никакого резона продолжать думать о золоте. А значит – Игры для нее закончены.

* * *

Продолжение истории получилось грустным. Юля начала расти, в связи с чем следующий сезон получился совсем неудачным, потом она ушла от тренера – уехала в Сочи, чтобы продолжить работу с олимпийским чемпионом Лиллехаммера Алексеем Урмановым. А в самом начале 2017-го была экстренно госпитализирована в израильскую клинику с диагнозом анорексия. Когда три месяца спустя Юля вернулась в Москву, стало понятно, что никакого фигурного катания в ее жизни больше не будет…

Глава 4. Колечко с топазом

Возможности сделать интервью с Еленой Буяновой я ждала после Игр в Сочи больше месяца. Никаких препятствий к тому, чтобы договориться о разговоре раньше, не существовало: с Леной мы были знакомы с тех самых пор, когда я прыгала в воду, а она занималась фигурным катанием на катке по соседству и выступала под фамилией Водорезова. Просто интуитивно я понимала: не стоит садиться за разговор с тренером олимпийской чемпионки, пока все впечатления и эмоции не улеглись и не отстоялись.

Ждала, как выяснилось, не зря. Иначе, наверное, никогда не услышала бы фразы: «Я ведь только сейчас начинаю понимать, что действительно стала тренером. Им меня сделала Аделина Сотникова…»

В том интервью мне почти не приходилось задавать вопросы. Скорее, это был монолог человека, сумевшего реализовать заветнейшую мечту. И было уже совершенно не важно, сколько сил осталось на той вершине, сколько потрачено нервов.

– Она ведь столько лет шла к этому, – негромко рассказывала мне Лена в пустой тренерской раздевалке, где мы закрылись на ключ, чтобы никто не мешал. – Нам действительно было очень тяжело. У нас обеих в последние два года уже начали опускаться руки. Аделина и Лиза Туктамышева в свое время очень высоко подняли планку женского катания и этим спровоцировали достаточно высокую конкуренцию. А потом вдруг почувствовали, что удерживаться на этой высоте у них самих не всегда получается. Если спортсмен, который не падал на протяжении двух лет, вдруг начинает падать, ему бывает очень сложно понять, что происходит. Внутри иногда что-то лопается, и человек просто перестает бороться. По себе знаю, как может быть тяжело, когда тебя все наперебой возносят до небес, восхищаются, а в следующую секунду ты уже летишь вниз, и никого нет рядом. Я так рада на самом деле, что Аделина дотерпела – сама ведь знаешь, сколько девочек на этапе взросления вообще сходит с дистанции.

Я много раз думала, еще когда тренировалась сама. Почему в спорте выигрывают одни и проигрывают другие? Кроме меня, у нас на катке было еще несколько спортсменок, которые точно были не хуже, чем я. А в чем-то, возможно, и лучше. Уж наверняка никто из них не работал меньше меня. Но у меня вдруг пошел результат, а они в итоге ушли в никуда. Когда я стала работать тренером, то больше всего боялась именно этого. Что не

сумею, взяв спортсмена, довести его до цели. Мне кажется, это ужасно – отдать столько сил, здоровья и уйти из спорта ни с чем. Много раз замечала, кстати, что у таких людей – какими бы успешными в другой профессии они ни становились – всю их последующую жизнь где-то очень глубоко сидит эта боль. От того, что ты мог добиться чего-то очень большого, но не сумел. А всего лишь как-то не так сложились обстоятельства…

…Я слушала Водорезову и думала о том, что ее личные спортивные обстоятельства в свое время сложились совсем не в пользу фигуристки. В самый разгар карьеры ей поставили страшный диагноз – ревматоидный полиартрит. Сначала симптомы никому не казались серьезными, просто иногда бывало больно держать в руках чашку или учебник. Потом на одном из сборов у шестнадцатилетней Лены заболели все мелкие косточки кисти. Когда массажист услышал, что боль давняя и постоянная, он даже не закончил массаж – сгреб спортсменку в охапку и повез в местную больницу. Там сделали анализ крови и только тогда определили диагноз. С тех самых пор Водорезова приучила себя жить через боль и продолжать ставить перед собой недостижимые на первый взгляд цели.

Когда в группе тренера появилась Сотникова, я порой думала, что таким образом, наверное, с человеком иногда расплачивается судьба. Дает ему в руки неограненный драгоценный камень и отстраненно наблюдает откуда-то сверху: справится человек с этим даром или нет. Первое, чему Водорезова-тренер научила Сотникову-спортсменку, что высокие цели – это не подвиг. Это – нормально.

– Мне было совершенно некуда пристроить Аделину, и я взяла ее на мужской лед. – Тренерские слова продолжали ложиться на диктофон, штрихами рисуя картинку превращения девочки в олимпийскую чемпионку. – Когда катаешься с ребятами, это вообще другие тренировки. Другие скорости. Их не всегда легко выдержать, но Аделина внутренне очень стойкий человек.

Знаешь, – Водорезова сделала паузу в разговоре, наливая чай, – меня, если честно, очень настораживали домашние Игры. Я слишком хорошо помнила Турин – как вся эта атмосфера родных стен полностью сломала Каролину Костнер. Поэтому старалась вообще никак не акцентировать внимание Аделины на возможных медалях. Но у нее это первое место подспудно всегда сидело в голове. У нас ведь в олимпийском сезоне довольно долго все шло наперекосяк. Когда Аделина плохо каталась на тренировках, я порой спрашивала: на что ты вообще собираешься рассчитывать с таким катанием? Она же сквозь зубы мне постоянно твердила: «Я

все равно выиграю эти Олимпийские игры». Думаю, что прежде всего она убеждала в этом себя. Знаешь, что в Сотниковой главное? У нее где-то в глубине души есть очень прочный и совершенно несгибаемый стержень. Всегда был. Она знает, чего хочет. У нас была очень показательная в этом отношении ситуация. Татьяна Анатольевна Тарасова решила сделать для одной из программ Аделины новое платье, которое в день выступления оказалось не готово. Утром к нам на каток приехала портниха и стала прямо на Аделине что-то закалывать, подрезать, перекраивать. Продолжалось это довольно долго. Любая другая спортсменка уже устроила бы истерику – из-за того, что не успевает отдохнуть, а должна вместо этого стоять на ногах. Я уж не говорю о том, что вообще было непонятно: будет платье готово к соревнованиям или нет. Сотникову кто-то даже спросил тогда: не выводят ли из себя такие вещи? А она в ответ только рукой махнула. Мол, ничего страшного, надо – значит, надо.

Помимо всего прочего, с Аделиной работало очень много самых разных специалистов. Тренеры по скольжению, по ОФП, постановщики, хореограф, массажист, врач-физиотерапевт, диетолог… Наверное, прозвучит грубовато, но все это порой мне напоминало хорошую конюшню, где коней холят, лелеют, они выходят на скачки, и вся шкура блестит и переливается, словно шелковая. Вот в таком состоянии мы подвели Аделину к Играм. А потом…

Голос Лены внезапно зазвенел и тут же упал, почти до шепота:

– Сейчас я понимаю, что это была моя ошибка – заранее сказать Сотниковой, что она будет выступать в командном турнире. У меня, во всяком случае, была именно такая информация. А несколько дней спустя я узнала, что моей спортсменки в составе нет. Когда сказала об этом Аделине, то увидела, как из человека, который «звенит» от собственной готовности соревноваться, она прямо у меня на глазах превратилась в пустую, сдувшуюся оболочку. Из нее ушла вся жизнь. При этом я не имела права ее жалеть. Понимала, что если допущу хоть каплю жалости, то уже никогда больше не сумею «собрать» спортсменку. Да и себя тоже. Чувствовала себя тогда до такой степени виноватой, что даже не могла смотреть Аделине в глаза. Мне казалось, что это именно я ее предала. Не предусмотрела, что ситуация может повернуться таким образом, упустила момент, не отстояла… Именно тогда у меня в первый раз резко подскочило давление…

* * *

Заключительный и решающий день женского личного турнира был тем самым днем, когда журналистов принимал спортивный министр. Поскольку идти на каток предстояло почти сразу после встречи, собиралась я обстоятельно, стараясь не забыть в гостиничном номере ни одну мелочь. В том числе любимое кольцо с большим прозрачным и очень редким топазом цвета глубокой морской волны, которое я уже успела мысленно окрестить фартовым – так получалось, что каждый раз, когда я надевала его на те или иные соревнования, российские спортсмены оказывались с медалью. Собственно, я и везла-то это кольцо в Сочи как талисман – надевала его на все финалы. В тот самый момент, когда Мутко начал говорить, я потянулась, чтобы придвинуть свой диктофон поближе к министру, и оцепенела: в тонкой оправе зияла громадная дыра. Камень исчез.

Не могу даже сказать, что я расстроилась. Скорее, была совершенно убита. С трудом дождалась окончания интервью, медленно, заглядывая чуть ли не в каждую щель, прошла сквозь олимпийский парк до пресс-центра, безрезультатно обшарила все закоулки редакционного офиса, и, когда осознала, что на почве скорби по утраченному камню начинаю загонять себя совсем в глубокие дебри печали и тоски, поняла, что ситуацию нужно менять самым решительным образом.

Наверное, со стороны это выглядело по-дурацки. Я вышла на громадный балкон пресс-центра – еще пустынный в преддверии вечерних соревнований, подняла голову и, собрав все мысли и эмоции в кучу, вслух сказала в пространство: «Черт с тобой, мироздание, забирай камень! Но пусть сегодня вечером у этой девочки все будет хорошо!»

Удивительно, но расстройство ушло сразу, его как рукой сняло. Еще более невероятным было то, что на катке за время всего проката Аделины я ни разу не успела испугаться за ее прыжки – увлеклась прокатом, как спектаклем, не сделав в блокноте по ходу ни одной пометки. Пришла в себя только к концу выступления, в недоумении поинтересовавшись у сидящего рядом тренера: «Она что, уже все прыгнула?» В таком же недоумении, словно не веря в происходящее, мой собеседник пробормотал: «А ведь получается, что да…»

Я до сих пор люблю пересматривать видеозапись той программы. Когда в спорте случаются столь невероятные победы, становится трудно не задуматься о том, что олимпийский чемпион – не просто титул. Что ими не становятся, а рождаются. И что судьба ведет такого человека известными только ей путями и тропинками, потихонечку сливая их воедино. Далеко не всегда можно заранее разглядеть этот путь, и счастлив тот, кто не

свернет, не перескочит на более простую дорожку под влиянием обстоятельств или сиюминутного настроения.

Произвольная программа на музыку Сен-Санса была поставлена Аделине «на вырост». Поначалу спортсменка словно не понимала, как вести себя в этой музыке и главное – каким образом увязать с ней невероятно сложный набор элементов. Понимание приходило по ходу. Музыка заставляла взрослеть и этим все больше и больше раскрывала в Сотниковой какие-то глубинные резервы.

На последнюю тренировку перед финалом фигуристка вышла на лед в очень простом черном трико и катала лишь макет программы – без прыжков.

«Мы, тренеры, обычно ищем в катании даже совсем мелкие недостатки, а тут я вдруг поймал себя на том, что любуюсь Аделиной, – вспоминал хореограф Сотниковой и известный в не столь давнем прошлом фигурист Петр Чернышев. – Никогда еще не видел ее на льду такой раскованной и одухотворенной».

На разминке – перед тем как отправить Сотникову на выступление, а самому уйти от борта – Петр сказал: «Не позволяй себе в первой половине программы никаких эмоций. Вообще не думай об этом. Эмоции придут к тебе сами».

Словами «прокат всей жизни» обычно называют выступления, способные захватить любой зал, независимо от его национальных и болельщицких пристрастий. Именно такое однажды произошло на моих глазах на чемпионате мира-2003 в Вашингтоне, где в парном катании победили китайцы Шэнь Сюэ и Хунбо Чжао. До того момента мне еще никогда не приходилось видеть, чтобы зал, совершенно не болевший за пару по ходу чемпионата, начал вставать со своих мест еще до того, как закончилась музыка – за двадцать две секунды до конца произвольной программы. Но в Вашингтоне случилось именно так.

Аналогичным образом все сложилось и здесь. Комментарий Чернышева в адрес заключительного выступления Аделины – «так она не каталась никогда в жизни» – не был преувеличением ни на гран.

После всех переживаний, внезапных слез и церемонии награждения чемпионка рассказывала:

– Когда в двенадцать лет я выиграла свой первый юношеский чемпионат, это было в плане эмоций невероятно – очень много счастья, но я толком не понимала, чего хочу. Очень завидовала тем, кто поехал на Игры в Ванкувер, и мечтала, что через четыре года тоже обязательно буду в олимпийской сборной. Так что можно считать, что в Сочи исполнились сразу две мечты – я попала на Олимпийские игры и выиграла золотую медаль. Очень

разозлилась, когда мне сказали, что я не выступаю в командном турнире. До последнего была уверена в том, что буду там выступать. И дала себе слово, что в личных соревнованиях сделаю все для того, чтобы выиграть. После короткой программы я шла второй, но мысли о том, что нужно попытаться удержать серебро, не было. Я шла бороться за золото и вполне отдавала себе в этом отчет.

Только потом в том самом отложенном на полтора месяца интервью Водорезова скажет:

– Командный турнир, который стал для Аделины столь сильным ударом, на самом деле переломил ситуацию. Она поехала туда в качестве запасной, посмотрела церемонию открытия, провела одну тренировку, увидела соперниц и поняла, что хочет выступать на этом льду и готова бороться. С этого момента Аделина начала переть вперед, как танк – тогда я, собственно, и поняла, до какой степени она – боец. У нас на глазах вдруг каким-то невероятным образом стало складываться все то, чему мы ее столько времени учили. На последней тренировке она каталась так, что Петя Чернышев, который ставил Сотниковой обе олимпийские программы, сказал: «Лена, мне страшно…»

И тут мы оба поняли, что в ближайшие часы непременно должно произойти что-то очень важное…

Глава 5. Тренер, которого мы потеряли

Согласно всем канонам сюжета, начинать писать о биатлоне следовало, конечно же, с мужской эстафеты. В высшей степени драматичной, но главное – победной. Та золотая медаль с совершенно выдающимся финишем Антона Шипулина стала у российских биатлонистов первой с 1988 года и, как водится, затмила все прочие результаты, включая три золота Дарьи Домрачевой – белорусской биатлонистки, каждый успех который на протяжении всех предолимпийских лет сопровождался всевозможными модификациями одной и той же фразы: «Домрачева? Так она наша, российская, в Нягани выросла, со Светой Слепцовой вместе начинала…»

Мне же запомнилось другое. Не победное эстафетное золото мужской команды, а драматическое серебро – женской.

Слепцова, олимпийская чемпионка Ванкувера, в состав олимпийской сборной не попала. Незадолго до тех Игр она призналась мне, что засыпает и просыпается лишь с одной мыслью – об Олимпиаде. Но в декабре 2013-го стало ясно, что шансов попасть в команду у Светланы нет.

Честно говоря, меня сильно удивили слова спортсменки, сказанные после Игр в адрес старшего тренера женской команды Вольфганга Пихлера.

– Вольфганг не виноват в том, что все так сложилось, – сказала она. – Просто он оказался не «моим» тренером, такое бывает. Это вообще большая удача, когда «твой» тренер вовремя оказывается у тебя на пути. А тренер сборной команды и не обязан заботиться о том, чтобы его методика подходила абсолютно всем. Мне, например, методика Пихлера не подходила, но в то же самое время мне очень нравилось в нем то, что абсолютно за все он отвечал сам. Как в случае побед, так и в случае поражений. И он был человеком слова…

Когда Пихлер только пришел в российскую команду в 2011-м, я довольно долго за ним наблюдала. Пыталась понять: кто он? Демократ? Диктатор? Или просто лентяй, который рассылает своим спортсменкам тренировочные занятия по Интернету, а сам предпочитает как можно дольше бездельничать в домашней обстановке?

После первого летнего сбора в Рупольдинге я поняла одно: тренерская профессия никогда не была частью жизни мгновенно ставшего популярным в российских биатлонных кругах немца. В ней сосредоточивалась вся его жизнь без остатка. И отдавался он ей с истинной страстью.

Отец Пихлера был тем самым человеком, кто когда-то основал в Рупольдинге биатлонный стадион. Его дядя тоже занимался биатлоном, даже выступал в Саппоро на Олимпийских играх. Наверное, поэтому сам Вольфганг хорошо запомнил 1972 год. В те времена биатлон в ФРГ был не бог весть как популярен. В первенстве страны, на котором производился отбор на Олимпиаду, участвовали всего двенадцать человек, и, когда национальная команда была сформирована, спортсмены обратились к Пихлеру-старшему с просьбой помочь с организационной стороной дела. Тот согласился – взял на себя все менеджерские обязанности. Ну а старший из сыновей оказался на подхвате: помогал отцу в офисе, а дяде в тренировках. Спустя несколько лет начал самостоятельную тренерскую работу – стал тренировать сборную таможенников по лыжным гонкам и биатлону.

Первую золотую олимпийскую медаль Пихлер-тренер выиграл в 1992 году в Альбервилле. Йенс Штайниген стал тогда чемпионом Игр в эстафете в составе немецкой сборной.

Сам Пихлер вспоминал об этом так:

«У меня был друг в Рупольдинге – Лейф Андерссон. Познакомились мы с ним в 1987-м, когда Андерссон стал регулярно приезжать на сборы из Швеции в Германию. Во время тренировок мы постоянно сталкивались на лыжне, и каждый раз, проезжая мимо меня, Лейф шутливо кричал: „Эй, когда уже ты начнешь меня тренировать?“ Я так же на ходу спрашивал: „Чего ты хочешь?“ Он отвечал: „Я хочу медаль!“

В сезоне-1990/91 мы с Андерссоном начали работать вместе, ну а чуть позже к нам присоединился Штайниген. Он тогда вообще не входил в национальную сборную Германии. Просто в частном порядке приехал в Рупольдинг и спросил, не согласился бы я его тренировать…»

В конце 1995-го Пихлеру позвонили представители шведской федерации биатлона и спросили, может ли его заинтересовать работа с Магдаленой Форсберг. Так началась история едва ли не самого успешного в биатлоне дуэта. Очень схожего в плане карьерного пути. Магдалена помимо тренировок работала налоговым инспектором, причем эта работа отнюдь не была фиктивной: до полудня она тренировалась, затем меняла одежду и с часу до пяти занималась бумагами в офисе. А к шести вечера приезжала на вторую тренировку.

Полагаю, магия шесть Больших Хрустальных Глобусов, завоеванных шведкой за карьеру, и стала определяющей в глазах тогдашнего президента СБР Михаила Прохорова. Он захотел заполучить соавтора этих великих побед – и приобрел его.

«Я долго думал, прежде чем сказать «да», – вспоминал Пихлер. – Две недели вообще не спал. Главная проблема заключалась в том, что я нетерпим ко всему, что касается запрещенной фармакологии. Всегда боролся против этого, даже потерял возможность работать в Германии из-за слишком резких высказываний в адрес спортсменов ГДР после объединения наших стран. В моем понимании употребление допинга ничем не отличается от воровства. Ты просто воруешь медали. Именно так на момент дисквалификации трех российских спортсменов воспринималась мной ситуация в российской сборной. Но потом я подумал: если к руководству федерацией биатлона пришли новые люди, если они действительно хотят создать новую команду, если сами спортсмены хотят работать честно, а я могу помочь им добиться результата, почему не попробовать это сделать?

Естественно, пожилой немец не мог тогда предположить, что уже в первый год работы столкнется с откровенным и вполне объяснимым саботажем со стороны своих российских коллег. Сильнее всех тогда негодовал четырехкратный олимпийский чемпион Александр Тихонов, декларируя на каждом углу, что никакой Пихлер не тренер, мол, и образования специального у него нет, и работает неправильно, и вообще, нечего такому человеку делать в российской сборной. Но парадокс: чем сильнее была критика со стороны прославленного спортсмена, тем сложнее было отделаться от чувства, что Пихлер здесь абсолютно ни при чем. За всем, что говорил в его адрес Тихонов, без труда угадывалась дикая обида и, соответственно, раздражение от самого факта, что сборную России стал тренировать иностранец. Ведь приглашение немецкого специалиста на один из ключевых постов в сборной стало в каком-то смысле публичным признанием слабости российской тренерской школы. Окажись на месте немца любой другой иностранный специалист, отношения со стороны «старой гвардии» это не изменило бы.

Парадокс заключался в том, что наедине с собой каждый из российских специалистов прекрасно понимал, что происходит. Когда травля наставника после двух не слишком удачных сезонов активизировалась в очередной раз, я получила письмо от одного из экс-российских биатлонных тренеров, уехавших работать в Германию.

«Пихлер ненавистен всем обитателям „тухлого болота“ по одной простой причине, – писал он. – Если тренер – один из своих, с ним можно, что называется, „решать вопросы“. С Пихлером это не проходит: он берет в команду объективно лучших. У обитателей „болота“ свои мнения насчет „объективно

лучших“, только пропихнуть их в сборную уже не получается. Отсюда – постоянный гон на тренера, и неудовлетворительная оценка его работы, и идеи об „альтернативной“ команде. Самое смешное, что все понимают: те, кто в эту альтернативную команду попадут, будут точно не сильнее сборной Пихлера. Просто это даст возможность кого-то пропихнуть, поиметь с этого совершенно конкретную выгоду…»

Альтернативная команда все-таки была создана. За полгода до Игр в Сочи. А в самом конце января две российские спортсменки из альтернативной группы были дисквалифицированы за допинг.

Парадокс заключался в том, что по своей натуре Пихлер был гораздо более «русским», чем многие его российские коллеги. Своей тренерской строгостью, требовательностью и жесткостью лично мне он сильнее всего напоминал Федота Васкова из знаменитой повести «А зори здесь тихие». Того самого старшину, который ежеминутно стремился сделать все возможное для того, чтобы его девчонки вернулись из боя живыми, отлично понимая при этом, что вернутся далеко не все.

Именно отсюда брали начало запредельные пихлеровские нагрузки. Сам он прекрасно осознавал: в той мясорубке, которой давно уже стал большой спорт, иначе гарантированно не выжить.

Пройдет четыре года, прежде чем я услышу от одного из очень авторитетных в российском биатлоне людей: «Выиграв в Сочи серебро с женской эстафетой, Вольфганг совершил чудо. Девочки должны были в лучшем случае стать четвертыми…»

* * *

Прощались мы с тренером в том же Рупольдинге, где когда-то познакомились. Я поехала туда по собственной инициативе, не имея ни малейшего понятия, согласится Вольфганг со мной встретиться или нет: на последнем из этапов Кубка мира он категорически отказался общаться с журналистами. Не отвечал и на письма, словно решил разом обрубить все нити, связывающие его с Россией. Но, узнав, что я в городе, Вольфганг сам назначил встречу, сказав: «Ждите меня в кафе на перекрестке. Через двадцать минут».

Было самое начало апреля, не сезон, поэтому большинство отелей городка не принимало постояльцев, а знаменитое в городе «кафе на перекрестке» – Kur-Cafe, забитое зимой так, что посетители гроздьями свешиваются из окон и висят на заборе, было абсолютно пустым, если не считать нас с Пихлером,

хозяйку, суетящуюся где-то в недрах кухни, и деревянного пасхального зайца на подоконнике.

– Мне нужно было хотя бы немного отдохнуть от всего пережитого, прийти в себя, – объяснил тренер свое молчание. – Не хотелось оценивать то, что происходило за время моей работы в России, под влиянием эмоций. В то же время во мне зрело желание высказаться – слишком много вранья было вокруг команды в последний год. Скажу вам честно: мне никогда не хотелось бы читать о себе в Интернете все то, что пришлось прочесть. Очень часто это смахивало на откровенную травлю, причем касалось не только меня – это я пережил бы легко, – но и тех, кто был в моей команде. Положа руку на сердце, я и не рассчитывал, что российский союз биатлонистов станет меня защищать. Как только человек становится публичной персоной, он должен быть готов к тому, что вся его жизнь может стать предметом широкого обсуждения. Да и от кого должен был меня защищать СБР? Многое ведь шло от спортивного министерства. Столь сильного противодействия с этой стороны я в общем-то не ожидал. Как и того, что ваши спортивные руководители окажутся до такой степени зависимы от общественного, порой ничем не аргументированного мнения…

Тренер неожиданно замолчал и улыбнулся каким-то своим мыслям.

– Знаете, в самом начале семидесятых мой отец задался целью превратить Рупольдинг в центр мирового биатлона. В свое время именно он и основал здесь стадион – я рассказывал вам об этом. На первые соревнования – это был как раз этап Кубка мира – отец поставил на стадионе VIP-палатку. Тогда народ о таком вообще не слыхивал. Пройти в эту палатку могли только журналисты. Как только человек перешагивал порог, он попадал в рай. Вкуснейшая еда, любые напитки, кофе, выпечка, десерты – все, что угодно. Нас с братом отец отправил тогда заботиться о спортсменах – помогать им решать любые проблемы, если они вдруг появятся. Кормить, развлекать, обеспечивать транспорт. Я отвечал за русскую команду – оттуда, собственно, и берет начало мое особое отношение к вашей стране.

В разговоре снова повисла пауза. «Журналист – это человек, который в доме повешенного должен говорить о веревке», – всплыла в памяти давнишняя фраза коллеги.

– В первый сезон я мог работать так, как считал нужным, – продолжал Пихлер. – А потом вдруг вокруг моей команды образовалось огромное число советчиков из Минспорта, и все они стали требовать медалей. Могу признаться честно: мне потребовалось немало времени, чтобы понять, что именно люди

имеют в виду, утверждая после первого года моей работы, будто бы «все плохо». Вроде бы в системе подготовки каждого спортсмена задействовано достаточно много специалистов: личный тренер, тренер клуба или области, главный тренер. Но иногда возникало ощущение, что все они наотрез отказываются понимать очевидные вещи. Например то, что, если в команде, сколь бы сильной она ни была, тренируются десять человек, они не могут вдесятером стать первыми. Я, если честно, сильно рассчитывал на конструктивный диалог с российскими тренерами. Но диалога не было в принципе. Никто не знал и, более того, не стремился понять, что и как мы делаем, но при этом каждый считал себя вправе нас критиковать. К тому же было понятно, что ни один из так называемых «экспертов» не собирается нести ответственность за результат. А тут еще вся эта допинговая история…

Пихлер снова замолчал, словно решая, стоит ли продолжать.

– …Ноябрьский отбор на этапы Кубка мира проходил у нас безо всякого допинг-контроля. И я, извините, не верю, что Екатерина Юрьева и Ирина Старых, которые были дисквалифицированы в январе, бежали там чистыми. Судя по действиям международных антидопинговых служб, у IBU имелись достаточно веские основания подозревать этих спортсменок. Иначе мне очень сложно объяснить причину столь «прицельной» охоты: ведь пробы у Юрьевой и Старых во время их пребывания на декабрьском тренировочном сборе брали по два раза в день. Утром – вечером, утром – вечером. Когда две спортсменки попадаются на одном и том же препарате, для меня это достаточно весомый аргумент полагать, что употребление запрещенных средств является в команде системным. Кто именно за всем этим стоял – СБР или Минспорта, – это уже второй вопрос. Когда случилась дисквалификация, я был настолько вне себя, что не хотел вообще слышать каких-то аргументов в пользу того, чтобы остаться в сборной. Но из пяти оставшихся в олимпийской команде спортсменок четыре были моими. И я не имел никакого права ставить свои эмоции выше их интересов. Хотя для меня это был последний шанс, последняя команда. Мне ведь уже пятьдесят девять…

* * *

Четыре года спустя на Играх в Пхенчхане Пихлер выводил на старт сборную Швеции. Его сборная, наполовину составленная из вчерашних юниоров, стала главной сенсацией тех Игр, выиграв

две золотые и две серебряные награды. Принимая поздравления на стадионе, тренер вдруг задержал мою руку в своей и как-то очень горько сказал: «Я ведь не изменил в своей работе ровным счетом ничего. Эта команда просто верила мне. Верила и работала…»

2016 год. Рио-де-Жанейро

Глава 1. Проигранная война

В июне 2016-го я прилетела в Вену на Совет Международной федерации легкой атлетики, который должен был решить вопрос о допуске российских легкоатлетов на Олимпийские игры в Рио-де-Жанейро. Уже на подступах к Гранд-отелю, в котором должно было пройти заседание, теснились многочисленные телекамеры. Между ними от микрофона к микрофону неторопливо передвигался герой целого ряда скандальных антироссийских фильмов – Хайо Зеппельт. Процесс явно нравился немцу. Периодически он подзывал ассистентов, поправлял телевизионный грим, и интервью возобновлялись. Когда прессе было предложено переместиться в специально отведенное для работы помещение, Зеппельт скользнул взглядом по моему лицу и, ничем не показывая, что мы знакомы, прошел мимо.

А знакомы мы были, как выяснилось, с достаточно давних времен. Летом 2014 года мне позвонил один из немецких тренеров и попросил оказать содействие его знакомому журналисту. Мол, тот собирается сделать какой-то материал по допингу, знает, что я когда-то серьезно занималась этой темой, и хочет задать несколько вопросов.

Имя журналиста тренер тоже назвал – это был Хайо Зеппельт. Мне это имя ни о чем не говорило, и я порядком удивилась, увидев в холле отеля «Славянка» человека, с которым на протяжении многих лет неоднократно пересекалась на плавательных соревнованиях в Германии. Просто для какого бы то ни было общения никогда не было повода: Хайо принадлежал к категории фрилансеров, а эта публика обычно не столько работает на соревнованиях, сколько тусуется везде, где только можно, в надежде зацепить что-нибудь «жареное». Поэтому и отношение к таким персонажам редко бывало серьезным.

Разговор у нас тогда не получился. Я начала было объяснять собеседнику, что фармакология в спорте присутствовала всегда, и что я, как бывшая спортсменка, не вижу большой разницы между теми, кто принимает вещество из запрещенного списка, и теми, кто принимает его же, но под прикрытием «терапевтического исключения», заметила, что не считаю проблему чисто российской и очень сомневаюсь в том, что в современном спорте она способна быть системной – не то что во времена ГДР.

– Запрещенная фармакология – это всегда очень личная история, – втолковывала я Зеппельту. – Исключением могут быть разве что страны с тоталитарным режимом, где на кону если не расстрел, то профессиональная смерть, что сильно затрудняет

взвешенный выбор. Во всех остальных вариантах – это именно вопрос выбора самого спортсмена. Именно поэтому не может и не должно быть в этом вопросе никаких общих тенденций и тем более – коллективной ответственности…

Но Зеппельт быстро заскучал.

– Скажите, вы знаете человека по фамилии Португалов? – внезапно спросил он. – Может быть, он согласится рассказать мне, как давал допинг вашим спортсменам? И может быть, посоветуете, к кому из действующих спортсменов, принимающих допинг, я мог бы обратиться за интервью?

Я, честно говоря, опешила.

– Послушайте, вы всерьез полагаете, что, если спортсмен принимает запрещенные препараты, он будет это афишировать? Даже если бы мне были известны такие люди, как считаете, они согласились бы разговаривать с незнакомым человеком на подобные темы? Могу вам только порекомендовать поискать тех, кто когда-либо был дисквалифицирован, ничего в спорте не добился и обижен на весь мир. За хорошие деньги они, полагаю, расскажут вам все, что хотите.

Когда я вернулась домой и поделилась впечатлениями с мужем-фотографом, он иронично хмыкнул: «О-о… До тебя он тоже добрался?»

Выяснилось, что в фотографических кругах, где принято достаточно широко сотрудничать с иностранными коллегами и всячески оказывать им содействие, Зеппельт уже успел стать одиозной фигурой. На протяжении довольно долгого времени он подыскивал себе российского «фиксера»: так называется человек, который за определенную плату сопровождает иностранца в стране, решая его проблемы с транспортом, а если нужно, то и с правоохранительными органами, организовывает различные встречи и обеспечивает перевод. Немцу раз за разом отказывали, поскольку слишком бредовыми казались запросы. Одна из просьб Зеппельта сводилась к тому, чтобы провести его в аптеку Олимпийского комитета России и сфотографировать полки с запрещенной фармакологией. В идеале – чтобы на аптечных склянках были видны этикетки с наклейками «Допинг». Видимо, в представлении немца допинг российским спортсменам отвешивался прямо в ОКР. Килограммами.

Тогда мы с мужем долго смеялись, но, как выяснилось, зря: уже в декабре вышел документальный фильм Зеппельта под названием «Тайный допинг. Как Россия одерживает свои победы». Главным действующим лицом фильма стала дисквалифицированная за допинг российская бегунья Юлия Степанова. Прием, который был использован в фильме, оказался

старым, как мир: спортсменка с несостоявшейся из-за дисквалификации карьерой, к тому же отчаянно нуждающаяся в деньгах, наговорила на камеру подробностей, от которых волосы вставали дыбом.

Потом, когда стало ясно, сколь роковую ошибку совершила российская сторона, недооценив фальшивку, Российская федерация легкой атлетики подала на автора фильма в суд и выиграла его, но было уже поздно: маховик закрутился.

Ну а в июне оставалось только надеяться на то, что ИААФ проявит милосердие, восстановит в правах Российскую федерацию легкой атлетики, и на Игры в Рио смогут поехать две звезды поистине планетарного масштаба – Елена Исинбаева и Сергей Шубенков.

Понятно, что речь шла не только о них, но биографии этих двух спортсменов как бы постоянно подчеркивали абсурдность сложившейся ситуации: ни Сергей, ни Елена никогда не были замешаны в допинговых манипуляциях, оба имели кристально чистую репутацию в легкоатлетических кругах, а главное – у обоих был не просто реальный, но прямо-таки сумасшедший шанс эти Игры выиграть. Другими словами, без них легкоатлетический турнир рисковал потерять львиную долю своей привлекательности. Для спонсоров – в том числе. А с большими деньгами не шутят.

Существовала, конечно, еще одна вероятность. Что вся та история, точку в которой предстояло поставить Совету ИААФ, являлась лишь крошечной частью большой политической игры, где отрицательный для России вердикт уже заведомо мог быть прописан в регламенте. В этом случае рассуждать о здравом смысле не стоило в принципе. Как и надеяться на то, что самая скандальная сага олимпийского четырехлетия наконец завершится. Это могло оказаться лишь началом куда более грандиозного сценария, причем с совершенно непредсказуемыми для российского спорта последствиями.

Спустя шесть часов после начала заседания стало ясно, что сюжет развивается по самому худшему варианту из возможных: Совет единогласно проголосовал за то, чтобы не восстанавливать в правах Российскую федерацию легкой атлетики. Главной претензией стало отсутствие в России так называемой «антидопинговой ментальности».

Всю абсурдность происходящего лучше всего иллюстрировала рекомендация ИААФ допустить к Олимпийским играм в Рио-де-Жанейро Юлию Степанову. То, что спортсменка была в свое время дисквалифицирована за сознательное употребление допинга, не вызвало у главы ИААФ, двукратного олимпийского чемпиона

Себастьяна Коэ, ни малейшей неловкости.

– Это мощный посыл всем атлетам мира, – вещал Коэ с трибуны. И как-то совсем уже не вспоминалось, что всего за полгода до этого президент ИААФ благодарил российскую сторону за то, что она так быстро отреагировала на случившееся и стала принимать конкретные меры по оздоровлению ситуации. Просто потом сам Коэ попал под удар – великого атлета публично обвинили в причастности к процветающей в ИААФ коррупции. И он просто кинулся спасать собственную шкуру: идти против уже сложившегося в определенных кругах мнения было бы для него самоубийством.

Ну а для России ситуация стала до боли напоминать излюбленный криминальными сценаристами сюжет: героя ставят на «счетчик», он продает квартиру, машину, влезает в долги, приносит кредитору требуемую сумму, но не успевает с облегчением перевести дух, как слышит: «Ты заставил меня нервничать. Поэтому завтра принесешь столько же…»

* * *

Незадолго до венского заседания у меня состоялась беседа с хорошим знакомым, много лет проработавшим в спорте высших достижений. Вопрос собеседнику я задала скорее риторический: могло бы случиться так, чтобы скандал вокруг российской команды не приобрел столь грандиозного масштаба? В ответ был озвучен добрый десяток пунктов, каждый из которых начинался словами «если бы». Если бы мы спохватились раньше…

Объяснять, что именно стояло за этой фразой, не приходилось. Это была история с самым успешным в мировой легкой атлетике тренером – Виктором Чегиным.

Мысль о том, чтобы сделать учеников чемпионами мира во всех дисциплинах, где соревнуются ходоки, появилась у Чегина еще тогда, когда он только пришел в сборную, возглавляемую легендарным главным тренером – Валерием Куличенко. Потом эта мечта сменилась иной: Чегин захотел добиться того, чтобы в спортивной ходьбе его подопечные разыграли между собой все призовые места в трех олимпийских видах программы. Девять из девяти.

Одна из серьезных стычек между тренерами произошла как раз по этой причине: Куличенко резонно предполагал, что массовые победы в таком виде, как спортивная ходьба, наверняка вызовут у «остального мира» крайне пристальное – во всех отношениях – внимание к победителю. Но главное заключалось

даже не в этом. А в понимании простой в общем-то вещи: когда смысл жизни человека сводится к единственной и запредельной цели, мораль зачастую уходит на второй план. И в ход рано или поздно будут пущены любые средства.

По дошедшей до меня информации, именно тогда главный тренер сказал Чегину: «Ты – сумасшедший. Остановись. Иначе погибнешь».

Но в 2007-м Куличенко сняли, посчитав причастным к допинговому скандалу. К тому времени на счету подопечных мордовского тренера было двенадцать медалей чемпионатов мира и Олимпийских игр. Еще через два года Чегин частично реализовал свою мечту: на юношеском первенстве Европы его спортсмены заняли три призовых места на 10-километровой мужской дистанции, а на чемпионате Европы-2010 в Барселоне «российским» стал пьедестал в женской ходьбе.

Упрекать тренера в том, что он до такой степени был одержим жаждой побеждать, были готовы немногие, понимая, что именно такие люди во все времена двигали спорт вперед. Другой вопрос, что ни в коем случае нельзя было допускать, чтобы в руках подобной личности сосредоточилась абсолютная полнота власти. Но произошло именно это: все более частые конфликты Чегина с президентом Российской федерации легкой атлетики Валентином Балахничевым переросли со временем в открытую войну, выиграть которую шансов у последнего не было – ведь абсолютно вся российская ходьба, регулярно приносящая золотые, в том числе и олимпийские медали, была уже полностью сосредоточена в Саранске в одних руках – чегинских. Тренер получил абсолютный карт-бланш. Как монополист золотодобывающей промышленности.

А в 2012-м грянул скандал: мордовских ходоков начали в массовом порядке дисквалифицировать за абнормальные показатели в биопаспортах. После дисквалификации олимпийской чемпионки Лондона Елены Лашмановой в июне 2014-го года стало окончательно ясно: это лишь начало настоящих неприятностей.

Так и получилось. В начале 2015-го были дисквалифицированы сразу три «золотых птенца» Чегина: олимпийские чемпионы Пекина Ольга Каниськина и Валерий Борчин, а также победитель Игр в Лондоне Сергей Кирдяпкин. При этом сам Чегин был пожизненно отстранен от работы в спорте лишь через год. Слишком поздно, чтобы убедить весь спортивный мир в том, что Россия всерьез считает нужным бороться с допингом.

Вот и вышло, что основной козырь своим оппонентам мы

предоставили сами.

Глава 2. Иди сюда, нарядный!

За два года до Рио и совершенно внезапно для самой себя я надумала учить португальский язык. На удивленные вопросы знакомых честно отвечала: не люблю находиться в стране, не понимая, о чем говорят вокруг. На самом деле отправной точкой послужили слова коллеги, который как раз тем летом находился в Бразилии на чемпионате мира по футболу, мотаясь по бразильским городам и весям. Найти в стране диких обезьян человека, способного мало-мальски сносно объясняться по-английски, было, по его словам, неразрешимой задачей. Вот я и отправилась зубрить португальские глаголы и наиболее расхожие в рамках спортивного мероприятия фразы.

Подвох нарисовался совсем с другой стороны. В Рио оказалось жутко холодно, и лил дождь.

Теплые пуховики были раскуплены во всех торговых точках города в течение первых двух дней Олимпиады. От холода не удавалось спрятаться даже в помещениях: кондиционеры транспортных средств, рассчитанные, видимо, на несколько иной прогноз погоды, были запрограммированы на «+10». Одну из иностранных барышень-журналисток, отправившуюся на церемонию открытия в маечке и юбке, пришлось откачивать прямо в автобусе: за два часа обратного пути со стадиона в медиа-деревню девчонка от переохлаждения впала в анабиоз – сползла на пол с остановившимся взглядом. А ровно в полночь во всем комплексе журналистской деревни вырубилось электричество.

Это означало, что вместе с ним в бозе почил Интернет, а заодно и горячая вода, появляющаяся в кранах от громадного и крайне шумного кухонного электронагревателя. По закону подлости именно в этот момент узкий журналистский коллектив нашей комнатушки, вернувшийся с церемонии, занимался крайне творческим делом – разливал взятую из холодильника кока-колу в стаканы, где уже плескалось по доброму глотку виски. На ощупь стаканы были найдены. Но и это оказалось не финальным аккордом: сильный порыв ветра ворвался в лишенное стекла кухонное окно и опрокинул большую пластиковую вазу с цветами. В абсолютной темноте на плиточный пол комнаты хлынула вода. Для полноты картины не хватало только черного грифа-стервятника, который должен был влететь в окно, язвительно каркая. Но во-первых, в такой тьме все равно было бы невозможно его рассмотреть, а во-вторых, окно было плотно затянуто сеткой – от зловредных комаров Зика. Олимпиада

началась…

* * *

В 1983-м, где-то за год до начала Олимпийских игр в Лос-Анджелесе, когда еще теплилась надежда, что СССР не станет бойкотировать мероприятие и все-таки отправит своих спортсменов в Америку, президент Ассоциации олимпийских комитетов и один из богатейших людей Западного полушария Марио Васкес Ранья сказал в приватной беседе, что готов лично дать советской стороне гарантии безопасности. Магнат объяснил тогда открытым текстом, что как минимум половина населения Лос-Анджелеса – латиноамериканцы. А во всем, что касается порядка в Латинской Америке, ситуацию полностью контролируют «его мальчики».

Примерно такие же рычаги были задействованы в преддверии Игр в Рио-де Жанейро. Возможно, действительность была в некоторой степени приукрашена, как это часто бывает, когда речь заходит о южноамериканских реалиях, но наружу просочилась следующая информация: мол, руководители крупнейших картелей страны, получившей вместе с Играми фантастическую возможность для подъема собственной экономики, взамен дали Международному олимпийскому комитету обещание остановить на время Олимпийских игр какую бы то ни было противоправную деятельность в стране – чтобы гарантировать Играм и их участникам спокойствие и безопасность от местной и достаточно разветвленной преступности.

В тот момент никому не пришло в голову очевидное: как только крупные игроки противоправного поля ушли на тайм-аут, их место стремительно заняли всевозможные мелкие рыбешки, промышляющие мелким, так сказать, «бытовым» бандитизмом.

Внутренние круги МОК пребывали в шоке: им обещали совсем другой Рио. Чуть ли не с самого первого дня Игр все чины МОК взяли за привычку передвигаться по объектам исключительно в кортеже автоматчиков и с личной охраной. Это началось сразу после того, как одна из машин, встретившая кого-то из высокопоставленных олимпийских чиновников в аэропорту, была принудительно остановлена группой мотоциклистов прямо на выезде с территории аэропорта. Нападавшие вывели пассажиров и водителя наружу, положили их лицом в капот, обчистили все сумки и карманы, пожелали удачи на предстоящей Олимпиаде и беспрепятственно покинули место наживы.

Жены членов МОК, пребывающие в полном шоке от

ежедневных сводок с олимпийского «фронта», сидели в отелях, как в резервациях. И ностальгически вспоминали Игры в Сочи, где можно было гулять по городу, заглядывать в кофейни и рестораны и носить с собой не кредитки, засунутые в лифчик или трусы, а дамские сумочки с бумажниками, не опасаясь за их сохранность.

Сводки о постоянном мелком воровстве были настолько частыми, что на них никто не обращал внимания – за исключением тех, кого обворовали.

После двух вылазок в центр Рио на Копакабану у меня сложилось твердое убеждение, что остаток Игр я проведу в Олимпийском парке, благо там были сосредоточены все «мои» виды спорта. Никакие другие варианты не рассматривались в принципе: заставить себя нормально работать в ситуации, когда голова то и дело переключается на мысли о самосохранении, было решительно невозможно.

Народ стремительно обрастал новыми привычками: снимать с себя браслеты, часы, кольца и прочую дребедень, как только выходишь за пределы охраняемой зоны. Не брать с собой бумажник, а рюкзак носить задом наперед. Если находишься за рулем машины, ни в коем случае не останавливаться на светофорах в темное время суток независимо от того, горит перед тобой зеленый свет или красный – этот пункт был даже прописан в официальной памятке оргкомитета и невольно заставлял обращать внимание на то, что происходит за окнами официальных машин. У каждого перекрестка в изобилии сидели на корточках молодые парни. Как только та или иная машина снижала скорость, стая в едином порыве начинала приглашающе манить водителя руками: мол, иди сюда, нарядный, заждались уже…

Еще Игры выработали у всех привычку садиться, едва зайдя в олимпийский автобус-шаттл. Нет мест – значит, садиться на пол или на ступени. И крепко держаться за поручни от первой до последней секунды всей поездки.

Пристегиваться на заднем сиденье в автомобилях многие начали после случая с тренером сборной Германии по гребле Штефаном Хенце, который всего-навсего ехал в такси на тренировку. Машина, управляемая не слишком опытным водителем, приехавшим в Рио подзаработать, попала в аварию, и Хенце через день скончался в больнице от травм. Еще одна страшная авария случилась с участием автобуса для прессы: он на полной скорости проскочил через «лежачего полицейского». От жесткого приземления тяжеленной машины на асфальт растерявшийся шофер запоздало ударил по тормозам, но это не

помогло: в салоне осыпались стекла, люди, сидевшие на заднем ряду, пролетели до середины салона и рухнули друг на друга. Разгребали завал из тел и битых стекол уже медики. Один из фотографов был экстренно отправлен в больницу с подозрением на перелом позвоночника, у второй из сильно пострадавших – девушки – осколками разбившихся объективов иссекло лицо.

Даже когда температура воздуха поднялась до обещанных «плюс тридцати», привычка постоянно носить с собой всю имеющуюся теплую одежду не исчезла. Бразильские кондиционеры продолжали исправно делать свою работу. В зале, где соревновались борцы, спортсмены официально заявили, что не будут приходить в конференц-зал после награждения. Интервью – ради бога. Но в микст-зоне или, еще лучше, – на улице. Потому что в зале для пресс-конференций людей, сидящих близ кондиционера, сдувает ураганным ветром. Как сдуло прямо с трамплина китайского спортсмена в ходе соревнований по прыжкам в воду. Впрочем, это уже было не слишком интересно: в соседнем бассейне началось шоу двух выдающихся тренеров мира, Татьяны Данченко и Татьяны Покровской. На четырех Олимпиадах, начиная с Игр в Сиднее, подопечные этих двух тренеров выиграли восемь золотых олимпийских медалей из восьми возможных. В Рио к этому количеству добавилось еще два золота.

Глава 3. Вино из одуванчиков

– Меня достаточно часто близкие люди спрашивают: «А если ты проиграешь, что тогда?»…

На Играх, особенно в ожидании старта, люди редко бывают многословными. И почти никогда не бывают откровенными – отделываются общими фразами: «Привет – пока! Как дела? – Все нормально…» Не знаю, что послужило катализатором в тот год, когда все мы ждали столь непредсказуемую для России и оттого пугающую Олимпиаду. Чужая откровенность обжигала, заставляла совершенно иначе взглянуть на бог знает сколько времени знакомых людей. Казалось бы: о чем беспокоиться тем же синхронисткам? Они же золотой олимпийский запас страны – иначе и не скажешь. Можно быть миллион раз суеверным, встретить на входе в бассейн старуху с пустыми ведрами и даже споткнуться о черную кошку, но это не изменит факта, что проиграть наши синхронистки способны разве что в том случае, если в день старта их повально скосит какой-нибудь вирус. И тут вдруг подобный вопрос!

– А если действительно проиграешь, что тогда, Тань?

Татьяна Данченко. Маленькая, хрупкая, вполне могла бы заменить легендарную Янину Жеймо в ее самой известной роли Золушки. И с совершенно стальным нутром. В 2002-м, когда в синхронное плавание вернулись олимпийские чемпионки Сиднея Ольга Брусникина и Мария Киселева, Данченко, у которой тогда только-только выросли ее первые золотые птенцы Настя Ермакова и Ася Давыдова, билась за место под солнцем. За будущее олимпийское золото. И выиграла в этой борьбе. На момент начала Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро у ее четырех спортсменок имелось шестнадцать золотых олимпийских медалей и шестьдесят высших наград, завоеванных на чемпионатах мира.

– Я стараюсь относиться к этому философски, – говорила Данченко за считанные дни до вылета в Бразилию, сидя на импровизированном тренерском помосте у бассейна знаменитого «Озера Круглого». – Проиграю – мир не рухнет, однозначно. Но пережить поражение мне будет сложно. Все-таки я – перфекционист в тяжелой стадии. Когда Наташа Ищенко проиграла в 2008-м чемпионат Европы испанке Джемме Менгуаль, это было ужасно. Наша группа в том чемпионате не участвовала, дуэт тоже решили не выставлять. В Эйндховен поехали только Ищенко и я. Джемма тогда всем объявила, что уходит. Что это – ее последнее выступление. И ей негласно решили «подарить» ту золотую медаль, хотя Наташа была

действующей чемпионкой Европы, да и выступила блестяще. Я тогда так рыдала в номере… Вообще из него не выходила – забилась, как в нору. Не знаю, как буду реагировать, если что-то подобное повторится. Наверное, сразу уйду из спорта…

Так же буднично на том же самом «Круглом» будущая пятикратная олимпийская чемпионка Наташа Ищенко рассказывала о том, что к обязательной в синхронном плавания и столь впечатляющей со стороны работе на задержке дыхания совершенно невозможно привыкнуть, хоть синхронистки и приучены обходиться без воздуха более трех минут.

– Когда после длительной задержки дыхания ты делаешь вдох, бывает, что весь кислород сразу уходит в мышцы, но не насыщает их, и они начинают неметь. Это состояние ужасно. Но когда программа наработана и организм в достаточной степени привыкает к нагрузке, страх притупляется. Главное тут – побороть себя психологически. Не бояться, что не хватит воздуха, но при этом четко понимать, где находится грань, за которой идет потеря сознания, – объясняла она. Вспоминала, как на Играх в Пекине одна из девочек японской команды потеряла сознание под водой и ушла на дно прямо во время выступления.

Говорила Наташа и о том, что их вид спорта плохо совместим даже с легкими недомоганиями. Пропустить тренировку, конечно же, можно, но сложно при этом рассчитывать, если выступаешь в группе, что твое место останется свободным. Любая замена требует привыкания, причем обоюдного. Если человек пропустил несколько тренировок, привыкать приходится заново – такова специфика групповой работы…

* * *

Начиная с 1998 года групповая работа в сборной команде была вотчиной Татьяны Покровской. Грубоватой в тренировках, как и многие тренеры, вынужденные справляться с большим количеством спортсменов. Перед чемпионатом мира-2003 я как-то пришла к Покровской на одну из заключительных тренировок и застала, выйдя на бортик бассейна, изумительный тренерский текст:

– Меня тошнит от ваших поддержек! – неслось над водой. – Что ты на нее садишься, как на унитаз? Нужно прямой угол строить, а вы уходите в колбасу! Четче! Маша! Выпрыгни из воды и в полете пройди вперед. Непонятно? Значит, будете повторять весь прогон целиком. Сами себе такую жизнь устроили!!!

Прочтя на следующий день репортаж, Покровская перестала

со мной разговаривать. Спустя какое-то время оттаяла, а я стала гораздо внимательнее относиться к формулировкам. Понимала, что вся жизнь тренера – это ее команда. В ней могут меняться люди, программы, обстоятельства, неизменным же остается одно: несокрушимость. Высадиться на объект, разгромить всех и вернуться живыми – это о них, о девочках Покровской. О том, какой ценой достигается этот успех, Татьяна никогда не любила говорить. А тут, накануне Рио, сама пригласила в тренерскую, когда я по каким-то делам заглянула к ней в бассейн. И за чаем вдруг стала со смехом рассказывать, как в молодости работала тренером в художественной гимнастике, не имела своего зала и ходила со спортсменками по школам. Договаривалась, чтобы девочек пускали бесплатно тренироваться по вечерам.

– В школах ведь не бывает спортивных залов, где стояло бы пианино, – вспоминала она. – С собой пианино мы тоже не могли принести, а портативных магнитофонов еще не было. Поэтому я нашла девочку, умеющую играть на баяне, она нам и аккомпанировала. Хотя играть классику на баяне – это, конечно, сдохнуть можно…

Татьяна Тарасова однажды сказала, что за выдающийся тренерский успех всегда приходится платить очень высокую цену. Когда я пересказала это Покровской, та вздрогнула.

– У меня тоже были подобные мысли. Когда неизлечимо заболела внучка, я постоянно думала именно об этом. О том, не наказывает ли меня судьба за то, что я почти никогда толком не интересовалась ни семьей, ни домом. Но мне так и не удалось найти ответ. Допустим, я вообще не занималась бы тренерской работой, и что, Лиза не умерла бы? Мне было тогда безумно тяжело, я ходила в церковь, разговаривала со священниками, все они говорили мне: это судьба. Выбор Бога. Думать, что это – расплата за мой тренерский успех, для меня было бы очень тяжело. В конце концов, зачем-то мне была дана свыше способность так работать и так жить?

Слушая тренера, я мысленно пыталась поставить себя на ее место и понять, каково это – работать со стаей хищниц, готовых в любой момент разорвать любого соперника? И как это – ежечасно быть сильнее группы, где собраны люди с крайне непростыми характерами и колоссальными амбициями. Покровская словно почувствовала это. Сказала:

– Думаю, в какие-то моменты многим моим спортсменкам кажется, что они меня ненавидят. В этом, впрочем, есть свои плюсы: в спорте многое можно сделать на любви. Но мотивация, замешанная на ненависти к тренеру, бывает еще сильнее.

– То есть вы хотите сказать, что в каких-то ситуациях

сознательно добиваетесь того, чтобы вас ненавидели? – не поняла я.

Татьяна кивнула.

– Такое тоже случается. Как и конфликты. Но я работаю с профессионалами, считаю профессионалом себя и давно уже не реагирую на мелочи типа чужого плохого настроения. Рассуждаю иначе: на каждой тренировке мне нужно добиться определенного результата. Я его и добиваюсь, хотя не всегда это происходит быстро. Понятно, что меня, как любого нормального человека, расстраивает, когда спортсменки на меня дуются. Более того, если я понимаю, что кого-то особенно сильно «обидела» на тренировке, всегда стараюсь найти возможность как-то эту обиду смикшировать. С другой стороны, девчонки ведь прекрасно понимают, что я их веду туда, куда, возможно, не приведет никто другой. Через боль, через слезы, через «не хочу», не всегда педагогичными методами, но приведу обязательно.

– Методы и вправду бывают непедагогичными?

– Еще какими! Женщины же. У всех эмоции, у всех капризы, да и я не исключение. Когда девчонки уже заканчивают выступать, они часто вспоминают какие-то ситуации, какие-то мои высказывания и ржут при этом, как умалишенные. А мне каждый раз становится стыдно. Хотя я полностью отдаю себе отчет в том, что в любой из моих групп всегда находятся спортсменки, рост которых произошел исключительно за счет моих сил, моих нервов и моей жесткости. Была, например, девушка, которая вообще ни по каким параметрам не подходила для тех задач, которые нам предстояло решать. Естественно, на тренировках ей доставалось больше других, а сама она наверняка была уверена в том, что я ее просто не люблю и всячески стараюсь сжить со свету.

– Почему тогда вы просто не убрали ее из состава? – поинтересовалась я.

– Потому что у нее за плечами было четыре года тяжелейшей работы. Я считаю, что была обязана дать ей тот результат, к которому она столько времени шла. Это было бы честно. Она же не виновата в том, что ей не хватало здоровья или каких-то иных качеств, которые другим даются от природы. Хотя Татьяну Данченко я, например, в свое время в группу не взяла – из-за слишком маленького роста…

* * *

На следующий день после блистательной во всех смыслах

победы Натальи Ищенко и Светланы Ромашиной мы вместе с Данченко смотрели с трибуны групповой финал, и она говорила:

– Ненавижу дни, которые сейчас начнутся. Будут приемы, чествования, премии, подарки, всевозможные приглашения, но все это будет для спортсменов, не для нас. Такие моменты как-то очень болезненны, хотя, казалось бы, давно пора привыкнуть. Просто по-человечески обидно: идешь, идешь, карабкаешься, тащишь за собой спортсменов…

Суть тренерской профессии на Играх в Рио лучше всего сформулировал тренер женской гандбольной команды Евгений Трефилов, добравшийся наконец до заветной олимпийской победы после тридцати с лишним лет работы в спорте. Трефиловская фраза мгновенно стала «мемом», разлетевшись по сотням сайтов и изданий: «Ползешь, ползешь, ползешь в гору, а там, на вершине, даже одуванчиков нет…»

Спортсмены, идущие к своей первой золотой олимпийской награде, почему-то свято уверены в том, что на вершине их ждет нечто невероятное: сказочной красоты рассвет, раскинувшаяся под ногами вселенная, волшебное вино из тех самых пресловутых одуванчиков наконец. Все то, о чем говорил в Атланте двукратный олимпийский чемпион Денис Панкратов, еще не понимая толком, что дорога с олимпийской вершины всегда ведет вниз: «Думал, случится что-то невероятное, а ничего не произошло…»

Классным тренерам подобные иллюзии свойственны в гораздо меньшей степени. Они все прекрасно знают и про вершину, и про одуванчики, и про то, что победа – отнюдь не начало новой жизни, а всего лишь конечная точка прежнего пути. Просто спортсмен, получив вожделенную медаль, может вообще уйти из спорта, использовав награду как трамплин, а тренер в лучшем случае пойдет на новый виток – с новыми подопечными.

В этом смысл их жизни, и не сторонним зрителям судить, стоит ли большой спорт тех жертв, что приносит ему на алтарь тренерская братия. Это они, а не мы, горстями глотают таблетки, спрятавшись от своих спортсменов в раздевалках, и на их, а не на наши сердца ложатся рубцами перенесенные на ногах инфаркты.

Главный тренер женской волейбольной сборной Николай Карполь получил инфаркт из-за того, что его команде на Олимпийских играх в Сиднее досталось серебро. Главного тренера российских лыжников Александра Грушина едва успели снять с рейса из олимпийского Солт-Лейк-Сити: у него в самолете открылась язва желудка. Прямо на трибуне, наблюдая за игрой своей команды в мае 2002-го, получил обширный инфаркт великий футбольный тренер Валерий Лобановский. На

чемпионате мира по фигурному катанию скончался в 1997-м легендарный итальянец Карло Фасси, и перечень этих трагедий можно продолжать долго.

Забегая вперед, могу признаться: те Игры навсегда остались для меня тренерскими. Трефилова и Данченко, Татьяны Покровской и Ирины Винер. Это Игры, которые принесли первое тренерское золото пятикратной чемпионке мира Амине Зариповой и, возможно, окончательно определили ее судьбу. Это Игры Виктора Михайловича Кузнецова, когда-то представившего миру Александра Карелина, а в Рио – Романа Власова, завоевавшего на борцовском ковре уже второе золото (первое борец завоевал в Лондоне). И совершенно не важно, что в Бразилии тренера не было рядом со спортсменом: из-за состояния здоровья Кузнецову пришлось остаться дома.

А еще это были Игры, наотмашь хлестанувшие Владимира Алекно и оставившие без медалей его волейбольную дружину. Но ведь это совершенно не отменяло лондонского триумфа, правда? Такие воспоминания вообще намертво врезаются в память – как бразильского образца женский российский гандбол, ставший для всех нас не только символом Игр в Рио, но и символом тренерской преданности своему делу.

Сидя на трибуне великой «Мараканы» на церемонии закрытия и проживая вместе со стадионом заключительные аккорды олимпийского праздника, я думала и о том, что тренеры почти никогда не ходят на церемонии закрытия – у них на это просто не хватает сил. Тренерам нужно просто пережить этот период. Спрятаться ото всех, прийти в себя, зализать раны. И начать все сначала…

Глава 4. Кто такая Маргарита Мамун?

Первое сообщение, которое я обнаружила в своем ноутбуке, едва добравшись до стола на пресс-трибуне «Мараканы» в день закрытия Олимпиады, было от Амины Зариповой, подопечная которой Маргарита Мамун днем ранее стала обладательницей личного золота в турнире гимнасток-художниц. Сразу после того финала я отправила тренеру поздравление, совершенно не рассчитывая на ответ: в таких случаях сообщений валится слишком много, чтобы суметь прочитать их за сутки.

«Спасибо, спасибо, спасибо!!! – стояло на экране. И чуть ниже: – Я такая счастливая! Не верю! До сих пор – не верю!»

Мы познакомились с Аминой на Олимпиаде в Атланте. Там она была действующей спортсменкой, любимой ученицей Ирины Винер. По итогам выступления Амина оказалась в очень небольшой группе гимнасток, кто не допустил грубых ошибок, но заняла лишь четвертое место. Место, которое спортсмену бывает труднее всего пережить.

– Я хотела тогда умереть, – говорила мне Амина. – Совершенно серьезно думала о самоубийстве. О том, чтобы броситься под поезд, например. Все это было в моей голове. Страшное состояние на самом деле. Когда не хочешь и не можешь никого видеть, слышать. Помню, нас прямо из зала привезли в Русский дом, и там я встретила тренера баскетбольной сборной Сергея Белова. Он сел со мной рядом и стал объяснять, что на поражениях, пусть даже на таких обидных, жизнь не заканчивается.

Сам Белов тогда тоже находился в состоянии шока из-за того, что его парни все проиграли. Наверное, поэтому он без труда понял, что со мной происходит. Я ему тогда вдруг сказала: «Впервые в жизни хочу напиться».

Удивительно, но он отреагировал сразу. «Давай! – говорит. – Я тебя сейчас научу». И мы с ним поехали за выпивкой на ближайшую к Олимпийской деревне бензоколонку. Зашли внутрь павильона и увидели, что все полки, предназначенные для спиртного, пусты. Видимо, не только мы на тех Играх напиваться собирались. Пришлось вернуться в деревню. Помню еще, как мы ехали в шаттле, и я увидела группу ребят в спортивных костюмах, которые куда-то бежали, то ли тренируясь, то ли сгоняя вес. Я высунулась из окна и начала кричать кому-то из них: «Куда ты бежишь? Остановись, все закончилось!»

В Атланте я в первый раз попробовала бросить гимнастику. Насовсем. Потому что во мне не осталось ничего, кроме огромной

черной дыры. Потом я снова возвращалась, снова уходила… Потом как-то пришла в себя.

После того поражения Ирина Александровна подарила мне кулон в виде звезды и сказала, что я для нее – всегда была звездой и всегда ею буду. Этот кулон я храню до сих пор.

Про свою ученицу Риту Мамун за год до Игр в Рио Зарипова сказала: «У нее совершенно неподходящий для большого спорта характер».

Тренер сетовала на то, что ее подопечная слишком хороша для большого спорта. В ней нет стервозности, нет эгоизма, нет злости по отношению к соперницам, не бывает такого, чтобы Рита хоть в чем-то нарушила бытовой или тренировочный режим, мол, даже если захочешь поругать – не факт, что найдешь повод придраться. Барышня для семьи – не для помоста. Хорошо воспитанная, умненькая, послушная. Какая из нее, к черту, олимпийская чемпионка?

– У Мамун очень интеллигентная и образованная, – рассказывала тренер. – Никто никогда не повышает голос. Первое время, когда я звонила Рите домой, никак не могла понять: либо я ее разбудила, либо она сейчас, судя по голосу, умрет. Сама я никогда на нее не кричала, хотя, наверное, стоило – чтобы хоть как-то подготовить к тому, что ее ждет в сборной. Рита реально не спортсменка – в общепринятом понимании. Она будет идеальной женой, матерью. Ей не нужно ничего повторять дважды – она все понимает сразу. Но одному богу известно, сколько сил мне пришлось приложить, чтобы Рита начала самостоятельно принимать решения, а не ждать, пока я дам ей какие-то указания.

Ну а на помосте она очень эмоциональна, не «технарь». У нее все идет от сердца, от души, от любви к миру. Иногда ее так сильно захлестывает музыка, что она вообще перестает думать о соперничестве с кем бы то ни было.

С другой стороны, Рита многому меня научила, – продолжала Амина. – Заставила задуматься о таких глубинных вещах, в которые я в бытность спортсменкой вообще не залезала. Она скрытная, поэтому я постоянно прошу ее как можно больше разговаривать со мной в процессе тренировки, делиться своими ощущениями. Если чувствую, что она уходит в себя – значит, уровень стресса максимальный. Когда ей плохо, она никогда этого не покажет. Разве что возьмет салфеточку, промокнет глаза и быстро бросит эту салфеточку на пол. Я бы, наверное, всем горло перегрызла уже, а Рита молча продолжает работать. Был период, когда она работала над комбинацией несколько часов. Не проронила ни одной слезинки. Даже Винер тогда не могла в это

поверить. Просто потом Ритка пошла на массаж – и отключилась. Заснула прямо на столе. Яна Кудрявцева другая. Она – стратег, математик…

* * *

Папа «стратега и математика» Алексей Кудрявцев выступал на Олимпийских играх в 1992-м в составе самой престижной из плавательных эстафет 4×200 метров вольным стилем. Ту эстафету российские пловцы выиграли, правда, чемпионство самого Кудрявцева стало не слишком заметным – он стартовал в утреннем предварительном заплыве, а на финал его заменили. Потом Алексей женился, в 1997-м родилась дочь – Яна. И девочку, когда та подросла, отдали в художественную гимнастику. Почему-то среди тех, кто сам прошел большой спорт и по понятным причинам никогда не пожелал собственному ребенку подобных испытаний, художественная гимнастика считалась компромиссом. Сколько боли, слез и насилия над собой может стоять там за успехом, далеким от этого вида спорта людям просто не приходило в голову.

В марте 2016-го Кудрявцева возвращалась на помост после шестимесячного перерыва, связанного со сложнейшей операцией на ноге. С уже имеющимся переломом она выступала в конце 2015-го на чемпионате мира в Штутгарте и вернулась оттуда с пятью золотыми медалями, выиграв многоборье и все его отдельные виды.

– У меня, как выяснилось при обследовании, полностью раскрошилась в ступне ладьевидная косточка, начался некроз тканей, и немецкие врачи собирались взять косточку из бедра и заменить ею ту, что раскрошилась, – буднично, как о чем-то совершенно обыденном, рассказывала гимнастка. – Но потом медики решили, что можно попробовать избежать столь сложных манипуляций: мне хорошенько вычистили раскрошившиеся кусочки, заново перешили связки, поэтому восстановление получилось более быстрым, чем могло быть. Но даже когда я не знала, что все пойдет так хорошо, все равно ни разу не пожалела, что отработала в Штутгарте всю программу. Реши я иначе, меня, полагаю, давно не было бы в сборной, и к Олимпийским играм готовились бы совсем другие девочки…

Точно такая же история в свое время произошла с Ляйсан Утяшевой – гимнасткой, которую после Игр в Сиднее называли самым большим открытием в художественной гимнастике. Предполагалось, что именно ей предстоит заменить в сборной

Алину Кабаеву, попавшую тогда вместе с Ириной Чащиной под нелепую дисквалификацию. В сентябре 2001-го Утяшева выиграла Кубок мира. И никто тогда не знал, что всего через год этой девочке суждено пережить трагедию, какой художественная гимнастика еще не знала. Сложнейший перелом стопы, неоднократные операции на обеих ногах и страшный прогноз врачей: вероятности, что Утяшева снова сможет нормально ходить, почти не было.

А она вернулась в спорт.

И точно так же буднично, как Кудрявцева, рассказывала о том, как сначала врачи долго не могли поставить диагноз, а в конце концов выяснилось, что стопа не подлежит восстановлению, поскольку в ней на протяжении восьми месяцев было нарушено кровоснабжение, а сама поврежденная кость полностью раздроблена. Что правую ногу тоже нужно срочно оперировать, потому что на нее после травмы левой стала ложиться слишком большая нагрузка, косточки стопы начали расходиться и между ними образовалась щель в полтора сантиметра…

С точки зрения последствий, Утяшевой повезло куда меньше, чем Кудрявцевой – Олимпийских игр в ее жизни так и не случилось. Оперировали Ляйсан в Москве – «собирали» обе ноги одновременно, причем, левую – как мозаику: раздробленную косточку на протяжении четырех с лишним часов скрепляли специальными металлическими штифтами. Через три месяца пришлось делать еще одну операцию. Лишь при третьей операции из ступни наконец вынули штифты. От общего наркоза при том вмешательстве было решено отказаться: врачи боялись, что еще один глубокий наркоз может стать слишком большой нагрузкой для спортсменки. Тогда Ляйсан, по ее словам, и задала себе вопрос: «Господи, ради чего я все это терплю?»

Такие моменты всегда являются в спорте ключевыми. Кто-то решает, что все, хватит. А кто-то просто идет дальше.

На фоне подобных прецедентов Мамун казалась абсолютно беспроблемной и благополучной. Сама она считала точно так же, признавшись однажды:

– Мне просто всегда нравилась гимнастика. Я ведь сама выбрала этот вид спорта – попросила маму отвести меня в зал. И потом ни разу не колебалась, когда встал выбор между гимнастикой и учебой в школе и пришлось перейти на домашнее обучение. В тренировках мне нравилось абсолютно все: работать под музыку, работать с предметами. В спортивном комплексе Олимпийской деревни, где я тренировалась, когда была совсем маленькой, в одном из соседних залов располагался центр

олимпийской подготовки. Это был какой-то совершенно другой мир. Помню, я смотрела на девочек и вообще не понимала, как возможно то, что они делают на ковре. И никогда не думала, что когда-либо окажусь в этом зале сама. Все вышло само собой: и Новогорск, и чемпионаты мира, и медали…

На предолимпийский турнир за несколько месяцев до Игр в Рио Мамун не взяли – Винер объяснила спортсменке, что лететь так далеко ради одного дня выступлений точно не стоит. На мой вопрос, думает ли она о том, что может победить, Рита тогда ответила: «Я считаю великим достижением даже просто попасть на Олимпийские игры – это в нашем виде спорта очень высокая планка. И мечтаю не о медали, а как раз о том, чтобы попасть в олимпийскую команду. И выступить достойно, чтобы не в чем было потом упрекать себя».

Примерно то же самое говорила Кудрявцева. Что ей не важно, кто именно выиграет в Рио-де-Жанейро, главное, чтобы это была российская спортсменка. Я не верила и продолжала на все лады повторять вопрос: «Неужели действительно так считаете?»

– Нас так приучили, – серьезно отвечала Яна. – Флаг России должен всегда быть выше остальных. Кто именно будет под этим флагом стоять на пьедестале – уже второстепенно…

Наверное, в такой позиции крылась прежде всего защита собственной психики. Когда конкуренция столь высока и безжалостна, думать о втором месте как о трагедии, становится просто опасно. По этой же причине соперничество никогда не было в российской команде синонимом вражды. Это прекрасно сформулировала Мамун, сказав за два месяца до Игр:

«Когда я выхожу на ковер, моя главная задача сводится к тому, чтобы сделать все, что должна. Если вдруг я роняю предмет, это, как вы понимаете, не вина соперниц – каждая из них находится точно в таком же положении, как и я. Другими словами, у нас нет прямого соперничества, как в легкой атлетике, когда ты бежишь бок о бок с соперником и стараешься любой ценой его опередить. Да и потом у нас слишком тяжелый вид спорта: если при таких физических и психологических нагрузках тратить силы и эмоции еще и на личную вражду, ничего хорошего из этого не получится. Единственный шанс все это выдержать – держаться вместе и всячески поддерживать друг друга…»

В какой момент Винер поняла, что сделать главную ставку четырехлетия следует именно на эту девочку, я не знаю. В документальном фильме о Мамун, который снимался на протяжении двух предолимпийских лет и обошел после Игр в Рио весь мир, отчетливо видно, как тренер гонит спортсменку, словно хлыстом, не позволяя ей никакой слабости, никакой жалости к

себе, выбирая именно те слова, которые способны ударить наотмашь: «Прекрати дрожать, Рита! Иди – и делай, наотмашь! И не береги силы, не сдохнешь…»

Перед самой Олимпиадой Рита узнала, что у ее отца рак. О том, что счет пошел на дни, ей не сказали. Но врачи высказались на этот счет однозначно: выступления дочери на Олимпийских играх их пациент не увидит.

Отца не стало через два дня после того, как Рита вернулась в Москву с золотой медалью. Она успела…

Глава 5. Расколотый мир

Я была уверена, что она не станет разговаривать. Более того, прекрасно понимала, что в борцовский зал на следующий день после своего поражения Наташа Воробьева скорее всего не придет: слишком непросто бывает снова оказаться в обстановке, где тебя настигло самое горькое и болезненное испытание в жизни, где на помосте (и ты точно знаешь это) под толстой шкурой борцовского ковра еще не просохла лужа твоего пота и твоих слез. Скорее для проформы я попросила знакомого тренера: «Увидите Воробьеву в Олимпийской деревне, передайте, что я прошу ее позвонить». Поздно вечером раздался звонок:

– Здравствуйте. Вы меня искали?

Наташка… Я влюбилась в нее вовсе не на борцовском ковре: финала, в котором Воробьева победила в Лондоне, став первой в истории российской олимпийской чемпионкой в вольной борьбе, я не видела – была в тот день на каких-то других соревнованиях. До какой степени Наталью способна завести жесткая конкуренция, я имела возможность наблюдать абсолютно не в спортивной обстановке пару лет назад, когда мы вместе оказались в игровой телевизионной передаче «Большие гонки» в Венгрии. Я – в качестве тренера, Воробьева – членом команды.

Ей выпало состязаться на сегвее – в трех заездах на выбывание. В первом же из них кто-то из азиатов подал протест: мол, российская участница подсекла остальных и финишировала с нарушением правил. В следующей гонке Наташа демонстративно стала во второй ряд – с самого краю. Как только был дан старт, она заложила широченную дугу и, набрав совершенно немыслимую, до свиста в ушах, скорость, обошла всех по большому радиусу метров на тридцать. То же самое, только с еще большим куражом, она повторила в финальном заезде. Когда же потом я спросила, где спортсменка так лихо научилась управляться с сегвеем, Воробьева рассмеялась: «Я встала на него сегодня впервые в жизни. Ну так не проигрывать же было из-за этого?

Тогда еще я, помню, подумала: такая не может и не должна проигрывать. Нигде, никому и никогда.

Когда Воробьева впервые появилась на каких-то борцовских соревнованиях, известный российский судья Валерий Рязанцев, имеющий колоссальный стаж и много чего повидавший в борьбе, сказал, наблюдая за спортсменкой на ковре: «Интересная девочка». Запомниться с первого появления – само по себе значит в борьбе немало. На то, чтобы доказать, что она действительно

стоит этого внимания, у Воробьевой ушли считаные месяцы. В 2012-м она выиграла свой первый чемпионат России, и в том же году стала чемпионкой в Лондоне, открыв этим титулом перечень своих борцовских побед.

Такие прецеденты сильно провоцируют окружающих усмотреть в достижении не реальную силу, а всего лишь стечение обстоятельств. Другими словами, отнести победу к категории «повезло». Но была и статистика: три заключительных олимпийских поединка Воробьева закончила в Лондоне досрочно. На полуфинальный – с чемпионкой Пекина китаянкой Ван Цзяо – у нее ушло семнадцать секунд. В финале была повержена самая грозная из соперниц – пятикратная чемпионка мира болгарка Стефка Златева.

После той Олимпиады в борцовских кругах пошла гулять песенка: «У болгарского верблюда два горба, потому что жизнь в Болгарии – борьба. Но болгарам место первое не взять, золотой медали не видать! Потому что есть Наташка на ковре…»

После тех Игр Воробьева уверенно выиграла сначала один чемпионат Европы, затем другой, затем…

А затем все закончилось. Спортсменка начала обидно проигрывать, после чего большей частью приходилось оправдываться: за то, что она не так, как подобает, относится к тренировкам, не так себя ведет, разбазаривает как попало свой талант, да и вообще «поймала звезду». А дело, похоже, было лишь в том, что в серьезном борцовском мире – мире больших и сильных мужчин – никому даже в голову не пришло задуматься, что речь идет о совсем молоденькой, переполненной любовью к жизни девчонке, у которой за ее двадцать с небольшим лет никогда не было ни собственного дома, ни машины, ни красивых, стильных вещей, ни возможности с упоением тратить деньги на дурацкие безделушки – ничего, собственно, не было. Она просто дорвалась до этой жизни, упавшей к ее ногам, и упивалась ею взахлеб. До борьбы ли в такой ситуации?

Взять себя в руки Наташе удалось только за год до Рио – на мировом первенстве в Лас-Вегасе, за год до Олимпийских игр. И только там я поняла, что еще ни разу до этого не видела Воробьеву по-настоящему счастливой. Она бросалась на шею тренерам, щупала и кусала медаль, говорила какие-то сумбурные слова благодарности болельщикам и заявила журналистам в микст-зоне, что теперь обязательно наконец-таки пойдет в казино и поставит деньги на 69 – число ее новой весовой категории. То, что такого числа на рулетке нет, ей только предстояло узнать.

В одном из своих интервью Воробьева как-то сказала – то ли в шутку, то ли всерьез, что к сопернику, хоть однажды

положившему тебя на лопатки, возникают совершенно особые счеты. Счеты к олимпийской чемпионке по этой логике должен был иметь весь борцовский бомонд красоток, ограниченный рамками категории шестьдесят девять килограммов. Наверное, это и хорошо, когда заранее понимаешь, что тебя будут «убивать» – и не боишься этого.

А проиграла Наташа обидно. При равном количестве набранных баллов золото получила японка Сара Досе, поскольку именно она провела прием последней.

В том интервью – на следующий день после злополучного поражения – мы говорили о многом. Под конец разговора Наташка даже начала смеяться, и сквозь смех вдруг горько сказала:

– Наверное, куча людей вообще не понимает, почему мы плачем на пьедестале, получая серебряную медаль. Медаль же! И как объяснить, что ты годами пахал на тренировке и во всем себе отказывал вовсе не ради того, чтобы стоять на второй ступеньке. И что совершенно невозможно заставить себя улыбаться, когда весь твой мир трещит по швам. Но ничего…

Она совсем не героически шмыгнула носом и добавила:

– Все равно мы сильные. Мы справимся…

* * *

Олимпиада в Рио принесла российской команде еще два совершенно особенных серебра, каждое из которых отливало для болельщиков золотом, а их обладательницу заставило рыдать. В Бразилию Юля Ефимова приехала четырехкратной чемпионкой мира. Потом, уже после соревнований, все массово подхватят тему о том, что в ситуации, которая сложилась в Рио вокруг российской сборной и вокруг Ефимовой в частности, Юля сделала невозможное. Это было и так и не так. Спортсменка действительно нервничала сверх обычного в ожидании, допустят ее до участия в Играх или нет: все-таки в ее послужном списке уже была пусть не слишком продолжительная, но совершенно официальная дисквалификация за положительную допинг-пробу в самом конце 2013 года, затем в начале января 2016-го она оказалась замешанной в еще одном допинговом разбирательстве, словом, нельзя было предположить, что связанный с этим стресс свалился на Ефимову внезапно. Те, кто работал на многих Олимпиадах, редко бывают склонны к сантиментам – слишком много всего доводится видеть: жесточайшие травмы, способные на всю жизнь оставить человека калекой, но не являющиеся

препятствием для того, чтобы выйти и драться за победу, невероятные преодоления себя и обстоятельств, когда против тебя весь мир, и даже внезапные и оттого еще более трагичные смерти.

С этой позиции завоеванное Юлией Ефимовой серебро на стометровке брассом, конечно же, никакой не подвиг, пусть даже она взяла эту медаль вопреки всему. Ничуть не проще было на Играх в Атланте тем же Александру Попову и Денису Панкратову, которые раз за разом выходили на свои старты под шквальный свист уходящих в небесную бесконечность трибун, забитых исключительно американской публикой. Но я бы сказала, что на Играх это скорее норма, нежели исключение. Уж если ты намерен биться всерьез, нужно быть готовым и к этому тоже.

Версия, скорее, стала просто защитной – чтобы уберечь собственную психику. Оградить себя от крайне болезненного понимания, что в третий раз подряд упущен очередной и совершенно реальный олимпийский шанс.

Тогда, едва выйдя из бассейна, я сразу позвонила бывшему тренеру Юли – Ирине Вятчаниной: вряд ли кто был способен лучше объяснить, что могло произойти со спортсменкой. Ирина чуть не плакала.

– Я уже успела несколько раз пересмотреть заплыв – пыталась понять, в какой момент и что именно пошло у Юльки не так. Чего ей не хватило, почему она проиграла американке? Камера снимала первую часть заплыва брассисток с очень хорошего ракурса, и было видно, что Юля проигрывает старт и не может после него правильно лечь на воду. Соответственно не набирает на первом «полтиннике» ту скорость, которую должна набирать. Ее преимущество всегда состояло в умении сразу после старта или поворота как бы подхватывать свой корпус, словно пружина, и очень высоко «садиться» на волну. А здесь в ее движениях появилась суета.

Конечно, она жаждала победы и понимала, что может выиграть, – продолжала говорить Ирина. – Если пересмотреть полуфинальный заплыв, видно, что там Ефимова проплыла вторую половину дистанции значительно быстрее, чем в финале, а главное – плыла именно так, как было нужно. Очень высоко в своей фирменной технике – дельфинном брассе: хлесткие «плотные» ноги, высокий таз и за счет этого – стремительный летящий стиль. В финале она начала «мазать», причем в самый неподходящий момент – на второй половине: на видеосъемке четко видно, как у нее начинает валиться локоть и уходит в сторону рука. И ведь после поворота Юлька хорошо легла на воду. Ей оставалось дотерпеть всего пятнадцать метров. Но в этот

момент локоть и пошел вниз, а скорость упала. Даже не видя протокола, я понимала, что вторую половину она плывет медленнее, чем в полуфинальном заплыве. При этом, что парадоксально, Юля показала свой лучший результат. Понимаете, какой у нее запас? После всей пережитой нервотрепки проплыть в финале Олимпийских игр по лучшему результату – вы меня извините. Могу сказать только одно: «Браво, Юлька!»

Когда мы заговорили с тренером о второй оставшейся дистанции, Вятчанина сказала:

– Ну вот смотрите: не так давно Юля проплыла 200 метров за 2.22. С таким результатом она однозначно может бороться за медаль. А учитывая, как сильно Ефимова способна разозлиться и то, что 200 метров – более «шаговая» и соответственно технически более комфортная для нее дистанция, я оцениваю шансы на победу достаточно высоко. Двести метров, безусловно, плавать непросто, но эта дистанция всегда давалась Юле проще, чем стометровка. Она тактически ее лучше чувствует и прекрасно «держит» технику. Сотня более эмоциональна и этим опасна: можно легко поддаться ажиотажу и потерять контроль над собственными действиями, что, собственно, и произошло с Ефимовой в финале. Больше на эти грабли Юля не наступит, я в этом уверена. Мощность гребка у нее есть, опыт тоже, на финише нужно будет перейти на «спринтерский» темп, а это Юля не просто умеет, но и любит делать. Если все это она сумеет сделать четко и вовремя, то все будет в порядке…

… Существует множество слов, позволяющих не называть поражение поражением, но там, в Рио, когда Юля проиграла вторую из своих дистанций, искать их было ни к чему. Все было еще до начала соревнований сказано самой спортсменкой, заметившей, что ей не важно, каков результат, важно, чтобы медаль была нужного цвета. Это мы могли продолжать рассуждать о том, что два серебра – это подвиг и победа, а она… Она просто приняла решение остаться в плавании еще на четыре года, продолжая эту безумную гонку за своей олимпийской мечтой.

2018 год. Пхенчхан

Глава 1. Птенцы на дороге

За год с небольшим до Олимпийских игр в Пхенчхане я традиционно отправилась в австрийский Рамзау – к биатлонистам. Приехав, узнала, что по соседству тренируются российские лыжники во главе с олимпийским чемпионом Сочи Александром Легковым, и пошла к лыжникам в отель – знакомиться. В надежде, что у гонщика найдется время на интервью. Настроен Александр был благодушно: по всему холлу отеля «Кобальдхоф», где с незапамятных времен селилась российская лыжная сборная, были развешаны рукописные транспаранты, поздравляющие «нашего Александра Геннадьевича» с серьезной жизненной вехой – избранием в Московскую областную думу.

Карьера этого спортсмена не может не привлекать кинематографичностью: Легков выступал на трех Олимпиадах. На двух первых без особого успеха, а в тридцать один год – более чем солидном для спорта возрасте – он не просто реализовал свою заветную цель стать олимпийским чемпионом, но сделал это в заключительной гонке Игр на пятьдесят километров. Ухватил за хвост свой последний шанс. И… остался в спорте.

– Может быть, вам просто страшно уйти? – спросила я тогда лыжника.

– Возможно, есть и это тоже, – ответил он. – Хотя один раз мне уже удалось изменить собственную жизнь и в определенном плане начать все сначала – после Игр в Ванкувере, где я стал четвертым. Это было, как мне кажется, намного страшнее, чем просто уйти из спорта в обычную жизнь. Но насчет страха вы, безусловно, правы: он рано или поздно возникает у любого профессионального атлета. Ты изо дня в день делаешь определенную работу, знаешь свой распорядок дня, причем каждый из этих дней расписан на много месяцев вперед, знаешь, что и как должен делать, чтобы появился результат. Кто-то живет так десять лет, кто-то двадцать. А потом уходишь и чувствуешь себя как птенец, выброшенный из гнезда на дорогу…

Спустя полтора месяца лыжника отстранили от гонок. Мера была объявлена временной, но еще через год, 1 ноября 2017-го, дисциплинарная комиссия МОК вынесла решение: аннулировать результаты Легкова, показанные на Играх в Сочи и пожизненно его дисквалифицировать.

Тогда мы еще не знали, что вслед за Легковым под дисквалификацию попадет еще целый ряд российских звезд, что позже все они будут оправданы и восстановлены в правах, но это

произойдет уже поздно: в Пхенчхан отправится совсем молодая лыжная команда, собранная из вчерашних юниоров, а в биатлоне олимпийский допуск получат всего четыре спортсмена. И что всей российской команде будет отказано в праве выходить на старт под своим флагом. Вообще выходить с флагом. Носить российские цвета на одежде и даже красить ногти в российский триколор. Петь гимн или слушать его – вслух…

Все происходящее казалось абсурдным, но никто ничего уже не мог с этим поделать. Началась война.

Известный военачальник начала XIX века Карл фон Клаузевиц сказал однажды: «Война – это продолжение политики иными средствами». Он вообще был мыслящим человеком, этот пруссак, ставший выдающимся теоретиком войн. Среди множества цитат и афоризмов была и такая: «Вообразите себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель – сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению».

Эти слова фон Клаузевиц написал не о спорте. А о войне, сравнив ее со спортивным единоборством. Когда допинговая вакханалия вокруг российской сборной набрала силу, достаточно было провести обратное сравнение и взять на вооружение военную лексику, чтобы в порядком затянувшемся фарсе все встало на свои места.

Тогда я постоянно размышляла, почему же мы оказались не готовы к этой войне и почему, когда она была развязана и на страну обрушился поток чудовищных обвинений, начали сдавать позицию за позицией? Возможно, потому, что почти все руководители российского спорта карьерно выросли и заняли руководящие посты в абсолютно «мирное» по спортивным понятиям время. Они научились договариваться и произносить речи, организовывать соревнования любого масштаба и перерезать ленточки на открытии стадионов и дворцов. И неудивительно, что они оказались неспособны работать в условиях военного времени: стали пытаться договариваться с противником, который договариваться изначально не намеревался, а планировал вести осаду, направленную на абсолютное истощение оппонента: сначала были нащупаны наиболее уязвимые места, затем нанесен ряд вроде бы разрозненных и не связанных между собой ударов типа не слишком аргументированных, но очень качественно раскрученных в мировой (и российской в том числе) прессе фильмов Хайо Зеппельта, докладов Макларена и откровений Григория Родченкова. Ну а потом все как-то враз превратилось в

снежный ком, заставив Россию спешно занимать оборонительные позиции.

Оборону, безусловно, можно держать долго, но минус в этом один: постоянно сопротивляясь намерениям врага, ты теряешь способность развивать собственную стратегию нападения. Так утверждал все тот же фон Клаузевиц. В некоторых своих высказываниях он был достаточно безжалостен и бескомпромиссен, заявив, например, что государственный деятель, который видит, что война неизбежна, и не решается нанести удар первым, совершает преступление против собственной страны. Но Клаузевицу было проще выносить подобные вердикты: его коньком все-таки считалась теория, а не практика…

Правильно оценить набирающую обороты опасность всем нам помешало и то, что спорт всегда был зоной действия очень жестких правил. Теперь же возникла ситуация, когда все правила разом исчезли. Вместо доказательств России стали предъявлять доклады и измышления, попутно убеждая мир в том, что этим измышлениям следует безоговорочно верить и не задавать вопросов. Если в самом начале, когда история только начинала раскручиваться, вымышленные обвинения перемежались с реальными, то очень быстро реальность была вообще отодвинута на второй план за ненадобностью. Не произойди этого, пришлось бы, подозреваю, констатировать: в том, что касается нарушений антидопинговых правил, Россия ничуть не лучше и не хуже любой другой страны – чтобы понять это, достаточно было поднять международную статистику, которая давно уже не является в мире секретом. Но было уже слишком поздно: маховик стал крушить все живое.

В конце января 2018-го стало известно, что в списке российских спортсменов, приглашенных на Игры в Пхенчхан, нет российских звезд первой величины. Тогда мне позвонил известный тренер, чемпион Олимпиады в Сараево и вице-чемпион Игр в Калгари в парном катании Олег Васильев. «Хочу отправить свои олимпийские медали в МОК», – сказал он неестественно спокойным тоном, за которым без труда угадывалась дикая, с трудом сдерживаемая ярость.

Тренер находился в аэропорту, поэтому мы договорились созвониться повторно, когда хоть чуточку улягутся эмоции. За два дня они действительно улеглись, хотя все это время фраза Васильева не давала мне покоя. С одной стороны, реакция была понятна: беспрецедентное решение МОК в отношении выдающихся спортсменов нанесло колоссальный удар по ценности каких бы то ни было олимпийских идеалов. Медалей – в

том числе. С другой стороны, в стилистике нынешнего театра абсурда подобный шаг олимпийского чемпиона из России вполне могли бы расценить как угодно. Например, как признание: вернул медали – значит, сам понимает, что виноват. Ату его!

– Я и сам уже пришел к выводу, что возвращать медали – бессмысленный поступок, – сказал Васильев, когда мы созвонились снова. – Просто очень хотелось хотя бы таким образом как-то обозначить свою позицию. Понимаю, я не могу повлиять на процессы, которые сейчас происходят в спорте, но отстраниться от организации, которая, на мой взгляд, потеряла всякие границы здравого смысла и принимает совершенно необоснованные решения, ломая судьбы огромного числа спортсменов, наверное, мог бы…

За день до исторического решения CAS, который 1 февраля 2018 года восстановил в правах двадцать восемь пожизненно дисквалифицированных МОК спортсменов и вернул им завоеванные на Играх в Сочи олимпийские награды, я пересказала разговор с Васильевым четырехкратному олимпийскому чемпиону Александру Попову.

– Вернуть медали в МОК было бы совершенно пустой выходкой, бессмысленной, – сказал он. – Эмоции – вообще плохой советчик в серьезных вещах. Здесь нужен прежде всего четкий и холодный расчет. Чем потенциальный олимпийский чемпион отличается от всех остальных, когда выходит на главный старт своей жизни? Способностью сохранять холодную голову в критической ситуации. Умением отбросить все эмоции и идти к цели, независимо от того, насколько сильный соперник перед ним стоит. На Олимпийских играх спортсмену, который намеревается бороться за медали, нужно иметь целый веер стратегий, чтобы в нужный момент выбрать ту единственную, которая должна сработать, – для этого, собственно, и нужна холодная голова. Здесь то же самое. Ну сдал бы человек медали, ну забрали бы их. И что дальше? Надо было начинать действовать гораздо раньше. Собирать авторитетных людей, обсуждать проблему со всех сторон, взвешивая все «за» и «против». И вырабатывать решения. С этим мы опоздали.

В отношении ситуации, в которой оказался перед Играми в Пхенчхане весь российский спорт, Попов сказал:

– Меня всегда учили не искать виноватых в собственных бедах на стороне, а начинать с себя. В свое время мой тренер Геннадий Турецкий объяснил, что любой крупный успех всегда складывается из мелочей. Поэтому прежде чем сконцентрироваться на серьезной большой цели, нужно привести в соответствие с этой целью всю свою жизнь. Если хоть что-то не в

порядке, «мелочи» обязательно потянут тебя вниз. И каждый раз, когда спортсмен достигает нового для себя статуса, он должен заново свою жизнь перенастраивать.

Наверное, эти слова с успехом можно применить к любому аспекту жизни. Можно сколь угодно долго говорить о том, что Россию просто хотели поставить на место, прицельно убрав из ее состава реальных лидеров и потенциальных олимпийских медалистов, но при этом все понимали: мы сами не должны были давать оппонентам повод, за который те могли бы зацепиться. По большому счету, развязанная война не имела никакого отношения к декларируемому Международным олимпийским комитетом желанию сделать мировой спорт чище. Вся эта история была вообще не о допинге. Скорее – о сферах влияния. Просто под каток попали спортсмены.

Сразу после оправдательного вердикта, вынесенного арбитражным судом, спортивная общественность разделилась: одни ликовали и говорили о торжестве справедливости, другие резко осудили принятое решение. Одна из двух национальных вечерних газет Швеции «Expressen» опубликовала статью, в которой назвала Международный олимпийский комитет кучкой отчаянных дилетантов, потерявших всякое доверие. И написала, что теперь в мировом спортивном сообществе все стало еще более запутанным. «Кто на самом деле обманщик? Кто достоин соревноваться на Олимпийских играх? Почему Александру Большунову разрешено выступать на Играх, а Сергею Устюгову, которого вообще ничто не связывает со скандалом в Сочи, – нет? Никто этого не знает. Известно только одно: МОК порядком облажался…» – писали шведские журналисты.

Говорят, что на заседании CAS, где решались судьбы российских спортсменов, в адрес МОК вслух прозвучала фраза: «Здесь вам не Голливуд, и председатель судейской панели – не Хайо Зеппельт». Если это действительно было так, то, как говорится, комментарии излишни. Просто произошло все это слишком поздно. На то, чтобы вернуть всем пострадавшим возможность поехать в Пхенчхан, уже просто не оставалось времени.

Глава 2. Страна собачьего холода

Я думала, что готова ко всему, но оказалось, что нет. Хотя честно готовилась. Вспоминала биатлонный чемпионат мира-2009: проливной, какого я не видала никогда прежде, дождь, щедро поливавший трассы Пхенчхана, отчего те скукоживались на глазах. Вспоминала дикий, внезапно возникающий по вечерам холод, отчего трассы на глазах сковывало льдом, и те, кто стартовал позже, начинали стремительно обходить бегущих впереди. Так, кстати, выиграл свою историческую одиннадцатую золотую медаль Оле Эйнар Бьорндален, который стартовал в спринте сто двадцать вторым, бежал фактически по льду и, финишировав с лучшим временем, сравнялся по числу высших наград с четырехкратным олимпийским чемпионом Александром Тихоновым. А поскольку спринтерская гонка была в программе чемпионата первой, то не приходилось сомневаться, что рекорд Тихонова норвежец превзойдет прямо в Пхенчхане.

Тот чемпионат вообще требовал большой выдержки – не только потому, что за считаные дни до его начала Россия попала в серьезную допинговую опалу. А может, как раз поэтому. То, что с Россией и ее представителями не слишком намерены считаться, ощущалось даже на бытовом уровне: в отеле при размещении кореянка на ресепшн выдала ключи от номера, оказавшегося совершенно пустой полутемной каморкой с окнами ниже уровня газона. На полу были брошены два матраца.

Разумеется, я тут же вернулась. В ярости.

– Мы получили указание от… – кореянка назвала имя чиновника Международного союза биатлонистов, никогда не отличавшегося любовью к России. – Нам было сказано, что русские будут жить в этом крыле. Дело в том, что не все номера нашего отеля оформлены по-европейски. В Корее принято спать на полу…

«Европейский» номер я все-таки получила, попутно объяснив кореянке, что совершенно не претендую на то, чтобы посягать на обычаи корейцев – продолжать спать на полу они могут и дальше. Но осадок от встречи со страной остался отвратительным.

В Пхенчхане-2018 все было замечательно. Быстрая процедура аккредитации прямо в аэропорту, удобный шаттл до железнодорожного вокзала, скоростной экспресс, удобная деревня прессы и даже общая с мужем квартира: на двух предыдущих Олимпиадах мы жили в разных местах города, поскольку работали в то время в разных изданиях. Перетащив две

одинарные кровати из разных комнат в одну, мы улеглись спать. Наутро позавтракали, вернулись к себе в квартиру и застали трех крайне озадаченных корейских горничных, которые с недоумением стояли в дверях нашей спальни.

– Вы унесли кровать из комнаты, – даже не вопросительно, а утвердительно сказала та, что постарше.

– Ну да. Это запрещено?

– Нет, но зачем вы это сделали?

– Мы семья.

На лице горничной отразилось еще более сильное недоумение:

– А зачем вместе спать?

Тут уже остолбенела я. И ляпнула первое, что пришло в голову:

– Здесь есть балкон и собственная ванная комната. И вид на горы.

Женщина задумчиво покивала головой и удалилась, унося выражение неодобрения на лице за пределы квартиры.

Позже мне объяснили: спать в одной спальне в Корее принято дома, но не в отеле – считается, что там каждый из супругов должен проводить ночи строго на своей кровати. Получалось, что перемещением кровати из одного пространства в другое мы с мужем бессовестно попрали устои корейского общества. Хотя меня гораздо более сильно заботил тот факт, что в процессе перестановок мы прилично продрали ножкой кровати тоненький бумажный линолеум.

Порча корейского имущества обошлась без последствий, хотя на этот счет на стенке квартиры, все шкафы и шкафчики которой были плотно заклеены матовым пластиком, висела угрожающая инструкция, из которой следовало, что нарушать герметичность пластика ни в коем случае нельзя – штраф. За поврежденную или засоренную сантехнику – штраф. За поцарапанные оконные рамы – штраф. За утерю ключа – штраф.

Пользоваться кухней было тоже нельзя: в столешнице, затянутой все тем же пластиком, зияли дыры для плиты и раковины, но сами они отсутствовали.

Зато имелся вмонтированный в стену впечатляющих размеров пульт. Он программировал электричество, громкость дверного звонка, температуру воды в душевых кабинах, направление потоков кондиционера, заводил будильник, открывал и закрывал электронный замок входной двери и вызывал прямо из гостиной лифт. Если бы в квартире имелись плита и посудомоечная машина, не исключаю, что и на этот счет пульт имел бы отдельную кнопку. При этом на протяжении

нескольких дней подряд мы находили входную дверь открытой: видимо, местные горничные умели управляться с корейской электроникой ничуть не лучше нас самих.

Апофеозом корейской технической мысли был огромный аквариум в пресс-центре, в котором плавали, шевеля плавниками, хвостами и открывая рты, громадные, с гигантского карпа величиной рыбы-роботы. Шкура у них была прозрачной, и можно было в деталях рассмотреть всю полупроводниковую начинку разноцветных чудовищ.

Самой неприятной штукой Олимпиады оказался гуляющий по Пхенчхану желудочный вирус. Оргкомитет каждый день публиковал релиз о количестве заболевших и обратившихся за помощью к местным врачам. Число инфицированных быстро перевалило за сотню и продолжало увеличиваться.

Причина бедствия стала очевидной быстро: корейцы установили во всех временных пресс-центрах бойлеры для приготовления кофе и чая. Высокие блестящие цилиндры были снабжены пультами управления, но почему-то организаторам не пришло в голову проставить температуру кипения. Вода нагревалась градусов до семидесяти, после чего кипятильник отключался. По факту горячая вода оставалась сырой. Достаточно было пару раз отхлебнуть из котелка, и, как быстро научились шутить пострадавшие: «Добро пожаловать в клуб засранцев».

Впрочем, этому быстро нашлось противоядие: корейский «доширак», который бесплатно предоставляли журналистам в пресс-центрах, содержал совершенно смертельное для любой заразы количество жгучего перца. Впору было беспокоиться не о расстройстве желудка, а о язве.

* * *

В верхнем олимпийском кластере царил немыслимый, убийственный холод. Журналисты по долгу службы безропотно спускались из относительно теплого пресс-центра в огороженную барьерами микст-зону стадиона и мысленно молились, чтобы никто из спортсменов туда ненароком не зашел и не пришлось бы снимать перчатки и заледеневшими пальцами нажимать кнопки диктофонов. Спортсмены точно так же обходили микст-зоны по большой дуге и исчезали в раздевалках – греться. Один из двух тренеров российской сборной по биатлону Николай Загурский как-то заглянул в пресс-центр.

– Вы уж не обижайтесь, но мы строжайше запретили ребятам подходить на улице к прессе. Все общение – только в помещении,

если для этого есть возможность. Вы ведь любите выдергивать спортсменов, чтобы они что-то прокомментировали? Сейчас это создает слишком большой риск переохладиться и заболеть, а мы не имеем права рисковать никем из спортсменов – они у нас и так наперечет…

То, что лидеров российской команды лишили участия в Играх, в определенном смысле можно было даже считать благом: по ходу сезона спортсмены выступали так, что становилось ясно: надеяться на то, что на Играх результат окажется иным, уже не приходится. А вот то, что Корея осталась без величайшего биатлониста современности Уле Эйнара Бьорндалена, категорически не укладывалось в сознании.

Собственно, без Бьорндалена остались все мы. Все, кто так или иначе связан с биатлоном, прекрасно понимали, что уход Великого не за горами, более того, были готовы к этому, но в горле стоял комок, и не было слов. Даже странно: за десять лет до Пхенчхана, когда я разговаривала с Бьорндаленом на одном из этапов Кубка мира в австрийском Хохфильцене, он совершенно без надрыва рассуждал о том, что на протяжении достаточно долгого времени собирался объявить крайней точкой спортивной карьеры Игры в Ванкувере. Потом передумал, решил остаться до Игр в Сочи. По его словам, ему просто стало интересно: возможно ли в сорок лет при правильном к себе отношении продолжать показывать высокие результаты?

«Правильное» отношение обернулось для Уле Эйнара за десять последующих лет индивидуальным серебром и эстафетным золотом Ванкувера и еще двумя золотыми олимпийскими медалями Сочи. И десятью высшими титулами, завоеванными на чемпионатах мира. Мир был готов проводить Уле Эйнара в 2014-м, но он остался еще на два года. В биатлонных кругах решение великого норвежца объясняли тем, что Бьорндален якобы дал обещание президенту Международного союза биатлонистов Андерсу Бессебергу не испортить ему грандиозный домашний праздник – мировое первенство-2016 в Холменколлене. Он и не испортил: участвовал во всех гонках и завоевал, помимо эстафетного золота, два индивидуальных серебра и бронзу. И… снова остался в спорте.

Почему же после всех этих неоднократных репетиций завершения великой карьеры было так тяжело смириться с тем, что эпоха Бьорндалена все-таки уходит? Наверное, потому, что завершение карьеры самым выдающимся биатлонистом современности не должно было развиваться по столь дьявольски беспощадному сценарию.

Для того чтобы получить место в олимпийской команде,

великому норвежцу нужно было всего один раз попасть в призеры этапа Кубка мира. В любом из индивидуальных стартов. Он не смог. Потом, когда Уле Эйнар официально объявит об уходе, он объяснит свое решение тем, что еще летом у него диагностировали сердечную аритмию, и на семейном совете было решено не играть с огнем. Но в середине января думалось о другом. О том, что спортсмен, сколь бы велик он ни был, очень редко бывает в состоянии осознать, что пора остановиться. Особенно когда его карьера настолько успешна. Любая даже не самая значимая победа заставляет верить, что ты все еще силен и азартен. К тому же человеческая психика устроена таким образом, что в нужный момент охотно обманывает себя. Тем более – в спорте, где признание, что ты слаб, равносильно концу жизни.

* * *

В олимпийском сезоне Уле Эйнар стал героем пятого этапа Кубка мира, еще не приехав в Рупольдинг. До этого он проиграл все кубковые старты и попал в ситуацию, когда у тренеров норвежской сборной не осталось вообще никаких аргументов в пользу того, чтобы продолжать сохранять за ветераном место в команде. Просто почему-то все были уверены, что череда кубковых неудач обязательно должна завершиться хеппи эндом. Мысли о том, что восьмикратный олимпийский чемпион не сумеет поехать на свои седьмые Игры, не допускал никто – она казалась просто кощунственной.

Когда мы беседовали на эту тему с четырехкратным олимпийским чемпионом Рикко Гроссом, он сказал:

– Прежде чем отказаться от такого атлета, я бы на месте норвежских тренеров очень хорошо подумал и взвесил бы кучу вещей. Бьорндален – не просто талисман норвежской команды, он – основа ее командного духа. Все спортсмены: Свендссен, оба Бе, все прочие – на протяжении многих лет постоянно смотрели на Бьорндалена: как он тренируется, как выступает в соревнованиях, как стреляет, как себя ведет в той или иной ситуации. Не говоря уже о том, что каждый из биатлонистов хотя бы раз в своей жизни отчаянно жаждал обыграть именно Уле Эйнара. У него так или иначе учились все. Но… – Гросс замолчал, обдумывая сказанное. И с грустью добавил: – Для любого атлета очень важно вовремя остановиться. Всегда плохо, когда великая карьера заканчивается тем, что ты не смог пройти квалификацию…

В индивидуальной гонке того этапа Кубка мира Бьорндален

финишировал сорок вторым. Формально это означало, что биатлонист окончательно потерял шанс быть отобранным на Олимпийские игры, но не прошло и суток, как стало очевидно, что история не завершена: в поддержку восьмикратного олимпийского чемпиона встала вся Норвегия, и по реакции норвежского тренера Зигфрида Мазе, наотрез отказавшегося комментировать в Рупольдинге любую связанную с Бьорндаленом информацию, стало понятно, что прессинг на тренерский штаб идет нешуточный. Наиболее распространенным предложением решения проблемы из тех, что преподнесла читателям пресса, было следующее: имена пяти норвежских спортсменов называются согласно рейтингу, а заслуженный ветеран получает вакансию джокера. Своего рода wild card.

Тренерскую омерту несколько разбавили выступления спортсменов: Эмиль Хегле Свендссен и Йоханнес Бе в своих интервью говорили журналистам, что очень сочувствуют Уле Эйнару и готовы всячески его поддержать в случае, если он все-таки окажется в олимпийском составе.

Неясным осталось одно: готов ли получить место такой ценой сам Бьорндален.

В том давнем разговоре с великим чемпионом в Хохфильцене я спросила норвежца о его отношениях с самым непримиримым соперником – французом Рафаэлем Пуаре. Эта парочка в биатлоне тех лет вообще была особенной: именно благодаря им на биатлон перестали смотреть как на вид спорта для неудавшихся лыжников: мало того, что Уле Эйнар и Раф взвинтили скорости до небывалого уровня, оба периодически еще и заявлялись в чисто лыжных соревнованиях, причем играли там не последнюю скрипку.

Пуаре завершил карьеру в 2007-м, став в восьмой раз чемпионом мира. Его последней гонкой стал масс-старт на заключительном этапе Кубка мира в Холменколлене. Гонку выиграл Бьорндален, опередив соперника на финише. Точнее – на фотофинише: норвежская лыжа оказалась всего на три сантиметра впереди французской.

Тогда много говорилось о том, что Бьорндалену, конечно же, следовало попридержать ход, позволить Пуаре уйти из биатлона победителем. Но стоило мне заговорить об этом в интервью, норвежец отрезал: «Я никогда в жизни не поступил бы таким образом. Это было бы нечестно по отношению к Рафаэлю – он великий спортсмен и не заслужил того, чтобы к нему относились с жалостью и снисхождением».

Чем больше я думала о возможном решении норвежской федерации биатлона в отношении Бьорндалена, тем отчетливее

понимала, что он точно так же, как за одиннадцать лет до этого Пуаре, не заслуживает жалости и снисхождения. Что самое унизительное, что могут сделать для великого спортсмена в Норвегии, – подарить ему этот незаработанный олимпийский шанс. Предложить олимпийскую вакансию с жалостью и сочувствием и дать миру возможность увидеть, как Бьорндален ее возьмет. Возможно, он и взял бы: в подобной ситуации очень трудно оставаться сильным, не ухватиться за протянутую соломинку. К счастью, написанный судьбой сценарий не пошел по этому пути.

Парадокс, но этот самый горький для восьмикратного олимпийского чемпиона сезон показал миру прежде всего Бьорндалена-человека. Относительно чемпионского характера все было сказано и продемонстрировано гораздо раньше. Причем даже не в Сочи, где сорокалетний Уле Эйнар завоевывал свою восьмую золотую медаль, и не через два года, когда он стоял на пьедестале чемпионата мира в Холменколлене, принимая из рук короля Норвегии свой двадцатый высший трофей. То, что этот паренек в биатлоне надолго и всерьез, лично мне стало ясно на Играх в Нагано, где самая первая олимпийская гонка была отменена из-за погодных условий. Ее отменили в тот самый момент, когда чисто отстрелявшийся Бьорндален уже почти что забрал это золото – самое первое из восьми.

Двадцатичетырехлетний Уле Эйнар его таки забрал, изобразив «дубль два» на следующий день, когда в вероятность подобного исхода уже никто не верил. Но речь сейчас не об этом.

Он никогда не показывал, что ему больно. Да и вообще, что способен испытывать и демонстрировать какие-то эмоции, помимо злого оскала на лыжне и дежурной улыбки на пьедестале. В этом плане большой спорт – очень жестокая вещь. Победитель не имеет права проявить слабость, а мир вокруг него во что бы то ни стало стремится найти уязвимые места, тыкая в звезду виртуальными бандерильями: тут больно? Нет? А если вот так? А здесь?..

За месяц до Игр в Пхенчхане мир все-таки увидел: Бьорндалену больно. Очень. Это проявлялось в каких-то прорывающихся комментариях норвежца, в его готовности в любую секунду встать в общий строй команды, которой он оказался не нужен. Я бы даже сказала – демонстративно не нужен, как состарившийся лев в молодой зубастой стае. То, что лев жив и не потерял способности чувствовать, не волновало уже никого.

Могло ли все сложиться иначе? Безусловно. Не сложилось как раз потому, что Уле Эйнара подвели не спортивные, а прежде

всего человеческие просчеты. Например, неспособность понять, что организм начинает переставать подчиняться приказам мозга: иначе восстанавливается, иначе переносит высоту, иначе держит удар соперничества. С точки зрения логики и стратегии, норвежец выстроил свою подготовку безупречно: в конце концов, этот эксперимент над собственным организмом он проводил за время своей карьеры не один десяток раз. Просто раньше все было просто: спортсмен – лыжня – винтовка – результат. А за полтора года до Игр в Пхенчхане чистота эксперимента была нарушена естественным, но радикальным образом: у Бьорндалена и его супруги Дарьи Домрачевой родилась дочь.

Кто-то, возможно, усмехнется: какие могут быть проблемы, когда деньги позволяют обеспечить ребенку любое количество нянек и, если понадобится, оплатить любое жилье и любые переезды? Просто в случае с Бьорндаленом это не работало. Он очень ждал этого ребенка, очень хотел быть отцом и наверняка полагал, что справится и с этим тоже. А ведь не так просто, когда тебе хорошо за сорок и жизнь резко смещает акценты.

К этому добавилась внезапная болезнь, нервотрепка из-за результатов, отсутствие поддержки внутри команды. Поэтому не было ничего удивительного в том, что биатлонный пазл Бьорндалена в какой-то момент перестал складываться.

Но было что-то глубоко символичное в том, что Уле Эйнар запомнился миру именно таким, по-человечески уязвленным и страдающим, а не как волк-одиночка – злой на трассе, эгоистичный в жизни и безразличный ко всему, что происходит вокруг.

Глава 3. Усталость металла

Игры в Корее стали первыми за всю олимпийскую историю страны, где все медальные надежды сводились к одной-единственной золотой медали. У этой медали имелись имя, фамилия, очаровательное девичье личико и умение лучше всех в мире кататься на коньках. Чемпионкой зимней Олимпиады в женском одиночном катании должна была стать Евгения Медведева.

Свою первую взрослую победу Женя одержала в декабре 2015-го, выиграв финал «Гран-при» в Барселоне. Через полтора месяца она стала чемпионкой Европы, хотя результат оказался неоднозначным: при абсолютно равной внешне борьбе между чемпионкой Европы Евгенией Медведевой и почти идеально откатавшейся Еленой Радионовой разница между этими двумя спортсменками составила 5,46 балла.

Для Радионовой поражение стало трагедией. Причем гораздо более сильной, чем за год до этого в финале «Гран-при»-2014. Там Лена проиграла Елизавете Туктамышевой, но это оказалось не слишком обидно: у Радионовой было падение в короткой программе, а в произвольной борьба между спортсменками велась абсолютно на равных. Они даже закончили свои прокаты с абсолютно одинаковой технической суммой.

На чемпионате Европы Лена выжала из своей произвольной все, на что была способна, то есть выступление стало эталонным. Но как тогда объяснять почти шесть баллов разницы?

Отчасти причиной была легкость, с которой юная чемпионка штамповала прыжки. Пять из семи прыжковых элементов стояли у Медведевой во второй половине программы, что с точки зрения техники оценивалось дополнительно, а кроме того в программе имелось множество музыкальных и хореографических «мелочей», влияющих на вторую оценку. Но главным было не это. А то, что на льду Братиславы столкнулись два диаметрально противоположных подхода к фигурному катанию.

Поражение Радионовой ее болельщики восприняли болезненно. Так бывает всегда, когда жизнь фигуристки на протяжении длительного времени протекает на глазах публики и все имеют возможность наблюдать, насколько тернист порой становится ее путь. Так было с Аделиной Сотниковой, с Лизой Туктамышевой, с десятками тех, кто катался до них. Радионова выступила в Братиславе очень мужественно и при этом – красиво, безошибочно и очень по-женски, осознавая всем своим существом каждое движение, каждый нюанс музыки.

Медведева выглядела на льду совсем иначе – как человек, профессионально заточенный под выполнение совершенно конкретной задачи. Со времен победы в финале «Гран-при» она еще сильнее похудела, из-за чего и без того легкие прыжки стали совсем невесомыми.

В этом плане спортсменку можно было сравнить с Юлией Липницкой образца олимпийского сезона, когда ее тренером Этери Тутберидзе делалось все возможное, чтобы спортсменка не набрала ни грамма дополнительного веса и за этим не последовало бы изменение фигуры и, соответственно, техники. Собственно, сверхзадача того сезона сводилась для тренера к тому, чтобы выжать из проекта под названием «Липницкая» максимум. Любой ценой.

Это удалось реализовать. Юля блистательно выиграла европейское первенство, опередив Сотникову при практически безошибочном прокате последней, благодаря этому попала в олимпийскую сборную и командный олимпийский турнир, за победу в котором получила золотую медаль. И завершила сезон серебром чемпионата мира.

Вряд ли можно было осуждать тренера за то, что после того сезона она потеряла к Липницкой интерес, оставив ученицу наедине со своими проблемами. У Тутберидзе просто уже имелся совершенно другой проект. В конце концов, большой спорт – это, с одной стороны, результат, а с другой – игра по правилам. Если правила позволяют выставлять неоформившегося ребенка против взрослых спортсменок и «убивать» этих спортсменок сложностью и легкостью, непосильной для взрослых тел, так почему бы не сделать на это ставку? Тем более что в женском одиночном катании идея была не нова: достаточно вспомнить олимпийские победы малолетних Тары Липински в Нагано или Сары Хьюз в Солт-Лейк-Сити. Под сокрушительным натиском этих одиночниц пали легендарная во всех отношениях Мишель Кван и не менее легендарная Ирина Слуцкая. Другой вопрос, что ни одному американскому тренеру не приходило в голову поставить производство таких спортсменок на поток, искусственно сдерживая рост и развитие девичьего организма жесточайшими голодовками.

Тогда я, пожалуй, впервые подумала о том, что главная цель проекта «Медведева» заключается отнюдь не в долгой и красивой карьере, а всего лишь в том, чтобы выиграть вслед за финалом «Гран-при» и чемпионатом Европы еще и мировое первенство. И что дальше Женя непременно угодит в тот же самый капкан, в который попала Радионова: по совершенно объективным причинам потеряет способность бороться с очередной чудо-

малышкой, которая, что совершенно не исключено, станет очередным проектом ее собственного тренера.

* * *

Прогнозируя такой ход событий, я ошиблась на год. За два своих взрослых сезона Медведева выиграла двенадцать из тринадцати взрослых турниров, в которых стартовала, по два раза подряд став чемпионкой России, чемпионкой Европы, чемпионкой мира и победительницей финала «Гран-при». Из двух тысяч шестисот девяноста восьми судейских оценок, выставленных ей за качество исполнения технических элементов, лишь девяносто имели отрицательную величину. За два полных соревновательных сезона спортсменка в общей сложности выполнила двести сорок два прыжка, и только семь из них – неудачно. В пяти заключительных турнирах предолимпийского года все без исключения попытки были чистыми. Кроме того, Медведева собрала все существующие рекорды по набранным суммам баллов. За всю историю мирового женского фигурного катания похвастаться подобной статистикой не могла никакая другая фигуристка. Все, что требовалось спортсменке в олимпийском сезоне, – удержать этот уровень. Всего лишь удержать.

Это было не так просто: российское женское катание, в арьергарде которого шло мировое, давно превратилось в чистую математику. Та же Медведева в свое время встала во главе женского пелотона за счет того, что к умопомрачительно сложной в техническом плане программе добавила столь же умопомрачительную стабильность. А Алина Загитова, войдя в свой первый взрослый сезон под руководством того же тренера, перенесла во вторую половину уже не пять прыжков, а все семь. «Дон Кихот» Минкуса, с которым она выиграла все свои старты в юниорах, позволял это как нельзя более выигрышно – как раз поэтому программу было решено оставить еще на один сезон.

Подобный технический прием оказался Евгении не по зубам. Для начала ей сильно не повезло с программой: первоначальная постановка получилась не слишком удачной, пришлось уже по ходу начавшегося сезона экстренно накатывать новую, переделанную из показательного номера «Анна Каренина». Женя изо всех сил старалась выжать из себя и из постановки максимум, но необходимость соответствовать технической планке, которую задала Загитова, привела к тому, что фигуристка заработала усталостный перелом стопы. В связи с этим ей пришлось

пропустить финал «Гран-при», хотя, возможно, само участие в серии, вместо того чтобы чуть снизить нагрузки и поберечь ногу, было ошибкой.

Известный спортивный хирург-ортопед Сергей Архипов, к которому я обратилась за консультацией, сказал мне тогда:

– Подобная травма – чисто «тренерская». Она возникает у спортсмена всегда по единственной причине: от длительных хронических нагрузок. В ответ на эту нагрузку кость реагирует тем, что ее наружный слой становится очень прочным, костные балки утолщаются, а количество кровеносных сосудов внутри кости начинает уменьшаться. В связи с этим кость становится прочной, но хрупкой. Там, где на нее приходится максимальная, так называемая «режущая», нагрузка, кость начинает как бы рассасываться. На этом участке появляется тоненькая, как ниточка, полоска – зона Лозера. И со временем в результате даже не очень большого усилия в зоне Лозера происходит перелом. Если Медведевой действительно поставили именно этот диагноз, боюсь, восстановиться до Олимпийских игр она просто не сможет. Для того чтобы костные балки и сосуды вернулись в норму и вернулось полноценное кровообращение, нужны месяцы.

Женя тем не менее сумела восстановиться и вернуться в строй уже к январскому чемпионату Европы. Возможно, тренерский штаб несколько сгустил краски, заявив о переломе, в связи с чем на реабилитацию ушло в разы меньше времени, но «перелом» так или иначе произошел: ситуация в женском одиночном катании успела слишком сильно поменяться. В нем уже вовсю примеряла мировую корону новая чемпионка России и новая победительница финала «Гран-при» – Загитова.

Когда Алина выиграла сначала китайский, а затем и французский этапы «Гран-при», и все, как обычно, принялись сравнивать ее с Медведевой, обсуждая, произойдет ли смена лидера в мировом женском катании до Игр или после них, известный немецкий специалист одиночного катания Жанна Фолле сказала, что, на ее взгляд, Женя начала черпать энергию из глубинного резерва организма, куда ни в коем случае нельзя залезать.

– Такое можно позволить спортсмену на Олимпийских играх, когда на кону стоит главная цель, – объясняла она. – Потом человек будет очень долго восстанавливаться, но в этом случае овчинка стоит выделки. Если же вычерпать этот резерв раньше срока, спортсмену просто будет неоткуда взять силы на решающий рывок.

Я потом не раз вспомнила эти слова.

Многие по инерции продолжали говорить о том, что как

только Медведева вернется на лед, она отодвинет юную «выскочку» на вторую позицию. В реальности уже тогда было понятно, что все может произойти с точностью до наоборот. На стороне Загитовой было техническое преимущество, у нее имелась гораздо более выигрышная и более «чемпионская» постановка. Для того чтобы уверенно обходить Медведеву, Алине не хватало лишь компонентной «подушки». Эта «подушка» заметно подросла уже на чемпионате России. А на чемпионате Европы в Москве произошло событие, которое, возможно, кому-то даже не бросилось в глаза: Загитова впервые в своей карьере получила за компоненты катания «десятки».

Это означало, что, при безошибочном прокате своих программ обеими фигуристками, действующая чемпионка мира могла уже никогда не стать первой.

* * *

Противостояние двух российских лидеров женского одиночного катания сильно напоминало ситуацию перед Играми в Сочи – битву между Аделиной Сотниковой, у которой на тот период в активе было четыре победы на взрослых чемпионатах страны, золото юниорского мирового первенства, серебро юношеских олимпийских игр и два вице-чемпионства Европы, и Юлией Липницкой, взлетевшей в олимпийском сезоне столь стремительно, что все былые заслуги Аделины мгновенно ушли на второй план. Настолько, что ей даже не нашлось места в олимпийском командном турнире, хотя вряд ли на тот момент кто-то больше, чем она, этого заслуживал.

Свою олимпийскую золотую медаль Сотникова все же выиграла – она вошла в историю фигурного катания как первая российская олимпийская чемпионка в индивидуальном первенстве. Липницкая же так и осталась в истории фигурного катания фигуристкой одной программы – Девочкой в красном пальто, которой повезло родиться в нужное время, хотя не удалось избежать драмы в личном турнире Игр.

Именно Загитовой, а не Медведевой, повезло выйти на свой пик прямо к Олимпиаде, не успев при этом слишком сильно истрепать здоровье и нервы. Если для Жени, чья жизнь в последний год превратилась в непрерывную борьбу с обстоятельствами, каждый новый день перед Играми продолжал добавлять груза, то Загитова просто набирала ход, прекрасно понимая, что Пхенчхан – ее олимпийский шанс, возможно, единственный. Сначала она издалека поглядывала на более

старшую соперницу, как на ролевую модель, затем пошла следом, не отставая ни на шаг, потом и вовсе поравнялась и пошла на обгон. Она продолжала набирать уверенность, в то время как для Жени реальность превратилась в некий кошмарный цугцванг, когда каждый очередной шаг лишь ухудшает ситуацию. Символично, что своего Дон-Кихота Алина начинала катать в старом платье Медведевой и сменила его на обновку лишь в олимпийском сезоне.

Комментируя итог короткой программы чемпионата Европы, где Загитова опередила Медведеву и впервые в своей жизни превзошла отметку мирового рекорда, Татьяна Тарасова сказала:

«Алина очень многому за этот год научилась. У Жени в том числе. При этом вся тяжесть падала на Женины плечи. Она восстанавливалась после травмы, а та поднималась. Это очень тяжело – сидеть дома, понимать, что у тебя перебиты ноги, а человек, который столько времени был за твоей спиной, прет и прет вперед. Поднимается, пока ты ходишь к врачу на процедуры, на него, а не на тебя направлено внимание журналистов, которые словно добавляют дрожжей в эту реальность, и она на глазах становится все более и более объемной, подобно тому, как подходит тесто. Медведева ведь достаточно умна, чтобы все это понимать…»

Сейчас, конечно же, можно назвать выступление Медведевой на европейском первенстве в Москве ошибкой: мол, не следовало за месяц до Игр сходиться в очном поединке с соперницей, когда столь велика опасность проиграть. С другой стороны, всю свою предыдущую жизнь Женя соревновалась много и часто. И никто уже не скажет, пошло бы для нее в плюс или в минус двухмесячное отстранение от соревнований.

Ну а в Пхенчхане стало предельно очевидно, что резерва для того, чтобы прибавить хотя бы чуточку «хода», у мировой рекордсменки просто нет. Она полностью исчерпала себя в короткой программе командного турнира, затем еще раз – в первом личном прокате, и вышла на финишную прямую, стойко держалась из последних сил. И было совершенно невыносимо понимать, что свой главный бой она скорее всего проиграет.

* * *

Был ли у нее шанс? На самом деле да. Загитова все-таки допустила крошечный сбой в прокате – не сумела прицепить к первому из своих прыжков свой коронный риттбергер, пять штук которых она накануне один за другим прыгнула в каскаде в

тренировке, заставив четырехкратного чемпиона мира Курта Браунинга воскликнуть на трибуне: «Вау! Я счастлив, что видел это!»

Ошибкой это не стало. Алина не «потеряла» прыжок, а просто перенесла его в самый конец программы. Это был штрих, очень хорошо подчеркивающий характер юной фигуристки. Просто против Алины невольно сыграла ее выдающаяся постановка, где каждый элемент и каждый жест идеально ложился в музыкальные акценты. Выпавший прыжок совсем чуть-чуть эти акценты сместил, в результате чего катание стало не таким ярким, как в командном турнире, где пятнадцатилетняя дебютантка набрала рекордную для себя сумму баллов – 158,08.

Если бы Загитова повторила свой лучший результат, шансов на победу у Медведевой не осталось бы еще до выхода на лед. А так они образовались. По крайней мере очень многим хотелось в это верить.

Так, как на Играх, Женя не каталась еще никогда в жизни. В ее катании, пожалуй, впервые в жизни была какая-то сумасшедшая внутренняя свобода, о которой сама фигуристка потом скажет:

– Я ехала и сама себя спрашивала: «Ты понимаешь, что это – Олимпиада? Понимаешь, что на тебя смотрят миллионы людей, а может, миллиард? Понимаешь, что если сейчас сделаешь хоть крошечную ошибку, все покатится к чертям?» И сама себе отвечала: «Понимаю». «Классно?» – «Классно!..»

По сумме двух программ Медведева проиграла Загитовой всего 1,31. Для всего мира это был шок. Все запоздало понимали: если бы Женя подошла к Играм единоличным лидером, в финале ей наверняка накинули бы баллов: на лидере в фигурном катании обычно не экономят. По отношению к Евгении так случалось на протяжении двух последних лет много раз, к тому же в Пхенчхане она каталась последней и выполнила программу безукоризненно. Беда заключалась в том, что лидером в глазах судей в этот самый важный для себя день Женя уже не была.

А может быть, все дело в том, что Олимпиадам абсолютно безразлично, кем ты был в «прошлой» жизни – они просто выбирают наиболее достойных, руководствуясь не всегда доступной окружающим шкалой оценок.

Через месяц фигуристка рассталась с тренером. Причины она предпочла не озвучивать, но они и без этого были всем понятны.

Глава 4. Бегущая по лезвию бритвы

«…Если Алена сейчас раскромсает Бруно топором, ее оправдают прямо в зале суда», – где-то над моей головой по-немецки произнес чей-то голос. Повернувшись, я увидела немецкого комментатора и по выражению его лица поняла: с переводом я не ошиблась.

За несколько минут до этого на льду разлетелась в мелкие хрустальные брызги самая заветная мечта пятикратной чемпионки мира Алены Савченко. Француз Бруно Массо, с которым фигуристка встала в пару после Олимпийских игр в Сочи, сдвоил параллельный тройной прыжок в короткой программе личного турнира Игр.

Когда-то двукратный олимпийский чемпион Денис Панкратов, который уже оставил спорт и начал работать комментатором, наблюдая за тем, как футболист не забивает мяч в пустые ворота, мрачно сказал: «Это примерно то же самое, как если я приду на соревнования в бассейн, встану на тумбочку и прыгну в другую сторону». Фраза вспомнилась как нельзя кстати. Понятно, что в фигурном катании ошибиться может кто угодно – лед скользок для всех, но разве это повод валить тройной сальхов – прыжок, который стоит в короткой программе как раз по той причине, что стопроцентно надежен?

Оказалось, что не на сто. И поскольку Бруно выполнил лишь два оборота вместо заявленных трех, за элемент пара получила 1,04 балла вместо традиционно набираемых 5,80.

Принято считать, что олимпийская карьера Савченко началась на Играх в Турине. На самом деле свой первый олимпийский опыт спортсменка получила в 2002-м на Играх в Солт-Лейк-Сити. Там Алена выступала в паре со Станиславом Морозовым за Украину, и фигуристы заняли пятнадцатое место.

В Турине у Савченко был уже новый партнер – Робин Шелковы. К тому времени спортсмены успели трижды побывать чемпионами Германии и даже выиграть серебро на чемпионате Европы, но на Играх стали лишь шестыми. Алене тогда многие завидовали, полагая, что в Германии экс-украинка катается, как сыр в масле, на самом деле все было совершенно не так. Официально став немкой, она тут же угодила в жесточайшую передрягу.

Тренеру пары, чемпиону мира и Европы Инго Штойеру, незадолго до Игр предъявили официальное обвинение в том, что в годы своих выступлений за сборную ГДР он активно сотрудничал с восточногерманскими службами безопасности, и

что немецкий олимпийский комитет намерен лишить его аккредитации в Турине. Решение удалось опротестовать через суд, но сама ситуация сделала фигуристов и их наставника изгоями в собственной команде.

«Нам с Робином постоянно говорили, что Инго, даже если приедет в Турин, не будет допущен на каток и не будет, соответственно, стоять у борта во время нашего катания, – вспоминала Савченко. – На один из торжественных ужинов, на котором присутствовал крупный немецкий политик и куда была приглашена вся олимпийская сборная Германии, нас просто не позвали. Мы даже не знали об этом мероприятии. А после проката журналисты спросили, счастливы ли мы, что столь крупный политический деятель лично присутствовал на встрече со спортсменами. Я толком не поняла, о чем идет речь, не очень хорошо владела немецким языком и сказала, что мне все равно, кто из политиков с кем встречается. Мои слова, естественно, тут же были переданы наверх, и получилось, что мне вообще наплевать на все немецкое политическое руководство. Тем более что журналисты были уверены в том, что мы присутствовали на том ужине…»

На вопрос, насколько тяжело было не сломаться, фигуристка усмехнулась:

«У меня достаточно сильный и жесткий характер, да и папа учил меня всегда бороться до конца. Когда началась вся эта история, я много думала: почему все это происходит со мной? Я столько лет работаю, не думая ни о чем, кроме результата, и столько сложностей на пути. А потом успокоилась. Значит, так надо. Когда-нибудь все обязательно станет по-другому».

В Ванкувере Савченко и Шелковы были третьими. В Сочи снова повторили этот результат, после чего партнер решил завершить карьеру. Алена же осталась. В качестве потенциального партнера она сначала рассматривала российского фигуриста Александра Энберта, но, когда тот после долгих раздумий дал согласие, было поздно: фигуристка начала тренироваться с Массо и почти сразу решила, что продолжать поиски иного партнера, теряя на этом время, уже не имеет смысла.

Тогда Алена пережила еще один серьезный удар: Штойер, который за год работы стал для фигуристки близким человеком и на поддержку которого в работе с Массо она рассчитывала по умолчанию, запросил за свои тренерские услуги такую сумму, что у Алены случилась истерика. Вывел ее из этого состояния Бруно, сказав: «Неужели ты не видишь, что этого человека вообще не интересует наш результат? И на таких условиях ты готова продолжать с ним работать?»

* * *

Фигуристы, которые наблюдали за прогрессом нового дуэта со стороны, подшучивали, что тренером мало на что способного в парном катании Бруно стал вовсе не Александер Кениг, сменивший Штойера в соответствующей графе анкеты, а сама Алена, одержимость которой подобно тайфуну стала втягивать в рабочий процесс все больше людей.

Через год с небольшим пара Савченко/Массо стала вице-чемпионом Европы. Через год завоевала два серебра – сначала на европейском, а затем и на мировом первенстве. В декабре 2017-го тридцатитрехлетняя Алена и двадцативосьмилетний Бруно выиграли финал Гран-при в присутствии всех сильнейших соперников.

Когда-то на мой вопрос, чем она готова пожертвовать ради олимпийского золота, фигуристка не задумываясь ответила: «Всем». Начав кататься с Бруно, Алена стала гораздо меньше говорить о том, как сильно жаждет добиться постоянно ускользающей олимпийской победы. А за год до Олимпиады призналась мне в интервью:

«С Робином мы постоянно за чем-то гнались. Не знаю, зачем делали это. Работали как сумасшедшие, проводили на катках все дни напролет, тренируясь с раннего утра до позднего вечера, а в итоге так и не добились, чего хотели. Возможно, от нас просто ожидали слишком многого, и это привело к тому, что мы и сами начали ждать от себя того, чего не могли показать. Мое катание сейчас – это не гонка за медалью. А такое, я бы сказала, изысканное наслаждение, когда к очень вкусному десерту добавили еще и шоколадный соус. А что касается результата, пусть будет так, как будет…»

Не поверить фигуристке было невозможно. Она взахлеб рассказывала о том, какой восторг испытывает, взлетая в воздух в подкрутках и выбросах на небывалую для себя высоту, как долго привыкала к тому, что не должна «вытаскивать» элементы, «спасать» их, как приходилось все годы катания с Шелковы.

По мере приближения Олимпиады продолжать верить в те слова получалось все хуже и хуже. Савченко и Массо пропустили чемпионат Европы, и было понятно почему: приехать в Москву и проиграть российской паре, имеющей заведомый козырь в виде «домашнего» судейства, в их стратегические планы не входило. Алена целенаправленно и предельно жестко по отношению к себе и партнеру шла к своей пятой Олимпиаде. Финал «Гран-при» достаточно убедительно показал, что в ее с Бруно подготовке не осталось ни единого слабого места: сложнейшая произвольная

программа, хореографически отточенные постановки, костюмы, музыка – все было собрано воедино, чтобы орудие под названием «Алена» произвело в Корее свой главный и сокрушительный залп.

Самое поразительное, что к этому были готовы и судьи. Чтобы понять предварительный расклад судейских мнений, в фигурном катании существует лакмусовая бумажка – оценка за компоненты. Как только она начинает снижаться, это сигнал: тебя начинают как бы невзначай убирать из элиты. Происходит такое из-за возраста или по причине слишком частых проигрышей – это другой вопрос. Но повернуть процесс вспять не удается почти никому.

В выигранном финале «Гран-при» Савченко/Массо получили за компоненты короткой программы 36,90 балла. В командном турнире Пхенчхана – 37,03. В личном турнире – 37,43. Это было самым что ни на есть прямым подтверждением того, что с точки зрения арбитров пара продолжает прогрессировать, набирать ход. Что она готова бороться за олимпийское золото с кем угодно.

И тут этот треклятый сальхов!!!

Поэтому так сильно хотелось, чтобы самый главный день жизни Алены оказался удачным. Она заслуживала этого, как никто другой.

Накануне их с Бруно старта в произвольной программе – с отставанием в почти шесть и пять баллов от двух лидирующих дуэтов – слишком большим, чтобы надеяться на победу, я спросила олимпийского чемпиона Сараево Олега Васильева, что такое выступать на Играх в сильнейшей разминке?

– Это сложно объяснить словами, – ответил он. – Есть выражение – идти по лезвию бритвы. Так вот катаясь на Олимпийских играх в сильнейшей разминке, ты реально начинаешь чувствовать, что это такое. Ради четырех минут, проведенных на льду во время Игр, спортсмен работает четыре года. Разделите количество часов, проведенных за это время на тренировках, на количество секунд, что длится произвольная программа, и поймете, насколько велико напряжение каждой из этих секунд. Как тяжело собрать себя и выдать весь свой максимум…

* * *

Сколько лет вошло в четыре минуты Савченко? Четыре – что она каталась с Бруно Массо? Четырнадцать – если добавить десять лет выступлений с Робином Шелковы? Или тридцать один год, что прошел с того дня, когда маленькой Алене отец принес в

подарок ее первые коньки?

У фигуристов считается, что лучше выступать последним – тогда при удачном прокате судьи бывают гораздо более щедры на оценки, нежели по отношению к тем, кто выходил на лед раньше. Однако первый стартовый номер в сильнейшей разминке олимпийского финала – это удача, о которой можно только мечтать. Иногда спортсмены этого не понимают, но опытные тренеры знают: ожидание сжигает стремительно, опустошает, пожирая шансы на успех.

– Со стартовым номером повезло не Алене, а Бруно, – сказал Васильев. – Алена, как мне кажется, выдержала бы любое напряжение, даже если бы каталась последней. А вот Массо в этом финале было по-настоящему тяжело – у него ведь нет и десятой части того опыта, что есть у Савченко. Наверняка он долго приходил в себя после ошибки, случившейся по его вине в короткой программе.

Как признался после проката Бруно, после короткой программы он не спал ночь, не находил себе места, не знал, чем и как искупить ошибку, которую в противном случае наверняка не удастся когда-либо позабыть. Не думаю, что стоит пытаться представить себе это состояние – не получится. Но слово, данное самому себе, Массо сдержал. «Я знал, выходя на лед, что мы сейчас будем бросаться на эту программу, как тигры», – скажет он после проката. И не раздумывая утвердительно ответит на вопрос, поедут ли они с партнершей на чемпионат мира в Милан.

Но это все-таки было потом. А чуть раньше, когда немецкая пара закончила прокат – самый красивый и самый пронзительный из тех, что когда-либо случался на Олимпиадах, и фигуристы поехали на центр катка на традиционный поклон, Алена вдруг повернулась к Бруно и опустилась перед ним на колено. И уже не нужны были никакие слова, чтобы понять, что этим интуитивным порывом она благодарит его за все сразу. За то, что не дрогнул. За то, что ни разу за четыре года не дал повода в себе усомниться. За то, что прошел с ней по этому олимпийскому лезвию, использовав шанс, которого на самом деле почти что не было…

Глава 5. Глава семьи

Когда Елена Валерьевна Вяльбе еще была просто Леной и бегала на лыжах, записывая на свой счет победы в Кубке мира (по совокупности – пять), короны мировых первенств (по совокупности – четырнадцать) и никак не смогла добиться главного трофея – личной победы на Олимпийских играх, я, признаться, не слишком стремилась в нее всмотреться: ну, бегает человек – и бегает, побеждает чаще, чем другие – так что с того? Кто из лыжниц того поколения не был на это способен? Куда сильнее, нежели спортивный результат, запомнилось отчаянное негодование Вяльбе в адрес непримиримой соперницы, шестикратной олимпийской чемпионки Любови Егоровой, когда та попалась на совершенно никчемном как фармакологический стимулятор бромантане, не ведая, что препарат с некоторого времени стал запрещенным. Скандал произошел в 1997-м на чемпионате мира в Тронхейме, и Вяльбе взяла на себя нелегкую ношу – выйти на стадион, где помимо тысяч зрителей присутствовали король и королева Норвегии, и прилюдно принести свои личные извинения за случившееся.

Тогда я долго недоумевала: Вяльбе, как никто другой, должна была понимать, что положительная проба Егоровой – абсолютная нелепость, от которой не застрахован в спорте никто. Примерно как это было с биатлонисткой Ольгой Пылевой в Турине, когда даже наиболее непримиримые борцы с допингом сходились во мнении, что произошла дурацкая случайность и спортсменку постигло совершенно незаслуженное наказание.

Я восхищалась Вяльбе как президентом лыжной федерации, когда стала набирать ход антироссийская допинговая история. В той ситуации она повела себя так, как не сумел ни один из ее коллег мужского пола: грудью встала на защиту своих лыжников, и те как-то враз поверили: президент федерации будет защищать их до последнего, а если им суждено будет проиграть, разделит с ними это поражение, но никогда и ни за что не открестится от своей команды.

Но даже тогда это не казалось мне удивительным: наверное, за много лет общения я просто привыкла воспринимать Лену именно такой – бескомпромиссной, не выбирающей слов, не важно, с кем приходится дискутировать – с проигравшим спортсменом или с министром спорта.

Пазл сложился в Пхенчхане, когда я наблюдала, прикипев к телевизору, как птенцы Вяльбе – лыжники самой, пожалуй, обескровленной допинговым скандалом российской команды

бьются в спринте сначала за выход в четвертьфинал, потом так же отчаянно сражаются на каждом из последующих отборочных этапов. Как совершенно невероятными усилиями Юля Белорукова и Саша Большунов выгрызают свои бронзовые медали в финале, где по большому счету вообще не должно было быть ни одного, ни другой. А потом то же самое делают Денис Спицов, Андрей Ларьков, Алексей Червоткин, Наташа Непряева, Настя Непряева, Аня Нечаевская…

Мне вдруг стало пронзительно ясно, почему они такие. Потому что такова сама Вяльбе. В том далеком 1997-м дело было ведь вовсе не в Егоровой, хотя этих двух спортсменок никогда не отличали теплые отношения. А в том, что Люба стала причиной того, что под удар попала честь страны. И Вяльбе бросилась ее защищать – как умела. Не могла перенести унижения.

По той же причине, полагаю, Вяльбе никогда не была слишком успешна в личных олимпийских гонках: эгоистично биться на Играх только за себя у нее просто не получалось. Зато за свою страну она умела сражаться, как никакая другая спортсменка в мире.

В те дни лыжных гонок российский Интернет обошел видеоролик: Вяльбе болеет за своих. Болеет с трибуны, поскольку в олимпийской аккредитации было отказано и ей самой. Срывает голос, плачет, ликует – и опять плачет.

* * *

Незадолго до отъезда в Корею я разговаривала с четырехкратным олимпийским чемпионом Александром Поповым. Говорили мы о том, что во время Олимпийских игр спортсмен должен быть готов абсолютно ко всему. И ни на что не реагировать при этом. На Играх в Корее – в особенности, поскольку никогда еще российские спортсмены не оказывались в столь сложной, унизительной и непредсказуемой ситуации.

– Любые Игры – это прежде всего вопрос стрессоустойчивости, – говорил выдающийся пловец. – Кто-то способен все это выдержать, а кто-то нет. Тебе, грубо говоря, должно быть на все наплевать. Не слишком устойчивых ситуация сломает. Тем более что никто из нас не знает, что на самом деле будет происходить в Корее вокруг российской команды. Там даже соперники могут создать невыносимые условия – вплоть до того, что, войдя в столовую перекусить, ты будешь выбегать оттуда в слезах и голодный.

Эгоистическую суть Олимпиад очень точно в свое время

подметил уже ушедший из жизни чемпион Игр-72 Сергей Белов. В своей автобиографической книге, по мотивам которой сняли быстро ставший знаменитым фильм «Движение вверх», баскетболист писал:

«В американском фильме о мюнхенском финале активно разрабатывалась версия о том, что сборная США собиралась отказаться от участия в Играх из-за трагедии с захватом террористами израильских заложников. Скажу честно: все это кажется мне просто политкорректной позицией. Не верю, что спортсмен, смыслом и целью жизни которого является победа, тем более победа в самом главном соревновании, к которому он готовился четыре года или больше, по доброй воле способен отказаться от шанса добыть ее из-за того, что этот шанс совпал по времени с некими страшными обстоятельствами, в наступлении которых совершенно нет его вины».

Похоже, что Лена Вяльбе раньше многих других поняла: то, что в Корее не будет российского гимна и вообще все будет против России, не меняет для ее спортсменов ровным счетом ничего. Более того, те, кому предстоит биться в этой олимпийской войне за страну, уже вообще не должны об этом думать. Их задача – мобилизоваться на результат. Поймать состояние «натянутой струны» – полной мобилизации всех возможностей, абсолютной настроенности на выступление. Когда знаешь, что состязания будут сопровождаться бешеным драйвом, и предвкушаешь это. Испытываешь страстное желание состязаться и победить – и побеждаешь. Как минимум – самого себя.

Интересно, вспоминал ли кто из ее команды в Пхенчхане, что за двенадцать лет до этого сразу после Олимпийских игр в Турине, где сборная России по лыжным гонкам завоевала два золота, два серебра и три бронзы, Вяльбе, два года исполнявшая обязанности главного тренера сборной, заявила, что продолжать работать в лыжных гонках не намерена ни в каком качестве. Ни в федерации, где занимала должность первого вице-президента, ни в сборной.

* * *

Идею побороться за президентский пост Елене в свое время предложил Анатолий Акентьев, возглавлявший федерацию лыжных гонок до 2004 года. Тогда наши лыжи переживали не самые лучшие времена. Тренеров раздражало то, что им все чаще диктовал свои условия главный спонсор сборной – компания «Роснефть». Доходило до того, что ее представители указывали,

кому какую дистанцию бежать на тех или иных соревнованиях. А поскольку у «Роснефти» была своя команда лыжников и в их пользу принималось большинство решений, недовольных становилось все больше и больше.

В этой ситуации кандидатура Вяльбе на пост руководителя лыжного хозяйства страны казалась идеальной. Тем более что Лена сразу сказала, в чем видит свои задачи: комплектование единой сборной, четкие критерии отбора, подготовка резерва. В общем, все то, что должно обеспечить боеспособность команды не на год и не на два.

Однако почти сразу в ее работе начались проблемы. Самое неприятное заключалось в том, что среди оппонентов Вяльбе оказались наиболее опытные специалисты – Александр Грушин и Анатолий Чепалов. Подчиняться человеку, который совсем недавно сам бегал по лыжне, а сейчас намеревался диктовать им свою волю, оба отказались наотрез. И, вместо того чтобы сложить воедино опыт, силы и цели, в лыжах начали скрытую войну.

Ту войну Вяльбе проиграла. Как-то, когда я спросила, какую из собственных ошибок Лена считает наиболее критичной, она даже сказала, что ошибкой с ее стороны было вообще браться за эту работу. Что о чем действительно она жалеет, так это о том, что была слишком мягкой, шла на поводу у тренеров.

Впрочем, тогда же Вяльбе сказала и другое. Что лыжи – это не просто вид спорта, которым она занималась двадцать лет, а вся ее жизнь. И что отнять у себя эту жизнь она не позволит никому.

Вернулась она спустя четыре года. Более опытной, более мудрой, более уверенной в себе. В интервью накануне Игр в Пхенчхане говорила:

– Когда я только начинала работать тренером, то мечтала о том, чтобы у нас была единая команда, как это было когда-то в советские времена. Чтобы девчонки обязательно тренировались вместе с ребятами, чтобы на сборах тоже все были вместе. Пыталась всем доказывать, что это гораздо правильнее, чем разбегаться по углам. Только со временем поняла, что в большом количестве бригад есть свои плюсы: конкуренция в этом случае велика не только между спортсменами, но и между тренерами тоже. Если одни не угадают с пиком формы, всегда есть шанс, что угадает кто-то другой. Кроме того, тренироваться в одном месте всей командой бывает проблематично по чисто техническим причинам: не всегда удается попасть в желаемое время в тот же зал или на роллерную трассу, даже сходить в баню, – когда там находится много людей, это не совсем комфортно. Поэтому у нас сложилась практика хотя бы на неделю собирать все группы вместе лишь два раза за сезон: на установочном сборе в Эстонии в

начале сезона и осенью на первом снегу в Рамзау. Во время таких сборов мы много общаемся с тренерами, проводим «разбор полетов» для сервисеров, решаем, как они будут работать в следующем году, получаем экипировку на предстоящий сезон. Да и спортсменам бывает полезно увидеть друг друга. Остальное время тренеры работают исключительно в соответствии с собственными планами.

Там же Лена сказала:

– Я – строгая «мама». Знаю, что малейшее мое замечание иногда воспринимается очень болезненно – вплоть до того, что вызывает у людей панику. Был случай, когда я сказала спортсмену: «Завтра все в твоих ногах», а человек, как выяснилось, не спал всю ночь из-за этого. С такой тонкой нервной системой, считаю, просто не надо находиться в спорте.

Если спортсмен до такой степени болезненно воспринимает самые обычные слова, собраться и показать результат ему будет очень тяжело. А в целом у нас все, как в семье: наиболее отчаянно ругаешь того, кого сильнее любишь. И спрашиваешь с такого человека больше. На самом деле я очень хочу, чтобы российские лыжные гонки стали такими, какими были в советские времена. Делаю ради этого все. Считаю себя всего лишь винтиком одной большой машины, и так же, как другие, хочу, чтобы наши спортсмены были лучше всех. В этом плане меня можно назвать националисткой: никогда не буду работать в какой-то другой стране, кроме России.

Рассказывая мне о Вяльбе, один из хороших друзей Лены, много лет отработавший в биатлоне, объяснил ее феномен так:

– Она действительно строгая «мама», очень жесткий руководитель. Всех очень любит, но если кто-то заслужил подзатыльник, обязательно его получит. Чтобы кто-то из спортсменов сказал в эфир, что он недоволен тренером… Такой человек тут же вылетит из сборной. При этом Лена показала всему миру, что будет биться за своих «детей» с кем угодно. Надо было видеть, как она лично воспринимала все, что происходило накануне и во время Игр в Пхенчхане. Такие вещи вызывают громадное уважение не только у тех, кто смотрит на спорт со стороны, но и тех, кто находится внутри. Завидую. Вот честно – очень завидую лыжникам…

Глава 6. Самая короткая

Игроки сборной России стояли на льду и пели гимн. Получасом ранее, когда финальный матч Россия – Германия перешел в овертайм, все, кто болел за Россию – не важно, на трибуне или перед экранами, – в отчаянии, граничащем со злостью и досадой, думали примерно об одном и том же. О том, что еще ни разу цель выиграть Олимпиаду не была столь близка и далека одновременно. Что нет и не может быть большего позора, нежели в отсутствие игроков НХЛ проиграть Германии – стране, которую никогда никто не воспринимал в хоккее всерьез. Что лучше бы, наверное, вообще было не приезжать на эту Олимпиаду, каждый день которой сопровождался немыслимыми унижениями, а тут еще и хоккей…

Это только потом двукратный олимпийский чемпион Вячеслав Фетисов, которому так и не удалось реализовать самую заветную свою мечту и довести команду до чемпионства в 2002-м, скажет, что ни в коем случае нельзя обесценивать это золото – первое за двадцать шесть лет. Что все, кто хотел приехать на Олимпиаду и играть – приехали и играли. Что эта победа столь же заслуженна, как любая другая, что были «до», в том числе – его собственные. Что финал превратился в настоящий триллер, и о нем когда-нибудь наверняка снимут фильм, который заставит плакать всю страну…

А игроки сборной России стояли на льду и пели гимн. Во весь голос, наплевав на запреты.

И все остальное не имело ровным счетом никакого значения…

Эпилог

За двадцать шесть лет до Игр в Пхенчхане я собиралась на свою первую журналистскую Олимпиаду в Барселону. Игры-2018 стали для меня уже четырнадцатыми. Точнее, даже семнадцатыми, если считать Монреаль, где я выступала в 1976-м, московскую Олимпиаду-80, которую бойкотировали американцы, и следующую, которую пробойкотировала уже наша страна. В Москве, правда, выступить не довелось – ходила с аккредитацией, глазея по сторонам, и на параде открытия, стоя на стадионе в официальной, как и вся советская команда, олимпийской форме, принимала у монреальской стороны белый олимпийский флаг с кольцами: город сдал – город принял… А в 1984-м провела всю Олимпиаду в Останкино, разбирая ленты информационных агентств в спортивной редакции телевидения и по крупицам добывая информацию об Играх.

Олимпийская судьба довольно долго берегла меня от разочарований. Ну да, я не попала в команду в 1980-м. Но, во-первых, тогда я уже имела титул олимпийской чемпионки, а во-вторых, та Олимпиада, положа руку на сердце, в прыжках в воду вообще не представляла в плане соперничества никакого интереса – по когорте наиболее принципиальных соперников бойкот тогда ударил наиболее сильно. А какое может быть удовольствие от победы, когда не с кем бороться?

Барселона и Лиллехаммер – это Игры-восторг. Они каждый день приносили какие-то новые знакомства, дарили новые эмоции. И что с того, что в Барселоне я похудела на восемь килограммов, а вернувшись из Лиллехаммера, к ужасу всех домашних, спала трое суток подряд? Полученные впечатления того однозначно стоили.

В Атланте, в силу уже накопленного опыта, работать было чуть проще. За «своих» я болела там все так же отчаянно, и они побеждали. Саша Попов и Саша Карелин. Денис Панкратов и Дима Саутин. Леша Немов и Света Хоркина…

А вот в Сиднее шарахнуло.

Не проходило дня, чтобы я не вспомнила ту самую фразу Токарева, когда-то запавшую в душу: «Бывает, идет на старт тот, кто тебе дорог, ты сердцем чувствуешь приближение неудачи и не имеешь права отвести взгляд. И нет большего горя, чем видеть несчастье друга и писать о нем…» Фраза казалась мне очень красивой. Сколько на самом деле в ней заложено личной боли и горечи, я по-настоящему поняла только в 2000-м.

Не помню, как я писала тот сиднейский репортаж после

поражения Попова на стометровке. Вообще не помню, как добралась тогда из бассейна до пресс-центра. В памяти отпечаталось лишь то, как поздней ночью я шла с коллегами к метро, чтобы вернуться в олимпийскую съемную квартиру, и плакала навзрыд. Почему-то вспоминала, как в 1996-м мы вместе с Карелиным возили Попова в крошечную церквушку близ Подольска – крестить. Именно Карелин тогда, узнав о страшном ранении Александра в Москве, приехал к нему в больницу сразу после операции и спросил: «Ты крещеный?» И, услышав отрицательный ответ, озабоченно покачал головой: «Надо бы…»

Неделей позже в Сиднее проиграл сам Карелин…

Именно те игры раз и навсегда научили меня ничего не ждать от Олимпиад и никогда не строить прогнозов. Потому что можно ехать на Игры стопроцентным фаворитом в ранге двукратного или трехкратного олимпийского чемпиона – и проиграть. Таких примеров множество. В поражении может не оказаться вообще никакой логики, но, если ему суждено случиться, оно обязательно произойдет. Видимо, судьба очень любит принимать подобные решения в одиночку. Помните, как в том же Сиднее уронила обруч Алина Кабаева? А ведь вероятность того, что она не справится со снарядом, составляла даже не тысячную – миллионную долю процента.

Казалось бы, что нового можно увидеть на Играх, когда счет им приближается к концу второго десятка? Но вот парадокс: в 2012-м незадолго до отъезда в Лондон я беседовала с двумя выдающимися спортсменами – брала интервью у пятикратной чемпионки мира по художественной гимнастике Амины Зариповой и у олимпийского чемпиона по боксу Александра Лебзяка. Зарипова выступала в Атланте, Лебзяк – в Барселоне, Атланте и Сиднее, но ни одно из этих выступлений я не увидела, так сложилось.

Я не видела в Барселоне баскетбольный финал, в котором впервые на Олимпиадах играла американская сборная. Не видела, как выигрывает в Атланте свое девятое олимпийское золото тридцатипятилетний легкоатлет, американец Карл Льюис. Мимо меня промчался весь олимпийский биатлон в Нагано – с самой первой золотой медалью совсем еще молодого Уле Эйнара Бьорндалена, а заодно – и биатлон в Солт-Лейк-Сити, где у Бьорндалена уже случились целых четыре олимпийские победы. Точно так же не довелось побывать ни на волейбольном финале в Лондоне, ни на гандбольном – в Рио-де-Жанейро.

Еще я никогда не видела, как на Олимпиадах играют в теннис. Да и на церемониях открытия вплоть до Игр-2018 присутствовала всего три раза в жизни – в Москве, Барселоне и

Пекине. В Монреале, на тех Играх, где выступала в 1976-м, выйти на парад в составе сборной СССР мне тоже не довелось: за время ожидания начала церемонии под трибунами стадиона я так сильно стерла ноги новыми форменными туфлями, что тогдашний председатель Спорткомитета Сергей Павлов лично распорядился немедленно отвезти меня назад в Олимпийскую деревню. «Ей, может, этими ногами для страны золото добывать!» – грохотал он тогда. И ведь как в воду глядел…

Не думаю, что Олимпийскими играми можно наесться впрок. Как только они заканчиваются, ты вдруг отчетливо понимаешь, что в очередной раз не успел увидеть чего-то важного и интересного. Не успел с кем-то познакомиться, поговорить. И неизменно думаешь о том, что в следующий раз обязательно все наверстаешь.

Наверное, эта причастность к выдающимся людям и выдающимся событиям и есть самое ценное для спортивного журналиста. Жить такой жизнью бывает достаточно тяжело. Каждый раз, когда после Олимпиад из большого спорта уходят очередные звезды, у меня неизменно возникает чувство, что, уходя, они навсегда забирают с собой огромную эмоциональную часть моей собственной жизни: наши общие воспоминания и переживания, свои победы и поражения, которые в какой-то степени были и моими тоже.

Каждый раз в таких случаях я думаю, что никогда больше не захочу писать о спорте. Что не стану ездить на соревнования, а если стану, то вообще не буду там ни за кого болеть. Чего болеть, когда все кругом – чужие? Но проходит совсем немного времени, и все начинается сначала.

И я по-прежнему не люблю отвечать на вопрос: «Чего нам ждать от Олимпийских игр?» Всего! Внезапных побед и сокрушительных поражений. Мужества маленьких девочек и бессилия гигантов. Разбитых вдребезги стереотипов и желания вдребезги же и немедленно расколотить экран телевизора, на котором безостановочно мелькают кадры поражения твоего кумира. И невероятной радости – когда «свои» становятся первыми…

Таблицы медальных зачетов

МОНРЕАЛЬ 1976					
№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	**СССР**	**49**	**41**	**35**	**125**
2	ГДР	40	25	25	90
3	США	34	35	25	94
4	ФРГ	10	12	17	39
5	Япония	9	6	10	25
6	Польша	7	6	13	26
7	Болгария	6	9	7	22
8	Куба	6	4	3	13
9	Румыния	4	9	14	27
10	Венгрия	4	5	13	22

МОСКВА 1980					
№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	**СССР**	**80**	**69**	**46**	**195**
2	ГДР	47	37	42	126
3	Болгария	8	16	17	41
4	Куба	8	7	5	20
5	Италия	8	3	4	15
6	Венгрия	7	10	15	32
7	Румыния	6	6	13	25
8	Франция	6	5	3	14
9	Великобритания	5	7	9	21
10	Польша	3	4	15	22

ЛОС-АНЖЕЛЕС 1984 (СССР НЕ УЧАСТВОВАЛ)					
№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	США	83	61	30	174
2	Румыния	20	16	17	53
3	ФРГ	17	19	23	59
4	Китай	15	8	9	32
5	Италия	14	6	12	32
6	Канада	10	18	16	44
7	Япония	10	8	14	32
8	Новая Зеландия	8	1	2	11
9	Югославия	7	4	7	18
10	Южная Корея	6	6	7	19

БАРСЕЛОНА 1992					
№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	**Объединенная команда**	**45**	**38**	**29**	**112**
2	США	37	34	37	108
3	Германия	33	21	28	82
4	Китай	16	22	16	54
5	Куба	14	6	11	31
6	Испания	13	7	2	22
7	Южная Корея	12	5	12	29
8	Венгрия	11	12	7	30
9	Франция	8	5	16	29
10	Австралия	7	9	11	27

ЛИЛЛЕХАММЕР 1994

№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	**Россия**	**11**	**8**	**4**	**23**
2	Норвегия	10	11	5	26
3	Германия	9	7	8	24
4	Италия	7	5	8	20
5	США	6	5	2	13
6	Республика Корея	4	1	1	6
7	Канада	3	6	4	13
8	Швейцария	3	4	2	9
9	Австрия	2	3	4	9
10	Швеция	2	1	0	3

АТЛАНТА 1996

№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	США	44	32	25	101
2	**Россия**	**26**	**21**	**16**	**63**
3	Германия	20	18	27	65
4	Китай	16	22	12	50
5	Франция	15	7	15	37
6	Италия	13	10	12	35
7	Австралия	9	9	23	41
8	Куба	9	8	8	25
9	Украина	9	2	12	23
10	Южная Корея	7	15	5	27

НАГАНО 1998

№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	Германия	12	9	8	29
2	Норвегия	10	10	5	25
3	**Россия**	**9**	**6**	**3**	**18**
4	Канада	6	5	4	15
5	США	6	3	4	13
6	Нидерланды	5	4	2	11
7	Япония	5	1	4	10
8	Австрия	3	5	9	17
9	Южная Корея	3	1	2	6
10	Италия	2	6	2	10

СИДНЕЙ 2000

№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	США	36	24	31	91
2	**Россия**	**32**	**28**	**29**	**89**
3	Китай	28	16	15	59
4	Австралия	16	25	17	58
5	Германия	13	17	26	56
6	Франция	13	14	11	38
7	Италия	13	8	13	34
8	Нидерланды	12	9	4	25
9	Куба	11	11	7	29
10	Великобритания	11	10	7	28

СОЛТ-ЛЕЙК-СИТИ 2002

№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	Норвегия	13	5	7	25
2	Германия	12	16	8	36
3	США	10	13	11	34
4	Канада	7	3	7	17
5	**Россия**	**5**	**4**	**4**	**13**
6	Франция	4	5	2	11
7	Италия	4	4	5	13
8	Финляндия	4	2	1	7
9	Нидерланды	3	5	0	8
10	Австрия	3	4	10	17

АФИНЫ 2004

№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	США	34	40	26	100
2	Китай	32	17	14	63
3	**Россия**	**28**	**26**	**36**	**90**
4	Австралия	17	16	17	50
5	Япония	16	9	12	37
6	Германия	13	16	20	49
7	Франция	11	9	13	33
8	Италия	10	11	11	32
9	Южная Корея	9	12	9	30
10	Великобритания	9	9	12	30

ТУРИН 2006					
№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	Германия	11	12	6	29
2	США	9	9	7	25
3	Австрия	9	7	7	23
4	**Россия**	**8**	**6**	**8**	**22**
5	Канада	7	10	7	24
6	Швеция	7	2	5	14
7	Республика Корея	6	3	2	11
8	Швейцария	5	4	5	14
9	Италия	5	0	6	11
10	Франция	3	2	4	9

ПЕКИН 2008					
№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	Китай	51	21	28	100
2	США	36	38	36	110
3	**Россия**	**23**	**21**	**29**	**73**
4	Великобритания	19	13	15	47
5	Германия	16	10	15	41
6	Австралия	14	15	17	46
7	Южная Корея	13	10	8	31
8	Япония	9	6	10	25
9	Италия	8	10	10	28
10	Франция	7	16	17	40

ВАНКУВЕР 2010

№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	Канада	14	7	5	26
2	Германия	10	13	7	30
3	США	9	15	13	37
4	Норвегия	9	8	6	23
5	Южная Корея	6	6	2	14
6	Швейцария	6	0	3	9
7	Швеция	5	2	4	11
8	Китай	5	2	4	11
9	Австрия	4	6	6	16
10	Голландия	4	1	3	8
11	**Россия**	**3**	**5**	**7**	**15**

ЛОНДОН 2012

№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	США	46	29	29	104
2	Китай	38	27	23	88
3	Великобритания	29	17	19	65
4	**Россия**	**24**	**26**	**32**	**82**
5	Южная Корея	13	8	7	28
6	Германия	11	19	14	44
7	Франция	11	11	12	34
8	Италия	8	9	11	28
9	Австралия	7	16	12	35
10	Япония	7	14	17	38

СОЧИ 2014

№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	**Россия**	**11**	**9**	**9**	**29**
2	Норвегия	11	5	10	26
3	Канада	10	10	5	25
4	США	9	7	12	28
5	Голландия	8	7	9	24
6	Германия	8	6	5	19
7	Швейцария	6	3	2	11
8	Белоруссия	5	0	1	6
9	Австрия	4	8	5	17
10	Франция	4	4	7	15

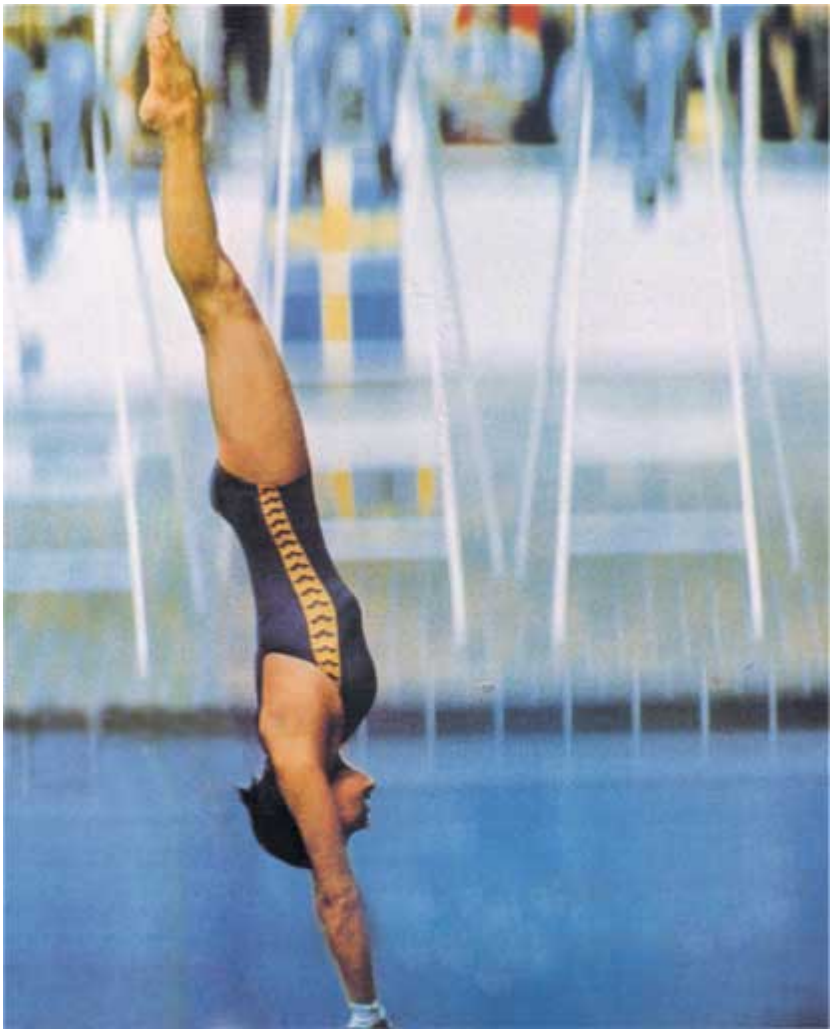
РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО 2016

№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	США	46	36	39	121
2	Великобритания	27	23	17	67
3	Китай	26	18	26	70
4	**Россия**	**19**	**18**	**19**	**56**
5	Германия	17	10	15	42
6	Япония	12	8	21	41
7	Франция	10	18	14	42
8	Республика Корея	9	3	9	21
9	Италия	8	12	8	28
10	Австралия	8	11	10	29

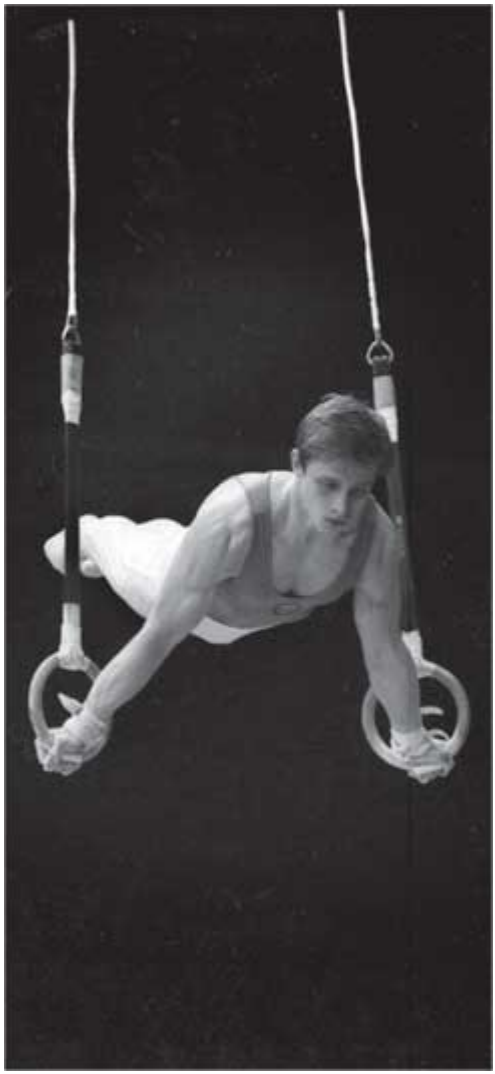
ПХЕНЧХАН 2018					
№	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	Норвегия	14	14	11	39
2	Германия	14	10	7	31
3	Канада	11	8	10	29
4	США	9	8	6	23
5	Нидерланды	8	6	6	20
6	Швеция	7	6	1	14
7	Республика Корея	5	7	5	17
8	Швейцария	5	6	4	15
9	Франция	5	4	6	15
10	Австрия	5	3	6	14
. . . . .					
13	**Россия**	**2**	**6**	**9**	**17**

Иллюстрации

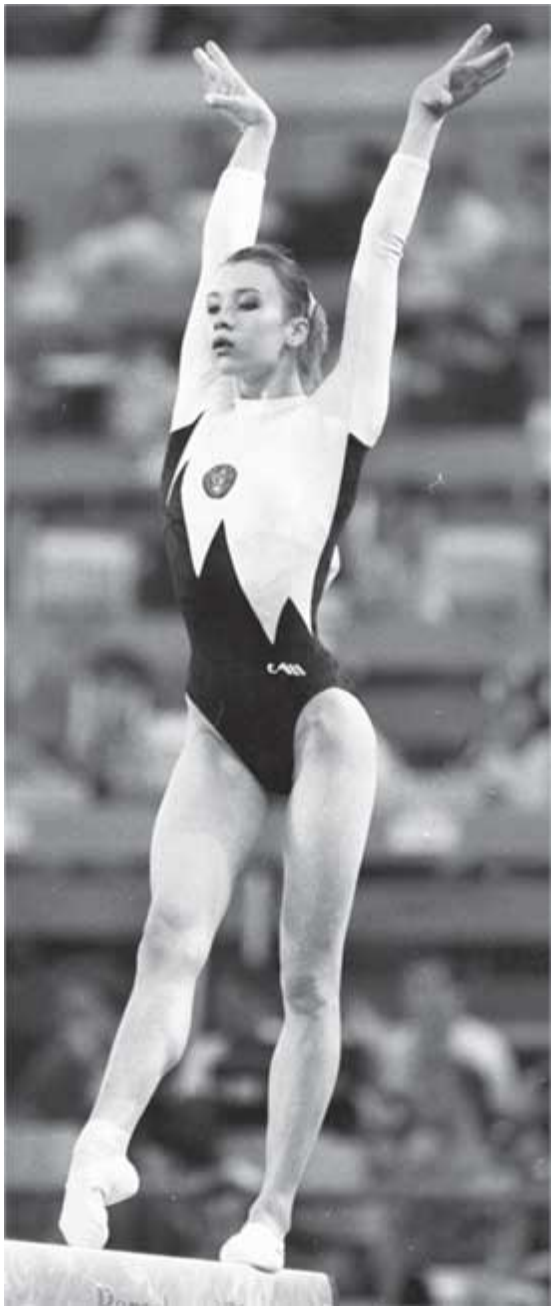
Слева направо: Сергей Вайцеховский, Владимир Сальников, спортивный психолог Геннадий Горбунов



Елена Вайцеховская, 1976 г., Монреаль

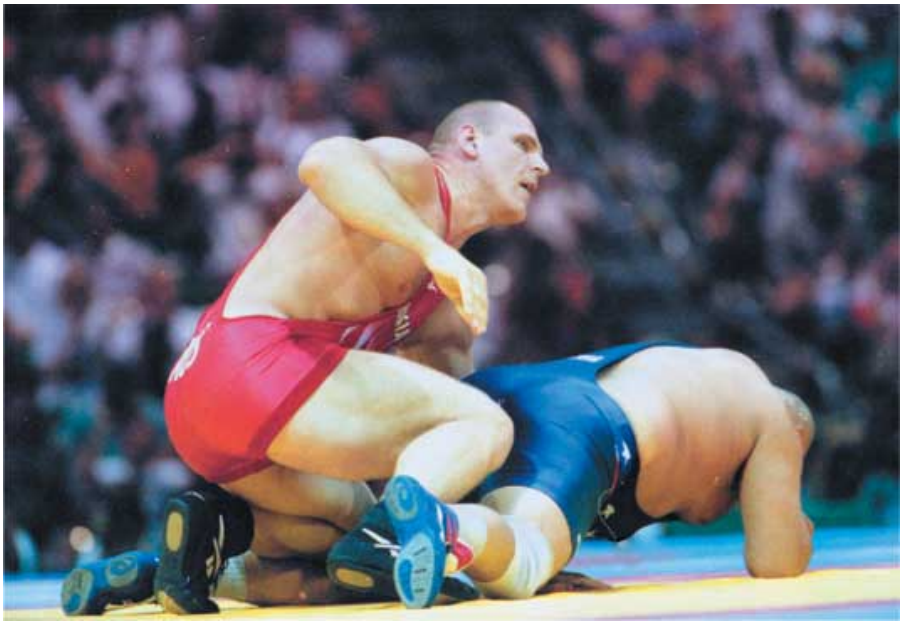


Виталий Щербо, 1992 г., Барселона



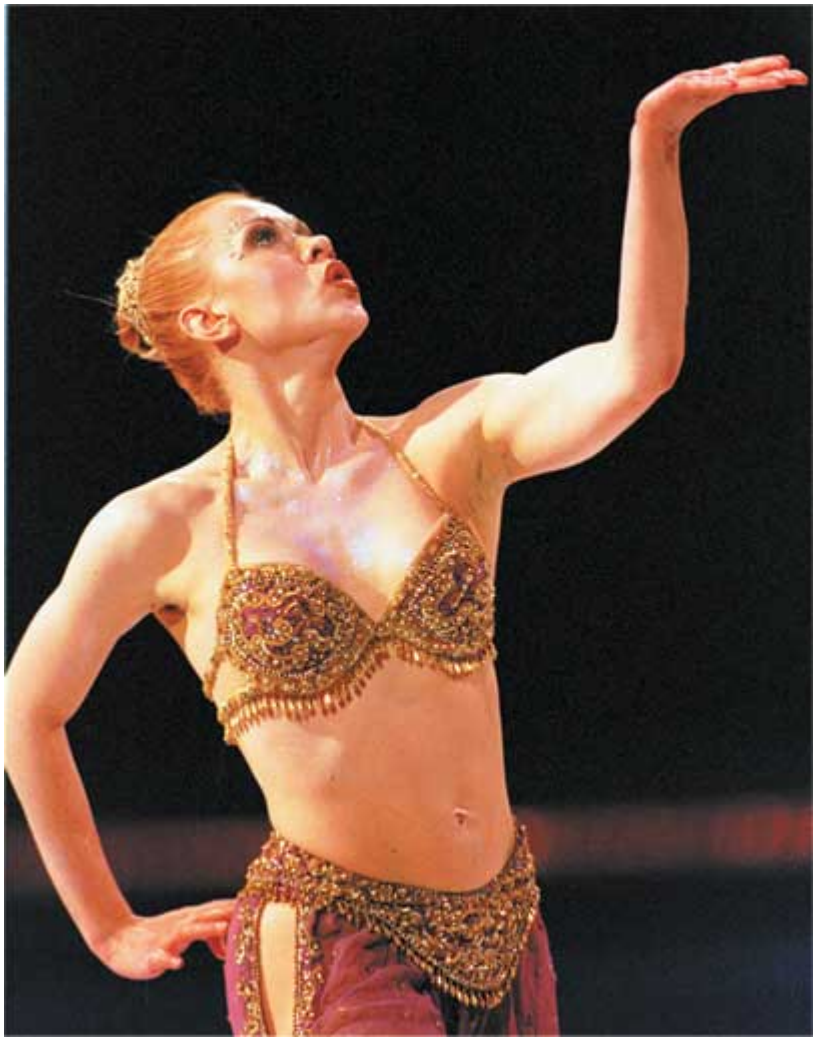
Светлана Богинская, 1992 г., Барселона

Александр Попов, 1992 г., Барселона

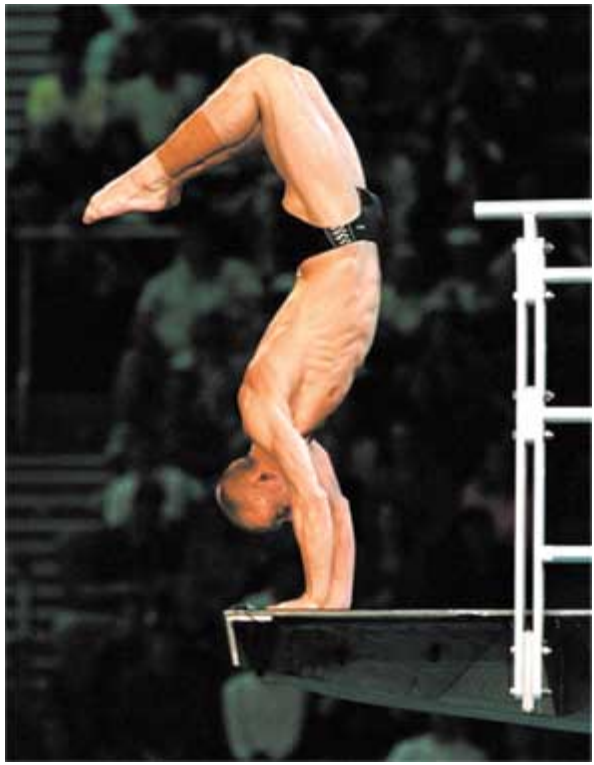


Александр Карелин, 1992 г., Барселона

Любовь Егорова, 1994 г., Лиллехаммер

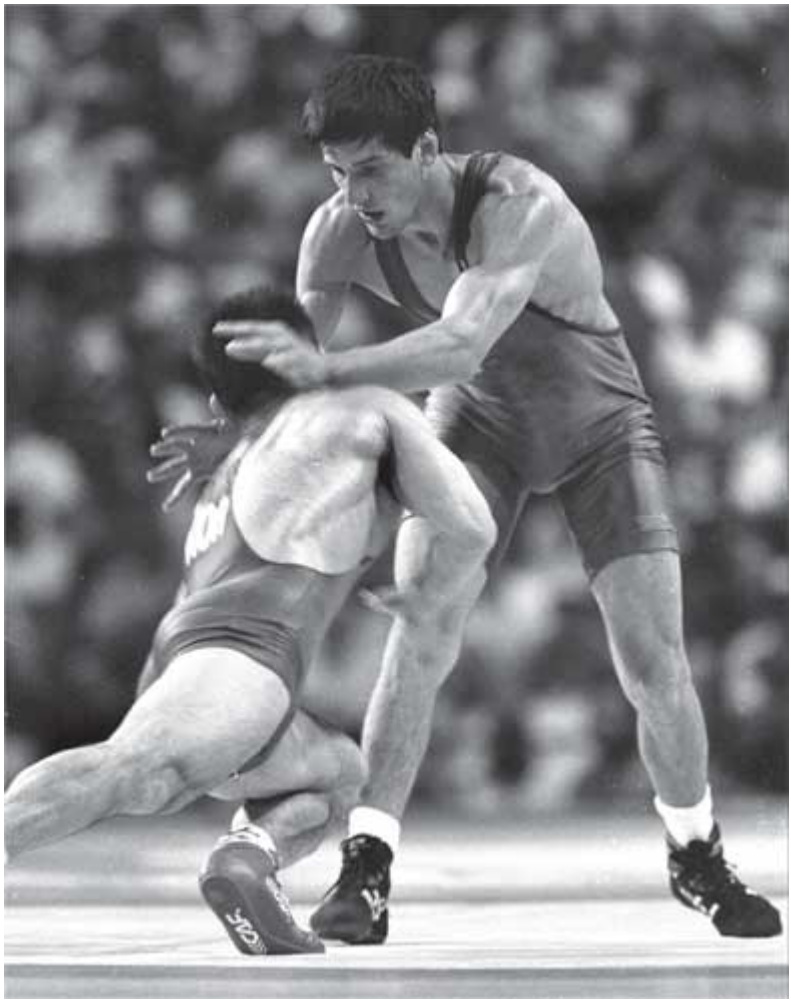


Оксана Баюл, 1994 г., Лиллехаммер



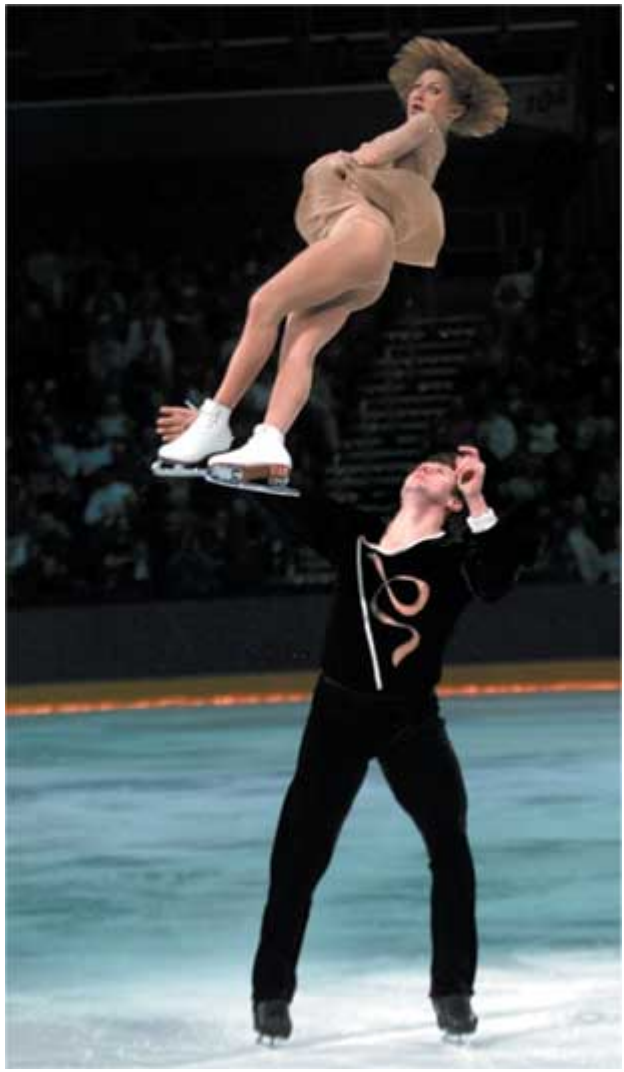
Дмитрий Саутин, 1996 г., Атланта

Денис Панкратов, 1996 г., Атланта



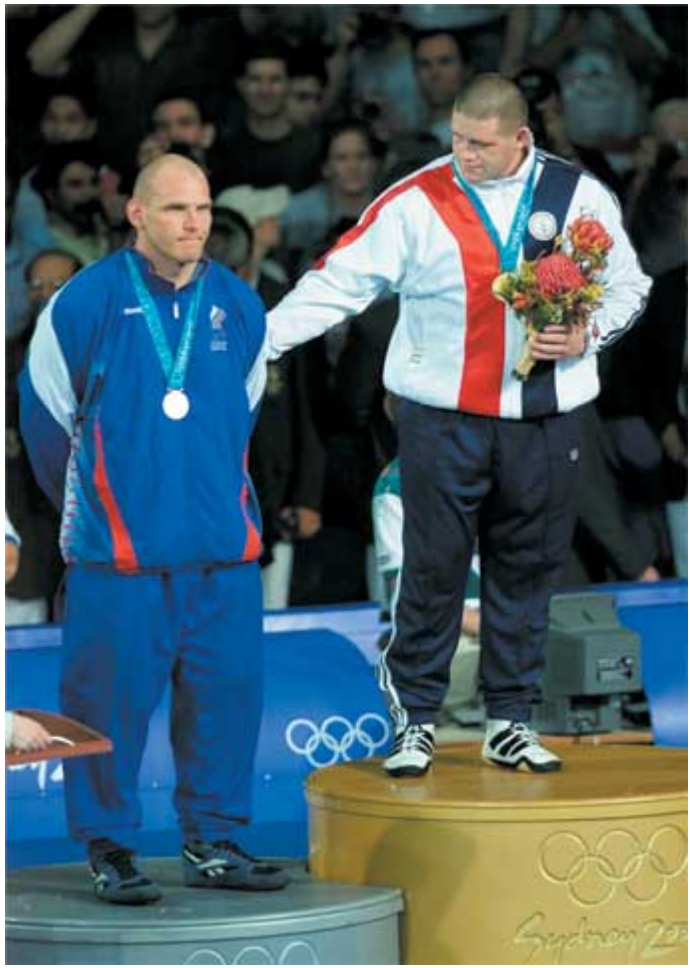
Буйвасар Сайтиев, 1996 г., Атланта

Павел Буре, 1998 г., Нагано



Оксана Казакова и Артур Дмитриев, 1998 г., Нагано

Татьяна Тарасова – советский и российский тренер по фигурному катанию, 1998 г., Нагано



Александр Карелин, 2000 г., Сидней

Мария Киселева и Ольга Брусникина, 2000 г., Сидней

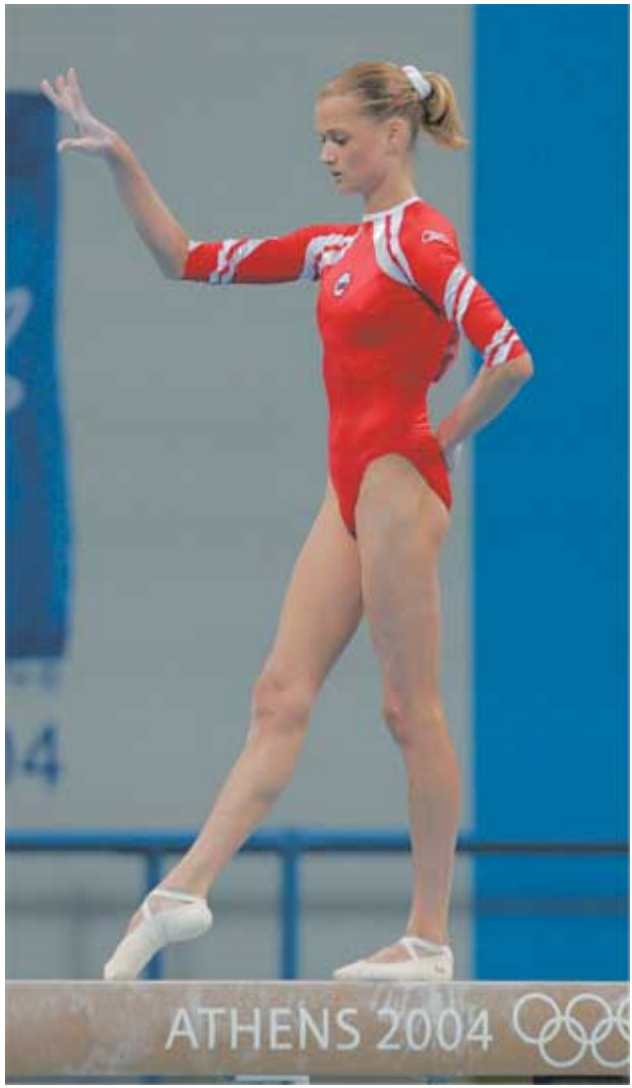
Евгений Плющенко и Алексей Ягудин на пьедестале почета, 2002 г., Солт-Лейк-Сити

Двойное награждение. Елена Бережная и Антон Сихарулидзе, Джеми Сале и Давид Пеллетье, 2002 г., Солт-Лейк-Сити

Ирина Слуцкая и ее тренер Жанна Громова, 2002 г., Солт-Лейк-Сити

Майкл Фелпс, 2004 г., Афины

Александр Попов, 2004 г., Афины



Светлана Хоркниа, 2004 г., Афины

Евгений Плющенко, 2006 г., Турин

На трибунах хоккейного дворца, 2006 г., Турин

Церемония открытия Игр, 2008 г., Пекин

Анастасия Люкина, 2008 г., Пекин

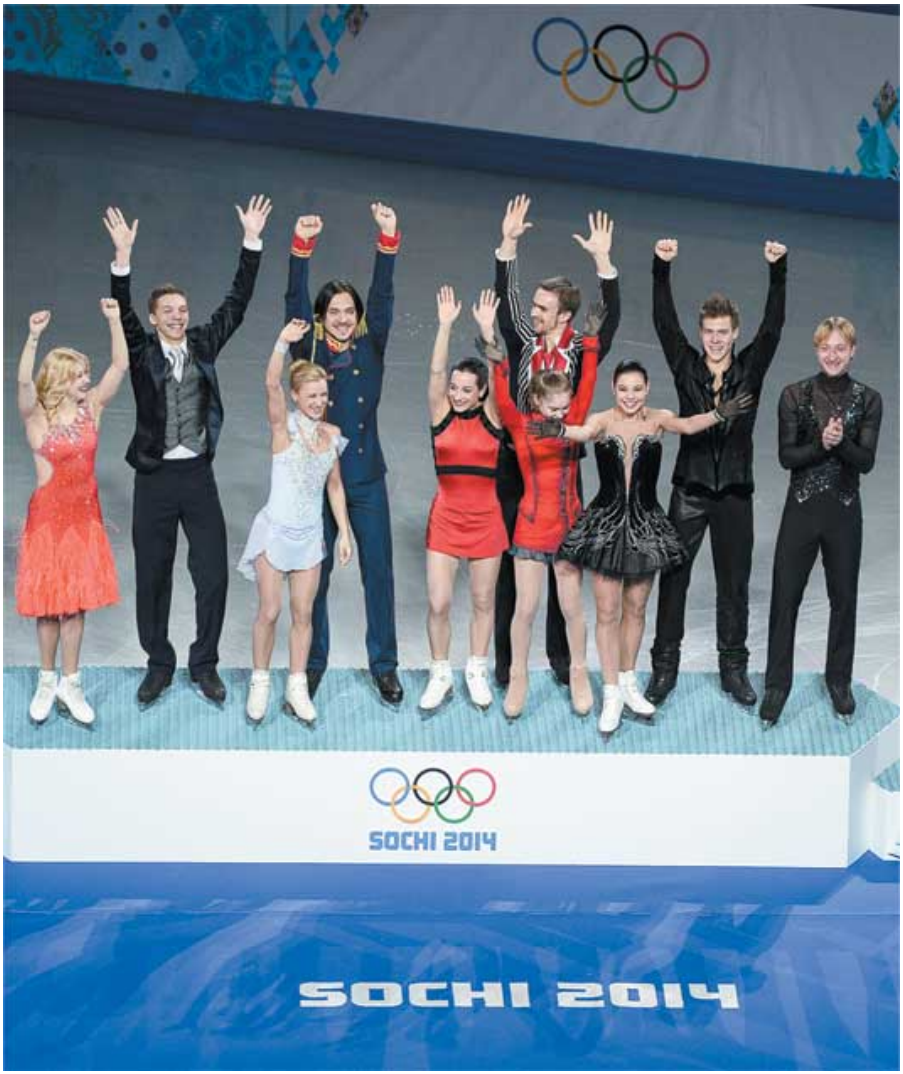
Елена Исинбаева, 2008 г., Пекин

Ольга Зайцева, 2010 г., Ванкувер

Болельщики сборной Канады, 2010 г., Ванкувер

Юлия Липницкая, 2014 г., Сочи

Аделина Сотникова, 2014 г., Сочи



Награждение победителей командного турнира по фигурному катанию, 2014 г., Сочи

Маргарита Мамун и Яна Кудрявцева, 2016 г., Рио-де-Жанейро

Евгения Медведева и Алина Загитова, 2018 г., Пхенчхан

Сборная России по хоккею, 2018 г., Пхенчхан

«А игроки сборной России стояли на льду и пели гимн. Во весь голос, наплевав на запреты.И все остальное не имело ровным счетом никакого значения…»